Че Гевара. Последний романтик революции

Юрий Павлович Гавриков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эрнесто Гевара де ла Серна, или просто Че, — легендарная личность, соратник Фиделя Кастро, человек, ставший для нескольких поколений идеалом борца за свободу и справедливость. Он погиб около 40 лет назад в маленькой боливийской деревушке, так и не успев осуществить свой грандиозный план всеамериканской партизанской войны против господства США в Южной Америке. За эти годы интерес к Че Геваре нисколько не ослабевает, напротив — даже растет. Кроме его прямых наследников — революционных партизан различных политических направлений, воюющих в разных точках планеты, — о нем помнят его бывшие и нынешние противники. О нем слагают песни, ему посвящают стихи, его портреты можно увидеть и в витринах фешенебельных магазинов Парижа, и на облупившихся стенах домов беднейших латиноамериканских деревень. Многие боливийские крестьяне сегодня почитают Че Гевару как святого. Но, несмотря на живейший интерес к Че Геваре и возрастающую популярность революционера-романтика, вызывает удивление почти полное безмолвие российских исследователей и журналистов.

Книга Ю.П. Гаврикова, написанная с большой любовью, станет заметным вкладом в изучение личности Че Гевары. Особенно важно отметить, что автор был лично знаком с легендарным героем, не раз встречался с ним на Кубе.

- Ю.П. ГАВРИКОВ
- ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
- Глава 1 ИСТОКИ
- Глава 2 ВНУКИ ОДНОЙ «БАБУШКИ»
- Глава 3 ОСТРОВ ЗАРИ БАГРЯНОЙ
- Глава 4 РОДНЫЕ ЛИЦА
- Глава 5 МЕЧТЫ, ПРИНЦИПЫ, ИДЕИ
- Глава 6 ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ
- Глава 7 ДИПЛОМАТ В ВОЕННОЙ ФОРМЕ
- Глава 8 РОСИНАНТ БЬЕТ КОПЫТОМ
- Глава 9 ПОЧЕМУ РАССТРЕЛЯЛИ ЧЕ?
- Глава 10 ЭХО ВЫСТРЕЛОВ В ИГЕРЕ
- Глава 11 «ВТОРАЯ РОДИНА» ПОМНИТ
- Глава 12 ЕГО ПОМНИТ ВЕСЬ МИР
- ПОСЛЕСЛОВИЕ
- ПРИЛОЖЕНИЯ
- БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131

- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175

- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219

- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263

- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307

- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351

- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392

Ю.П. ГАВРИКОВ
ЧЕ ГЕВАРА. ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК РЕВОЛЮЦИИ

…Я всегда любил мечтать и никогда не перестану, пока не остановит пуля… Че Гевара

Я думаю, что он был… самым совершенным человеком нашей эпохи. Сартр Ж.П.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В конце 1963 года на Кубу, где я работал советником посольства СССР, приехал известный советский латиноамериканист И. Р. Григулевич (Лавренский). Он собирал материал для своей книги «Культурная революция на Кубе». При моем содействии ученый посетил видных кубинских деятелей просвещения, литераторов, политиков. Ему очень хотелось познакомиться с одним из лидеров революции — Эрнесто Геварой. Зная о большой загруженности министра, я все же попытался...

— Юрий, сожалею, но очень занят, — сказал он со свойственной ему прямотой.

— Команданте (соответствует званию майора, в Повстанческой армии Кубы — высшее воинское звание, — *Ю.Г.*), — выложил я на стол последний «козырь», — это не просто ученый, а очень интересный человек и собеседник, бывший разведчик в странах Латинской Америки...

Гевара помолчал (видимо, рассматривая свой календарь), а потом быстро сказал: «Жду вас с ним завтра в час тридцать». Я не удивился, так как знал, что команданте принимает визитеров только после 12 ночи...

Иосиф Ромуальдович очень был доволен встречей и особенно беседой. Сам много рассказывал собеседнику о своих латиноамериканских похождениях...

В 1965 году, когда я снова приехал на Кубу, на этот раз в краткую командировку, мне сказали, что Гевары в стране нет. Я посетил его семью, передал привезенные детям и супруге Эрнесто московские подарки. На мой вопрос о нем неразговорчивая Алеида, жена Эрнесто, сказала, что он в очень ответственной загранкомандировке... Через три года я прилетел в Гавану, чтобы освещать для АПН Международный конгресс культуры. В советскую делегацию входил и мой друг Григулевич, сообщивший, что пишет о Че Геваре, погибшем в Боливии, книгу в серию «Жизнь замечательных людей» и что он собирается встретиться на Кубе с отцом Эрнесто и его другом А. Гранадос.

Вскоре я уехал на работу в Перу, куда мне привезли подаренную Иосифом книгу «Че Гевара» с дарственной надписью: «Милому Юре Гаврикову, геваристу и партизану добрых дел; на добрую память от Иосифа». При встрече в Москве он, поблагодарив меня, сказал, что «если бы ни ты, этой книги не было бы. Надо было тебе о нем писать, хотя бы воспоминания».

Как будто телепатический отзвук этого пожелания привел

меня на работу в посольство СССР в Лиме, где среди других коллег по дипкорпусу оказался мой старый приятель с Кубы (теперь ее посол в Перу) Антонио Нуньес Хименес. Мы частенько вспоминали с ним общих друзей и знакомых с Острова. Антонио, капитан Повстанческой армии, воевавший под началом Че Гевары и хорошо знавший его, любил рассказывать о своем друге. Многое из этих рассказов сохранилось в моей памяти, что также явилось побудительным началом для написания этой книги.

Но это удалось сделать значительно позднее: жизнь вносила свои коррективы в наши планы и мечты. После Перу была командировка в Колумбию, где я близко столкнулся с последователями революционного мечтателя (о чем расскажу в этой книге).

И вот уже сама судьба повелела исполнить завет моего друга Иосифа: московское издательство «Вече» предложило мне писать книгу об «аргентинском кубинце», незабвенном Че.

Первоначальное сомнение (было много написано о нем) быстро прошло. Ведь о Геваре, да и то весьма поверхностно, знает только старшее поколение россиян. С момента выхода той же книги Григулевича (Лаврецкого) прошло почти 35 лет.

К тому же за эти годы появилось много ранее неизвестных фактов и материалов. Некоторые были недоступны для рядового читателя. Но больше всего меня убедил мой личный «эксперимент»: на вопрос «Что вы знаете о Че Геваре?», задаваемый моим студентам, в лучшем случае звучал ответ: «Кажется, какой-то кубинец, по-моему, революционер»(!)

И это при том, что Гевара остается кумиром для простых тружеников, для демократической интеллигенции за рубежом.

Об этом мы говорили и с его дочерью Алеидитой в Москве осенью 2003 года.

Его образ в последние годы переживает «второе пришествие» и стал бессмертным. Об этом же и слова его соратника и друга Фиделя Кастро: «Пример Че переживет его самого, потому что он живет реальной жизнью, как будто мы ощущаем физическое присутствие Че, с его идеями, поступками, достойными подражания. Он оставил после себя глубокий след и уважение среди людей не только в Латинской Америке, но и в Европе, и повсюду в мире»[1].

Все это и побудило автора создать как можно более объективное жизнеописание «героического партизана», как называют Че Гевару кубинцы. Что получилось из этого намерения, судить читателю.

P.S. Книга имеет приложения, состоящие из некоторых выступлений, статей и писем Э. Че Гевары. Большинство из них

еще не публиковались на русском языке (перевод с испанского — Юрия Гаврикова).

Глава 1 ИСТОКИ

Чилийско-боливийская граница. В небольшой бар при контрольно-пропускном пункте зашли двое мужчин средних лет. В руках у одного, который постарше, небольшой чемоданчик-«дипломат». Они заказали виски со льдом и стали молча пить. Через минут десять один из них стал нервно посматривать на часы. Спустя некоторое время в бар, где кроме упомянутых посетителей никого не было, вошел высокий мулат и сел за соседний столик. Встретившись взглядом с упомянутыми посетителями, он обворожительно улыбнулся и, приподняв свой стакан, сказал: «За ваше здоровье!» и тут же добавил: «Я пью тот же виски, что и сеньоры...»

Аргедас-старший (а это был он, А. Аргедас, бывший министр внутренних дел Боливии, со своим младшим братом, вызвавшимся проводить его до границы) понял, услышав эти условные фразы от мулата, что это кубинец Рикардо, которого они поджидали. Тот, продолжая болтать какую-то чепуху о пользе виски, пересел за их столик. Улучив подходящий момент, он тихо спросил у министра, прошел ли он уже пограничный контроль. Получив утвердительный ответ, мулат заторопился: «А я еще нет, счастливого вам пути!» При этом он невозмутимо прихватил стоявший на полу «дипломат» Аргедаса и вышел...

(Через несколько дней СМИ Боливии распространили сообщение о бегстве за рубеж министра внутренних дел этой страны Антонио Аргедаса, одного из наиболее доверенных людей президента Барриентоса).

Запомним этот факт и перенесемся в боливийскую сельву (джунгли) ноября 1966 года, где готовятся события, которые призваны потрясти весь континент, а возможно и весь мир. В это время самолетом из Сан-Пауло (Бразилия) в столицу Боливии Ла-Пас прибыл некто Адольфо Мена. В его удостоверении было указано, что он является специальным уполномоченным Организации американских государств, собирающим информацию о социально-экономических отношениях в сельских районах Боливии. В кармане «уполномоченного» лежал также паспорт на имя уругвайского коммерсанта Рамона Мена Гонсалеса. На вид ему было лет пятьдесят: седой, с залысинами, в толстых роговых очках, в ладно сидящем костюме и при галстуке. Упомянутое удостоверение с датой 3 ноября 1966 года давало его обладателю право свободно перемещаться по всей стране.

Но какое отношение имеет этот сеньор к герою нашего повествования? Самое прямое, ибо под столь неузнаваемой

личиной в эту высокогорную андскую страну тайно въехал Эрнесто Че Гевара (!) Внешность была изменена настолько, что его не узнала даже собственная семилетняя дочь, когда он заехал в Гавану попрощаться с женой и детьми. Отец приласкал ее, погладил по голове. После его ухода дочь спросила у матери: «Он что, влюбился в меня, этот старик?»

Гевара, или Рамон, как он стал теперь называть себя, вскоре перебирается на приобретенное заранее ранчо «Каламина». Там, у реки Ньякауасу, предстояло организовать партизанский лагерь-базу для развертывания очага новой партизанской войны на континенте.

7 ноября 1966 года Че делает первую запись в своем Дневнике, который он будет вести изо дня в день на протяжении почти года, до самой своей гибели в местечке Ла-Игера. Прочтем хотя бы часть этой записи:

«...Ночью прибыли на ранчо. Поездка прошла в целом хорошо. Мы с Пачунго, соответствующим образом изменив свою внешность, приехали в Кочабамбу[2] и встретились там с нужными людьми. Затем за два дня добрались сюда на двух «джипах» — каждый порознь.

Не доезжая до ранчо, мы остановили машины... чтобы не вызывать подозрений у одного из соседних крестьян, который поговаривает, что мы наладили якобы здесь производство кокаина. В качестве курьеза отмечу, что неутомимого Тумаини он считает химиком нашей шайки... Прошли пешком около 20 километров, добираясь до ранчо, где уже находятся три партийных товарища...»[3].

После смерти Гевары этот документ войдет в историю под названием «Боливийский дневник». Фотокопию его страниц и передал министр Аргедас кубинцам (помните сцену в баре на чилийско-боливийской границе?), причем безвозмездно, «из патриотических побуждений». Послушаем его самого:

«Из бесед с североамериканскими чиновниками, — говорил он на суде после своего добровольного возвращения на родину, — я установил, что правительство США хотело... дать дневнику майора Эрнесто Гевары собственную версию и внести значительные изменения в оригинал с целью оправдать многостороннюю вооруженную агрессию против Кубы и массовые репрессии внутри страны...» И далее: «Я убедился, что моя родина в значительной степени лишилась национального суверенитета и что спецслужбы США в Боливии всемогущи»[4].

Высший военный трибунал, судивший Аргедаса, не вынес никакого решения по его делу, а самого обвиняемого освободил. Год спустя в него стреляли неизвестные из машины. Он был

ранен. По выходе из госпиталя попросил политического убежища в мексиканском посольстве. Оттуда выезжает в Мексику, а позднее — на постоянное жительство в Гавану.

А несколько ранее Фидель Кастро выступил по гаванскому телевидению, представив фотокопии дневника Че, а также других документов, захваченных боливийскими властями при его пленении. Он сообщил всему миру о попытках армейского командования Боливии продать иностранным издательствам Дневник чуть ли не за миллион долларов[5].

Убедившись в подлинности «Боливийского дневника», кубинское руководство решило опубликовать его большим тиражом на Кубе для бесплатного распространения, а также безвозмездно передать зарубежным издательствам копию этого документа для его опубликования за границей. А президент Боливии генерал Барриентос был вынужден признать, вопреки своим первоначальным «опровержениям», что Гавана действительно располагает подлинными фотокопиями документов Эрнесто Гевары.

Но на этом боливийским властям и их «вдохновителям» не удалось поставить точку. В июле 1970 года команданте Фидель пошел дальше. Но прежде чем рассказать об этом, поговорим о том, кто был Че Гевара, каково его происхождение, как он появился на Кубе и почему сражался за ее свободу...

В 1961 году министра революционного правительства команданте Гевару посетила делегация советских журналистов. Я сопровождал делегацию. По просьбе гостей Че рассказал о семье, о своем детстве, студенческих годах, поделился воспоминаниями о родной аргентинской земле. По ходу его рассказа, благо мне не нужно было переводить (это прекрасно делал его преподаватель политэкономии из Москвы, баск по национальности, И. Мансилья), я делал некоторые заметки, по которым буду цитировать министра.

«Отец мой, — вспоминал Че, — аргентинец в одиннадцатом поколении, кстати, тоже — Эрнесто Гевара, в котором течет испанская и ирландская кровь. О последней свидетельствует фамилия моей бабушки по отцу — Линч. Она из тех ирландцев, которые вели освободительную борьбу против английского господства и были вынуждены бежать в Аргентину. Там они после долгих скитаний и упорного труда стали весьма зажиточными землевладельцами. Муж упомянутой бабушки (заметим, самой любимой для Че. — *Ю.Г.*), по образованию землемер, занимал видный пост в аргентинском правительстве. Их старший сын, Эрнесто, уже не был богат и учебу на архитектора совмещал с работой, часто менял профессии, пытался стать

предпринимателем, но преуспел мало».

В этом месте наш собеседник остановился, стал раскуривать большую гаванскую сигару, к которым он пристрастился в годы повстанческой войны на Кубе. Лицо его приобрело задумчивое выражение. Еще раньше мне доводилось слышать о глубокой любви, какую испытывала к нему, своему первенцу, его мать, и что Эрнесто платил ей тем же. Поэтому я интуитивно почувствовал, о ком сейчас заговорит команданте... Конечно, о ней, Селии де ла Серна, «моей старушке», как ласково, на латиноамериканский манер, звал маму Че.

«Она принадлежала к старинному аргентинскому роду. Вышла замуж за моего отца в 1927 году, за год до моего рождения. Вслед за мной появились еще две сестры и два брата».

— В детстве вас тоже звали Че? — поинтересовался один из гостей.

На лице анфитриона появилась лукавая, столь типичная для него улыбка.

— Нет, в детстве меня звали Тэтэ (уменьшительное от Эрнесто) или Чанчо (по-русски поросенок. — *Ю.Г.*) за то, что я часто бегал чумазым и в испачканной одежде. Что касается слова «че», то оно у нас, аргентинцев и уругвайцев, служит междометием, меняющим свою окраску в зависимости от интонации говорящего. За постоянное употребление этого слова мои кубинские соратники прозвали меня Че...

Мне оставалось только сожалеть, что рассказчик, далеко не любитель говорить о своей персоне, так и не поведал гостям, что в ходе партизанской войны на Кубе это прозвище стало его боевым псевдонимом, который люди во всем мире добавляют теперь к его имени и фамилии — Эрнесто Че Гевара. Он опустил также еще одну любопытную деталь: на банкнотах, выпущенных Национальным банком революционной Кубы, стояла подпись его первого президента в виде слова «Че».

«В отличие от отца, — продолжал Гевара после этого небольшого отступления, — мать всегда интересовалась политикой, страстно любила книги, научила меня читать в 4 года, и я тоже пристрастился к чтению. (Их сосед Х. Агилар был поражен, увидев в руках у читавшего подростка Эрнесто книгу с трудами философа Фрейда. — *Ю.Г.*). Она была моей первой учительницей, так как я из-за болезни два года занимался дома и пошел в школу сразу в четвертый класс»...

Пыхнув сигарой, он с улыбкой добавил: «Мы с ней всегда были «партизанами». Будучи антиперонисткой, она не побоялась произнести на площади, где собирались адепты генерала Перона, речь с разоблачением его лживых обещаний... Продолжала она

манифестировать и в полицейском участке, куда ее привез молодой лейтенант полиции. Успокаивая ее, он сказал: «По-моему, сеньора, Вы не поняли, что мы просто хотели спасти вам жизнь, вас бы там просто могли разорвать!» И с этими словами он отпустил уже немолодую женщину домой»...

«Наш дом, — вспоминал министр, — был открыт для всех оппозиционных веяний. Среди друзей моих родителей было много эмигрантов из франкистской Испании, в том числе доктор Хуан Гонсалес Агилар, наш сосед, бывший заместитель главы республиканского правительства. Моя мать вместе со мной возила его детей в колледж в г. Кордова на своей машине. Отец и мать оказывали всяческое содействие национальному комитету помощи республиканской Испании. Частым гостем у нас был генерал Хурадо, рассказы которого о перипетиях гражданской войны я слушал мальчишкой с большим интересом...»

Опять же все очень кратко и с большими «купюрами». Поэтому добавим, что в доме у семьи Гевара была большая библиотека в несколько тысяч томов: художественная литература (даже книги русских классиков), труды по истории, философии, психологии. Были работы Маркса, Кропоткина, Ленина. Особое место занимали книги известных поэтов — Бодлера, Гарсии Лорки, Пабло Неруды. Эрнесто не только любил поэзию, но и сам сочинял стихи. К одному из них, написанному накануне экспедиции на яхте «Гранма», мы вернемся несколько позже. В его рюкзаке вместе с упоминавшимся «Боливийским дневником» была обнаружена тетрадь с его любимыми стихами.

Беседа с журналистами продолжалась далеко за полночь, была выпита не одна чашка крепчайшего кубинского кофе. Неожиданно команданте прервал свой рассказ и нагнулся под стол, как будто искал там что-то. Он сидел на торце длинного стола, я — по правую руку от него. И вот тогда я впервые увидел, как серьезно болен Че: спрятавшись под стол, чтобы не смущать гостей, с помощью ингалятора он боролся с приступом астмы (!)

Чтобы выяснить причины столь серьезного заболевания, предоставим слово его отцу:

«Я хорошо запомнил этот день — 2 мая 1930 года. С женой и маленьким Эрнестито мы поехали купаться в открытом бассейне. День выдался холодным (ведь в Южном полушарии это был уже конец осени), дул резкий ветер. Видимо, сильно охладившись, Тэтэ стал сильно кашлять. Врач определил астму, приступы которой у него стали повторяться по ночам. По совету врачей мы переехали в город Кордову, расположенный в предгорьях Кордильер.

Несмотря на недуг, старший сын очень любил спорт: играл в

регби, футбол (правда, в основном стоял в воротах), увлекался конным спортом и даже планеризмом. Но основной его спортивной страстью был велосипед: он никогда, даже будучи мальчишкой, не был домоседом.

Однажды одиннадцатилетний Эрнесто в компании с восьмилетним братом Роберто забрались в кузов грузовика и укатили за восемьсот километров от Кордовы. Но гораздо больше треволнений доставлял нам наш первенец, когда стал совершать свои велосипедные вояжи по континенту. Тем более что со свойственным ему презрением к опасности мог прислать домой письмо в стиле «черного юмора»: «Если через месяц не получите от меня вестей, значит, сожрали крокодилы или мою голову засушили индейцы хибаро и продали ее американским туристам».

«Правда, — продолжает дон Эрнесто, — Тэтэ всегда говорил, что у него, как у кошки, семь жизней. Помню, как неожиданно для всех нас пришло письмо под Новый, 1959 год, накануне вступления Повстанческой армии Фиделя, где находился и наш сын, в Гавану. Эрнесто писал нам: «Дорогие старики! Самочувствие отличное. Израсходовал две (жизни, это означало, что он был дважды ранен в боях. — *Ю.Г.*), осталось — пять. Продолжаю работать (эта фраза, видимо, для конспирации. — *Ю.Г.*). Вести — редкие, так и будет впредь. Однако уповайте, чтобы бог был аргентинцем. Крепко обнимаю вас всех[6].

К рассказанному старшим Геварой хотелось бы добавить об увлечении Эрнесто шахматами, тем более что тому свидетелем автор был сам. В 1939 г. одиннадцатилетний Тэтэ жадно читает сообщения о ходе международного шахматного турнира в Аргентине. Он болеет за кубинца Хосе Р. Капабланку против Мигеля Найдорфа и Александра Алехина (первого, как и всех евреев, проживавших в Аргентине, считали поляком, а второго — французом. — *Ю.Г.*). Че говорил мне, что шахматы для него всегда были лучшим отдыхом, хотя времени на них почти никогда не оставалось. Конечно, он не мог пропустить такую возможность, как приезд на Кубу после победы там революции международных гроссмейстеров из СССР В. Смыслова, Б. Спасского, М. Таля, своего земляка М. Найдорфа и др. Он всегда принимал участие в их сеансах одновременной игры. Частенько достигал ничейного результата, а у М. Таля даже выиграл партию. Для молодого чемпиона мира, по-видимому, это было таким шоком, что он стал (я присутствовал при этом. — *Ю. Г.*) вытирать слезы.

По воспоминаниям близких людей, Эрнесто обладал решительным и волевым характером. Никогда не стеснялся признаться в своих недостатках, был не просто самокритичен, но

порою беспощаден к самому себе. Человек предельно искренний, он не терпел ложь и условности мещанской морали.

Как-то, молодым студентом, он был приглашен на вечеринку в один богатый дом, где «угощали» разглагольствованиями дядюшки-политикана. Услышав от него утверждение, что-де победа над нацизмом — это заслуга английского премьера Черчилля. Эрнесто громко хихикнул и сказал: «Черчилль — это английский бульдог. Он добивался лишь сохранения империи в интересах королевского дома да кучки денежных мешков», Так как дядюшка не нашелся, что ответить дерзкому юноше, он, оглядев его, заметил, что «брюки можно было бы надеть и поприличнее». «Брюки как брюки, — невозмутимо парировал Эрнесто, — у меня, кроме этих, еще одни есть, но только более старые»[7].

Но еще больше ненавидел он несправедливость в любом ее проявлении. В двенадцатилетнем возрасте, с согласия родителей, он подрядился собирать виноград у одного землевладельца в течение месяца. Из-за приступа астмы он попросил расчет за проработанные дни, но хозяин заплатил ему только за половину проделанной работы. Эрнесто клокотал от гнева и просил отца поехать на плантацию и «набить рожу этому скотине»[8].

Это была не единственная попытка молодого Гевары поддержать материально себя и семью. Увлекаясь химией, он составил порошок для борьбы с вредителями растений. Стал расфасовывать в пакеты под торговой маркой «Ураган» продавать владельцам хозяйственных магазинов. Но прогорел. Позднее он признается: «Я, как и мой отец, в бизнесе слаб»[9].

Можно без преувеличения сказать, что у Че на протяжении всей его жизни было весьма развито понимание социального неравенства. Во время его путешествия по Перу один местный плантатор щедро и гостеприимно угощал его «будущего доктора», в своем доме, где для Эрнесто был приготовлен ночлег. Хозяин имел неосторожность неуважительно отозваться о своих работниках-индейцах. Молодой аргентинец поблагодарил за угощение и решительно отказался ночевать в хозяйском доме, добавив: «Лучше уж я пойду ночевать в барак к индейцам!»[10].

Особенно эта черта Гевары проявлялась, когда он облачался в белый халат медика. Находясь проездом в чилийском городе Вальпараисо, по просьбе знакомых он осматривает бедную старушку-астматичку. Вот что он записал в своем дневнике после ее посещения:

«Именно в последних минутах существования тех, для кого каждый следующий день — предел мечтаний, особенно отчетливо постигается трагедия трудящихся всего мира...» И далее: «У

оказавшихся в нищете не существует отца или матери, есть только плохо скрываемая агрессивность по отношению к тем, кто не может больше содержать себя... Властям следовало бы... гораздо больше расходовать средств на создание лучших социальных условий»[11].

Некоторые биографы Гевары считают, что решение пойти учиться на медфак университета было принято им после смерти любимой бабушки Аны. Действительно, вспоминая об этом, Эрнесто говорил о том ощущении бессилия, которое овладело им, когда он увидел ее угасание.

И все же он решил стать врачом, а не инженером, как того хотел его отец, в первую очередь в силу тех своих качеств, о которых говорилось выше. Именно эти черты его характера побуждали его к врачебной деятельности, чтобы исцелять не только людей, но и общество, в котором они живут. О социальной направленности медицинских «штудий» Гевары говорит и выбранная им специальность лепролога, так как лепра (по-русски проказа) — это болезнь обездоленных.

В связи с этим уместно задаться вопросом: насколько молодой Гевара был «связан» с политикой? Предельно ясно на этот вопрос отвечает его отец в своих воспоминаниях:

«Во время господства Перона в Аргентине существовало множество подпольных боевых организаций, выступавших против диктатуры. В одной из таких организаций некоторое время участвовал и я. На глазах у Тэтэ в нашем доме фабриковались бомбы для защиты от полицейских во время демонстраций. Однажды сын сказал: «Папа, разреши мне помогать тебе, иначе я начну действовать самостоятельно»... Тэтэ был в те годы демократом и антифашистом, но стоял несколько особняком от политических битв того времени. Разумеется, учитывая его болезнь, я не толкал его к более активному участию в политике...»[12].

Все это, бесспорно, влияло на формирование в последующем главной цели жизни Гевары — служить трудящимся и обездоленным. Но для реализации подобной цели нужно было поглубже познакомиться с жизнью простых людей, их чаяниями, заботами, условиями труда. А этому, как ничто другое, способствуют путешествия. Организованные чем примитивнее, тем лучше для закалки духа и укрепления выносливости и здоровья. И первый большой план — в одиночку пересечь на велосипеде солончаковую степь Салинас Грандес, иногда именуемую Аргентинской Сахарой, имея при себе лишь 0,5 л воды.

На первой остановке, около группы кактусов, Эрнесто делает

запись в дневнике:

«Все утверждают, что моя затея невозможна. Но текущая в моих жилах славная смесь Ирландии с Испанией намертво уперлась именно в пол-литра воды. Пора ехать дальше!»[13].

И снова нас поражает необычность поведения совсем еще юного паренька: несмотря на его тяжелый недуг, он не только «как все», но впереди, совершает поступки, которые не под силу, пожалуй, даже бывалому мужчине. Кстати сказать, Че никогда не был сторонником насилия как такового, вопреки бытующему мнению о нем, всегда старался мирно решать любые конфликты. Его друг Альберто вспоминал, как на танцах в одном городке, куда они приехали с Эрнесто, тот увлекся молодой метиской. Когда они вышли во двор подышать воздухом, на него кинулся муж партнерши с пустой бутылкой в руках. Че ловко вырвал бутылку и примирительно сказал: «Извини, старина, я не знал, что она замужем». Заговорив об этом с Альберто на привале, Эрнесто предложил ему дать друг другу обещание «не заигрывать с женщинами на народных гуляньях»[14].

Практичен он не по возрасту. Увидев, что его мопед дышит на ладан и, зная о высокой цене рекламы, велосипедист на последние деньги публикует в журнале открытое письмо фирме мопедов «Микрон»:

«Господа, направляю на проверку мопед вашей марки. На нем я совершил путешествие в четыре тысячи километров по двенадцати провинциям Аргентины. Мопед на протяжении всего путешествия функционировал безупречно, и я не обнаружил в нем малейшей неисправности. Надеюсь получить его обратно в таком же состоянии»[15]. Фирма «Микрон» предоставила Эрнесто новый мопед и частично покрыла расходы, связанные с путешествием.

Но при всей активности Эрнесто, его неуемной энергии далеко не каждый сверстник находил с ним общий язык. Это удалось, пожалуй, только медику из лепрозория Альберто Гранадосу, старше его на шесть лет. Послушаем, что Гранадос вспоминает о своем младшем друге:

«С Че я познакомился еще в 1941 году, когда ему было 13 лет. Мой брат Томас учился с ним в одном классе в колледже. Нас сдружила страсть к чтению и любовь к природе. Я стал частым гостем в доме Гевары, где имелась прекрасная библиотека... Че быстро постиг все премудрости жизни на лоне природы. Научился быстро разжигать костер, сооружать из ветвей шалаш... Разумеется, в те далекие годы нам и в голову не приходило, что ему придется когда-либо воспользоваться опытом юного робинзона для партизанской борьбы.

Мы, конечно, знали, что в начале XIX века наши патриоты вели партизанские действия против испанцев. Знали о партизанской войне крестьянских вожаков во время мексиканской революции, борьбе против интервентов-янки генерала Сандино... Мы восторгались подвигами советских партизан в тылу немецких войск... Но никто из нас, включая Че, тогда не предполагал, что и у нас это возможно... Однако мы не стояли в стороне от политической борьбы. Наоборот. По всей стране студенты принимали в ней самое активное участие. Мы считали себя антиимпериалистами и антифашистами, боролись против Перона, устраивали забастовки, демонстрации, дрались с полицией...»[16].

Переехав вместе с родителями в Буэнос-Айрес (1945 г.), Эрнесто поступает на медицинский факультет Национального университета, стажируется в институте аллергических болезней у доктора Писани (предсказывавшего большое научное будущее для своего ученика) и подрабатывает в муниципальной библиотеке. В каникулы Гевара непременно посещал Кордову, где навещал в лепрозории своего друга Миаля (слово из начальных слогов двух испанских слов — «Ми Альберто», мой Альберт. — *Ю.Г.*).

В 1951 году Альберто Гранадос планирует путешествие по странам Южной Америки, чтобы поближе познакомиться с жизнью народов этих стран, а также собрать материалы для книги о работе местных лепрозориев. Эрнесто с восторгом принял предложение друга сопровождать его в этой поездке.

Вот что вспоминал Миаль об этом путешествии:

«Естественно, денег у меня на такую поездку не было, но зато был транспорт — старый мотоцикл, который я постоянно чинил. Что касается расходов на пропитание, то этот вопрос меня особенно не волновал: я рассчитывал на случайные заработки, а также на солидарность моих коллег — врачей в лепрозориях...

29 декабря, нагрузив нашего «коня» всевозможной хозяйственной утварью, палаткой, одеялами, вооружившись автоматическим пистолетом и фотоаппаратом, мы двинулись в путь, пока в Чили... Ночевали в поле или в лесу. Хуже было с едой... На хлеб насущный пришлось зарабатывать «в поте лица своего». Мы мыли посуду в ресторанах, лечили крестьян, выступали в роли грузчиков, ветеринаров, матросов... Эрнесто все больше увлекался проблемой лечения проказы... Вид этих несчастных прокаженных, отверженных близкими и обществом, вызывал в нем живейшее участие, он думал посвятить свою жизнь их лечению...»

Недалеко от чилийской столицы мотоцикл Альберто сломался окончательно. Соорудив над ним «саркофаг» в виде

шалаша, друзья пешком пошли на север, к чилийско-перуанской границе. В Перу их интересовали жизнь и быт потомков великих инков — тамошних индейцев, а также археологические памятники этой древней цивилизации, особенно Мачу-Пикчу.

(Когда автор работал в Перу, ему довелось познакомиться с развалинами этого города-крепости, названного путешественниками «перуанским чудом», и с расположенным неподалеку городом Куско, бывшей столицей империи инков. Здания инкские зодчие возводили из тщательно подогнанных друг к другу каменных глыб, между которыми не проходит даже лезвие бритвы. Купальни, водоемы, водостоки и прочие сооружения зачастую вырубались прямо в скалах.)[17].

Неудивительно, что молодые путешественники были поражены увиденным. Предоставим слово Альберто Гранадос:

«Этот мертвый город (Мачу-Пикчу. — *Ю.Г.*) нам казался полным жизни. Само его существование вселяло в нас веру в светлое будущее наших народов. Мы были убеждены, что потомки строителей крепости рано или поздно сбросят с себя оковы векового рабства и, конечно, при нашем самом деятельном участии...»[18].

Любопытно, что в ответ на слова Миаля о желании создать партию индейцев и привезти ее на Побережье (по-испански Коста. — *Ю.Г.*) для голосования за него, будущего лидера индоамериканских народов, Че бросает реплику: «Революция без выстрелов?! Ты с ума сошел!»[19].

И, как всегда, друзья не проезжали мимо лепрозориев. О посещении двух из них рассказывает Миаль в своей книге «С Че по Южной Америке», вышедшей в Гаване на испанском языке в 1986 году. В первом, расположенном высоко в горах, его основатель доктор Песче не только показал больных и рассказал о процессе их лечения, но и пригласил молодых коллег в дом на ужин, во время которого зашел также разговор о книге Песче про жизнь и культуру индейцев, с которой гости уже были знакомы. И вот здесь происходит весьма многозначительная сцена для понимания взглядов и характера Гевары.

На вопрос хозяина, как они оценивают упомянутую книгу, Альберто, хотя и сдержанно, но похвалил ее. Когда Песче повторил тот же вопрос персонально для Эрнесто, тот поднял глаза от блюда, долго смотрел на автора и... не сказал ничего. Во время прощания, уже на пороге дома, когда Песче шутливо пообещал не выпустить их, пока Гевара не выскажет своего мнения о книге, Че ответил: «Видите ли, доктор, Ваша книга плоха. Разве только описание пейзажа, но и оно ничего не добавляет к уже сказанному другими. К тому же не верится, что

истинный профессор-марксист, которым Вы являетесь, единственно, что он видит негативного в жизни индейца, — это его психология… Это — пессимистическая книга, не похоже, что она написана ученым и тем более коммунистом»[20].

Оставшись наедине, Гранадос стал отчитывать младшего друга за нетактичное поведение: «Старик накормил нас, помог приобрести билеты, дал денег, встретил тепло, и единственно слабое место его, что он — графоман, а ты его прямо по лицу отстегал, говнюк». С выражением боли на лице Эрнесто, ненавидевший лицемерие и ложь, отвечает другу: «Разве ты не видел, как я не хотел высказываться о книге!» Другого варианта для Че не существовало…

Комментируя этот случай, Альберто писал:

«Че был не из легких попутчиков. Он был острым, даже язвительным на язык, и скучать мне с ним не приходилось. В пути, бывало, мы с ним ссорились и ругались по пустякам. Но он, впрочем, как и я, не был злопамятен, быстро остывал, и до следующего «конфликта» мы путешествовали в мире и согласии. И все-таки он был идеальным напарником. Несмотря на свой недуг, он разделял со мной по-братски все тяготы путешествия и не разрешал себе каких-либо поблажек и скидок на болезнь. В трудностях проявлял завидное упорство и если брался за какое-нибудь дело, то обязательно доводил его до конца»[21].

Не менее гостеприимно путешественники были встречены коллегами в небольшом местечке на реке Амазонке, Сан-Пабло. Там им даже была предоставлена возможность участвовать в лечении прокаженных, применить психотерапию. В этих целях аргентинцы организовали из больных футбольную команду, устраивали другие спортивные состязания, охотились в их компании на обезьян, беседовали с ними на самые разнообразные темы.

Больные искренне привязались к молодым медикам. Пытаясь хоть как-то отблагодарить их, пациенты построили для них плот, чтобы добраться до колумбийского порта Летисии, тоже расположенного на берегах Амазонки. В честь дружбы Аргентины с другими латиноамериканскими народами они назвали плот «Танго-Мамбо» (первый любят танцевать аргентинцы, а второй танцуют по всей Латинской Америке). Спустя несколько лет Гевара, находясь в Мехико, получит бандероль из Перу, в которой будет пачка фотоснимков о пребывании Альберто и Эрнесто в Сан-Пабло.

Некоторые фото напомнили ему посещение на охоте амазонских индейцев, как они с Альберто ели жаркое из молодой обезьянки (на деревянном блюде она походила на

новорожденного ребенка) и пили домашнюю брагу «масато». На вопрос, как делается этот напиток, хозяин привел их в хижину-«кухню», где группа молодых и старых беззубых индианок жевала куски местного корнеплода юки и выплевывала разжеванную массу в большой чан, затем из этой массы выжимали сок, и он бродил до необходимой кондиции (даже бывалого доктора Гранадос чуть было ни вырвало!).

А пока друзья-аргентинцы плывут на плоту по Амазонке и так увлечены фотографированием и любованием дикой природой на ее берегах, что не заметили, как проплыли колумбийский порт назначения и пристали к большому острову, оказавшемуся уже бразильской территорией.

Так как плыть на плоту обратно, против течения, было делом безнадежным, путешественники приобретают лодку, отдав за нее «Танго-Мамбо» и все свои скудные сбережения. Вид у них по прибытии в Летисию был настолько непрезентабельный, что местная полиция сажает обоих за решетку. Правда, выручила друзей их национальность. Узнав, что арестованные прибыли из футбольной страны Аргентины, начальник полиции, фанат футбола, обещает их освободить при условии, что некоторое время они потренируют местную футбольную команду, которой предстояло участвовать в районном чемпионате.

Но в столице страны, Боготе, их снова из-за недоразумения и неприятия Геварой несправедливости взяли под стражу. На одной из площадей города Эрнесто стал чертить на земле план предстоявшей им с Альберто поездки по городу. Причем чертил здоровым ножом для разрезания бумаги, который он всегда носил с собой. Стоявший неподалеку постовой решил проявить бдительность (в стране имела место уже много лет крестьянская вооруженная борьба — «виоленсия», неспокойно было и в Боготе: уличные перестрелки, нападения на банки и полицейские участки). На вопрос стража порядка, что они делают, Эрнесто ответил: «Какое ваше дело?» Полицейский отобрал нож и привел друзей в полицию. Там Гевара словесно сразился уже с унтер-офицером, который пообещал «сгноить их в участке». Медики сумели дать знать о себе друзьям-колумбийцам, а те — аргентинскому консулу. Последний и посоветовал, «прежде всего, как аргентинец, а потом и дипломат», немедленно убираться из страны, так как располагал сведениями о желании полицейского начальства без лишнего шума расправиться «с бунтарями». Извинившись перед полицией, консул посадил, за счет посольства, земляков на автобус рейсом до пограничного с Венесуэлой города Кукута. Там они перешли международный мост и вскоре добрались до столицы страны, Каракаса.

Вскоре интересы путешественников разделились. Альберто не только получил предложение работать в местном лепрозории, но и познакомился со своей будущей женой, венесуэлкой Хулией. Но Эрнесто нужно было возвращаться в Буэнос-Айрес, чтобы сдать 12 экзаменов и завершить университетское образование. Дело было «за малым» — где взять денег на дорогу? И вдруг улыбнулась удача: Гевара случайно встречает в Каракасе дальнего родственника-бизнесмена, переправлявшего партии закупленных лошадей самолетом. Он предложил Эрнесто сопровождать очередную партию из Каракаса до Майами (США), а оттуда вернуться самолетом, который порожняком летел до Буэнос-Айреса. И даже дал немного карманных денег.

Но надо знать любознательного путешественника, каковым был Гевара. В Майами он задержался на целый месяц, где жил впроголодь, коротая время в местной библиотеке. Еще раньше юноша написал в одном письме, что «библиотечные бдения — самый дешевый способ растраты свободного времени»[22].

В Буэнос-Айресе студент-дипломник пишет работу о проблемах аллергии и в течение пяти месяцев один за другим сдает двенадцать (!) экзаменов. И вот долгожданный диплом доктора-хирурга, специалиста по дерматологии, полученный им в марте 1953 года. Радость ненадолго омрачила повестка о призыве на службу в армию. Он не был бы самим собой, если бы согласился служить, как он говорил, «в армии горилл». Медик знает, что надо делать: Эрнесто принимает ледяную ванну и с сильнейшим приступом астмы является на врачебную комиссию. Результат — белый билет.

В одном из его неопубликованных писем (они хранятся в Комиссии по увековечению памяти Э. Гевары в Гаване) я прочитал такое признание Че по этому поводу: «Мои дырявые легкие однажды сослужили мне добрую службу».

Теперь Эрнесто свободный, уважаемый человек, к которому окружающие должны обращаться, добавляя слово «доктор». К тому же Миаль сообщает из Каракаса, что договорился о месте врача с окладом в 800 американских долларов в том же госпитале, где работает он сам. Но друг не спешит за солидным (особенно по тем временам. — *Ю.Г.*) жалованьем. Кстати, он уже успел отказаться и от «теплого» исследовательского местечка в клинике своего учителя профессора Писани. Молодого врача снова тянет побродить по городам и весям континента, все больше увлекают раздумья о судьбах народов, там живущих. И вот он снова в Перу. Отметив день своего рождения, он записывает 14 июня 1953 года:

«Я верил, а после этой поездки верю еще более твердо, что

разделение нашей Америки на условные и иллюзорные национальности целиком является фикцией. Мы составляем одну целую метисскую расу, которая от Мексики до пролива Магеллана демонстрирует очевидные общие этнографические черты... Поэтому пью за Перу, за Единую Америку и за день «Сан-Гевары»[23]. (Заметим, что об этом мечтал еще великий освободитель Симон Боливар, что созданные им «молодые государства когда-нибудь составят штаты одной великой Республики Америка».)[24].

С этим латиноамериканским идеалом Гевара приезжает в Боливию. Его крайне интересует, есть ли какой-либо прогресс в объединительном движении именно в этой стране, где год назад произошла народная революция. И вот первое серьезное прозрение — он становится свидетелем продажности политиканов, предательства интересов трудового люда, особенно коренного населения — индейцев, составляющих 80% всех граждан. Подтверждением тому служат наблюдения гватемальского историка Мануэля Галича:

«Революционная этика к тому времени (он пишет о 1953 г. — *Ю.Г.*) уже была полностью отброшена, даже при том, что еще не был столь заметным недуг, который ее подтачивал изнутри... Боливийская революция скончалась, будучи отравленной «хорошим политическим компаньоном» (США. — *Ю.Г.*)[25].

Об этом же Геваре говорил в беседе с ним, которую организовали друзья Эрнесто, и будущий президент Венесуэлы Ромуло Бетанкур. Че назовет его «политиком с некоторыми твердыми социальными убеждениями в голове»[26].

В этих условиях Че просто не мог упустить первую же возможность поближе познакомиться с подлинными (если только, конечно, они есть где-либо на континенте) патриотами. Нужно признать, что штурм казарм Монкада в том же 1953 году на Кубе из-за неопределенности газетных сообщений прошел для него практически незамеченным. А тут вдруг смелые демократические преобразования в Гватемале. Их проводило правительство патриотически настроенного полковника Хакобо Арбенса, которое проявило невиданную смелость, национализировав часть земель американской «Юнайтед фрут компани».

Это для США уже было «слишком». Они начали готовить интервенцию в Гватемалу. Во главе наемников был поставлен гватемальский офицер Кастильо Армас (по странному совпадению его фамилия с испанского переводится как «оружие». — *Ю.Г.*), еще в 1950 году поднявший мятеж против Арбенса и бежавший в Гондурас. Армас имел радиосвязь с американским послом в Гватемале, ежемесячно получал от него 150 тысяч

долларов на содержание наёмников, ему были предоставлены несколько самолетов (в то время у Гватемалы не было ВВС. — *Ю.Г.*). Официальные круги Вашингтона обвинили президента Арбенса в пособничестве Компартии и не скрывали своего участия в подготовке агрессии. 20 сентября Армас писал диктатору Сомосе в Никарагуа: «Друзья сообщили мне, что Северное правительство (США. — *Ю.Г.*) признало невозможность решения иными путями острых проблем моей страны и разрешило нам (подчеркнуто мною. — *Ю.Г.*) осуществление наших планов»[27].

Гевара незадолго до этих событий познакомился в Боливии с молодым аргентинским адвокатом Рикардо Рохо, который намеревался, заручившись рекомендательными письмами, устроиться в Гватемале. Он приглашал поехать туда и Эрнесто. Но тот отказался и продолжал поездку через Перу (озеро Титикака, снова Куско), Эквадор, Панаму, Коста-Рику (в столице г. Сан-Хосе познакомился с группой кубинских подпольщиков, участников борьбы с диктатором Батистой, рассказавших ему о поражении при штурме казармы Монкада) ...

А что же происходило в Гватемале лет за десять до приезда туда молодого Гевары? Там в октябре 1944 года началась революция. Организаторами выступления были уже знакомый нам капитан гватемальской армии Хакобо Арбенс и его товарищ и политический деятель Хорхе Ториэльо. Повстанцы при активном содействии солдат захватили казармы и начали вооружать народ. Победа досталась не просто: только в столице было убито более тысячи человек[28]. Власть в стране перешла в руки военно-гражданской хунты. Диктатор Убико уехал за границу, выслана из страны и большая группа генералов вместе с министрами свергнутого правительства. Первыми шагами хунты был разрыв отношений с режимом Франко в Испании и восстановление отношений с правительством Испанской республики, находящимся в эмиграции в Мексике. На президентских выборах в декабре 1944 года победил националист Х. Аревало (Хакобо Арбенс стал военным министром), практически не имевший никакой социально-экономической программы. Но и он стал нежелательным лицом для местных олигархов и их покровителей в США. За шесть лет правления Аревало в стране было раскрыто более 30 заговоров и мятежей, инспирированных посольством Соединенных Штатов или американской «Юнайтед фрут компани»[29].

Гватемальская армия не претерпела тогда серьезных кадровых изменений. Офицерский корпус в основном состоял из отпрысков богатых семей. Аревало боялся армии и старался не

вступать в конфликт с ее генералитетом. И только с избранием президентом Хосе Арбенса (ноябрь 1950 г.) в истории гватемальской революции начинается новый этап. Он характеризуется «попытками более глубокого, революционного подхода к путям развития страны, началом структурных изменений социально-политической системы»[30].

Теперь Эрнесто чувствовал, что надо спешить в Гватемалу. В компании с несколькими аргентинскими товарищами в декабре 1953 года, попутными машинами он добирается до города Гватемалы, столицы одноименного государства. В кармане у него письмо от знакомого из Лимы к перуанской революционерке Ильде Гадеа. Она была наполовину индианка (или «чола», как говорят в Перу), экономист по образованию, объявлена вне закона диктаторским правительством генерала Одриа за деятельность в левом крыле партии националистов. Ильда была сторонницей Арбенса и работала в Государственном институте развития народного хозяйства. С ее помощью Гевара поселяется в пансионате «Сервантес», заполненном политэмигрантами из стран Латинской Америки. О том, какое впечатление произвел на нее аргентинский врач, мы расскажем позже, а пока перенесемся в гущу гватемальских событий.

И здесь, в Гватемале, Эрнесто снова встречается с соратниками Фиделя Кастро (судьба?). Все — будущие участники экспедиции «Гранмы». Они рассчитывают на победу гватемальской революции, на то, что она сможет изменить соотношение сил в странах Карибского бассейна, в том числе на Кубе. Это была революция националистического толка и уж, конечно, никоим образом не связанная, как утверждала западная пресса, с Москвой.

(*Прим. авт.*: Осенью 1963 года я беседовал с экс-президентом Арбенсом в гаванской гостинице «Капри», где он проживал тогда, на правах политэмигранта, с женой и дочерью. На мой вопрос о характере революции в его стране в 1954 году он дал именно указанную выше характеристику, добавив с грустной улыбкой, что, свершись она сейчас, после победы революции на Кубе, он пошел бы дальше. «Я не скрывал и тогда своих контактов с компартией. Но глупо говорить о моем правительстве как о «коммунистическом», когда, созданная за три года до известных событий, эта партия имела в своих рядах лишь несколько сотен членов и была представлена в парламенте всего четырьмя депутатами.)

В июне 1954 года вооруженные до зубов наемники Армаса (800 человек, из которых только 200 были гватемальцами) вторглись на территорию Гватемалы. Их военные самолеты

начали бомбить столицу и стратегические объекты в стране. И хотя правительство располагало 6 — 7-тысячной армией, на начальной стадии был дан приказ уклоняться от сражений с интервентами. Интервенции в Гватемалу предшествовало ухудшение настроений в кругах высшего офицерства этой страны. Опасаясь ослабления своего политического влияния, руководство армии создало даже специальный совет для изучения мер по восстановлению своего контроля над всеми военизированными организациями страны (в том числе полиции). Принимая во внимание почти открытый саботаж со стороны военных, Арбенс дал согласие на формирование народной милиции, состоявшей из учителей, рабочих-транспортников, строителей и прибывших в столицу крестьян.

Эти меры правительства ускорили его падение. 27 июня был совершен государственный переворот и Арбенс подал в отставку. До этого президент Арбенс, поддержанный патриотически настроенными политиками, обратился с жалобой в ООН, надеясь мирными средствами урегулировать конфликт.

В этих условиях трудящиеся потребовали вооружить народ, президент не пошел на эти меры, зато отдал приказ войскам перейти к решительным действиям. Интервенты были изгнаны, но это была скорее не победа, а урок для ЦРУ, которое стало действовать иначе. Посол США Перифуа предложил гватемальскому генералитету направить Арбенсу ультиматум и потребовать отставки президента, а в противном случае — пригрозить ему свержением. Не выдержав нажима, Арбенс передал власть командующему вооруженными силами Диасу и укрылся в мексиканском посольстве, откуда вскоре уехал за границу[31].

И хотя заговорщики обещали для отвода глаз уважать свободу и жизнь граждан и продолжать борьбу против наемников, не было выполнено ни одно из этих обещаний, начались расстрелы сторонников свергнутого президента. Это стало суровым опытом и для Эрнесто Гевары. Он принял всем сердцем гватемальскую революцию: горел желанием с оружием в руках сражаться на стороне революционеров. Молодой аргентинец призывает создать ополчение, вооружить трудящихся, принять решительные меры против реакционеров... Наконец он просит, чтобы его отправили в район боев, однако со стороны властей — никакого внимания. Тогда он добровольно пристраивается к солдатам противовоздушной обороны столицы, помогает перевозить оружие, несет караульную службу среди пожаров и под бомбежками. А до интервенции Гевара предлагал министру здравоохранения направить его в самую отдаленную провинцию

Гватемалы врачом, но тот отказал (бюрократы везде одинаковы!), сославшись на необходимость «подтверждения» его аргентинского диплома, которое может продлиться полгода.

Все это не осталось незамеченным спецслужбами США, которые в те дни заносят Эрнесто в список «опасных коммунистов», подлежащих ликвидации после свержения Арбенса. Узнавший об этом аргентинский посол разыскал своего соотечественника в пансионате «Сервантес» и посоветовал срочно перебраться к нему в посольство. Там уже собралось много аргентинцев, кубинцев и гватемальцев, сочувствовавших Арбенсу. Вопреки предложению посла вернуться в Буэнос-Айрес, Гевара принимает решение уехать в Мексику, куда уже направились его новые латиноамериканские друзья, готовые продолжать борьбу в другом месте. Молодой врач в беседах с ними и со своей новой подругой Ильдой все время возвращался к теме поражения революции, много думал о причинах этого поражения. Поэтому когда он случайно в Мехико встречает старого знакомого Ильды, генсека компартии Гватемалы Хосе Фортуни, со свойственной ему прямотой ведет с ним следующий разговор:

«Че: Почему же ваши товарищи не стали бороться тогда?

Фортуни: Ситуация складывалась очень сложная, и мы решили, что будет лучше оставить все и уйти в предгорье и оттуда продолжать борьбу, и мы уже стараемся ее продолжать...

Че: Наверное, лучше было бы сражаться, имея власть в руках, это совсем другое дело.

Фортуни (*обиженно*): Что вы хотите сказать?

Че: Именно это. Если бы президент Арбенс, покидая столицу, направился бы в глубь страны с группой истинных революционеров (*Прим. авт.*: Эрнесто, вероятно, вспомнил в этот момент, как он рвался на прием к Фортуни в Гватемале, чтобы предложить свои услуги в пользу революции, но не был принят), были бы другие перспективы для борьбы. К тому же официальное положение президента превращало бы его в символ и моральный стимул...»

— Фортуни помолчал и сухо распрощался, — вспоминала Ильда[32].

Правда, когда он обратится к Геваре, кубинскому министру, тот посодействует переезду Фортуни на Кубу и поможет найти работу в Гаване.

И все же грешили против правды те журналисты (я уж не говорю о сотрудниках ЦРУ), которые еще в Гватемале считали Эрнесто Гевару коммунистом. Послушаем, что он сам говорил по этому поводу в интервью своему земляку журналисту Хорхе Рикардо Масетти:

«...Еще не было такого американского корреспондента, который не стал бы расспрашивать меня о моей деятельности в рядах Гватемальской коммунистической партии, — они считали доказанным, что я состоял в этой партии только потому, что я был и остаюсь решительным сторонником демократического правительства полковника Хакобо Арбенса».

Но такое признание не исключало новой, более высокой ступени в революционном формировании аргентинского медика. Предоставим ему слово:

«После Гватемалы я понял главное: для того, чтобы стать революционным врачом (пока только врачом. — *Ю.Г.*), прежде всего, нужна революция. Ничего не стоят изолированные, индивидуальные усилия, чистота идеалов, стремление пожертвовать жизнью... борьба в одиночку в каком-нибудь захолустье Америки (*Прим. авт.*: Вспомните эти слова Че, когда будете читать о его сражениях в Боливии: он и там не менял своих убеждений, рассчитывал на широкую народную поддержку!) против враждебных правительств и социальных условий, препятствующих продвижению вперед»[33]. Позднее Эрнесто напишет для аргентинского журнала большую статью о Гватемальской революции. Ее полный текст будет воспроизведен в сборнике «Вот шагает защитник Америки», изданном его отцом в Буэнос-Айресе.)

С этими или подобными им мыслями едет Гевара в Мексику, где он договорился встретиться со своей перунской подругой Ильдой. Та проходила проверку в полиции, куда на нее и Эрнесто «настучала» их кухарка, член правой католической организации, ратовавшей за интервенцию. Подкупив в тюрьме охранника, Ильда покидает место заключения и успешно пересекает мексиканскую границу.

Глава 2 ВНУКИ ОДНОЙ «БАБУШКИ»

Итак, благословенный красавец Мехико. В середине 50-х годов он не был таким гигантским мегаполисом, каким увидел его позднее автор этой книги, но и тогда, думаю, он мог свободно потягаться с Буэнос-Айресом. Правда, это не признает ни один аргентинец, как правило, считающий свою столицу «Парижем Американского континента». Не встречаем мы каких-либо восторженных оценок о городе ацтеков и в письмах или дневниках у Гевары. Но это скорее объясняется не националистической ревностью, а озабоченностью бытом эмигранта.

В Мехико ни у Эрнесто, ни у его попутчика Патохо не было ни друзей, ни знакомых. К счастью, они познакомились там с пуэрториканскими эмигрантами. Один из них, Хуан Хуарбэ, сдавший им скромную комнатку, был видным деятелем Националистической партии, выступавшим за независимость Пуэрто-Рико, острова, превращенного янки в свою колонию. Хуан рассказывал молодым квартирантам об этапах борьбы своей партии. О том, как они даже открыли пальбу на сессии американского конгресса. Их партия была объявлена вне закона и на острове, и в самих Соединенных Штатах. А ее лидер Альбису Кампос начал отбывать длительное заключение в каторжной тюрьме.

Небольшая горстка этих бесстрашных патриотов, бросивших вызов огромной державе, их горячая вера в правоту своего дела, идеализм, искренность, мужество — все это не может не вызвать симпатию и восхищение у Гевары.

На квартире у Х. Хуарбэ проживал также молодой перуанец и политэмигрант Лючо де ла Пуэнте. Он мечтал о революции в Перу, надеялся со временем поднять на борьбу с диктатором Одриа индейские массы. Позднее он станет горячим сторонником Кубинской революции и возглавит партизанский отряд в одном из горных районов у себя на родине где погибнет на два года раньше Че в бою с подразделением «рейнджеров» (специальные части по борьбе с партизанами, или «зеленые береты». — *Ю.Г.*).

Поначалу Эрнесто и его новый друг гватемальский коммунист Хулио Касарес (Эль Патохо) стали зарабатывать на хлеб с помощью купленного на последние деньги Гевары фотоаппарата (автор видел таких горе-фотографов, незаметно щелкающих камерой и выслеживающих вас до дома, чтобы позднее прийти к вам и начать уговаривать купить их произведение «фотоискусства»). Попытался Че устроиться и

журналистом, для чего даже написал статью «Я видел свержение Арбенса», но попытка не увенчалась успехом. Стал торговать вразнос книгами местного издательства. Но ему и самому хочется знакомиться с новинками. Чтобы иметь свободное время и доступ к книгам, он нанимается ночным сторожем на книжную выставку, где «глотает» одну книгу за другой. Наконец Эрнесто получает по конкурсу место в аллергическом отделении городской больницы.

Из Гватемалы приехала Ильда. Они поженились. Надо было работать еще больше, тем более что в феврале 1956 года родилась дочь Ильдита, названная в честь матери.

Гевара был благодарен вдвойне мексиканской земле. В интервью журналу «Сьемпре» он скажет: «Мы могли зарегистрировать нашу дочь как перуанку — по матери или как аргентинку — по отцу. И то и другое было бы логично: мы находились в Мексике как бы проездом. Тем не менее, мы с Ильдой решили зарегистрировать ее как мексиканку в знак признательности и уважения к народу, который приютил нас в горький час поражения и изгнания»[34]. В этих словах не только благодарность, но и восхищение народом, который добился определенных свобод не только для себя, но и для иностранцев. На фоне многочисленных «пронунсиамиенто» (государственных переворотов. — *Ю.Г.*) в Латинской Америке мексиканская революция десятых годов XX века выглядела довольно серьезной акцией. И, забегая вперед, отметим, что даже в условиях жесткого давления со стороны США Мексика несколько лет оставалась единственным государством на континенте, «осмелившимся» сохранить дипломатические отношения с революционной Кубой.

Подробно об этом факте мне говорил в Гаване известный публицист, а тогда и министр иностранных дел Кубы Рауль Роа, мексиканская эмиграция которого совпала с пребыванием в Мехико Гевары. Запомнилась его меткая характеристика Че:

«Он казался (и был) очень молодым. Его образ запечатлелся в моей памяти: ясный ум, аскетическая бледность, астматическое дыхание, выпуклый лоб, густая шевелюра, решительные суждения, энергичный подбородок, спокойные движения, чуткий, проницательный взгляд, острая мысль, говорит спокойно, смеется звонко... Мы говорили об Аргентине, Гватемале (он еще остро переживал поражение демократов там) и Кубе, рассматривали их проблемы сквозь призму Латинской Америки. Уже тогда Че возвышался над узким горизонтом креольских национализмов и рассуждал с позиций континентального революционера»[35].

Для того чтобы при такой «континентальности» взглядов Гевара обратил особое внимание (как это было с Гватемалой) на какую-либо отдельную страну, нужен был побудительный фактор,

например, встреча с людьми из этой страны, готовыми активно защищать идеалы свободы и независимости. Судьба предоставила ему такую возможность.

...Жаркий июньский вечер 1955 года в Мехико. В городской муниципальной больнице дежурный врач принимает поздних пациентов. В кабинет входит один из них и, увидев врача, удивленно восклицает: «Эрнесто! Это ты?! Как ты сюда попал?».

Гевара узнает в посетителе кубинского друга по гватемальским перипетиям Ньико Лопеса. После окончания приема они надолго засели пить «матэ»[36] в ординаторской. Ньико рассказал, что в городе уже собралось много кубинцев, его товарищей по неудавшемуся нападению на казармы Монкада. Теперь они замышляют вооруженную экспедицию на Кубу.

Сообщая об этой встрече Ильде, Эрнесто скажет: «Эти чудаки неисправимы!». И все же он проявил большой интерес к рассказу друга, а тот обещал познакомить его с Раулем Кастро, младшим братом Фиделя, сумевшим ускользнуть от батистовцев в Мексику.

Они встретились через несколько дней и остались довольны друг другом. Че скажет позднее Ильде: «Мне кажется, что этот не похож на других. По крайней мере, говорит лучше других, кроме того, он думает»[37]. Теперь Эрнесто в курсе кубинских событий последних лет — эпопеи Монкады, других выступлений «Движения 26 июля», суда над участниками штурма казарм, содержания известной речи на этом суде Фиделя Кастро, его заточения в тюрьму на острове Пинос (Куба). Он даже в курсе некоторых деталей биографии Фиделя. Например, Рауль рассказал ему, как Фидель, еще пятнадцатилетним парнишкой, подговаривал выступать за свои права рабочих на плантациях отца.

В своих повстанческих планах Ф. Кастро не фантазировал: он опирался на богатый опыт освободительной борьбы его соотечественников за свою независимость, которая продолжалась почти полвека. Они даже свергли в 1933 году диктатора Мачадо. Другое дело, что у его сподвижников, студентов, молодых рабочих, ремесленников, учащихся старших классов, не было ни политического опыта, ни четкой программы. Но их всех объединяла любовь к родине и ненависть к диктатору Батисте. Они были готовы идти за своим лидером: он хорошо знал историю Кубы, великолепно ориентировался в политике и юриспруденции, что доказал и в своей знаменитой речи на суде (Фидель отказался от услуг адвоката и защищал себя сам. Его последняя фраза в выступлении на процессе против штурмовавших казармы Монкада стала потом всемирно известной — «История меня оправдает!»).

И вот кубинский лидер в Мехико, куда приехал из Нью-Йорка, где собирал деньги среди кубинских эмигрантов на финансирование будущей антибатистовской экспедиции. Перед этим Батиста под давлением общественного мнения был вынужден объявить амнистию в стране.

Фидель и Че встретились в Мехико в доме 49 по улице Эмпаран, где проживала кубинка Мария-Антония, бывшая замужем за мексиканцем. Ее родной брат, подпольщик, был подвергнут пыткам сатрапами Батисты и, эмигрировав в Мексику, вскоре скончался. Мария-Антония предоставила свою небольшую квартиру в распоряжение земляков-революционеров. Там находился штаб фиделистов.

...А пока перенесемся с вами в Гавану 1961 года. Ко мне в посольство как-то пришла кубинка средних лет, немного полноватая, но подтянутая. Я не помню уже ее фамилии, но запомнил несколько необычное имя — Мария-Антония. Она интересовалась поездкой на учебу в Советский Союз ее племянницы.

Спустя некоторое время на одной из выставок научной книги я беседовал с приехавшим на открытие команданте Геварой. Увидев среди посетителей одну женщину, он прервал наш разговор:

— Пойдем, Юрий, я тебя познакомлю с нашей бабушкой...

Я был немало удивлен, когда министр стал обнимать женщину, которая недавно приходила ко мне в посольство. Мария-Антония приветливо улыбнулась и сказала Геваре, что мы знакомы...

— Я и не сомневался: все красивые женщины Гаваны знакомы с Юрием! — лукаво улыбаясь, пошутил Че. Когда его знакомая оставила нас одних, Гевара сказал серьезно:

— Поговори как-нибудь с ней, она может многое рассказать из нашей революционной истории.

— А почему «бабушка»? — поинтересовался я. Гевара весело рассмеялся:

— Дело в том, что в ее доме в Мехико была наша конспиративная квартира. Мы все, кто готовился к отплытию на «Гранме», говорили «пойдем к бабушке», «встретимся у бабушки», а потом это перекликалось и с названием нашей яхты: «Гранма» на английском тоже означает «бабушка»... Мы все, экспедиционеры, — внуки одной «бабушки»... Так что не забудь мой совет, — прощаясь, сказал Че.

Как я мог забыть и упустить такую возможность. Заинтересовал идеей послушать женщину, стоявшую у истоков Кубинской революции, корреспондента «Правды» в Гаване и

моего приятеля Тимура Гайдара. И вот мы втроем сидим на балконе-террасе моей гаванской квартиры, пьем коктейль «Куба-либре» (ром с кока-колой), и Мария-Антония рассказывает: «Фидель прибыл в Мехико в июле 1955 года. Рауль сообщил ему о знакомстве с молодым аргентинским врачом, защищавшим гватемальскую революцию, и посоветовал с ним встретиться. Че и Фидель разговаривали в моем доме около 10 часов, я только успевала подавать им кофе. Помню, что Фидель объяснял Геваре, почему он решил начать боевые действия в провинции Орьенте... Когда я подала им первую чашку, он, кивнув в мою сторону, сказал: «Это — наша покровительница, ее брата убили батистовцы...»

Тимур спросил у Марии-Антонии, какое впечатление на нее произвел тогда Гевара. Собеседница на мгновение задумалась, потом стала вспоминать:

«Когда он вошел в дом и мне его представили, я подумала, что, в отличие от своих землячек (я знала некоторых из них), аргентинцы-мужчины всегда красавцы. Че был еще молодой, выглядел парнишкой по сравнению с Фиделем, хотя у них разница в возрасте всего в два года (вы, наверное, знаете, что Фидель с 1926-го, а Эрнесто — с 1928 года). ...Запомнились его глаза — умные и очень проницательные: в них отражалась большая сила и воля. Но когда Че заговорил со мной, взгляд его стал добрым, мягким, хотя и слегка лукавым (посмотрите на фото, где он снят с женщинами!)... О его тогдашних взглядах мне трудно говорить, так как я не принимала участия в его беседах с моими товарищами. Последние жили и питались в моей квартире, были всегда страшно рады, когда я готовила какое-нибудь наше национальное блюдо. Главным конкурентом в этом деле частенько выступал Фидель, умевший хорошо приготовить, скажем, «морос и кристианос» (в переводе — «мавры и христиане», т.е. черная фасоль с белым рисом. — *Ю.Г.*) и многие другие блюда кубинской кухни...».

Долго еще продолжалась наша беседа с кубинской патриоткой.

Что касается впечатления Фиделя Кастро от встречи с Че, то он весьма самокритично отмечал, что в тот период Гевара «имел более зрелые по сравнению со мной (Фиделем. — *Ю.Г.*) революционные идеи. В идеологическом, теоретическом плане он был более продвинутым. По сравнению со мной он был более передовым революционером»[38].

Послушаем и Гевару:

«Я беседовал с Фиделем всю ночь. К утру я уже был зачислен врачом в отряд предстоящей экспедиции. После пережитого во

время моих скитаний по Латинской Америке и гватемальского финала не требовалось много, чтобы толкнуть меня на участие в революции против любого тирана. К тому же Фидель произвел на меня впечатление исключительного человека. Он был способен решать самые сложные проблемы. Он питал глубокую веру, был убежден, что, отправившись на Кубу, он достигнет ее. Что, достигнув ее, он начнет борьбу, что, начав борьбу, он добьется победы. Я заразился его оптимизмом...»[39].

Но при всем своем романтизме мечтателя Гевара по натуре еще и глубокий аналитик, уже в те годы он взвешивает и размышляет:

«Победа, — вспоминал он об упомянутой выше первой беседе с Фиделем, — казалась мне сомнительной, когда я только познакомился с командиром повстанцев». Другое дело, что при этом Че не считал таким уж плохим делом «умереть на берегу чужой страны за столь возвышенные идеалы»[40].

И молодой врач принимает решение — помочь «на чужом берегу» людям стать свободными, коль скоро на своей родине пока нет для этого условий. Прощаясь с Фиделем после беседы, Че скажет ему: «Можешь рассчитывать на меня. Тебе потребуется врач...»[41].

Что касается родины Гевары, президент Аргентины Перон, в оппозиции к которому находилась вся семья Че, осенью 1955 года был свергнут. Но кем?! Опять же генералитетом...

(Автор именно в эти дни прибыл в Буэнос-Айрес на работу в советское посольство, по долгу службы общался с этими новыми правителями аргентинской земли — и с президентом генералом Арамбуру, и с его вице, контр-адмиралом Рохасом. Помню, как по поручению посла я выражал соболезнование последнему в связи со смертью одного высокопоставленного чиновника. Цепочка иностранных дипломатов медленно проплывала мимо вице-президента, тот внимательно и приветливо выслушивал слова каждого. Когда при моем приближении протокольщик, стоявший у него за спиной, пробормотал название моей страны, Рохаса передернуло, на лице появилась гримаса как от чего-то гадливого и опасного. Усилием воли он заставил себя вложить в мою протянутую руку два пальца (не преувеличиваю!), тут же поспешил выдернуть их и учтиво повернулся к следовавшему за мной бельгийскому советнику... Вскоре в стране было введено осадное положение. Принимались другие жесткие меры в борьбе с инакомыслием).

Поэтому хотя новые власти и предложили аргентинским политэмигрантам вернуться в страну, Гевара отказался, не веря в возможность серьезных изменений в Аргентине в сложившихся

условиях. Кстати, это еще одно свидетельство взвешенности каждого решения Че, что бы ни говорили его критики...

Приступая к подготовке экспедиции, ее руководители во главе с Фиделем Кастро должны были решить целый комплекс сложнейших задач. Причем в условиях строжайшей конспирации: в Мексике шныряли не только батистовские ищейки, но и агенты доминиканского тирана Трухильо, опасавшегося перенесения «пожара» с Кубы на соседний с ней остров Гаити, часть которого занимает подвластное ему государство.

Необходимо было сделать многое. Собрать в одном месте будущих участников экспедиции, проверить и законспирировать их. Приобрести оружие, корабль, провиант, амуницию, медикаменты. Наконец, заранее обеспечить поддержку отряду на Кубе после высадки. Дня этого была достигнута договоренность об одновременном с ним выступлении сторонников Фиделя под руководством его соратника Франка Паиса в г. Сантьяго (тоже в провинции Орьенте).

Правда, при всей сложности стоявших задач подобная акция не была чем-то неизведанным в истории Латинской Америки. Еще в XIX веке кубинские патриоты, борясь с испанскими хозяевами своего острова, предпринимали подобные экспедиции. Имелся такой опыт и у борцов за свободу в Доминиканской республике (40-е гг. XX века), в Никарагуа, Венесуэле и др. Причем во всех таких экспедициях участвовали и латиноамериканцы из других республик. Так что предстоящее участие в кубинском «предприятии» аргентинца Эрнесто Гевары было в духе давних традиций народов континента...

Будущие экспедиционеры живут дружной семьей. Еще совсем молодые, полные жизненных сил, они не пропускают любой возможности отметить чей-либо день рождения, праздник. И в этих случаях заводилой был Фидель. Ильда Гадеа вспоминала, как они с Эрнесто и другими товарищами отмечали, например, Рождество в 1955 году.

«Фидель сам приготовил рождественского поросенка (это блюдо — молочный поросенок на вертеле или мангале — такая же традиция у кубинцев в ночь перед Рождеством, как у многих других католиков — индейка. — *Ю.Г.*) и свою любимую черную фасоль с рисом. Отварили также юку в соусе. За ужином он строил планы в отношении постреволюционной Кубы. Кто-то тихо заметил: «Сначала надо прибыть на Кубу». «Да, это верно», — тихо вздохнул размечтавшийся «повар»[42].

Но они не теряли бодрости духа. Готовились и не унывали. К серьезной подготовке, начавшейся в январе 1956 года, некоторые из них, в том числе Гевара, приступили еще в 1955 году. Главным

образом это касалось физической закалки. «Сделать легкими мускулы», — говорил врач Эрнесто, и они совершали восхождения в горы. Он даже отменил традиционный аргентинский биф по утрам и вообще ел меньше. Опыты с аллергией пришлось поменять на занятия в физкультурном зале — борьба, баскетбол. По вечерам, как всегда, много читал, особенно экономическую литературу, по таким вопросам, как планирование, инвестиции, сбережения, инфляция. Но не забывает будущий партизан и об укреплении духа. Приятель с книжного склада дает книги советских авторов — «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Как закалялась сталь» Н. Островского и «В окопах Сталинграда» В. Некрасова.

Значительно сложнее была задача подыскать знатока «герильи» (партизанской войны), да еще надежного человека, который бы мог обучить бойцов тактике такой войны, всесторонне подготовить их к партизанской жизни.

(*Прим. авт.*: Перенесемся, читатель, снова на Кубу, куда летом 1960 года только что прибыло первое советское посольство — несколько дипломатов, в том числе и ваш покорный слуга. Поначалу нас разместили в 20-этажном отеле «Гавана либре», где на 18-м этаже мы жили и работали. В один из первых дней, когда мы начали принимать там посетителей, меня посетил пожилой мужчина с седой «шкиперской» бородкой. («Совсем не похож на кубинца», — пронеслось у меня в голове.) Его молодцеватая выправка и очень аккуратная одежда выдавали в нем военного человека. Действительно, он представился полковником республиканской Испании Альберто Байо, проживающим на Кубе в качестве политэмигранта. Он интересовался возможностью приобретения советских изданий в переводе на испанский или другие европейские языки по военным вопросам и по истории войн, которые вела Россия и позже СССР. Я пообещал полковнику послать соответствующий запрос в Москву и попросил зайти ко мне через пару месяцев. Во время следующего визита Байо я передал ему несколько книг, изданных на испанском издательством «Прогресс», а он подарил мне свои работы, на одной из которых был заголовок: «Как я готовил экспедицию «Гранмы»... Увидев мое недоумение, полковник скромно заметил: «Дела давно минувших дней — в Мехико я немного помогал моим кубинским друзьям» и поспешил презентовать... небольшой сборник своих стихов (!)

Байо оказался удивительно интересным человеком. Мы с ним стали часто встречаться. Он рассказывал мне про годы гражданской войны в Испании, о своей жизни и о дружбе с кубинскими повстанцами. Позволю себе привести некоторые

выдержки из его рассказов.

Родился Альберто в 1892 году в испанской семье на Кубе (тогда еще принадлежавшей Испании. — *Ю.Г.*). В Испании он окончил офицерское училище, воевал в Марокко. Одновременно с военной занимался и литературной деятельностью: писал стихи и рассказы об армейской жизни. В гражданскую войну сражался с франкистами, руководил подготовкой партизанских групп. После поражения республиканцев эмигрировал сначала на Кубу, а потом в Мексику, где стал мексиканским гражданином и владельцем мебельной фабрики. Служил инструктором в военной школе. В 1955 году Байо выпустил в Мехико своеобразную энциклопедию партизанского искусства — «150 вопросов партизану»...

Он стал своего рода ценной находкой для Фиделя Кастро и его товарищей, эдаким «подарком судьбы». Причем дон Альберто хотя и запросил для солидности 8 тысяч долларов, но в итоге не взял с молодых патриотов ничего. Более того, он продал свою фабрику и вырученные деньги передал своим кубинским ученикам.

Я узнал об этом не от него и как-то в беседе с полковником поинтересовался мотивами такого поступка. «Ничего особенного: на священное дело не жалко, да еще таким самоотверженным людям», — просто ответил он.

Для начала дон Альберто приобрел в гористой местности, неподалеку от Мехико, ферму «Санта-Роса» для базирования и тренировочных занятий, которые он вел сам, людей Фиделя. Байо был неутомимым и строгим комендантом лагеря. Он требовал от своих учеников физической закалки, воздержания от алкоголя и вообще строжайшей дисциплины и конспирации. Бывший партизан обучал их маскировке, тайным передвижениям, стрельбе, метанию гранат, изготовлению взрывчатых смесей, караульной службе, засадам. В любую погоду, до предела навьюченные грузом, бойцы совершали изнурительные переходы в горах... Как же все эти навыки пригодились им на Кубе!

От соратников Гевары я знал, что Эрнесто серьезно и ответственно воспринимал партизанскую науку. Но мне хотелось услышать (меня всегда интересовал этот удивительный человек) об этом от самого учителя:

«Че всегда подавал пример дисциплины, наиболее четко выполнял все задания. Он был самым способным моим учеником, и я всегда выставлял ему высший балл — 10», — сказал Байо. Немного подумал и добавил: «В известной степени он был моим коллегой: тоже обучал товарищей, правда, как врач: лечить переломы и раны, делать инъекции, предлагая себя в качестве «подопытного кролика»).

Такого мнения придерживались и сами бойцы, товарищи Эрнесто. Вот что вспоминал один из них, Карлос Бермудес: «Занимаясь вместе с ним на ранчо «Санта-Роса», я узнал, какой это был человек — всегда самый усердный, всегда преисполненный самым высоким чувством ответственности, готовый помочь каждому из нас... В то время я еле-еле умел читать. А он мне говорит: «Я буду учить тебя читать и разбираться в прочитанном...» Однажды мы шли по городу, он неожиданно зашел в книжный магазин и на те небольшие деньги, что были у него, купил мне две книги — «Репортаж с петлей на шее» и «Молодую гвардию»[43].

Судя по высказываниям такого рода, Гевара выполнял в лагере, в известной степени, функции политрука. Говорю об этом с некоторой осторожностью, потому что никогда не слышал об этом ничего из уст самого Че. Хотя об этом свидетельствуют, скажем, слова другого бойца — Дарио Лопеса: «Че сам подбирал в нашу небольшую библиотеку литературу для политзанятий»[44].

А что же Фидель? Имея столь надежных помощников, он редко появляется на ранчо: делает все возможное, чтобы поскорее завершить приготовления к экспедиции, тем более что и Байо обещал закончить учебу бойцов к середине 1956 года... Но, как говорится, «не кажи гоп, пока не перепрыгнешь!»: 22 июня спецслужбы, информированные батистовским агентом Венерио, проникшим в отряд, арестовали на одной из улиц Мехико Фиделя Кастро, совершили налет на квартиру Марии-Антонии и на ранчо «Санта-Роса», где был захвачен Гевара и несколько его товарищей.

В местной прессе начался настоящий пропагандистский психоз. Газеты писали, что Фидель якобы не только член компартии, но и тайный руководитель Мексикано-советского института культуры, а Гевару характеризовали как опасного «международного коммунистического агитатора и агента Москвы при президенте Арбенсе в Гватемале»[45]. Раулю Кастро, находившемуся с большой группой бойцов в горах на тренировке, удалось избежать ареста.

Не обошли стороной репрессии и семью Эрнесто: была арестована Ильда с четырехмесячной дочкой (на имя Ильды приходила корреспонденция для Фиделя Кастро). На протест женщины полицейский ответил: «Доктор Гевара давно имеет вызывающие подозрения контакты с русскими... Вы познакомились с ним в Гватемале? А что он там делал?»

Находясь в тюрьме, Фидель давал деньги надзирателям и посылал их в кафе за обедами для арестованных товарищей. Принесли такой обед и для Ильды.

Увидев ее в коридоре, Фидель говорит ей: «Скажи им прямо,

что получала для меня письма, так как у меня нет постоянного адреса... Я не могу допустить, чтобы ты и девочка страдали из-за меня»[46].

На допросе Геваре сказали: «Арестована твоя жена и дочь. Если не будешь говорить правду, будем к ним применять пытки (!)».

На это Эрнесто реагирует в свойственном ему духе: «Тогда я ничего не буду вам отвечать. Если хотите, бейте меня... Коль скоро вы такие дикари, что готовы арестовывать женщину с малолетним ребенком, от вас нельзя ожидать никакой справедливости!»[47].

Об освобождении Эрнесто начало хлопотать аргентинское посольство (заместителем посла был его дальний родственник). Узнав об этом, Че сказал: «Я выйду отсюда только вместе с кубинцами...»[48].

Но арест конспираторов и грубое обращение с ними вызвали протест мексиканской общественности. За них стали ходатайствовать экс-президент Мексики Ласаро Карденас, экс-министр Эриберто Хара, профсоюзный лидер Ломбардо Толедано, художники с мировым именем Давид Сикейрос и Диего Ривера и др. Да и заключенные объявили голодовку. Под этим давлением мексиканские власти, кстати сказать, не очень жаловавшие тирана Батисту, после месячного заключения выпустили на свободу всех задержанных, кроме Эрнесто Гевары и кубинца Каликсто Гарсии, обвиненных в нелегальном проникновении в Мексику.

При выходе мужа из тюрьмы Ильда принесла туда только что купленный для него костюм любимого им кофейного цвета: вороватые тюремщики оставили их с Каликсто почти в нижнем белье. Че костюм понравился, поцеловал жену и со словами «надевай, тебе тоже подойдет» протянул обновку кубинскому товарищу. А как же был одет сам даритель? Об этом мы знаем со слов Марии-Антонии:

«Я увидела Че в дешевом прозрачном плаще и старой шляпе. Он смахивал на огородное пугало. И я, желая рассмешить его, сказала ему, какое он производит впечатление... Когда нас вывели из тюрьмы на допрос, ему единственному надели наручники...»[49].

В его отсутствие батистовские агенты под видом обычных воров проникли в квартиру, которую Эрнесто с семьей снимал в Мехико. Все было перевернуто в поисках чего-либо конспиративного, а для маскировки взяты пишущая машинка и фотоаппарат. Первой реакцией Че на сообщение Ильды об этом было: «Только ты не вздумай тратить деньги, которые нам дает

организация на жизнь, для приобретения нового имущества».

Наконец будущие экспедиционеры вновь собрались все вместе: с некоторым опозданием отмечали очередную годовщину штурма Монкады. Фидель «колдовал» над спагетти с креветками и сыром. Вспоминали погибших на Кубе, в том числе — во время попытки в апреле захватить казарму Гойкурия в г. Матансас, недавнее заключение; уточняли планы дальнейшей подготовки экспедиции... Фидель обратил внимание на молчавшего Гевару: «Че, ты что молчишь? Может быть, потому, что теперь уже находишься под контролем?» (он имел в виду предстоявшую свадьбу Эрнесто и Ильды. — *Ю.Г.*)...

Приготовления шли к концу. Была приобретена яхта с английским названием «Гранма». Принадлежавшая известному шведскому этнографу В. Грину, она была рассчитана на 8—12 человек, хотя в отряде Фиделя было 80(!) человек... В Мехико приезжает уже упоминавшийся Франк Паис. Он сообщает о готовности его соратников поднять в провинции Орьенте восстание в условленный день и передает Фиделю собранные ими деньги.

Но снова неожиданная проблема: Фидель узнает, что его собственный телохранитель Рафаэль дель Пино, на имя которого куплена «Гранма» и у которого хранится спрятанный радиопередатчик, собирается выдать всю группу за 15 тысяч долларов батистовским агентам в Мехико.

Отдается срочный приказ об изоляции провокатора и о немедленном сборе отряда в рыбацком порту Туспан, где у причала его ждет на якоре «Гранма» (учитывая деликатность проблемы, автор никогда не спрашивал у кубинских друзей о дальнейшей судьбе дель Пино; как-то раз я прочел в западной прессе упоминание о нем: что он якобы был надежно заперт в заброшенном пакгаузе. — *Ю.Г.*). Одновременно командир отряда приказывает припрятать в Мексике в надежном месте с десяток винтовок и объясняет удивленным соратникам:

«Если нас снова постигнет неудача, я вернусь в Мексику, снова соберу надежных людей и снова вернусь на Кубу, десантировавшись с самолета в горах. И так буду делать до тех пор, пока меня не убьют или мы не освободим нашу родину or тиранов и эксплуататоров»[50]. Излишне говорить, насколько такая позиция уже тогда отвечала взглядам Гевары...

В день отплытия даже в порту штормило, моросил дождь, дул сильный ветер. Погрузка прошла четко и быстро (спасибо, что получившая накануне «на лапу» портовая полиция «куда-то подевалась!»). Все готово к отплытию, но нет пятерых «пассажиров», в том числе Че. Один из них — Каликсто Гарсия —

вспоминал позднее:

«Найти машину ночью оказалось очень трудно. Наконец остановили одну и попросили за деньги довезти нас до порта... На полпути водитель, заподозрив что-то неладное, отказался ехать дальше. Тогда Че сказал мне: «Наблюдай за дорогой, а шофера я беру на себя». С трудом он уговорил водителя довезти нас до местечка Роса-Рика, что на половине нужного нам пути. Там мы пересели на другую машину и прибыли к месту назначения — в порт Туспан»[51].

Как только опоздавшие ступили на борт, Фидель приказал команде: «Отдать концы! Запустить мотор!» Загруженная выше ватерлинии «Гранма» с потушенными огнями тяжело отчаливает и ложится курсом на Кубу. Собравшиеся на палубе повстанцы (именно теперь их можно так называть) поют кубинский гимн...

В открытом море шторм стал более ощутимым: яхту швыряло как поплавок, ее постоянно сбивало с курса, резко снизилась предельная скорость. В своих воспоминаниях Гевара напишет:

«Судно стало представлять собой трагикомическое зрелище: люди сидели с печальными лицами, обхватив руками животы, одни — уткнувшись головой в ведро, другие — распластавшись в самых неестественных позах. Из 82 человек только два или три матроса да четыре или пять пассажиров не страдали от морской болезни»[52].

Сам Эрнесто еще страдал и от острого приступа астмы (уже на борту он вспомнил о забытом дома ингаляторе), но крепился, шутил и подбадривал других: ведь он был врачом отряда.

Правда, картина плавания будет не полной, если не привести примеры того, что сами кубинцы называют «релахо кубано» (кубинский кавардак, при «мягком» переводе. — *Ю.Г.*). Вот только некоторые из них, описанные самими участниками экспедиции.

Внезапно на яхте появилась течь. Насос для откачки воды испортился. Мотор заглох. Стали вычерпывать воду ведрами. Для сокращения осадки судна за борт побросали ящики с консервами. И только тогда (!), когда стали внимательно осматривать яхту, раздался крик из туалета: «Кто забыл закрыть кран в уборной?!»[53].

Бывший моряк Роберто, назначенный Фиделем штурманом судна, стараясь определить местонахождение «Гранмы», залез на крышу капитанской рубки, откуда высокая волна «спокойно» смыла его в море. Яхта несколько часов кружила на одном месте, пока не был обнаружен и поднят живым на борт горе-морячок.

Одному бойцу стало так плохо, что он потерял сознание и лежал недвижим. Гевару, которого в этот момент душила астма, не стали звать. Один из товарищей, находившийся рядом с

«умершим», закричал: «Фидель, Пепе умер, что делать?» «Опустите в море!» — последовал ответ. В этот момент «покойник» открывает глаза...

В результате погода и все перечисленные и другие «накладки» привели к тому, что к утру 30 ноября, когда Франк Паис с товарищами захватил правительственные учреждения в Сантьяго (как с ним условились еще в Мехико), «Гранма» находилась еще в двух днях хода от кубинских берегов.

Но уже ее засекли самолеты-разведчики Батисты. Поэтому к моменту высадки отряда его, можно сказать, поджидали. Да еще продолжались «непредвиденные обстоятельства»: не доходя до берега, «Гранма» села на мель. На борту имелась шлюпка. Ее спустили на воду и перегрузили — она тут же затонула. Бойцам, прихватившим с собой только оружие и немного еды, пришлось добираться до берега по горло в воде. «Это была не высадка, а кораблекрушение», — признается позднее Рауль Кастро[54].

Чтобы по-настоящему представить ту жуткую для человека местность, куда высадились экспедиционеры, надо побывать там, на так называемом пляже Лас-Колорадас (по-испански — «выкрашенные берега», цвет которых, особенно мангровых зарослей, постоянно меняется в зависимости от времени дня, — *Ю.Г.*). Советская писательница Ванда Василевская побывала там. Я помню, как она была потрясена и говорила, что ощутила всеми фибрами своей души, как шли, что переживали и как умирали молодые патриоты. Вскоре она опубликовала книгу о Кубе «Архипелаг Свободы», в которой так описала место высадки с «Гранмы»:

«Болото и мангровые заросли. Рыжая вязкая топь, над которой поднимаются причудливые переплетения голых корней и мангровых веток — ...это частая твердая решетка, а вернее сотни решеток... которые переплетаются над водой, разливающейся маленькими озерцами, но и здесь, на дне, — рыжий ил»[55].

И ко всему этому надо добавить шквальный огонь, который открыли по утопающим в болотной жиже бойцам Фиделя батистовские катера и самолеты. Это было даже не «кораблекрушение», а Дантов ад!

«Нам понадобилось несколько часов, чтобы выбраться из болота, в которое нас завели неопытность и безответственность одного из товарищей, назвавшегося знатоком здешних мест, — писал Гевара в своем дневнике. — И вот мы уже на твердой земле... представляющие собой армию призраков, движущихся по воле какого-то механизма. К семи дням постоянного голода и морской болезни добавились три ужасных дня на суше. На рассвете 5 декабря, после ночного марша, прерывавшегося

обмороками от усталости... мы добрались до места, название которого звучало как насмешка — Алегрия-де-Пио (в переводе Святая радость. — *Ю.Г.*)»[56].

Но и здесь не пришлось отдыхать долго. На отряд с налетевших самолетов обрушился шквал пуль. Фидель тщетно пытался укрыть людей в зарослях сахарного тростника. Снова вернемся к дневнику Гевары:

«Один из бойцов бросил ящик с патронами почти у моих ног. На мое замечание по этому поводу он ответил: «Не время сейчас для ящиков с патронами», — и побежал к зарослям тростника. Мне хорошо запомнилось выражение испуга на его лице... Вероятно, именно тогда передо мной впервые встал вопрос: кто же я — врач или солдат? Около меня лежал мешок с медикаментами и ящик с патронами. Они были слишком тяжелы, чтобы нести их вместе, и я, взяв с собой ящик с патронами, побежал к зарослям тростника... Я почувствовал сильный удар в грудь и шею. Мне показалось, что я погибаю. Какое-то время я лежал один в ожидании смерти. Появился Альмейда (позднее — один из команданте, заместитель министра Вооруженных сил Кубы. — *Ю.Г.*) и уговорил меня идти дальше. Несмотря на боль, я поднялся, и мы вместе добрались до тростника... Альмейда собрал группу, и... мы достигли спасительного леса... Атакуемые москитами, снедаемые голодом (в другой записи он уточнит: «ели только сырых крабиков». — *Ю.Г.*) и жаждой, мы легли спать, сгрудившись в кучу. Таким было наше боевое крещение 5 декабря 1956 года»[57].

В описанном выше неравном бою погибла почти половина бойцов, около 20 человек попало в плен. Многие из них были расстреляны. Но даже в таких условиях Фидель не терял присутствия духа. Увидев, что Рауль с группой бойцов, потерявшихся на некоторое время, остались живы и пришли к остальным, командир восклицает: «Дни диктатуры сочтены!» Только что выкарабкавшийся из болота, измученный переходом Рене Родригес бросает реплику: «Вы все сошли с ума: это наши дни сочтены...» Фидель подошел к нему и сказал: «Послушай, парень, если тебе все это не по душе — оставайся. Я пойду дальше!»[58]. Гевара, будучи свидетелем этой сцены, подумал: «Ну и упорный мужик... Этот добьется свершения революции»[59].

Заканчивая эту главу, нам хочется ответить на вопрос, поставленный Че: кто он? Врач или солдат? И мы смело отвечаем за него: и тот и другой! Читатель не раз убедится в этом, листая книгу.

Глава 3 ОСТРОВ ЗАРИ БАГРЯНОЙ

Автор назвал так эту главу, посвященную партизанской борьбе на Кубе, не только за огненные, красивые закаты в этой стране, но и потому, что кубинская земля не раз в своей истории обагрялась кровью своих патриотов, борцов за ее независимость и свободу. Что же представляла собой эта страна, куда Че Гевара прибыл сражаться вместе с горсткой храбрецов во главе с Фиделем Кастро?

Уже более четырех лет на острове существовал антинародный режим диктатора Батисты. Еще раньше, вплоть до 1934 года, Куба и юридически, и фактически не имела национального суверенитета, так как действовала навязанная ей американцами так называемая поправка Платта[60] к кубинской конституции.

К началу 1953 года генерал Батиста, опираясь на поддержку американских компаний, сумел укрепить свою власть. Однако сопротивление диктатуре не прекращалось. В июле того же года группа патриотически настроенной молодежи во главе с Фиделем Кастро предприняла штурм казарм Монкада. Правда, в силу ряда причин, в том числе из-за случайной утраты фактора внезапности, выступление закончилось неудачей. После Монкады власти развязали жесточайший террор. Ф. Кастро был осужден на 15 лет тюремного заключения. Однако под давлением широкого народного движения, в том числе рабочих-сахарников, была объявлена амнистия, по которой оставшиеся в живых участники упомянутого штурма были выпущены на свободу...

Для краткой характеристики социально-экономического положения страны приведем несколько цифр. Капиталовложения США на Кубе к концу 50-х годов XX века исчислялись в 1 миллиард долларов (и это в стране с населением всего в 7 млн. человек!). Прибыли американских компаний, вывезенные с Кубы к 1958 году за сорок предшествующих лет, составили около 1,5 миллиарда долларов. На долю компаний США приходилась пятая часть обрабатываемой земли.

Большинство мелких земельных собственников и арендаторов жили в условиях, граничащих с нищетой. Инфляция, дорогостоящие жилье и медицинская помощь, дамоклов меч безработицы (при усиливающейся политической слежке) — все это вызывало растущее недовольство средних слоев и городского пролетариата. Была недовольна существовавшими порядками даже крупная буржуазия, не связанная с иностранным капиталом. Экономический и политический гнет в дореволюционной Кубе дополнялся гнетом расовым. Негритянское население

подвергалось наиболее жестокой эксплуатации. В стране был 1 миллион неграмотных взрослых. Половина детей школьного возраста не могла посещать школу (в сельских районах — свыше 70%)[61].

Остров превращался в страну-паразита, живущую для и за счет северного соседа. Сахар-сырец и курортно-развлекательный бизнес — все, чем располагала тогда Куба, были широко предоставлены толстосумам из Штатов...

Но вернемся к повстанцам Фиделя. Наконец они, те, что остались в живых после высадки и боя в Алегрия-де-Пио, собрались вместе в крестьянской хижине в предгорьях Сьерра-Маэстры. На встрече командир говорит: «Враг нанес нам поражение, но не сумел нас уничтожить. Мы будем сражаться и выиграем эту войну!» Их осталось 17 человек!

В эти дни СМИ уже разнесли по миру весть, что отряд уничтожен. Читаем телеграмму агентства «Юнайтед-пресс»: «Самолеты кубинских ВВС этой ночью обстреляли и бомбили отряд революционеров, уничтожив 40 (какая точность наблюдений с воздуха! — *Ю.Г.*) членов высшего руководства «Движения 26 июля», среди них находился и тридцатилетний Фидель Кастро»[62].

Эрнесто понимает, как важно после таких сообщений дать знать о себе его родным. Поэтому при первой же возможности он пишет жене письмо 29 января 1957 года. Так как оно — важное свидетельство о первых двух месяцах повстанческой жизни на Кубе, приведем его содержание полностью:

«Дорогая старушка! (так принято у латиноамериканцев обращаться к близким женщинам. — *Ю.Г.*).

Я жив и жажду крови. Похоже на то, что я действительно солдат (по крайней мере, я грязный и оборванный), ибо пишу на походной тарелке, с ружьем на плече и новым приобретением в губах — сигарой. Дело оказалось нелегким. Ты уже знаешь, что после семи дней плавания на «Гранме», где нельзя было даже дыхнуть, мы по вине штурмана оказались в вонючих зарослях, и продолжались наши несчастья до тех пор, пока на нас не напали в уже знаменитой Алегрия-де-Пио и не развеяли в разные стороны подобно голубям. Там меня ранило в шею, и остался я жив только благодаря моему кошачьему счастью, ибо пулеметная пуля попала в ящик с патронами, который я таскал на груди, и оттуда рикошетом — в шею. Я бродил несколько дней по горам, считая себя опасно раненным, кроме раны в шее, у меня еще сильно болела грудь. Из знакомых тебе ребят погиб только Джимми Хиртцель, он сдался в плен, и его убили. Я же вместе со знакомыми тебе Альмейдой и Рамирито провел семь дней

страшной голодухи и жажды, пока мы не вышли из окружения и при помощи крестьян не присоединились к Фиделю (говорят, хотя это еще не подтверждено, что погиб и бедный Ньико). Нам пришлось немало потрудиться, чтобы вновь организоваться в отряд, вооружиться. После чего мы напали на армейский пост, нескольких солдат мы убили и ранили, других взяли в плен. Убитые остались на месте боя. Некоторое время спустя мы еще захватили трех солдат и разоружили их. Если к этому добавить, что у нас не было потерь и что в горах мы, как у себя дома, то тебе будет ясно, насколько деморализованы солдаты, им никогда не удастся нас окружить. Естественно, что борьба еще не выиграна, еше предстоит немало сражений, но стрелка весов уже клонится в нашу сторону, и этот перевес будет с каждым днем увеличиваться.

Теперь, говоря о вас, хотел бы знать, находишься ли ты все в том же доме, куда я тебе пишу, и как вы там живете, в особенности «самый нежный лепесток любви»? Обними ее и поцелуй с такой силой, насколько позволяют ее косточки. Я так спешил, что оставил в доме у Панчо твои и дочки фотографии. Пришли мне их. Можешь писать мне на адрес дяди и на имя Патохо. Письма могут немного задержаться, но, я думаю, дойдут»[63].

Удивительное письмо. В нем нет никакой рисовки, ни мелодраматизма, ни стремления представить себя героем. Че не терпел всего этого. Об этом свидетельствует хотя бы его дневниковая запись о сражении у селения Буэйсито: «Мое участие в этом бою было незначительным и отнюдь не героическим — те немногие выстрелы, которые прозвучали, я встретил не грудью, а совсем наоборот»[64].

Для общественного мнения важно было также опровергнуть упомянутые выше сообщения СМИ. Кстати сказать, еще и с этой целью Фидель спешил ввязаться хотя бы в небольшой бой — пусть страна и мир узнают, что партизаны полны решимости продолжать борьбу. С этой целью его бойцы вскоре захватили внезапным нападением небольшую казарму. Че оказывает первую помощь раненым, своим и противника. На недоуменные вопросы солдат Фидель отвечает: «Раненых врагов мы не убиваем, сдавшихся в плен отпускаем на свободу».

Слух о таком поведении партизан быстро распространился в армейской среде. Вернувшиеся из плена солдаты рассказывали товарищам о человечности людей Фиделя, о том, что они не только не грабят и не насилуют, как это изображает командование, а за все получаемое от крестьян платят и даже их лечат.

Однажды один из бойцов сказал Че, что может с его согласия достать оружие, имеющееся у окрестных крестьян. Тот выдал ему письмо следующего содержания:

«Сеньоры, я узнал, что вы располагаете некоторым оружием, которое могло бы послужить делу Революции. Я приглашаю вас к сотрудничеству посредством передачи нам оружия.

Это письмо не дает право на реквизицию, а только, чтобы обратиться к вам с соответствующей просьбой. Че, командир 4-й революционной колонны»[65].

Или другой пример. Увидев, как трое его бойцов рубят и лакомятся початками сахарного тростника, Гевара поинтересовался, спросили ли они позволения у хозяина делянки. После отрицательного ответа каждый из провинившихся получил от командира по два ночных дежурства вне очереди. «Вы хорошо знаете наше правило — ничего не брать без согласия хозяев», — добавил он.

Крестьяне по достоинству оценили такое поведение повстанцев. Однако нельзя сказать, что сближение крестьян с партизанами проходило быстро или гладко. Это был противоречивый и сложный процесс. Много внимания и сил уделял этому и Че Гевара. Приходилось считаться с неграмотностью и политическим невежеством крестьян (гуахиро). Например, учитывая работу батистовских пропагандистов, представляющих партизан коммунистами, а также искаженные представления в народе о последних, Че ненавязчиво и деликатно противостоит антикоммунизму, особенно среди своих бойцов.

Однажды на привале один из партизан сказал, что война будет продолжаться и после свержения Батисты, ибо тогда настанет черед воевать против коммунистов(!). Присутствовавший при этом Че заметил бойцу: «Знаешь, с коммунистами очень трудно расправиться». «Почему?» — спросил тот. «Потому, — ответил командир, — что они находятся повсюду, и ты не знаешь, кто они и где они. Их невозможно схватить. Иногда ты говоришь с человеком, а он коммунист, но ты этого не знаешь»[66].

Более определенно он высказывался по этому вопросу в своих фельетонах, которые под псевдонимом Снайпер публиковал в печатном органе повстанцев «Эль Кубано либре» («Свободный кубинец»). В одном из них он писал:

«К вершинам нашей Сьерра-Маэстры события доходят из дальних стран через радио и газеты... Итак, мы читаем и слышим о волнениях и убийствах, происходящих на Кипре, в Алжире и Малайзии. Все эти события имеют общие черты... Все революционеры, независимо от страны или региона, в котором

они действуют, получают тайную «помощь» от коммунистов.

Как весь мир похож на Кубу! Всюду происходит одно и то же. Группу патриотов, вооруженных или нет, восставших или нет, убивают, каратели еще раз одерживают «победу после длительной перестрелки». Всех свидетелей убивают, поэтому нет пленных.

Правительственные силы никогда не терпят потерь... Но часто это сплошная ложь. Сьерра-Маэстра — неопровержимое доказательство тому. И наконец, старое обычное обвинение в «коммунизме».

«Коммунистами, — иронизирует Гевара, — являются все те, кто берет в руки оружие, ибо они устали от нищеты, в какой бы это стране ни происходило... Демократами называют себя все те, кто убивает простых людей: мужчин, женщин, детей. Как весь мир похож на Кубу!»[67].

О внимании Че к политико-просветительской работе рассказывал участник партизанской войны Жоэль Иглесиас (о его приходе в отряд читатель прочтет позже):

«Поначалу, когда мы только обосновались в этом районе, круг наших собеседников был ограничен... Но понемногу вокруг нас собиралось все больше крестьян, которым мы могли доверять. И все это главным образом благодаря Че, его постоянному общению с людьми, его беседам. Так мы завоевывали симпатии этих людей. Всем было известно, кто мы, однако никто не донес на нас. Так вот, по вечерам мы вели беседы и говорили на разные темы: сколько будет людей у Фиделя, когда мы снова с ним соединимся, что будет после окончания войны. Но одна тема выплывала в наших разговорах чуть ли не каждый вечер — легенда о птице-ведьме, миф очень древний и крайне почитаемый в тех краях.

Рассказывали, что еще один испанец как-то выстрелил в эту птицу, но не убил ее, а сам чуть не поплатился жизнью: шляпа у него была пробита в нескольких местах. Был и один несчастный, который не верил, что есть такая птица, но однажды ночью она явилась ему, и с тех пор он калека.

Во время одной из таких бесед я заявил, что пусть только эта птица появится — я уложу ее из винтовки наповал. Крестьяне предупредили, что тот, кто говорит так, обязательно встретится с птицей и последствия будут самые печальные.

На следующий день все только и говорили о моей выходке, а некоторые даже отказывались выходить со мной ночью на улицу. Че, когда мы остались с ним наедине, спросил, что я думаю о птице и зачем я пообещал пристрелить ее. Я ему объяснил, что не верю в эту чертовщину. Че укоризненно посмотрел на меня и ничего не сказал.

Несколько дней спустя, когда мы опять вернулись с крестьянами к этой теме, я разъяснил гуахиро, что хотя сам не верю в птицу, тем не менее, уважаю мнение тех, кто верит»[68].

В результате спокойной, разъяснительной работы участились случаи прихода в отряд крестьян-добровольцев и солдат-дезертиров. Конечно, это таило в себе и определенный риск. По этому поводу Гевара сделал такую запись в своем дневнике:

«Батистовские солдаты уже знали о направлении нашего движения, потому что наш проводник (из местных крестьян. — *Ю.Г.*), как стало нам известно много лет спустя, был главным предателем и навел их на след нашего отряда. Отпустив этого проводника накануне ночью, мы допустили ошибку, которую не раз повторяли в ходе последующей борьбы, пока не поняли, что ненадежных людей из местного населения нельзя оставлять без надзора, когда находишься в опасном районе»[69].

Так постепенно накапливался, в том числе и у Че, партизанский опыт. Об этом повествует он и в своем дневнике:

«Наконец мне удалось заполучить брезентовый гамак. Этот гамак был драгоценным сокровищем, но по суровым партизанским законам его мог получить только тот, кто, победив лень, соорудил себе гамак из мешковины. Владельцы гамаков из мешковины имели право на получение брезентовых гамаков по мере их поступления. Однако я не мог из-за своей аллергии пользоваться гамаком из мешковины. Ворс из мешковины меня очень раздражал, и я вынужден был спать на земле. А без гамака из мешковины не мог рассчитывать на брезентовый. Фидель узнал об этом и сделал исключение, приказав, чтобы мне выдали брезентовый гамак. Я навсегда запомнил, что это было ...на следующий день после того, как мы впервые отведали конины. Конина была не только роскошной пищей, она стала как бы боевой проверкой приспособляемости людей. Крестьяне из нашего отряда с возмущением отказались от своей порции конского мяса, а некоторые считали Мануэля Фахардо чуть ли не убийцей. В мирное время он работал мясником, и вот мы воспользовались его профессией, чтобы поручить ему заколоть лошадь.

Эта первая лошадь принадлежала крестьянину, который жил на другом берегу реки. Партизаны перепутали его с одним доносчиком и конфисковали старую лошадь... Через несколько часов лошадь стала нашей пищей... Крестьяне-бойцы считали за это себя чуть ли не людоедами, пережевывая мясо старого друга человека»[70].

По-своему обретали «опыт» и батистовцы. Прибыв в какое-либо фермерское хозяйство и не застав там мужчин, они крушили

все подряд, а порою и расстреливали остальных попавшихся под руку, полагая, что мужчины ушли в отряд Фиделя.

А мужчин, действительно, при всех скрытых опасностях, партизаны все же принимали довольно охотно: ведь идея Фиделя и состояла в том, чтобы с группой соратников «зажечь пламя», а затем разжечь его до народной войны против тирании. Постепенно поток добровольцев увеличивался, Фидель поручил Че проводить с ними своего рода собеседования. Один из таких молодых добровольцев, Энрике Асеведо вспоминает:

«Мы с братом пришли в отряд Че, прибавив каждый себе по два года (а имели 14 и 16 лет). Че не поверил и стал нас отчитывать, но, узнав, что мы учились в школе, дал решить задачки по алгебре. Я сказал, что был плохим учеником и знаю только историю и географию... Че улыбнулся и сказал, что мы должны продолжать учиться, а не воевать. «Тогда расстреляйте нас, а назад мы не пойдем!» — сказал я решительно. Че рассердился, но Сиро Редондо (один из командиров. — *Ю.Г.*) обещал взять над нами шефство, и мы остались»[71].

Занимался такой «кадровой» работой и сам Ф. Кастро. Например, он не взял сначала в отряд пятнадцатилетнего парнишку Жоэля Иглесиаса (потом он станет команданте и после победы возглавит кубинский «комсомол» — Ассоциацию молодых повстанцев. На вид ему и тогда можно было дать не больше 16 лет. — *Ю.Г.*) Жоэль рассказывал автору, как он стал уверять Фиделя и Гевару, что он из крестьян и поэтому сильный. Тогда командир, улыбнувшись, попросил его поднять тяжелый мешок. Парень поднял и был принят в отряд.

Но наряду с такими были и другие «гуахирос» (кубинское название крестьян. — *Ю.Г.*): темные, забитые, они верили всяким пропагандистским россказням о повстанцах. Узнав о приближении партизан, они бросали дом, скот и уходили в более тихие места. Об одном таком примере пишет Гевара:

«Мы стали свидетелями печальной картины. Накануне батистовский капрал и управляющий (плантации. — *Ю.Г.*) оповестили всех местных жителей о предстоящей бомбардировке. Люди стали переселяться к берегу моря... Местные власти просто намеревались лишить крестьян земли и нажитого имущества... Страх охватил крестьян, и не было никакой возможности остановить их бегство... У нас было больше оружия (трофеи, захваченные в боях. — *Ю.Г.*), чем людей... Крестьяне не были еще готовы включиться в борьбу, а связи с городом практически не существовало»[72].

Отсюда и общая для любой нерегулярной армии проблема дезертирства. Среди дезертиров были не только городские

жители, испугавшиеся тягот сельской жизни, но и крестьяне. Само трудное время войны требовало пресекать это явление твердой рукой. Че рассказывает, например, о случае, когда за дезертирство был расстрелян один из его бойцов:

«Я собрал весь наш отряд на склоне горы, как раз в том месте, где произошла трагедия (расстрел. — *Ю.Г.),* и объяснил повстанцам, что все это значило для нас, и почему дезертирство будет караться смертной казнью и почему достоин смерти тот, кто предает революцию.

В строгом молчании мы прошли мимо трупа человека, который оставил свой пост; многие бойцы находились под сильным впечатлением первого расстрела, быть может движимые скорее какими-то личными чувствами к дезертиру и слабостью политических воззрений, чем неверностью революции. Нет необходимости называть имена... Скажем только, что дезертир был простым, отсталым деревенским парнем из этих краев»[73].

Автор не ставит перед собой задачу отобразить все перипетии боевой деятельности партизан. Поэтому мы остановимся только на отдельных сражениях Повстанческой армии, имевших принципиальное значение. Первой из таких акций явился бой за Уверо.

Фидель избрал казармы в этом местечке, полагая, что победа при нападении на них могла бы стать большим психологическим ударом для Батисты и его приспешников, о котором узнает вся страна. Правда, не все из командиров разделяли такой выбор. Ему даже пришлось выдержать продолжительный спор с Геварой, настаивавшим на захватах армейских грузовиков, свободно курсирующих по дорогам района, где укрывались партизаны. «В то время наше общее страстное желание сражаться толкало нас на самые крайние и поспешные решения и не позволяло нам предвидеть более отдаленной цели», — признавался Эрнесто. И добавлял: «Теперь, спустя несколько лет после этого спора, в котором Фидель не убедил меня и заставил выполнять свой приказ, я должен признать, что его соображения были правильными»[74]. Это подтвердил и сам бой.

К тому времени под общим командованием Ф. Кастро находилось несколько отрядов. В штабе состоялось совещание командиров. На подготовку к бою были даны двое суток. Начался 16-километровый ночной переход. Разведка сообщила, что около деревянных казарм особых укреплений не было. Но вокруг были расставлены усиленные посты по три-четыре человека. Кустарник позволял подойти к противнику очень близко. Казарма расположена была на берегу моря, поэтому для ее окружения надо было наступать с трех сторон. Бойцам был отдан приказ не

стрелять по жилым постройкам, где жили семьи военных.

Предполагалось, что бой будет скоротечным из-за внезапности нападения. «Уже стало светать, — пишет Гевара, — а мы все еще не были готовы к атаке»[75]. Тогда Фидель первым открыл огонь из своей винтовки с телескопическим прицелом. И казарма озарилась вспышками ответных выстрелов. Бойцы отрядов пошли в наступление, соблюдая все меры предосторожности. Быстро раскусив гуманность партизан, многие военные стали укрываться в жилых домах. Вокруг зловеще свистели пули. Группа во главе с Че залегла и стала вести огонь по хорошо замаскированному окопу, одновременно готовясь к решительному броску. «Казалось, что бой продолжался всего несколько минут, но на самом деле от первого выстрела до захвата казармы прошло два часа сорок пять минут», — записал Эрнесто в дневнике[76].

И вот взяты в плен последние оказавшие сопротивление солдаты, выведены из дома врач и санитар. С первым из них, уже седым солидным человеком, произошел курьезный случай, описанный Геварой:

«Количество раненых было огромным, и, не имея возможности заниматься ими, я решил передать их этому врачу... Он спросил, сколько мне лет и когда я получил диплом. Услышав мой ответ, он откровенно признался: «Знаешь, парень, займись этим делом сам, потому что я только что закончил учебу и у меня очень мало опыта». Видимо, — продолжает Че, — этот человек по своей неопытности и от страха забыл все, чему его учили. И мне снова пришлось сменить винтовку на халат врача»[77].

В этом бою повстанцы потеряли убитыми и ранеными 15 человек. Потери противника составили 14 человек убитыми и 19 ранеными. В плен было взято 14 батистовцев, шестерым удалось спастись бегством. Сражение явилось переломным моментом для партизан: их боевой дух окреп, равно как и вера в победу. Оно решило судьбу многочисленных мелких армейских гарнизонов, расположенных у подножия Сьерра-Маэстры. Батистовцы вскоре сами отвели их под угрозой партизанских атак.

Понимая, что противник может быстро организовать преследование, Фидель приказал уйти от Уверо как можно дальше. У дороги были похоронены павшие товарищи, несколько тяжелораненых оставили с 19 ранеными солдатами, которым Че тоже оказал посильную медицинскую помощь. Батистовцы, проявив некоторую порядочность, не расправились сразу с ними, а заточили в тюрьму до конца войны.

Что касается нашего героя, то бой под Уверо показал, что Че обладал всеми необходимыми для бойца качествами: смелостью,

хладнокровием, молниеносной сообразительностью и быстрой реакцией. Вместе с тем бой для него не являлся самоцелью. Каликсто Моралес, боевой товарищ Эрнесто, говорит:

«Для него бой был всего-навсего частью работы. После того как смолкнут выстрелы, даже в случае победного исхода, нужно продолжать работу: подсчитать потери, составить военную сводку и список трофеев. Только это. Никаких митингов. Никаких торжеств. Лишь иногда, спустя несколько дней, мы собирались вечерами, чтобы потолковать о бое. Даже и эту беседу он использовал для того, чтобы указать на ошибки, отметить, что было сделано плохо, подвергнуть детальному анализу прошедшие события»[78]. К этому добавим только, что Геваре принадлежат многие важные и хитроумные решения. Например, он организовал службу тревожного оповещения, когда симпатизировавшие партизанам крестьяне от дома к дому сообщали о появлении карателей и тем самым предупреждали повстанцев. И при всем этом огромная человечность, подлинный гуманизм человека-медика. После боя при Уверо он встречает на дороге двух батистовских солдат без оружия, показывает им дорогу и просит не заходить в глубь леса, где их по ошибке могут убить партизаны, сидящие в дозоре.

Че обычно входил в положение солдат, этих неграмотных и забитых крестьянских парнишек, но был беспощаден к разного рода бандитам и головорезам, особенно к тем, которые, используя доверчивость крестьян и прикрываясь именем партизан, грабили, насиловали и убивали мирных жителей. Зачастую они объединялись в банды. Одну такую банду, под атаманством кубинского китайца Чана, партизаны преследовали целых десять дней. Атамана и одного его сообщника, изнасиловавших крестьянскую девочку, партизаны расстреляли. Почти всех остальных помиловали, но троих решили в назидание другим подвергнуть символическому расстрелу. Им завязали глаза и заставили пережить мучительные минуты перед казнью. Выстрелы прогремели, но парни, естественно, остались живы. Че так вспоминал этот случай:

«Один из них бросился ко мне и в порыве благодарности наградил меня звонким поцелуем (у латиноамериканцев не приняты поцелуи мужчин между собой. — *Ю.Г.),* будто я был его родным отцом... Сейчас может показаться слишком жестоким такой способ воспитания, но применить тогда другой вид наказания в отношении этих людей было невозможно. Вскоре все трое вступили в Повстанческую армию... Один из них долго находился в моем отряде и... часто с чувством говорил: «Я не боюсь смерти. Че — тому свидетель»[79].

Помимо боевых, командирских, у Гевары-медика было много и чисто врачебных забот. В этот период войны он уже лечит не только партизан, но и окрестных крестьян. Многие гуахиро до этого никогда не видели белого халата. Почитаем, что писал об этом сам доктор:

«В каждом маленьком селении или любом другом месте, куда мы прибывали, я открывал свою консультацию… Выбор лекарств был ограничен, клинические случаи в Сьерре не блистали разнообразием: рано состарившиеся, беззубые женщины, дети с огромными животами (от паразитов. — *Ю.Г.),* рахит, общий авитаминоз, паразиты — так беспросветно-печальна была жизнь в Сьерра-Маэстре… где люди появляются на свет и растут без ухода, быстро истрачивают свои жизненные силы в работе без отдыха. Именно там, в этих встречах, родилось понимание нами необходимости решительной перемены в жизни народа»[80].

Гевара не отказывает никому, даже тем, у кого болят зубы, хотя никогда не обучался стоматологии. Вот как, с присущим ему юмором, вспоминает он сам эту работу:

«Впервые мне пришлось выполнять обязанности стоматолога, хотя это, возможно, слишком громко сказано. В Сьерра-Маэстре меня окрестили более точным именем — зубодер. Одной из моих жертв был Жоэль Иглесиас, у которого, несмотря на все мои старания, я не мог вытащить больной зуб — разве что оставалось установить для этого заряд динамита… Во время своих врачеваний я восполнял довольно часто недостаток опыта, а заодно и отсутствие обезболивающих средств, тем, что прибегал к «психологической анестезии», употребляя крепкие словечки, если мои пациенты начинали вести себя слишком беспокойно, когда я возился у них во рту»[81].

Но, если говорить серьезно, Че не мог отказать никому, даже когда его жестоко донимала астма. Чтобы никто не видел его страданий, он верхом уезжал куда-нибудь за пределы расположения отряда или курил сухой клевер — лекарство крестьян. Если недуг прихватывал на марше колонны, Эрнесто продолжал идти в общем темпе, иногда позволяя кому-нибудь подхватить его рюкзак. А на первых порах, когда не все бойцы еще знали о недуге врача, ситуации были пожестче. Однажды, когда в паре с крестьянином Креспо Че, у которого кончился адреналин, и наступило удушье, карабкался на холм и на мгновение присел, тот закричал: «Сраный аргентинец, ты пойдешь дальше или я буду подталкивать тебя прикладом?!»[82].

Работавшая связной пожилая крестьянка Чана вспоминала:

«Ай, Мадонна, было жалко видеть его (Гевару. — *Ю.Г.),* этого сильного и симпатичного мужчину-шутника во время приступа

болезни... Бедный Че!»[83].

Это была не единственная женщина, которая помогала партизанам. Среди них были и такие, кто в качестве бойцов принимал участие в боевых сражениях. О двух из них Че очень тепло рассказывает в небольшой заметке, которую он назвал их именами — «Лидия и Клодомира»[84].

«С Лидией я познакомился спустя всего полгода после начала нашей партизанской борьбы. Я был только что произведен в майоры и командовал колонной. В одну из проведенных нами молниеносных операций мы спустились в поисках продовольствия в деревушку недалеко от Байямо, что на отрогах Сьерра-Маэстры. Там жила одна семья, занимавшаяся выпечкой хлеба в небольшой хлебопекарне. Лидия, которой было тогда сорок пять лет, являлась ее совладелицей. С первого же знакомства с нами Лидия, единственный сын которой находился в нашей колонне, с удивительной страстностью и энтузиазмом стала служить делу революции.

Когда я вспоминаю ее имя, я испытываю нечто большее, чем только признательность и понимание значения деятельности незапятнанной революционерки, так как она питала ко мне какое-то особое чувство расположения и предпочитала работать под моим началом, в какое бы место меня ни посылали. Лидия была нашей связной, выполнявшей специальные задания. Можно сбиться со счета, перечисляя все случаи, когда я или руководство «Движения 26 июля» направляли ее в этом опасном качестве на различные задания. Она доставляла в города Сантьяго-де-Куба и Гавану наши наиболее важные документы, обеспечивала связь для моей колонны, переправляя номера газеты «Эль Кубано либре», доставляла бумагу, лекарства — одним словом, все, что было нужно и когда нужно.

Из-за ее отчаянной смелости с ней боялись идти на задание связные-мужчины. Вспоминаю, как один из них рассказывал мне о ней словами, в которых чувство восхищения перемежалось со страхом: «Эта женщина дала бы фору самому Антонио Масео (один из руководителей в войне Кубы за свою независимость в конце XIX века. — *Ю.Г.)*. Она нас всех погубит. Бывают моменты, когда не до шуток. А то, что она делает, просто сумасшествие». Лидия же, несмотря ни на что, вновь и вновь уходила на связь, преодолевая все вражеские заслоны.

После того как наш отряд передислоцировался в зону Мина-дель-Фрио в районе Вегас-де-Хибакоа, туда же отправилась и Лидия, покинув наш вспомогательный лагерь... начальницей которого она была некоторое время. Там она энергично и даже несколько деспотически командовала мужчинами, вызывая этим

определенную горячность кубинцев, не привыкших к тому, чтобы ими командовали женщины.

Место, где находился этот вспомогательный лагерь, было довольно опасным, а после того как его обнаружили правительственные войска, нашим бойцам не раз приходилось отбиваться от наседавших солдат. Поэтому я попытался перевести Лидию с этой должности, но сделать это мне удалось лишь тогда, когда наш отряд перебазировался в другой район.

Среди случаев, раскрывавших характер Лидии, особенно мне запомнился один. Это было в тот день, когда погиб наш славный товарищ, совсем еще молодой человек по фамилии Хейлин... Этот боец входил в состав группы охранения лагеря, когда Лидия была еще там. Возвращаясь однажды в лагерь после выполнения очередного задания, Лидия заметила осторожно подкрадывающуюся к расположению повстанцев группу солдат противника, которую, без сомнения, навел какой-нибудь шпик. Реакция женщины была незамедлительной: она вытащила свой маленький пистолет и хотела тут же выстрелами в воздух поднять тревогу. Но руки оказавшегося рядом с ней товарища помешали ей выстрелить, потому что это могло стоить жизни и ей, и всем находившимся рядом с ней. Солдаты продвинулись вперед и внезапно напали на часового Гильермо Хейлина. Он храбро защищался, пока не был дважды ранен. Зная, что его ожидало, если бы он попал в руки батистовцев, Хейлин застрелился. Остальным бойцам удалось спастись. Солдаты сожгли все, что можно было сжечь, и ушли.

На следующий день я встретил Лидию. Весь ее вид говорил об огромной скорби и отчаянии по поводу смерти Гильермо Хейлина, и в то же время она негодовала на того, кто помешал ей поднять тревогу. «Пусть убили бы меня, — говорила Лидия, — я уже немолода, зато был бы спасен парень, которому не было еще и двадцати лет». Она вспоминала об этом не раз. Иногда казалось, что в ее постоянно повторявшихся словах презрения к смерти звучали нотки хвастовства, но, несмотря на все это, задания Лидия выполняла превосходно.

Ей было хорошо известно, что моей слабостью были маленькие щенята, и она постоянно обещала привезти одного из Гаваны, но выполнить ей свое обещание никак не удавалось.

В период генерального наступления правительственных войск против Повстанческой армии Лидия бесстрашно выполняла свои обязанности связной. Она уходила и возвращалась в горы, унося и доставляя важнейшие документы, обеспечивала для нас связь с внешним миром. В этой опасной работе ее сопровождала другая женщина, под стать самой Лидии...

Звали ее Клодомира. Так, впрочем, ее называли все, кому она была известна по Повстанческой армии. Лидия и Клодомира стали неразлучными боевыми подругами, вместе выполнявшими самые опасные поручения.

После проведенного нами вторжения в провинцию Лас-Вильяс я приказал Лидии, чтобы она прибыла ко мне с целью использования ее для установления связи с Гаваной и главным командованием Повстанческой армии в Сьерра-Маэстре. Спустя некоторое время мы получили письмо Лидии, в котором она сообщала, что достала мне щенка и что в очередной раз она обязательно привезет его мне в подарок. Но этой последней поездки Лидии и Клодомире совершить не пришлось. Вскоре я узнал, что из-за трусости одного человека, опозорившего высокое звание бойца революционной армии, была обнаружена группа наших людей, среди которых находились Лидия и Клодомира. Все они защищались до последней капли крови. Раненую Лидию захватили в плен и куда-то увезли. Тела Лидии и Клодомиры обнаружить не удалось. Они спят вечным сном где-нибудь, несомненно, рядом, как и сражались рядом в последние дни великой битвы за свободу.

Возможно, когда-нибудь будут найдены их останки на этом огромном кладбище, в которое был превращен тогда весь наш остров. Что касается Повстанческой армии, то среди тех, кто сражался и жертвовал собой в те тяжелые времена, всегда будет жить память о двух бесстрашных женщинах... Для каждого из нас... и лично для меня имя Лидии имеет особое значение. Поэтому сегодня я посвящаю эти строки воспоминаний ей, отдавая тем самым скромную дань памяти о тысячах революционеров, погибших за то, чтобы свобода пришла на наш остров»...

Выше мы говорили о здоровье Че. К этому можно лишь добавить два ранения: о первом — в шею — мы уже упоминали, второй раз — в ногу (в декабре 1957 г.), о котором Эрнесто писал в дневнике:

«Мое самочувствие было неважное: раненая нога болела, и я не мог подняться»[85]. Но в этот момент рядом, во время перестрелки, ранят одного бойца. «Нам стало очень трудно выйти незамеченными из-под сильного огня противника. Не оставалось ничего другого, как ползти... Нам удалось... но мой товарищ потерял сознание, а я, несмотря на боль, сумел добраться до своих и попросил помощи для раненого бойца»[86].

Были и другие, нигде не зафиксированные ранения. Не случайно Эрнесто в беседе с Хуаном Альмейдой, подтрунивавшим над его жидкой бородкой, скажет: «Видишь ли, дружище, у меня

нет волос, но зато много пробоин. Разве это не признак настоящего «мачо»?»[87].

(*Прим. авт.*: Конечно, можно по-разному относиться к болезням и ранениям, по-разному оценивали люди и недуг Гевары. Когда я был в Испании, мне на глаза попалась книга барселонского медика Энрике Сальгадо «Рентгенограмма Че» (кстати сказать, с подобным «медицинским» названием у автора ранее вышли книги о Гете, Чехове, Христе.) Отметив, что Че был астматиком, он пишет, что «обычно болезни ломают характер и моральную устойчивость... Они чаще вызывают отчаяние, которое несовместимо с высшими проявлениями человеческого духа. Но у натур сильных, волевых недуги, наоборот, предопределяют героическое терпение, безропотное перенесение невзгод вместо ощущения горечи и упрямства». Правда, доктор Сальгадо говорит, что он «далек от того, чтобы указывать на прямую связь между астмой и поведением Че»[88].

Мы уже говорили, что все описанные выше события в партизанской войне в основном происходили в горной местности под названием Сьерра-Маэстра (в приблизительном переводе на русский — «основная горная цепь». — *Ю.Г.)*. Задолго до этих событий кубинский писатель Пабло де ла Торрьенте писал, что это — непривычная для глаза туриста Куба, там другая природа и другие люди — свободолюбивые, мужественные и благородные, у них свои счеты с полицией и властями.

Именно там, в XIX веке находили приют и поддержку кубинские борцы за независимость родины. «Горе тому, кто поднимет меч на эти вершины, — писал Пабло де ла Торрьенте. — Повстанец с винтовкой, укрывшись за несокрушимым утесом, может сражаться здесь против десятерых. Пулеметчик, засевший в ущелье, сдержит натиск тысячи солдат. Пусть не рассчитывают на самолеты те, кто пойдет войной на эти вершины! Пещеры укроют повстанцев. Горе тому, кто задумал уничтожить жителей гор! Как деревья, приросшие к скалам, они держатся за родную землю... Они совершили то, что еще никому не удавалось. Воспитанные своей землей, всей историей своей нищей жизни, они покрыли себя неувядаемой славой, проявляя чудеса храбрости. Пусть знают все: как вековые сосны, неколебимо стоят горяне. Лучше умереть в борьбе среди родных скал, чем погибнуть от нищеты и голода, как гибнут кубинские деревья, пересаженные в чужие для них чопорные английские парки»[89]. (*Прим. авт.*: Написавший эти строки погиб в Испании в 1936 году, во время гражданской войны там, но звучат они так современно, как будто написаны про повстанцев Фиделя Кастро.)

К жизни и деятельности Повстанческой армии начала

проявлять серьезное внимание мировая журналистика — сначала у партизан появился корреспондент «Нью-Йорк таймс» Герберт Мэтью (в январе 1957 г.), опубликовавший о партизанах довольно объективный материал в своей газете. Потом приехал земляк Гевары, аргентинский журналист Хорхе Рикардо Масетти. Он не только опубликовал взятые у Фиделя и Че интервью, но и написал правдивую книгу о борьбе кубинских патриотов, которую назвал «Те, что борются, и те, что плачутся» (обыгрываются слова Ф. Кастро о подлинных борцах и «сочувствующих» им). Не случайно Гевара пометил в своем дневнике о Масетти: «В дальнейшем с этим журналистом у меня завязалась большая и прочная дружба»[90].

Приведем несколько наиболее интересных, на наш взгляд, выдержек из упомянутой книги Масетти[91]:

«Проводник журналиста спрашивает: Ты аргентинец? Видел уже Че? Как тебе пришло в голову приехать сюда?

Масетти: В отношении кубинской революции существует много таинственности. Эту мистерию ревниво оберегают информационные агентства и питающиеся их сообщениями крупные газеты. И хотя вся Латинская Америка ненавидит Батисту, никто не решается поддержать Фиделя Кастро, потому что не знают, кто он, чего хочет, никто его не поддерживает. Не знают, кто вы все.

Я рассказал, что некоторые считают кубинскую революцию инструментом Соединенных Штатов... так же как и армию Фиделя Кастро, состоящую якобы из обеспеченных молодых людей, играющих в войну. Я сказал, что для нас было привычным читать в газетах о том, что де «кубинские повстанцы взорвали пассажирский поезд». При этом не разъяснялось, что поезд был с пассажирами или пустой, или служил для перевозки войск. Известия такого рода создавали впечатление, что Фидель Кастро был не иначе как убийцей-террористом»...

А вот другой отрывок из той же книги Масетти:

«Думаю, что я уснул, когда переносная лампа осветила мое лицо. Мне не хотелось открывать глаза.

— Оставь его... Пусть спит, я его увижу после.

Это был странный голос охрипшего парнишки. Не знаю почему, но моя интуиция мне подсказала, что это был человек, ради которого я проехал семь тысяч километров. Сбросив с себя то, чем я был укрыт, побежал за говорившим.

— Доктор Кастро!.. — кричал я.

Огромная фигура, укрытая в пончо, повернулась в мою сторону.

— Ола! (испанское приветствие вроде английского «хэлло!».

— *Ю.Г.*), как дела?.. Как себя чувствует Фрондиси (только что избранный президент Аргентины. — *Ю.Г.*), он доволен?

— Думаю, что пока хорошо.

Мы продолжали идти и разговаривать...

Взошло солнце, и я мог внимательно его рассмотреть... Его лицо было очень выразительно: правильные романские черты и жидкая борода, выдающаяся вперед как волнорез броненосца. Глаза черные, средней величины, вспыхивали за толстыми стеклами очков, изо рта с мясистыми губами торчала сигара... Когда он говорил, сигара передвигалась из одного угла рта в другой. Разговаривая, он переминался из стороны в сторону, трамбуя землю и постоянно жестикулируя. Никто бы не подумал, что ему только тридцать два года...»

Радио сообщило о начале в Гаване и других городах всеобщей антибатистовской забастовки...

«Фидель обнял меня и подпрыгнул вместе со мной несколько раз:

— Пробил час, Че (для кубинцев все аргентинцы — Че. — *Ю.Г.*)! Наступил час!.. Скоро ты спустишься вместе с нами в долину и пойдешь до Гаваны...

Фидель не мог прийти в себя от радости. Смеясь, он прокричал отрядному корреспонденту Пакито:

— Теперь у тебя будет, что снимать днем и ночью, можешь снимать даже в цвете, если хочешь...

Успокоившись, сказал голосом реалиста:

— Надо немедленно поддержать забастовку атаками на всех направлениях».

Вот еще одна встреча с Фиделем:

«Фидель пришел пешком, со своим огромным рюкзаком, нагруженным книгами, политическими документами и банками с сосисками. Поприветствовал Гевару, обняв его, а мне протянул обе руки.

— Прости меня, Че. Но у меня грыжа, которая иногда делается нудной... И поэтому вчера я не смог прийти...

— А почему сегодня не поехали на муле?

Фидель засмеялся с видом довольного и опечаленного человека одновременно:

— Во всей Сьерра-Маэстре нет ни одного мула, который бы поднялся со мной на спине в гору...

К тому времени я уже записал все, касающееся исторического и событийного аспекта, но еще оставались кое-какие вопросы. Я включил магнитофон:

— С момента начала вооруженной борьбы в широком масштабе не поступало к вам никаких мирных предложений, в

частности, от церкви?

— Действительно, епископат призвал к согласию в одной из проповедей.

— «26 июля» — это только революционное движение, которое будет считать свою миссию выполненной со свержением Батисты и его режима или оно планирует преобразоваться в политическую партию с намерениями руководить страной?

— «Движение 26 июля», — заявил решительно Фидель, — намерено бороться и гражданскими методами и путем чистых выборов прийти к власти. Мы хотим учредить партию, ибо понимаем, что свержение Батисты будет лишь отправным пунктом в реализации революционных задач. Но будет народ решать, способны ли мы, кто умеет бороться с оружием в руках, участвовать в политической борьбе на его стороне...

— И какими будут основные шаги «Движения 26 июля» после взятия власти?

— Многое из того, что мы сделали бы, придя к власти, уже осуществляется здесь, в горах. Пожалуй, первое — это конкретизировать и распространить на всю страну аграрную реформу. Но на Кубе, несмотря на ее богатства, почти все еще предстоит сделать. Гавана — это современный город, с огромными зданиями и чрезвычайной роскошью. Но вы посмотрите, что представляет собой остальная часть страны. Что означает эта протяженная горная местность, на которой практически нет дорог, где крестьяне не могут реализовывать свою продукцию, ибо не знают, как доставить ее на рынки. Огромны запасы нефти и минерального сырья. Однако они не эксплуатируются. А те, что разрабатываются, то только на потребу иностранному капиталу, не оставляя никакой прибыли кубинцам.

— Вы считаете решающей военную помощь США Батисте для продления его пребывания у власти?

— Естественно, да. Батиста получает постоянно помощь из Соединенных Штатов, как прямо от них, так и через Трухильо и Сомосу (соответственно диктаторы Доминиканской республики и Никарагуа в те годы. — *Ю.Г.*) ...Недавно на американскую базу в Гуантанамо (на кубинской территории в провинции Ориенте, на основе долгосрочного соглашения с США. — *Ю.Г.*) должны были быть доставлены триста ракет для передачи батистовским летчикам... Я уверен, что эти ракеты будут пущены против кубинцев, даже если и поступят из портов Трухильо и Сомосы. Самым абсурдным и жестоким является в этой войне ежедневное убийство десятков крестьян с воздуха...

— Когда, по вашему мнению, окончится эта война?

— Это невозможно предсказать. Может длиться дни, месяцы или годы. Единственно могу сказать, что она окончится лишь с полным разгромом тирании или со смертью последнего повстанца. У нас нет достаточного оружия, как вы сами могли заметить, и мы вынуждены отказывать тысячам людей, потому что не можем их вооружить. Но еще меньше у нас было оружия раньше, когда нас было двенадцать голодных бородачей с семью винтовками, шагающих по горам. Но мы обладали зато тем, чего не было никогда у солдат Батисты: идеалом, за который мы сражались.

Этот репортаж был передан почти немедленно. Десятки радиолюбителей в разных странах уже были готовы с магнитофонами для его ретрансляции. И вся Куба впервые услышала голос Главнокомандующего Повстанческой армией, прямо с гор Орьенте...

Мы пожали с Фиделем друг другу руки, а с Че сказали «чао»... Наш проводник — парень, хорошо знавший местность, — звался библейским именем Исаиас.

— Как апостол, — сказал он мне, знакомясь.

Я напряг память, но коль скоро у Святого Петра было много друзей, решил, что, может быть, паренек и прав...

До этого Хорхе Масетти много беседовал и с Че Геварой. Интервью с ним тоже было передано на Латинскую Америку, в том числе и на Аргентину (с ретрансляцией через Венесуэлу и Колумбию):

«Моим первым конкретным вопросом ему было:

— Почему ты здесь?

— Я здесь просто потому, что полагаю в качестве единственного способа освобождения Америки от диктаторов их свержение. Способствуя этому в любой форме. И чем непосредственнее, тем лучше.

— И не боишься, что могут квалифицировать твое участие в этом как вмешательство во внутренние дела не твоего государства?

— Во-первых, я считаю своей родиной не только Аргентину, а всю Америку. В этом отношении у меня есть предшественник, Марти (национальный герой Кубы, боровшийся за ее свободу в XIX в. — *Ю.Г.*) и именно на его родине я придерживаюсь его постулата. Кроме того, не укладывается в голове, что человека, отдающего себя целиком, свою кровь за дело, которое он считает справедливым и всенародным, можно обвинить во вмешательстве, при том, что принимается вмешательство иностранной державы, которая помогает оружием, самолетами, деньгами и предоставляет офицеров-инструкторов. Ни одна страна... ни одна

газета не обвинили янки за их помощь Батисте, истребляющему свой народ. Зато все заняты мной.

Гевара воспользовался паузой и снова зажег свою трубку.

— И что можно сказать о коммунизме Фиделя Кастро?

— Фидель не коммунист. Если бы был, имел бы, по крайней мере, больше оружия. Эта революция исключительно кубинская, а точнее — латиноамериканская. В политическом плане можно было бы квалифицировать Фиделя и его Движение революционно-националистическими... Мы против Соединенных Штатов, потому что Штаты — против наших народов»[92].

В Соединенных Штатах знали о такой постановке вопроса. Трезво мыслящие деятели этой страны понимали, что со временем могут потерять Кубу. Поэтому Вашингтон, как отмечал аргентинский исследователь А. Латендорф в своей книге «Наша загадочная Америка», начал «проявлять некоторую благосклонность к Ф. Кастро»[93]. Появились подтверждающие это примеры.

Был отснят и показан по американскому телевидению фильм о повстанцах. Журнал «Висион» вышел с фото Фиделя на первой обложке. А газета «Нью-Йорк таймс» писала о приближающейся кубинской «развязке». Но наиболее симптоматичным было публичное осуждение послом США в Гаване своего друга президента Батисты за развязанные репрессии[94]. Еще бы! Во время похорон убитого в Сантьяго батистовцами Франка Паиса этот второй по значению город страны буквально весь участвовал в траурной процессии и требовал отставки правительства.

Естественно, упомянутая «благосклонность» базировалась на уверенности правящих кругов США в том, что при правильной тактике с руководством повстанцев можно договориться. Фидель, рассуждали они, ничем не лучше руководителей остальных 80 «революций», имевших место в Латинской Америке только в XX веке и от которых влияние капитала США не только не уменьшилось в регионе, а даже увеличилось. Что касается провозглашавшихся фиделистами лозунгов о радикальных реформах — о ликвидации латифундий, национализации транспорта, электрокомпаний и некоторых других предприятий, они тоже особого страха не вызывали: сколько раз их обещали, а придя к власти, не выполняли буржуазные политики, в том числе и Батиста.

Предъявляя высокую требовательность к себе, Гевара был требовательным командиром и по отношению к подчиненным.

При этом он абсолютно не воспринимал никакого заискивания и подхалимажа. Однажды он шутливо заметил: «После назначения командиром колонны у меня от важности, по-

моему, стало выпячиваться пузо, ибо я все время только и слышу: «Командир, идите сюда, сядьте здесь, выпейте — это для вас, а раньше такого не было...»[95]. Единственную поблажку он разрешил себе после ранения: лег в гамак днем и стал читать.

Он терпеть не мог трусости, эгоизма. Бойцам Че всегда повторял, что партизан никогда не должен бросать раненого товарища, так как в стане врага партизана всегда ждет смерть. Он был противником бравады, показной храбрости. Об этом можно судить по такому случаю.

Довольно бахвалистый младший командир Лало Сардиньяс, требуя от бойца дисциплины, в споре стал угрожать товарищу пистолетом и случайным выстрелом убил его. Многие в отряде были настроены против нагловатого Лало и требовали приговорить его к расстрелу, тем более что он частенько применял физическое насилие к новичкам («дедовщина», как сказали бы мы сегодня). Че не только резко осудил Сардиньяса сам, но и пригласил на обсуждение в отряд Фиделя. Последний заявил, что отвратительный сам по себе поступок Лало был совершен в конечном счете в интересах укрепления дисциплины и что это тоже надо учитывать. И хотя Че запишет в дневнике, что в ту ночь «еще раз подтвердилась огромная способность Фиделя убеждать людей, но не всех убедила его темпераментная речь»[96]. Вопрос был поставлен на голосование: немедленная казнь через расстрел или разжалование в рядовые. Из 146 присутствовавших 76 человек высказались против вынесения смертного приговора, 70 — за. На следующий день группа бойцов из голосовавших «за» решила уйти из отряда. Не защищая Сардиньяса, Гевара отмечает в своем дневнике противодействие «ряда элементов, которые примкнули к нашей борьбе в поисках приключений, а скорее, ради своих узкокорыстных целей»[97]. После победы революции такой вывод «подтвердят», например, ушедшие тогда братья Канисарес. Они окажутся на службе у контрреволюционеров и высадятся как предатели на Плайя-Хирон[98], чтобы бороться против своего народа.

Че никогда не рисковал напрасно жизнью товарищей и «не стеснялся», если того требовала обстановка, уходить или отступать, не ввязываясь в бой. Правда, и здесь его не покидал природный юмор.

Однажды он пил кофе в брошенной крестьянской хижине, ему доложили о приближении большого воинского подразделения. Гевара приказал товарищам быстро уходить в ближайший лес, а сам не преминул оставить записку около недопитого кофе: «Скоро вернусь и допью. Че».

И, конечно, больше всего он ценил в людях убежденность,

преданность идеям освобождения страны. О таком подходе при оценке качеств партизан он писал:

«В нашей Повстанческой армии мы не придавали особого значения ни возрасту, ни происхождению, ни прошлой политической деятельности, ни религии, ни идеологии, которой боец придерживался ранее, нам было важно нынешнее его поведение и важна его самоотдача революционному делу»[99].

Вместе с тем он был более чем кто-либо абсолютно «земным» человеком.

Эрнесто признавался, например, что всегда любил хорошо поесть, аппетит был хороший и съесть мог довольно много. В одном из отрядов его колонны, куда он приехал, прижимистый кашевар отказал бойцу в добавке под предлогом сбережения еды на завтра. Командир поддержал бойца, сказав, что лучше умереть с полным желудком, чем с пустым. Не отказался поесть и сам, приговаривая улыбаясь: «Завтра? Ничего подобного. Завтра уже будет другой день. Завтра и обсудим, что будем есть...»[100]. В первые дни после высадки, когда с продовольствием было туго, он пару раз составлял компанию своему другу Камило Сьенфуэгосу, который приноровился стрелять диких кошек и готовить из их мяса жаркое. Вместе с тем Че подчеркивал, что, если в отряде остался голодным хоть один человек, им должен быть командир, и никто другой, вернувшись откуда-либо, обязательно спрашивал, все ли поели, и только получив утвердительный ответ, ел сам. Если у него оказывалась пара леденцов, он разбивал их камнем на крошечные кусочки и делил между товарищами. Когда кто-либо пытался угостить его одного чем-нибудь необычным, Эрнесто, дружески похлопывая по плечу угощавшего, замечал: «Ты становишься, старина, слегка подхалимом»[101].

Как-то у завхоза отряда после раздачи сухого пайка остались три банки сгущенки. «Это что? — поинтересовался Че и услышал ответ «старательного» каптенармуса: «Запасец для командования». Командир в сердцах дал ему коленкой под зад и строго приказал разделить оставшееся молоко между бойцами, «пусть даже по одной ложке!»[102] ...Другой случай: заглянул на кухню и узнал от повара, что для бойцов варится суп из куриной требухи, а для командиров — жаркое из курицы. Попросил при нем переложить жаркое в кастрюлю с супом и разделить это «блюдо» между всеми...

Высокая человечность Че, его товарищеское отношение к бойцам, к местным крестьянам не исключали его суровых решений, если того требовали интересы борьбы. И не только по отношению к людям. Вот рассказанный самим Геварой случай,

когда его отряд должен был, не выдавая себя, тихо окружить большое подразделение батистовских войск:

«Наша колонна с трудом передвигалась по склонам, в то время как по дну ущелья шел враг.

Все было бы прекрасно, если бы не новый наш спутник — охотничий щенок. Хотя Феликс неоднократно отгонял его в сторону нашей базы — хижины, где остались повара, щенок продолжал следовать за нами. В этом месте Сьерра-Маэстры очень трудно передвигаться по склонам из-за отсутствия тропинок. Мы проходили место, в котором старые мертвые деревья были переплетены свежими зарослями, и каждый шаг нам давался с большим трудом... Маленькая колонна передвигалась, соблюдая тишину. И только иногда звук сломанной ветки врывался в естественный для этих горных мест шум. Внезапно раздался отчаянный, нервный лай щенка. Собачонка застряла в зарослях и звала своих хозяев на помощь. Кто-то помог выбраться щенку, и все вновь пустились в путь. Но когда мы отдыхали у горного ручья, а один из нас следил с высоты за движением вражеских солдат, собака вновь истерически завыла. Она уже не звала к себе, а лаяла со страху, что ее могут покинуть на произвол судьбы.

Помню, что я резко приказал Феликсу: «Заткни этой собаке глотку... Лай должен прекратиться!» Феликс посмотрел меня невидящим взглядом. Его и собаку окружили усталые бойцы. Он медленно вытащил из кармана веревку, окрутил ею шею щенка и стал его душить... Не знаю, сколько времени все это длилось, но нам всем оно показалось нескончаемо долгим... Мы оставили щенка лежащим на ветках...

К ночи мы дошли до пустой хижины. Там остановились на отдых. Быстро зарезали поросенка и сварили его. Один из бойцов нашел в хижине гитару. Кто-то запел песню.

Может быть, от того, что песня была сентиментальной или потому, что стояла ночь и мы все до смерти устали, но произошло вот что. Феликс, евший сидя на земле, выбросил кость. Ее ухватила и стала есть крутившаяся подле него кроткая хозяйская собачка. Феликс погладил ее по голове. Собака удивленно посмотрела на него, а он на меня. Мы оба почувствовали себя виноватыми. Все умолкли. Незаметно всех нас охватило волнение. На нас смотрел кроткими глазами другой собаки, глазами, в которых можно было прочитать упрек, убитый щенок...»[103].

К концу 1957 года военное положение повстанцев упрочилось. Они не только стали накапливать силы для сражений за пределами района Сьерра-Маэстры, но и укрепляли свой «тыл».

И здесь снова проявились инициатива, смекалка и личный пример Гевары.

Вместе с Фиделем они организуют в горном местечке Минас-дель-Фрио военную школу для подготовки младших командиров во главе с армейским лейтенантом Лаферте, перешедшим на сторону повстанцев.

С помощью двух гаванских студентов Че начал составлять проект небольшой гидроэлектростанции и готовиться к изданию партизанской газеты на привезенном из города стареньком мимеографе. Вскоре были напечатаны первые номера уже упоминавшейся газеты «Эль Кубано либре». В заброшенной крестьянской хижине, дабы не служила мишенью для вражеской авиации, была сооружена небольшая хлебопекарня.

Для обеспечения потребностей повстанцев в патронных ящиках, вещевых мешках, одежде и обуви организовали мастерскую, где кустарным способом изготовлялись все эти вещи. Что касается вооружения, то получать его в равнинной части страны было особенно трудно из-за проблем доставки в географически изолированный район расположения партизан. А также, по словам Гевары, это объяснялось «ростом потребностей в нем со стороны городских революционных организаций, а также их нежеланием делиться с нами»[104].

Поэтому вдвойне важным событием для повстанцев стало открытие небольшой кузницы и оружейной мастерской. Сообщая об этом в своем дневнике, Че как всегда исключительно скромен:

«Хотя первые мастерские подобного типа были организованы в нашей колонне, фактически инициатива в этом деле исходила от Фиделя; позже в своей новой оперативной зоне (на равнине. — *Ю.Г.)* Рауль создает мастерские гораздо крупнее тех, которые имелись у нас...»[105].

Была налажена даже работа маленькой табачной фабрики, хотя производившиеся на ней сигареты, по признанию Гевары, «были очень низкого качества»[106]. Мясо партизаны доставали путем конфискации скота у предателей и крупных скотопромышленников; часть конфискованного скота безвозмездно отдавали неимущим крестьянам. Остальное продовольствие закупалось в местных лавках горных селений. В этом случае бойцам приходилось тащить груз на спине. «Единственным продуктом, почти всегда имевшимся у нас, — вспоминает Гевара, — был кофе (еще бы: кубинец говорит, если у него есть пять сентаво на чашечку кофе, то он уже решил проблему завтрака. — *Ю.Г.).* Временами у нас не хватало соли — продукта, необходимость которого полностью осознаешь, когда его нет»[107].

Большой радостью для всех повстанцев стали первые передачи упомянутого выше радиопередатчика. Правда, достигали они только одного крестьянского дома, стоявшего неподалеку от лагеря на высоком холме. Но позднее заработала мощная радиостанция «Радио ребельде» («Радио повстанцев» — по-русски. — *Ю.Г.),* вещавшая на огромную территорию от Сантьяго на востоке до Гаваны на западе. Голос его диктора, артистки Виолетты Касальс, хорошо знали в удаленных уголках острова (автор был знаком с этой очаровательной блондинкой с голубыми глазами, скорее походившей на эстонку, нежели на кубинку; служа в Народной милиции, она, как правило, ходила в униформе и с кобурой на боку).

Принимались меры к налаживанию медицинской службы в Повстанческой армии. Создаются первые полевые госпитали. Один из них, в Сьерра-Маэстре, работает под началом Гевары. Для него он выбрал труднодоступное место, чтобы гарантировать находившимся там раненым и больным сравнительную безопасность: этот участок не просматривался с воздуха. Медикаменты привозили из города. «Правда, — замечает Гевара, — не всегда в нужном количестве и не всегда то, что требовалось»[108].

Но наращивал свои силы и враг. Правительство продолжало увеличивать количество полков, направляемых для подавления партизан. Общая численность их солдат достигла 10 тысяч. Батистовцы решили дать «финальный», по их словам, бой в Сьерра-Маэстре, неподалеку от поселка Лас-Мерседес.

Во время этого сражения, которое продолжалось два дня, партизаны могли противопоставить большому количеству оружия 10-тысячной армии Батисты только 200 исправных винтовок. Соотношение сил было примерно 1 к 15 в пользу противника, вооруженного самолетами, танками и минометами. И хотя повстанцы были вынуждены оставить поселок, в течение последующих двух с половиной месяцев жестоких боев батистовская армия сломала себе хребет. Правда, она не была еще побеждена, и боевые действия продолжались. За указанный период в руки партизан попало 600 единиц различного оружия, в том числе один танк, 12 минометов, столько же тяжелых пулеметов, более 20 ручных пулеметов, в плен было взято 450 человек, которые позднее были переданы Красному Кресту[109].

Терпевшие поражения в Сьерра-Маэстре полиция и войска диктатора стали усиливать террор в городах страны. В Сантьяго полицейские убили в июле 1957 года соратника Фиделя Франка Паиса и его брата Хосуэ. Преданные Батисте войска жестоко подавили восстание моряков военно-морской базы в г.

Сьенфуэгосе, беспощадно расправлялись батистовские спецслужбы с участниками подпольных организаций — «26 июля», Народно-социалистической партии и др.

Спустя почти десять лет после победы Фидель Кастро самокритично признает:

«Элементарная справедливость требует отметить: характер нашей борьбы и то, что она началась на Сьерра-Маэстре и что, в конечном счете, решающие бои вели партизанские силы, привели к тому, что в течение длительного периода почти все внимание, все признание... концентрировалось на партизанском движении в горах... это привело, в известной степени, к затушевыванию роли участников подпольного движения; роли и героизма тысяч молодых людей, отдавших жизнь и боровшихся в исключительно тяжелых условиях. Необходимо также указать и на тот факт, что в истории нашего революционного движения... не было вначале большой ясности о роли партизанского движения и роли подпольной борьбы. Даже многие революционеры считали,.. что не партизанское движение, а всеобщее восстание привело бы к свержению диктатуры... Лично мы ориентировались на победу партизанского движения, но если бы произошло так, что до того, как партизанское движение развилось в достаточной степени, чтобы нанести поражение армии, возникло бы сильное массовое движение и народное восстание победило в одном из городов, мы были готовы... немедленно оказать такому движению поддержку и принять в нем участие... В революционном процессе могли иметь место разные альтернативы и что просто следовало быть готовыми использовать любую из них»[110]. (*Прим. авт.*: Обратите внимание на эти, подчеркнутые мной слова, читатели. Они крайне важны для понимания мысли о том, что ни Фидель, ни его соратник Гевара не фетишизировали партизанскую войну как метод борьбы.)

Не сумев сломить народ террором, Батиста не погнушался самым подлым средством: назначил награду за голову Фиделя Кастро. Во всех населенных пунктах провинции Ориенте были распространены объявления, в которых каждый, сообщивший сведения о «мятежных группах» под командованием Фиделя и Рауля Кастро, Че Гевары или других их групп, получит вознаграждение не менее 5 тысяч песо (песо в то время приравнивался к одному доллару США. — *Ю.Г.)*. И добавлялось: «Размер вознаграждения может колебаться от 5 тысяч до 100 тысяч песо; наивысшая сумма в 100 тысяч песо будет заплачена за голову самого Фиделя Кастро. Примечание: имя сообщившего сведения навсегда останется в тайне»[111].

Анализируя и сравнивая итоги борьбы революционеров в

городах и партизан, Гевара, будучи, как и Фидель, сторонником использования всех форм борьбы, приходит к выводу, что партизанская форма народной борьбы с деспотическим режимом является наиболее действенной и характеризуется меньшими жертвами для народа. «В то время как потери партизан были незначительны, — пишет он, — в городах гибли не только профессиональные революционеры, но и рядовые борцы и гражданское население, что объяснялось большой уязвимостью городских организаций во время репрессий, чинимых диктатурой»[112]. (*Прим. авт.:* То есть далеко «не с потолка», как казалось некоторым, в том числе и в нашей стране, делались выводы Эрнесто Геварой.)

Войска Батисты не смогли покорить Сьерра-Маэстру. Но вскоре страна узнала, что их постигла такая же участь и в отношении второго фронта под командованием Рауля Кастро, который действовал в долине. Во второй половине 1958 года повстанцы там уже контролировали территорию в 12 тысяч квадратных километров (на северо-востоке провинции Ориенте). На этой земле создавался революционный порядок, работали 200 школ и 300 подготовительных классов (невиданная ранее форма обучения в этих краях) для дошкольников, взимались налоги, имелись своя радиостанция и телефонная сеть, были сооружены семь взлетно-посадочных площадок, 12 госпиталей, действовали революционные суды, выходила газета, осуществлялась самая первая аграрная реформа[113].

После разгрома полков, наступавших на Сьерра-Маэстру, командование Повстанческой армии приняло решение продвигаться в направлении центральной провинции страны — Лас-Вильяс (с центром в г. Санта-Клара). Выполнять эту директиву было поручено колонне под командованием Че Гевары, недавно получившего высшее звание в упомянутой армии — команданте (теперь он был приравнен в звании к самому Фиделю!).

В качестве первоочередных задач Че было предписано постоянно блокировать дороги, связывавшие противоположные части острова и проходившие через Гавану, установить контакты со всеми политическими группировками, действовавшими в горных массивах этого района (там находится второй по значению горный хребет Кубы — Эскамбрай). Гевара наделялся также широкими полномочиями по созданию военной администрации в контролируемом его колонной районе.

И сразу же, как по команде, на геваровцев навалились горой трудности и непредвиденные обстоятельства. Свой путь колонна начала 30 августа, а уже 1 сентября сильный циклон (необычно

ранний для острова) сделал непроходимыми все проселочные дороги. Двигаться же на машинах по единственному в этой зоне Центральному шоссе Гавана — Санта-Клара — Сантьяго было крайне рискованно из-за возможных налетов авиации. Поэтому бойцы, шли нагруженные большим количеством боеприпасов, в частности тащили на себе противотанковый гранатомет с 40 снарядами и все необходимое для длительного перехода и быстрой разбивки лагеря.

Вот что сообщал Че Фиделю Кастро в письме 8 сентября:

«Фидель, пишу тебе с равнины, над нами нет самолетов и относительно немного москитов. Приходится так спешить, что нет даже времени, чтобы досыта поесть. Хочу коротко рассказать все по порядку.

Выступили мы в ночь на 31 августа, имея при себе четырех лошадей. Ехать на машинах не представлялось возможным из-за отсутствия бензина и, кроме того, остерегались засады в районе Хибакоа. Но правительственных войск там не оказалось, и мы спокойно миновали этот населенный пункт. Однако пройти больше десяти километров нам не удалось: усталость в конце концов свалила нас, и мы остановились на ночлег, выбрав для этого небольшую ровную площадку в горах по другую сторону от дороги. Считаю, что следует иметь постоянно в районе Хибакоа взвод наших людей. Это позволило бы наладить дело со снабжением в районе, по которому идем.

1 сентября пересекли дорогу и раздобыли три автомашины, которые у нас постоянно ломались, пока мы добрались до одной местной усадьбы... Здесь пришлось провести весь день, так как надвигался ураган. К нам подошли на близкое расстояние человек 40 из состава «сельской гвардии» (полиция в сельской местности, набиравшаяся из местных жителей — *Ю.Г.*), но они не стали вступать в бой и ушли.

Переждав немного, мы продолжили путь на автомашинах. Их тянули на буксире раздобытые нами четыре трактора. Но на следующий день по причине бездорожья от них пришлось отказаться и идти пешком. К наступлению ночи мы дошли до берегов реки Кауто. Из-за сильного разлива переправиться через нее в ту же ночь мы не смогли, а сделали это на следующий день, причем с большим трудом и потратив на это около восьми часов. Затем мы двинулись по разведанной нами проселочной дороге. Остались без лошадей, но надеемся достать их по дороге и прибыть в назначенный район. Сколько уйдет на это времени — точно сказать нельзя из-за постоянно возникающих трудностей на этих дьявольских дорогах. Постараюсь и дальше информировать тебя о ходе нашего дальнейшего продвижения, а заодно сообщать

о местных жителях, которые могут пригодиться...

Пока все. Крепко обнимаю всех, кто остался там, в горах, которые отсюда уже едва вырисовываются на горизонте»[114].

По мере удаления от Орьенте колонна старалась избегать населенных мест. Ночью 9 сентября ее головной дозор попал в засаду. В коротком бою был уничтожен небольшой вражеский гарнизон, но противник теперь знал общее направление геваровской колонны. Снова наступили тяжелые дни, напоминавшие Эрнесто первые марши после высадки с «Гранмы».

Гевара писал об этом переходе:

«Голод и жажда, чувство бессилия перед врагом, который все теснее сжимал кольцо окружения, и к тому же страшная болезнь ног... превращавшая каждый шаг бойца в мучительную пытку, — все это привело к тому, что наш отряд стал походить на армию теней. Нам было очень трудно продвигаться вперед. День ото дня ухудшалось физическое состояние наших бойцов. Скудное питание еще больше усугубляло их плачевное положение. Но самые тяжелые дни наступили тогда, когда нас окружили недалеко от сентраля (сахарный завод вместе с плантацией сахарного тростника. — *Ю.Г.)* Барагуа. Мы оказались в зловонном болоте, без капли питьевой воды, с воздуха нас непрестанно атаковала вражеская авиация... Наша обувь совсем стала непригодной... колючие травы причиняли босым ногам нестерпимую боль. Наше положение было поистине отчаянным...»[115].

И все же благодаря неимоверной воле страдавшего от астмы командира («измученных людей, — пишет он, — можно было заставить двигаться лишь только бранью, оскорблениями, мольбой и всякого рода ухищрениями»)[116] окружение удалось прорвать. Колонна вплавь (!) переправилась через реку, разделявшую провинции Камагуэй и Лас-Вильяс. На горизонте засверкало голубое пятно горного одноименного массива.

И снова обстоятельное донесение главнокомандующему[117]:

«Наконец-то, после изнурительных ночных переходов пишу тебе из провинции Камагуэй (это уже на одну провинцию ближе к Гаване. — *Ю.Г.)*. Надежд на то, чтобы в ближайшие дни ускорить наше продвижение, нет. В день проходим в среднем по 15—20 километров, половина моих людей — на лошадях, но седел нет. Камило находится где-то рядом, и я, чтобы встретиться с ним, ожидал его здесь неподалеку от рисовой плантации Бартлеса, но он не пришел. Равнина, по которой мы идем, огромна, москитов мало, и пока не встретили ни одного каскитоса (армейский солдат. — *Ю.Г.*); пролетающие над нами самолеты кажутся совсем маленькими и беззащитными. Передачи «Радио ребельде»

(радиостанция Повстанческой армии. — *Ю.Г.)* прослушиваются с большим трудом, и то через Венесуэлу.

Все говорит о том, что правительственные войска не желают до поры до времени вступать с нами в бой, как, впрочем, и мы. Откровенно говоря, меня преследует какая-то боязнь в связи с нашим переходом со 150 необученными новобранцами в эти незнакомые районы. В то же время вооруженная группа партизан численностью 30 человек, не больше, могла бы действовать здесь с большим успехом, революционизируя всю округу...

Что касается моих дальнейших планов относительно последующего маршрута, то сообщить тебе что-либо определенного не могу, так как я сам еще не знаю его точно. Все будет зависеть от стечения обстоятельств, таких, как, например, сейчас, когда мы ждем прибытия нескольких автомашин, чтобы пересесть в них и оставить лошадей, которые были незаменимы во времена Антонио Масео (подробно о нем можно прочитать в докладе Гевары «Антонио Масео» — см. приложения к этой книге. — *Ю.Г.*), когда не было авиации, но сейчас они хорошо видны с воздуха и служат прекрасной мишенью для самолетов противника. Если бы не лошади, мы преспокойно могли бы двигаться и днем.

Воды и грязи здесь по горло. Повозки, на которых мы перевозим оружие, чтобы сохранить его в исправном состоянии до прибытия в назначенный район, имеют такой вид — хоть пиши с них картину. В пути мы с огромным трудом переправились вплавь через несколько небольших речек; несмотря на трудности, люди в целом ведут себя дисциплинированно, хотя нашей дисциплинарной комиссии приходится подчас принимать строгие меры в отношении отдельных нарушителей. Следующее донесение, возможно, будет из города Камагуэя. Остается еще раз по-братски обнять всех оставшихся в Сьерра-Маэстре, которая уже не видна отсюда».

На календаре стояло число — 16 октября. Мы не случайно называем дату. Дело в том, что Че получил приказ помешать проведению общенациональных выборов, назначенных на 3 ноября, что было осуществить, по словам самого Гевары, «очень трудно, поскольку оставалось мало времени, а также из-за разногласий в революционном движении, которые обходились нам (повстанцам. — *Ю.Г.*) слишком дорого и подчас стоили человеческих жизней»[118]. Позднее мы кратко остановимся на этих разногласиях.

В результате координации действий с колонной Камило Сьенфуэгоса, действовавшей в северной части той же провинции, удалось полностью сорвать фарс выборов, призванных изобразить

Батисту в качестве «приверженца» демократии.

Что касается боевых действий, как уже было показано выше, в сентябре еще ничто не предвещало скорую победу. Перед нами три донесения Гевары Фиделю Кастро за сентябрь[119].

«Сегодня услышали переданное по радио сообщение генерала Табернильи о том, что колонна Че Гевары была якобы разгромлена. Дело в том, что в одном из забытых нами в суматохе вещевых мешков батистовцы обнаружили записную книжку, в которой были подробно указаны имена, фамилии, адреса наших бойцов и закрепленное за ними личное оружие с боеприпасами и снаряжением. Кроме того, один из бойцов, состоящий членом Народно-социалистической партии (компартии. — *Ю.Г.*), потерял где-то по дороге свой вещевой мешок, где находились партийные документы.

В дальнейшем мы переправились через реки Сан-Педро и Дуран... и достигли местечка под названием Эль-Чичаррон. Здесь из колонны сбежал один тип, присоединившийся к нам в районе Камагуэя, а спустя некоторое время при преодолении одного опасного места пропал некто Хосе Перес, который пришел в колонну перед самым нашим выступлением из провинции Орьенте и который, как я подозреваю, просто дезертировал, прихватив с собой винтовку.

Перейдя железнодорожную насыпь в довольно опасном месте, мы оказались в рисоводческом районе, где расположены огромные владения братьев Агилера. Проводников у нас по-прежнему нет. Поэтому приходится идти по еще кое-где сохранившимся следам колонны Сьенфуэгоса. Начиная с 20 сентября мы идем через сплошную болотистую местность, непрерывно преследуемые правительственными войсками. Несколько оставшихся у нас лошадей пришлось окончательно бросить; топь и зловоние причиняют нам немало неудобств. 20 сентября».

Следующее донесение датировано 29 сентября.

«Сегодня осталась позади последняя рисовая плантация... и когда мы уже вступали на плантации сентраля[120] Барагуа, то неожиданно обнаружили, что дальнейший наш путь полностью блокирован правительственными войсками. Оказалось, что они нас заметили еще до начала этого перехода, и шедшим сзади бойцам пришлось даже отстреливаться тогда. Но мы не придали этому значения, думая, что речь шла об обычной засаде. Поэтому я приказал ждать наступления ночи, рассчитывая, что нам удастся пройти. Когда же я убедился, что мы попали в ловушку и что противник полностью осведомлен о нашем местонахождении и ждет нас, было уже слишком поздно, чтобы попытаться

проскочить. К тому же ночь была дождливой и слишком темной, чтобы можно было определить точно, где находятся батистовцы. Пришлось по компасу отойти назад и остановиться на какое-то время посреди топи, прикрываясь небольшой растительностью от вражеской авиации.

Вскоре появились самолеты противника и сбросили весь свой смертоносный груз на находившиеся недалеко от нас деревья с густыми кронами. Батистовские летчики полагали, что мы укрывались среди этих деревьев.

Посланная вперед разведгруппа во главе с лейтенантом Асеведо обнаружила на фланге вражеской позиции не охранявшуюся никем заболоченную лагуну, через которую, как считал противник, нельзя было пройти. Но именно по этой лагуне, осторожно ступая по воде, 140 человек моей колонны прошли около двух километров и миновали последний вражеский пост всего в ста метрах. Мы даже слышали доносившиеся голоса переговаривавшихся друг с другом солдат. Уверен, что они все же слышали шум наших шагов, да и к тому же в тот момент вышедшая из-за облаков луна ярко осветила все вокруг. Однако солдаты батистовской армии никогда не отличались высоким боевым духом, и, вероятно, они сделали вид, что не заметили нас. Всю ночь и часть следующего дня мы шли по залитой морской водой топи. Многие бойцы шли совершенно разутые, а те же, у кого была обувь, она находилась в весьма плачевном состоянии».

Не могу оставить без комментария это письмо. Должен хотя бы подчеркнуть присущее Че свойство — не только не преувеличивать свои заслуги, но всячески их занижать, даже тогда, когда они, как в этом принятом им решении, — налицо.

И, наконец, регистрация событий в конце сентября, отправленная командующему в донесении от 3 октября:

«Неподалеку от сентраля Барагуа мы взяли с собой работавшего на нем мясника, решив использовать его на пару дней в качестве проводника. Его жена, которая была в плохих отношениях со своим мужем, не стала возражать против этого. Очевидно, она надеялась, что он погибнет где-нибудь вместе с нами. Вскоре на нас налетели самолеты B-26 и сбросили свой обычный груз. Но все обошлось благополучно, хотя и пришлось идти всю ночь по лагуне, заросшей колючим кустарником, нещадно коловшим ноги бойцов. Не исключено, что жена мясника донесла на нас.

Нехватка продовольствия также оказывает влияние на настроение людей. Отдыхать не приходится, так как правительственные войска преследуют нас по пятам и, конечно, как всегда, при поддержке самолетов. В каждом крестьянине мы

видим потенциального шпиона. Обстановка во многом напоминает ту, которая была в первые дни партизанской войны в Сьерра-Маэстре. Установить контакт с руководством местной организации «Движения 26 июля» мы не смогли, а когда я попросил двух человек помочь нам, думая, что они являются членами организации, они отказались это сделать. Нам помогли деньгами, одеждой, обувью, лекарствами, продовольствием и проводниками члены Народно-социалистической партии, которые также сообщили нам, что, когда они обратились с просьбой о помощи для нас в местную организацию «Движения 26 июля», там ответили следующее: «Если Че пришлет просьбу в письменной форме, мы ему поможем; если нет, то пусть он катится на все четыре стороны». (*Прим. авт.*: Подобные позиции двух политических организаций объясняются тем, что в конце войны НСП поняла свою ошибку — игнорирование партизан — и всячески старалась им помогать; в «Движении 26 июля», наоборот, к тому времени объявилось много противников Ф. Кастро, боявшихся победы партизан.)

Между тем повстанцы Гевары продолжали действовать. Начиная с середины декабря, они практически прервали (был взорван стратегический мост через реку Фалкон) сообщение между Гаваной и восточной частью провинции Лас-Вильяс по Центральному шоссе. Штурмом был взят ряд населенных пунктов в этой провинции, гарнизоны которых сдались в плен. Было принято решение начать наступление на Санта-Клару.

В первую очередь в городе и на подступах к нему были окружены все укрепленные опорные пункты, в том числе стоявший на железнодорожном пути бронепоезд. Боевые действия начались 29 декабря. Противник действовал при поддержке танков. Повстанцы огнем заставили его откатиться назад. Постепенно импровизированные кладбища и госпитали стали заполняться убитыми и ранеными.

На следующий день, понимая что ситуация безнадежная, защитники бронепоезда решили ретироваться на нем, но пути были уже предусмотрительно разобраны бойцами Гевары. Осажденный ими и забрасываемый с близкого расстояния бутылками с бензином, бронепоезд превратился в ад для батистовских солдат. Спустя несколько часов вся его команда сдалась.

Постепенно были захвачены электростанция, полицейское управление вместе с оборонявшими его танками, казарма, тюрьма, здания суда и провинциальной администрации, а также самая большая гостиница города «Гранд-отель», из которой засевшие на десятом этаже батистовцы-снайперы из военной

разведки вели прицельный огонь почти до окончания боевых действий. Позднее выяснилось, что они были с избытком «вооружены» не только большим запасом патронов, но несколькими ящиками спиртных напитков из гостиничного бара. (Прим. авт.: Я не раз останавливался в этом отеле, когда приезжал в город для чтения лекций в местном университете или сопровождая какую-нибудь советскую делегацию. Теперь гостиница называется «Санта-Клара». Еще в первое мое посещение я обратил внимание на одну деталь, показавшуюся мне нонсенсом, — на прекрасно и недавно отремонтированном фасаде этого здания заметно выделялись «пятна» отбитой штукатурки. Заметив мое недоумение, приехавший за мной профессор С. Фейхоо пояснил, что «огрехи» в отделке оставлены как следы обстрела отеля из пулемета танкетки. В этой танкетке во время штурма гостиницы находился команданте Гевара (!).

Че несколько раз посылал парламентеров к командованию гарнизоном, чтобы избежать лишних жертв. Но оно упиралось, отказываясь признать свое поражение. Тогда Че по радиотелефону дает срок до 12.30 и говорит: «...будем стрелять всерьез. Не затягивайте войну. А если по вашей вине произойдет американская интервенция (об этом появились слухи в прессе. — *Ю.Г.*), то вы будете виновны в национальном предательстве и закончите свои дни на виселице». Он подтвердил, что в случае немедленной капитуляции будет разрешено офицерам и солдатам, проживающим в Санта-Кларе, разойтись по домам.

— Все потеряно! Мы сдаемся, — сказал полковник, разговаривавший с Че по телефону...

Описывая эти бои, сам же Че говорит только о других. В частности, вспоминает такой случай, который наглядно, по его словам, показывает боевой дух Повстанческой армии в последние дни борьбы:

«В разговоре с бойцом, разоруженным во время сна. Сдержав себя, я сказал ему: «Если ты мужчина, иди безоружным на передний край и добудь себе там оружие». Позже, во время моего Посещения госпиталя, — продолжает Гевара, — один умирающий боец дотронулся до моей руки и сказал: «Помните команданте? Вы послали меня добыть себе оружие. Я добыл его здесь в бою». Через несколько минут он умер с сознанием исполненного долга. Такова была наша Повстанческая армия»[121].

Надо сказать, что Гевара глубоко переживал гибель своих товарищей, хотя не всегда это показывал на людях. Но бывали случаи, когда сдавалась даже его стальная воля. Помогавший партизанам гуахиро Хавьер Фонсека вспоминал:

«Когда Че сообщили, что убит Сиро Редондо, произошло

нечто невиданное доселе. Я не думал, что Че способен плакать, но в тот день он не смог сдержаться, боль превозмогла его. Я видел, как, прислонившись к скале и закрыв лицо руками, он горько рыдал»[122].

В период боев за Санта-Клару один из батистовских генералов, Кантильо, установил негласный контакт с Фиделем Кастро (как позднее выяснилось, с согласия Батисты) и предложил прекратить боевые действия и даже арестовать президента, если его самого назначат командующим кубинской армией. Но Фидель, знавший цену обещаниям генералитета, никакого ответа не дал.

На предложение парламентеров Гевары, связавшихся с Кантильо по радио, сдаться, тот пустился на обман и заявил, что в строгом соответствии с указанием Фиделя Кастро принял на себя командование армией и поэтому ультиматумы повстанцев неприменимы. Че немедленно сообщил об этом Фиделю, который публично отказался признать Кантильо и отдал приказ наступать на Гавану.

А тем временем сам Батиста, прихватив с собой дорогие ему реликвии: телефонный аппарат из чистого золота и серебряный ночной горшок (благо, валюту он давно переслал в швейцарские банки), на личном самолете бежал с семьей и приспешниками за границу.

К двум часам дня 1 января 1959 года бойцы Гевары сделали кубинскому народу новогодний подарок — Санта-Клара полностью перешла в руки Повстанческой армии. Дорога на Гавану была открыта.

А утром следующего дня жители Санта-Клары читали расклеенное на стенах домов обращение Че «К гражданам провинции Лас-Вильяс»:

«Покидая город и провинцию для исполнения новых обязанностей... я выражаю глубокую благодарность населению города и всей провинции, которое внесло большой вклад в дело эволюции и на чьей земле произошли многие из важнейших заключительных боев против тирании... Пусть население провинции знает, что наша повстанческая колонна, значительно выросшая за счет вступления в ее ряды сынов этой земли, уходит отсюда с чувством глубокой любви и признательности. Я призываю вас сохранить в своих сердцах этот революционный дух, чтобы и в осуществлении грандиозных задач восстановления население провинции Лас-Вильяс было авангардом и опорой революции»[123].

Между тем колонна Гевары на грузовиках и вездеходах мчится по шоссе в столицу. Скажем несколько слов, как обещали,

о разногласиях в стане патриотов. Затрагивая эту деликатную тему, важно не смешивать действительно патриотов (пусть даже просто сочувствовавших делу повстанцев) с теми, кто, прикрываясь этим почетным именем, преследовал иные цели: от обогащения путем грабежа населения до сохранения в стране «статус-кво», хотя и без Батисты.

Мы будем говорить о первых: со вторыми, на наш взгляд, все ясно. Разве что приведем для большей ясности один конкретный пример. Самозваный главарь так называемого Второго фронта Гутьеррес Менойо пытался преградить бойцам Гевары доступ в горы, заявив, что это его территория. Ему была ненавистна сама идея аграрной реформы, за которую ратовали Фидель и Че.

Что касается разногласий, скажем, в «Движении 26 июля», то там было достаточно людей, которые не только отрицательно относились к вооруженным методам борьбы против тирании, но и к проведению аграрной реформы на подлинно демократических началах. Показательна в этом отношении беседа между Че Геварой и политическим деятелем Энрике Олтуски, выступавшим под псевдонимом Сьерра:

— Я, — рассказывал этот деятель «Движения», — Геваре написал раздел об аграрной реформе для программы нашего Движения.

— В самом деле? И каково его содержание?

— Вся необрабатываемая земля должна быть отдана гуахиро. Необходимо обложить большими налогами латифундистов... А потом, выкупив у них землю, продать ее крестьянам по ее реальной стоимости, если нужно в рассрочку и снабдив их кредитами для налаживания сельскохозяйственного производства...

— Но это реакционный тезис! — кипел Че от возмущения. Как мы будем продавать землю тем, кто ее обрабатывает?

— Человек должен почувствовать, что полученное им стоило усилий.

— Вот какой ты сукин сын! — вскричал Че. Жилы на его шее напряглись...»[124].

Э. Гевара вспоминал и другие примеры далеко не революционного поведения Сьерры. Как-то, чтобы пополнить казну повстанцев, Че приказал ему произвести экспроприацию банка в городе Санкти-Спиритус. Но тот отказался выполнить этот приказ, ссылаясь на то, что такие действия могут оттолкнуть от «Движения 26 июля» состоятельных людей.

В ответ на это Че пишет Сьерре резкое письмо:

«Я мог бы спросить тебя, почему все гуахиро одобряют наше требование передать землю тем, кто ее обрабатывает? И разве это

не связано с тем, что масса повстанцев согласна с экспроприацией банков?.. Ты никогда не задумывался над экономическими причинами традиционного уважения к самому грабительскому из всех финансовых учреждений? Те, кто наживаются ростовщичеством и спекуляциями, не заслуживают того, чтобы с ними церемонились... когда многострадальный народ истекает кровью в горах и долинах, ежедневно являясь жертвой предательства со стороны своих лживых руководителей»[125].

В самом «Движении 26 июля» существовали две вполне определенные точки зрения и на методы борьбы. Одна из них (ее придерживались партизаны Фиделя) сводилась к необходимости развертывания широкого повстанческого движения во всех районах страны в целях уничтожения батистовского режима. Соратники из равнинных районов стояли на позиции организации в городах выступлений трудящихся, которые со временем с помощью всеобщей забастовки приведут к свержению тирании.

«На первый взгляд, — отмечал Гевара, — эта позиция казалась даже более революционной, чем наша... В действительности же политическое сознание сторонников этой точки зрения было недостаточно высоким, и всеобщая забастовка, в том виде, как они ее понимали, не соответствовала требованиям момента»[126]. К этому можно добавить, что всеобщая забастовка, намечавшаяся руководством «Движения» на 9 апреля 1958 года, была попросту провалена и не нашла широкого отклика среди масс.

Другой, отличной от партизанской стратегической концепции придерживалась и Народно-социалистическая партия (коммунисты) — НСП. Причем первое время она, по существу, игнорировала действия повстанцев («Партия, — позднее напишет Гевара, — в то время не имела четкого представления о значении партизанского движения и о личной роли Фиделя в нашей революционной борьбе»)[127]. И лишь только на завершающем этапе коммунисты направили в лагерь Фиделя одного из своих руководителей — Карлоса Рафаэля Родригеса, весьма умного человека и тонкого политика, сумевшего установить взаимопонимание с командованием партизан. (*Прим. авт.*: Карлос Рафаэль, с которым мне доводилось много общаться во время командировки на Кубу, всегда поражал меня своей эрудицией и подлинным талантом общения с людьми. После победы революции он занимал ряд высоких должностей в кубинском руководстве, вплоть до заместителя Фиделя Кастро. К сожалению, он уже скончался в весьма преклонном возрасте.)

Правды ради, Че признает, что Народно-социалистическая партия в некоторых конкретных мероприятиях действовала

вместе с повстанцами, но существовавшее взаимное недоверие препятствовало объединению сил[128]. Он вспоминает в дневнике:

«Как-то во время дружеской дискуссии с одним из руководителей НСП я сказал: «Вы можете воспитать борцов, которые готовы стойко вынести все пытки в застенках, но вы не способны воспитать борцов, которые могут уничтожить пулеметное гнездо». Этот товарищ согласился со мной... С моей точки зрения... такая позиция являлась следствием стратегической концепции, в которой решение бороться против империализма и эксплуататорских классов не увязывалось с возможностью взятия власти в свои руки. Позднее некоторые товарищи, которым не был чужд дух партизанской борьбы, присоединились к нам, но вооруженная борьба приближалась к концу, и их влияние оказалось слабым»[129].

После Гватемалы это было вторым разочарованием Че Гевары по поводу политики латиноамериканских коммунистов. Забегая вперед, скажем, что третье такое разочарование его ожидало в Боливии...

Что же касается кубинских буржуазных политических деятелей, настроенных по тем или иным причинам против Батисты, они все еще надеялись погреть руки на подвигах повстанцев. Собравшись в октябре в Майами (США), они учредили «Совет освобождения» и сочинили манифест к народу. В постоянном контакте с ними находился специально приставленный агент ЦРУ Жюль Дюбуа.

Фидель Кастро быстро раскусил замысел упомянутых политиканов: воспользоваться в своих целях победой повстанцев, посадить в президентский дворец очередного Батисту и снова продолжать антинародную, зависимую от «северного соседа» политику. Лидер революции публично отверг эти планы. А Че Гевара написал ему в письме: «Еще раз поздравляю тебя с твоим заявлением... Теперь ты вступаешь на еще более замечательный путь, который приведет к власти в результате вооруженной борьбы масс»[130].

...А пока колонна повстанцев под командованием аргентинского врача Эрнесто Че Гевары подъезжает к кубинской столице и направляется к Гаванской гавани, где ей предстоит занять старинную крепость «Кабанья». Гарнизон сдается без единого выстрела. Победа! Война закончена!

Но не для коменданта крепости Гевары, который со своим соратником и другом Камило Сьенфуэгосом руководит разоружением воинских частей и полиции. В одном из первых своих выступлений по телевидению Че говорит о необходимости создать революционную милицию...

Только через сутки после прибытия в Гавану он как подкошенный от усталости и нервного напряжения последних дней падает в койку в своей комендантской каморке и засыпает на несколько часов...

Когда Эрнесто проснулся, за окном было темно, и только вспышки прожектора на маяке в гавани белым светом освещали квадрат стены, чем-то напоминавший экран телевизора. Через некоторое время ему стало казаться, что экран ожил: на нем появились близкие, родные лица, которые заговорили с ним как живые. Он так соскучился по ним за эти годы... Че спал, а в голове проносились милые сердцу воспоминания... Попробуем и мы с вами, читатель, «подключиться» к ним...

Глава 4 РОДНЫЕ ЛИЦА

Вот они, мои старики, отец с мамой... Но почему они так изменились? — удивился Эрнесто. И тут же обожгла мысль: «Наверное, все эти годы беспокоились обо мне, переживали, ведь пресса и радио раза три за эти годы хоронили меня... А я так редко им писал... Бедная моя мама, не чающая души во мне, каково ей было читать, что Че Гевара погиб?! Боже, да у нее появились седые волосы!»

Да, сынок, я всегда очень любила тебя, может быть даже больше, чем остальных моих детей, всегда казнила себя за то, что простудила тебя и в результате — твои муки из-за астмы. Ну а редкие письма? Мы понимали, что не часто ты имел оказию, а пересылать по обычной почте «эзоповы послания» — невесть какая информация для нас. Помнишь твое первое письмо с войны в таком стиле?

Эрнесто, конечно, помнил: «Сперва я думал, что ничего не выйдет и наступит полный развал. Но шеф сумел стабилизировать, а потом даже исправить ситуацию. Теперь мне кажется, что через несколько месяцев он даже предоставит мне отпуск, если все... можно будет оплатить. С каждым днем я все лучше себя чувствую... и собираюсь с помощью шефа сделать карьеру»[131]. Правда, последнее его письмо из Мехико было более понятным: «Решил выполнить главные задачи жизни — выступить против порядка вещей с щитом в руке... Знаки зодиака — хорошие, предсказывают победу, но если ошибутся, думаю, что смогу сказать словами поэта: «И унесу с собой я в землю лишь грусть напева без финала». Победим или умрем»[132].

Ему припомнился даже разговор на эту тему с его другом Хорхе Селайя в Мехико:

Эрнесто: Твои родители, Хорхе, писали мне, что ты уже несколько лет ничего не сообщаешь о себе...

Хорхе: У меня не было времени...

Эрнесто: Революционер не должен забывать о родителях: о нас и так некоторые журналисты пишут, как о бездушных роботах... Всегда можно немного времени выкроить для семьи...

Хорхе: Ты прав, а сам-то часто писал из Мексики родителям? (Эрнесто вспомнил, как он покраснел тогда и пробормотал: «Да, мне тоже следовало бы почаще им писать»)[133].

На «экране» появился отец:

Знаешь, Тэтэ, Ильда тоже очень переживала, когда газеты сообщили о вашей гибели после высадки с «Гранмы». Она бросила все в Мехико и тут же уехала с дочкой домой в Лиму...

Она шла как-то по городу, и у нее украли сумку со всеми документами и твоими стихами. (Эрнесто тут же вспомнил, как он сказал жене, прощаясь: «Возможно, что я умру, но революция победит, не сомневайся», как поцеловал ее в голову, как прижал к себе крошку Ильдиту — «ох ты мой маленький Мао!») (у дочки были с «китайским» разрезом глазки. — *Ю.Г.*)[134]). Я позвонил ей, — продолжал отец, и сообщил, что заказал для нее авиабилет до Буэнос-Айреса и что получили от тебя записку.

Да, добавила мама, мы были очень рады приезду Ильды и малышки. Из-за сильной жары мы поселились вместе с ними на ранчо. (*Прим. авт.*: Да, я помню тот знойный январь 1957 года в Буэнос-Айресе, когда термометр показывал в тени +44 при влажности воздуха в 95%!)

Послышался еще один знакомый голос: «А помнишь, Эрнесто, что ты сказал нашей дочурке при прощании? (Это Ильда, подумал Че): «Дорогая моя доченька, мой маленький Мао! Ты еще не знаешь, в каком трудном мире тебе предстоит жить. Когда ты станешь большой, весь этот континент, а может быть и весь мир, будет охвачен борьбой против великого врага. Возможно, меня уже не будет на земле, но пламя борьбы охватит континент»... Когда сообщили о твоей гибели, меня успокаивал старик Байо. Он говорил: «Че был лучшим моим учеником, он прекрасно усвоил то, что я преподавал. Я верю, что он не погиб»[135].

Эрнесто захотелось уже сейчас рассказать Ильде, что он связал свою жизнь с другой женщиной, извиниться перед ней, но сон крепко держал его в своих объятиях... Наконец он открыл глаза и, еще не ощутив границы между только «виденным» и явью, подумал: «Как они все меня любят. Я тоже их очень люблю. Надо пригласить стариков в Гавану и организовать переезд сюда Ильды и дочки»...

Родители не заставили себя ждать — получив приглашение, они тут же пустились в путь. Че встречал их в Гаванском аэропорту. Пока Эрнесто стоял в ожидании выруливавшего самолета, к нему подскочил какой-то шустрый газетчик:

— Какие у вас планы на ближайшее время, команданте? Войдете ли в состав нового правительства?

— Нет, я не войду в правительство, я всего лишь (! — Ю.Г.) майор Повстанческой армии, и, когда ситуация нормализуется, я вновь посвящу себя своей профессии врача. Хотелось бы уехать в Аргентину и немного отдохнуть от тягот двухлетних боев...

— А когда она нормализуется?

Гевара только пожал плечами. И был прав: до этого было еще далеко...[136]

Журналист попросил у него автограф, но Че отказал: «Я же не

примадонна театра...»

Еще больше вопросов было от приехавших родителей. Мама спрашивала, что за человек Фидель, чем теперь они с ним занимаются, скоро ли переедут в Гавану Ильда с дочуркой, продолжает ли мучить ее Эрнестито астма. Отец поинтересовался, думает ли он заняться медицинской практикой.

— Знаешь, старина, — сказал Эрнесто. — Давай я тебе подарю свой диплом врача, ты ведь тоже Эрнесто Гевара, может быть, с этой профессией тебе повезет больше. И они оба рассмеялись.

— А как бы нам посмотреть остров на машине? — спросил Эрнесто-старший. Че стал серьезным:

— Если только оплатишь бензин и шофера: я пока не получаю даже жалованья, а к расходам государственных средств мы теперь относимся очень строго...

Мама стала рассказывать, как гордится ее сыном вся родня:

— Даже твои аристократки — тетушки (предки семьи Гевары входили в XIX веке в число самых богатых «100 семейств» Аргентины. — *Ю.Г.*) важно говорят: «Наш племянник Эрнестито — это знаменитый Че Гевара!»

Поморщившись при этом, Эрнесто поспешил сменить тему разговора:

— Как твое здоровье, старушка? Как ведут себя твои старые болячки? (при этом сын вспомнил, как он собирался в свое первое велосипедное путешествие, будучи первокурсником медфака, но мать перенесла операцию по поводу рака груди, и он начинает проводить опыты на кроликах — чтобы получить новую инъекцию против опухолей. Поездку пришлось отложить на целых пять лет).

Селия что-то пробормотала в ответ, сделав вид, что не поняла вопроса.

— Тэтэ, неужели ты собираешься жить с женой и дочуркой в этой маленькой каморке?

— Нет, в ближайшее время мне обещали предоставить небольшой особнячок одного батистовца, бежавшего в Штаты. Там есть небольшой садик для Ильдиты. — Потом он немного помолчал и добавил:

— Я должен тебе кое-что сказать, старушка. Я их скоро перевезу сюда, но жить с Ильдой не буду: на войне я встретил и полюбил другую женщину — Алеиду Марч из Санта-Клары. Она была моей связной...

Видя, что мать расстроена и молчит, Эрнесто подошел к ней и обнял за плечи:

— Не горюй, старушка, я их не брошу, я очень люблю Ильдиту и буду ее воспитывать. Может быть, Ильда отдаст ее к

нам в дом, когда она немного подрастет...

Родители побывали в Ориенте, в местах, где воевал их сын (Фидель, узнав об их приезде, предоставил им машину с шофером и своего адъютанта), и улетели в Буэнос-Айрес. Вскоре приехали и обе Ильды.

Старшая, выслушав объяснения мужа, горько зарыдала. Эрнесто, как мог, ее успокаивал и просил его извинить. Потом добавил:

— Может быть, было бы лучше, если бы я погиб...

Ильда взяла себя в руки и стала вытирать слезы:

— Нет, Эрнесто, только не это, я рада, что ты живой... Я хочу остаться на Кубе... Будем друзьями. Ты знаешь, вспоминая о тебе, все это время я делала записи о нашем знакомстве, жизни в Мехико, свадьбе... когда-нибудь прочтешь...

Проснулась Ильдита. Эрнесто взял ее из кроватки на руки:

— Вот он, лепесток нашей дружбы!

— Папочка, мы всегда будем теперь с тобой жить? — У Гевары комок застрял в горле.

— Конечно, мой китайчонок. Твой папа очень занят сейчас, но будет часто приезжать к тебе в гости...

И нужно сказать, что, как всегда, Че сдержал слово: при всей неимоверной занятости, работая по двадцать часов в сутки, раз в неделю он мчался на машине на окраину Гаваны и, к великому удивлению его телохранителя, начинал играть с дочуркой — прятался, прыгал, качал ее на качелях, ползал по траве в садике... Только один раз Эрнесто не приехал в условленное время — в дни Карибского кризиса[137] он командовал войсками, дислоцированными в провинции Пинар дель Рио. Зато по окончании опасных для страны дней прибыл, как был на командном пункте — в пыльной униформе, с ввалившимися от бессонницы глазами. Поцеловал Ильдиту и серьезно сказал ей: «Доченька дорогая, так давно тебя не видел: мы были в большой опасности из-за этих проклятых янки. Как только все успокоилось, я сразу к тебе. Давай играть на полу, а то я такой грязный»[138]. (Рассказывая об этом в своей книге, Ильда пишет, что при такой сцене охранник и шофер зашмыгали носом и стали вытирать глаза.) Он разговаривал с ней всегда как со взрослой (как это делали его родители с ним). Особенно когда она немного подросла. Уезжая с Кубы в различные командировки, он всегда находил время и возможность прислать ей письмо. Вот только некоторые из этих писем, приведенные Ильдой в ее книге о муже.

На девятилетний день рождения Эрнесто прислал из Африки с оказией колечко с камушком и письмо:

«Дорогая моя, когда получишь эту записку, я буду в одной

африканской стране, а тебе исполнится девять лет. Я посылаю тебе этот подарочек, чтобы ты носила его как память обо мне. Не знаю, будет ли колечко тебе велико, но на какой-нибудь из твоих 5 пальчиков сможешь надеть. Очень хочу тебя видеть... Может быть, и в этом году будешь примерной ученицей... (*Прим. авт.*: В предыдущий год Ильдита получила грамоту «Примерная ученица», и отец подарил ей свой значок «Ударник труда», выданный ему профсоюзами за отличный труд на уборке сахарного тростника — «сафре».)

«Старушка», твой папа, который тебя очень любит, шлет тебе поцелуй и крепко обнимает тебя. Добрый привет твоей маме»[139].

А вот другое письмо через несколько месяцев:

«Дорогая дочурка, посылаю тебе несколько строк, чтобы ты знала, что твой «старик» всегда помнит о тебе. Получил твои недавние снимки — сожалею, что ты становишься совсем взрослой. Скоро надо будет выставлять караул около дома, чтобы оградить от претендентов.

Я нахожусь далековато, выполняя порученную мне работу, и немного задержусь здесь. Не забывай иногда заглянуть в дом к твоим братьям и сестрам (к тому времени в семье Эрнесто и второй его жены Алеиды тоже росли дети. — *Ю.Г.*), которые немного недисциплинированные и не всегда старательны в учебе. Передай привет твоей маме и двоюродной сестренке... Твой папа шлет тебе поцелуй и самое крепкое объятие»[140].

Письмо в апреле 1966 года, на десятилетие дочки, было последним из африканской командировки:

«...Ты уже взрослая, тебе нельзя писать так, как пишут детишкам... Я кое-что делаю, борясь с нашими врагами. И, хотя не так много, думаю, ты всегда сможешь гордиться своим отцом, как я горжусь тобой. Ты и дальше должна быть лучшей в школе. А это означает отличную учебу, хорошее поведение, серьезность, любовь к революции и чувство товарищества.

Я не был таким в твоем возрасте: у тебя привилегия жить в другом обществе, и нужно быть достойной его... Присматривай за младшими, особенно за Алеидиной, которая тебя считает лучшей из всех и слушается как старшую... Огромный поцелуй, который будет всегда с тобой, пока мы не увидимся...»[141]...

Вряд ли подобные письма требуют каких-либо комментариев. Они являются самым убедительным опровержением измышлений противников Че, пытающихся представить его эдаким бездушным «революционным монстром».

Выше мы упоминали о записках Ильды. Она опубликовала их уже после гибели мужа в виде книги — Hilda Gadea. «Che Guevara. Anos decisivos». Mexico, 1972. Так как книга вышла только на

испанском языке, познакомимся в сжатой форме с воспоминаниями первой жены Гевары. Но сначала несколько слов о ней самой.

Читатель уже знает, что Ильда Гадеа — уроженка Перу, из семьи со средним достатком, окончила экономический факультет университета в Лиме, со студенческих лет принимала активное участие в апристском[142] движении, в Гватемале сотрудничала с местными коммунистами. Была на шесть лет старше Гевары, который не раз восторгался ее познаниями в различных гуманитарных науках, в искусстве и музыке. После развода с ним жила и работала на Кубе.

В 1968 году выступила в гаванском журнале «Каса де Америка», в номере, посвященном памяти Че Гевары, с большой статьей о нем, в которой писала:

«Ты всегда будешь предводителем латиноамериканской революции; как Боливар и Марти вести наши народы к победе...»[143].

Итак, самая первая встреча Ильды с молодым аргентинским медиком: «Он был лет 26, рост 176—178 см, светлый и бледный, каштановые волосы, правильные черты лица, весельчак, голос хрипловатый, всегда спокойный, взгляд умный, разговор образованного человека»[144].

Эрнесто пришел к ней в Гватемале с письмом от ее земляка и товарища. Тот писал Ильде, что взгляды аргентинца на латиноамериканскую действительность заставляют приглядеться к нему... Она угостила визитера кофе. Во время разговора он сильно закашлялся. Смущенный Эрнесто рассказал ей о своем «пожизненном недуге», заставившем его уже в 10 лет научиться делать себе уколы адреналина.

В первый визит они успели даже поспорить на политические темы: Ильда дала высокую оценку Боливийской революции 1952 года, а Эрнесто стал утверждать, что это «не настоящая революция». Новая знакомая поинтересовалась прошлой политической деятельностью молодого врача. Она узнала, что у себя на родине тот немного сотрудничал с местными коммунистами, но вскоре отошел от них, так как, по его словам, они «были слишком далеки от насущных чаяний народа»[145].

Распознав в Геваре порядочного человека, Ильда при второй встрече на просьбу Эрнесто и его приятеля одолжить им 50 долларов дает им на заклад в ломбард свои драгоценности. Она пытается устроить с помощью своих связей с гватемальскими коммунистами Эрнесто в Национальное управление статистики. Ей ответили, что помогут, если Гевара вступит в их партию. Аргентинец возмутился: «Скажи им, что когда решу вступить,

сделаю это по велению сердца, а не из-за личной заинтересованности». Через несколько дней он уточнит свою позицию: «Я не говорю, что я не согласен с коммунистической идеологией, но мне не нравятся такие методы коммунистов: нельзя приобретать сторонников таким путем, это выглядит фальшиво»[146].

Помимо политики, особенно восприятия Гватемальской революции, молодых знакомых сближают и другие вещи, скажем интерес к поэзии. Эрнесто, как мы уже отмечали, был ее большой любитель, знал наизусть произведения многих поэтов. Однажды Ильда заговорила с ним об английском поэте Р. Киплинге и продекламировала его поэму «Если». Эрнесто был в восторге, особенно понравился ему финал:

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь, как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!
(Перевод М. Лозинского)

Прослушав стихи, Эрнесто взял руку Ильды и приложил ее к своему лбу: «Как мне хорошо с тобой...»

В Мексике их дружба продолжилась. Они гуляют по центральному парку столицы — Чапультепек, ходят в кино (в частности, посмотрели советский фильм «Ромео и Джульетта»), рождество, которое католики отмечают только с родственниками или очень близкими друзьями, в 1954 году празднуют вдвоем. Ильда дарит Эрнесто красивый пуловер, а у него нет на подарок денег, и он вручает ей на память томик с поэмой аргентинского классика Х. Эрнандеса «Мартин Фьерро», который всегда возил с собой.

В новогоднюю ночь он уходит к другу, работавшему сторожем на книжном складе, так как обещал ему помочь скоротать ночное дежурство. Ильда обиделась. Но Эрнесто не только вернулся рано, в девять часов утра, но потащил ее гулять в парк, где делает предложение выйти за него замуж. Между ними состоялся следующий разговор:

Ильда: Что значит для тебя такая женитьба? Ведь я же

намного старше тебя. Давай вернемся к этому разговору через год...

Эрнесто: Все вместе. В тебе соединяются ум, чувство товарищества, любовь. И потом, почему через год, а не сейчас?

Но все испортил глупый случай. Однажды Ильда нашла в его книге негатив фото какой-то девушки в купальнике. «Кровь гордых инков» прилила к лицу. Она пишет записку и отсылает ее вместе с негативом на работу «суженому», предлагая остаться «только друзьями».

Вечером Эрнесто, весьма сердитый, объяснил, что негатив этот дочки его друга Мурата, которая скоро выходит замуж. Он сказал, что Ильда придумывает всякие предлоги, дабы оттянуть их женитьбу и что в таком случае он уходит и не хочет даже оставаться другом для нее. Не приходил целую неделю. Но Ильда подхватила грипп, и ее подруга пригласила Эрнесто. Он осмотрел больную, выписал лекарства и сухо пообещал зайти через неделю. Во время второго визита врач тоном ультиматума спросил:

— Ты решилась наконец или...

— Да, да, — заулыбалась Ильда, — но только в мае: раньше не будут готовы бумаги в министерстве внутренних дел. Ты понял, что я согласна?

— Ты правильно сделала, — лукаво посмотрел на нее доктор, — потеряла бы меня навсегда, если бы сказала «нет»[147].

В августе Ильда сообщила Эрнесто, что беременна. Он обнял ее и поцеловал. Стал помогать в хлопотах о бумагах. На следующий вечер после такого сообщения Ильды подарил ей серебряный браслет с черными камешками. «Это за будущего сына, — сказал он, — мне оплатили фотоработы в Латиноамериканском агентстве».

Надо было поторапливаться со свадьбой. Она состоялась в небольшом местечке, неподалеку от мексиканской столицы у знакомого алькальда. Свидетелем был Рауль Кастро, хотя для конспирации подписался его приятель Х. Монтане. Фидель приехал к ним вечером на аргентинское «асадо» (мясо на мангале. — *Ю.Г.*)

Телеграммой уведомили о событии родителей Ильды и Эрнесто. Первые в ответной телеграмме спрашивали, почему не пригласили на торжество, и перевели им 500 долларов. Более информированные родители жениха вопросов не задавали.

Гевара пишет очень теплое письмо родителям Ильды, в котором есть такие слова:

«Надеюсь быть принятым в вашей семье как брат, который уже давно шагает с вами по одной тропе к общей цели, или хотя бы надеюсь на то, что странности моего характера (которых

много) будут не столь очевидны, благодаря нашей с Ильдой взаимной и безусловной любви»[148].

Молодожены, получив денежный подарок, собрались было совершить небольшое свадебное путешествие по Мексике, но был сезон дождей, и у Эрнесто обострилась астма. Он шутил: «Я бы в Париж поехал, там сухо». «Ах ты, обуржуазившийся революционер! — смеялась жена. — Лучше бы почитал нашего великого Мариатеги[149] — как надо изучать Европу».

Ильда была действительно хорошо образованна, и это очень импонировало ее супругу. Но вот — незадача: она очень любит Бетховена, а Эрнесто «медведь на ухо наступил». И все же он пошел в магазин грампластинок и купил запись Девятой симфонии великого немца. С гордостью он дарит пластинки на ее день рождения и торжественно ставит на проигрыватель, смонтированный вместе с радиоприемником. «Послушай, говорит он и вместе с женой садится на диван. — Это — твой любимый Бетховен!» Звучат первые такты, Эрнесто довольный улыбается, а Ильда ничего не может понять: на проигрывателе исполняется джазовая музыка... «О, Боже, Эрнесто, ты не переключил радио на проигрыватель...»

И вот их трое: Ильда родила дочку. Она была копия мать. Назвали в честь матери — Ильда, ласково — Ильдита. (*Прим. авт.:* Латиноамериканцы обожают давать детям имена родителей или других родственников.)

На третий день Ильдита «принимала» первый визит в своей жизни. Это был кубинец Фидель Кастро. «Эта девочка получит образование на Кубе!» — сказал он. «Этого только нам не хватало в нашей интернациональной семье», — шутливо парировал отец.

В честь рождения ребенка друзья допили начатую бутылку мецкаля, мексиканскую водку, настоянную на особых червячках, и даже съели по одному из них (Эрнесто долго уговаривал друга).

О дальнейшем пребывании Гевары в Мексике читатель уже знает, поэтому снова перенесемся мысленно на Кубу...

Отдав предоставленный ему особняк Ильде с дочкой, Че поселился со второй женой в небольшой квартирке в гаванском районе Ведадо. Алеида Марч во время повстанческой борьбы участвовала в подпольной работе в провинции Лас-Вильяс. Во время боев за Санта-Клару пришла в колонну Гевары и стала там помогать ухаживать за ранеными. Ему понравилась эта скромная и симпатичная девушка. Однажды, когда он выходил из лазарета, где работала Алеида, стал прощаться с ней за руку. Долго задержал ее в своей руке, посмотрел в глаза и, улыбнувшись, ушел...

Они устроили свадьбу в тесной комнате крепости, где

работал и жил Эрнесто. На свадьбе было всего несколько человек; произнесли несколько тостов и разошлись: время было уплотнено до предела стоявшими перед страной задачами. Среди гостей был снова Рауль Кастро, но на этот раз уже с женой и товарищем по борьбе Вильмой Эспин.

За годы, прожитые вместе, у Алеиды Марч и Эрнесто родилось четверо детей — два сына и две дочери. В семье появился еще один Эрнесто Гевара. Ильдиту все они считали своей старшей сестрой.

Может возникнуть вопрос: «А как вообще относился Гевара к женщинам, нравились ли они ему?» Вот что ответил он сам на аналогичный вопрос корреспондента уругвайской газеты:

«Такой ваш вопрос мне кажется нагловатым... Я не был бы мужчиной, если бы они мне не нравились. Но я не был бы сегодня революционером, если бы пренебрег своим революционным долгом или моими обязанностями супруга и отца только потому, что мне нравятся женщины»[150].

О Геваре как отце мы рассказывали выше. Добавим только, что он всегда сетовал на то, что родители, в том числе и он, отдающие себя общему делу, непростительно мало бывают со своими детьми. В мае 1963 года на его имя пришла бандероль из провинциальной школы с сочинениями школьников. Че читал их и постоянно восклицал: «Мы, революционеры, порою замыкаемся в себе, своих делах... Даже наши дети смотрят на нас как на незнакомых. Ведь они нас видят меньше, чем нашего телохранителя, которого называют «дядя»[151].

Спустя 10 лет после гибели Гевары его дом в Гаване посетила журналистка из журнала «Болгария». Она писала о «скромной квартире с очень скромной обстановкой», в которой жила вдова Че и его дети. Болгарку приняли при условии, что она не будет задавать никаких вопросов детям об их отце, дабы не нарушать его завета — они не должны ничем отличаться от других кубинских детей. На все другие вопросы дети отвечали четко и охотно, даже самый младший — Эрнестито, заявивший, что хочет стать космонавтом или (при этом он с хитринкой на лице посмотрел на мать) партизаном. (*Прим. авт.*: Я встретил и познакомился с этим «партизаном» в испанском городе Барселоне в 2000 году. Проживающий в каталонской столице архитектор Эрнесто Гевара Марч организовал там выставку фоторабот своего известного отца.)

Но нам хотелось бы продолжить рассказ о той, которая дала жизнь самому Че и которую он обожал, — о его матери, Селии. Вскоре после посещения острова вместе с мужем она вновь приехала на Кубу, чтобы повидать любимого сына, лучше понять

его напряженную жизнь. Теперь, после того как они в Буэнос-Айресе трижды получали за годы войны сообщения о его гибели, она хотела его видеть еще и еще... И, если говорить честно, у нее таилась идея разузнать, как долго ее Эрнестито думает жить за пределами своей родины. Тем более что она хорошо запомнила интервью ее сына, опубликованное в аргентинской газете «Ла Расон» в начале 1959 года. На вопрос, сколько времени он думает находиться на Кубе, Эрнесто не стал отвечать, а дипломатично перевел разговор: «Оставим это, лучше сообщите в своей газете, что я был крайне рад связаться по телефону с родителями, голоса которых я не слышал уже шесть лет...»[152]

Худшие опасения в этом отношении подтвердились, когда по приезде в Гавану донья Селия узнала о президентском указе, по которому команданте Эрнесто Че Гевара провозглашался «кубинцем по рождению со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями»[153]. Родственникам-аргентинцам она, вздохнув, сказала: «Что ж, живут же люди на два дома; я буду жить «на две страны».

И она действительно так жила. Даже уговорила своего строптивого и щепетильного сына разрешить ей присутствовать в его министерском кабинете и помогать вести записи, подбирать необходимые документы. Как-то после одного заседания у министра Гевары, когда они остались в комнате с сыном одни, она с возмущением стала высказываться о «несобранности и медлительности» сотрудников. Че удивленно посмотрел на нее: «Успокойся, старушка, ты начинаешь залезать не в свои дела...»[154].

Гватемальская приятельница Ильды и Эрнесто Мирна Торрес, посетившая Кубу (ее визит туда совпал с очередным приездом доньи Селии), рассказывает об удивительной скромности и отзывчивости матери Гевары. «Она никому не говорила, чья она мать, никогда не ссылалась на это. Если бы позвонила в министерство сына по поводу транспорта, ей бы никто не отказал в машине. Но она вместе со мной «напополам» брала такси, и мы с ней разъезжали по городу... Ее любимой фразой было: «Делай, что хочешь, если это никому не вредит»[155].

В 1961 году Гевара едет на международную конференцию в Пунта-дель-Эсте (Уругвай), где ожидается его выступление. Конечно, мама Селия уже там. Потом она полетит с ним на его самолете в Бразилию, а оттуда — в Гавану. В самолете у сына опять приступ астмы. Донья Селия счастлива, что в такую минуту оказалась рядом с «больным мальчиком» и может ему помочь. Ей все интересно, чем занимается ее сын. Она спрашивает о впечатлении, какое произвели на него президенты Уругвая,

Аргентины и Бразилии.

... После укола Эрнесто уснул. Она сидела рядом и любовалась мужественным лицом своего первенца. Неожиданно он нахмурился, как будто увидел во сне что-то неприятное, и проснулся:

— А ты так и не уснула, старушка, а я видел во сне, будто профессор Писани (помнишь, у которого я учился в университете?) схватил меня за руки и не дает выйти из своего кабинета: «Не пущу ни на Кубу, ни в Боливию: твое место здесь, тебя ждет наука!»

— А почему Боливия, сынок?

— Откуда я знаю? Мало ли какой бред во сне приснится... Ты лучше мне расскажи: после приезда с Кубы ходила к доктору Баэсу, видел ли он последние твои анализы, которые ты делала в Гаване?

— Конечно, он сказал, что они вполне приличные. (Эрнесто заметил, что мать несколько стушевалась. Она не хотела ему рассказывать, что после последнего ее визита к онкологу тот позвонил ее мужу дону Эрнесто и попросил зайти к нему. Правда, муж успокоил ее, сказав, что доктор рекомендовал Селии лечь на более глубокое обследование в его клинику.)

Че стал вспоминать свои юношеские годы. Поинтересовался, что слышно о его детской симпатии Чинчине, вышла ли она замуж?

— А ты ведь и не знаешь историю с ее платьем?

— С каким платьем? — удивилась мать.

— Перед нашим отъездом с Миалем я ей подарил, когда зашел попрощаться, маленькую собачонку по кличке Камбэк (по-английски «Вернись». — *Ю.Г.*), а она дала мне 15 или 20 долларов и попросила привезти ей кружевное платье — как будто в Буэнос-Айресе нет! Конечно, нам эти деньги очень пригодились, когда те, что имели на пропитание, улетучились из-за ремонта мопеда...

— Так, значит, ты ее должник? Если увижу ее, отдам твой долг...

— Нет, платье я все-таки купил на заработанные в Майами деньги и вручил его Чинчине, когда вернулся домой...

Вошел второй пилот и сообщил, что скоро будет посадка в Ранчо Бойеро (старое название Гаванского аэропорта имени Хосе Марти. — *Ю.Г*).

Еще из иллюминатора донья Селия увидела около здания аэропорта огромную толпу людей с кубинскими флагами и большим транспарантом, на котором было начертано: «Ты достойно защищал Кубу, Че! С победой! Мы гордимся тобой!» У трапа стояли Фидель Кастро и другие руководители...

— Нет, — вздохнула растроганная женщина, — эти люди не отдадут мне сына!..

Если бы она знала тогда, что понятие «эти люди» составят не только кубинцы, но и миллионы обездоленных на нашей земле, кому был нужен ее Эрнесто!..

Донья Селия пожила немного в семье сына, написала для кубинского журнала «Боэмиа» большой материал о его детских и юношеских годах и улетела в Буэнос-Айрес. Через два года она вновь побывает в Гаване, понянчит появившихся за это время новых внуков. Больше она никогда не вернется туда...

...В небольшой больничной палате на койке под обычным распятием на стене лежит пожилая женщина. У нее желтое, осунувшееся лицо, в дрожащих слабых руках листок бумаги с письмом от ее сына. (Читатель, конечно, догадался, что это донья Селия.)

В письме, присланном с оказией, ее сын, в частности, писал:

«Дорогая старушка, чтобы ты не волновалась, должен сообщить, что в ближайшие дни уеду на рубку сахарного тростника, а потом далеко от столицы буду руководить одним предприятием в течение пяти лет. Посылаю тебе фото твоих внуков, самый маленький — Эрнестито, которого ты не видела. На нем заканчиваю «производство»...

Всем сердцем любящей матери Селия почувствовала, что с сыном что-то происходит важное, она мало верит его объяснениям. Мать пишет Геваре ответ:

«Дорогой Тэтэ, оставлю свойственную нам с тобой ироничность и дипломатию и скажу прямо: это — безумие: при недостатке на Кубе способных организаторов, посылать последних на месяц рубить тростник (на острове столько умелых рубщиков!) ...А пятилетнее руководство каким-то предприятием! Значит ты уже не министр? Если почему-либо пути на Кубу для тебя закрыты, есть Алжир Бен-Беллы и Гана Нкрумы (донья Селия была информирована о радушном приеме ее сына во время командировок в эти страны. — *Ю.Г.*) ...Ведь быть все время иностранцем — похоже, твоя судьба. Для меня твое письмо — кусок свинца... Фото внуков? Они — очарование, хотя лицо ни одного из них мне не напоминает тебя маленьким, хотя бы твое выражение. Хорошо, что вы «свернули производство», так как во время последней беременности Алеиды я очень все время беспокоилась.

Испытываю физическую боль в связи с невозможностью поехать снова на Кубу и быть около тебя, чтобы хотя бы сказать: «Доброе утро, старичок!» или «Чао, милый!» Ведь повторять это изо дня в день — это тоже обретает свою ценность... Самые

крепкие объятия тебе и твоим. Твоя мама»[156].

Она позвонила приятелю своего сына Рикардо, который обещал передать письмо со своим родственником, уезжающим через два дня в Гавану. Рикардо письмо забрал, но оказия сорвалась: родственник перенес поездку на неделю. Передавая письмо, донья Селия говорит: «Позвони ему, попроси приехать: хочу его увидеть в последний раз...» Рикардо исполнил просьбу. В палате зазвонил телефон международной связи. В трубке донья Селия услышала грустный голос Алеиды: «Эрнесто сейчас не с нами... Как только сможет, он соединится с вами...»

На душе стало совсем беспокойно, а тут еще газеты пишут о серьезных уличных сражениях в Санто-Доминго. Один газетчик даже уверяет, что среди восставших находился Че Гевара...

Донья Селия закрыла глаза, подумала о том, что завтра обещал заглянуть к ней Рикардо... В мозгу побежала ленточка воспоминаний. Замелькали лица, знакомые и незнакомые, послышались голоса, шумы. Их стала заглушать одна идущая издалека мелодия. На ее звуковом фоне застыла «картинка». Поначалу она была в серой дымке, неясной. Потом постепенно стала проясняться... Селия увидела себя в актовом зале школы, где учился ее Эрнестито... А вот и он вместе с другими школьниками поет национальный гимн:

Да будут вечными лавры,
Которыми нас удостоят:
Будем жить увенчанные славой
Или клянемся со славой умереть!

На груди у Тэтэ, как и у других детей, бело-голубой бант цветов аргентинского флага... «Картинка» стала меняться. Что это? ...Почему Эрнесто уже в военной униформе, когда это у него отросла борода?!

Подсознанием она поняла, что это — последние сновидения в ее жизни... «Да будут вечными лавры...» — уже очень далеко продолжала звучать знакомая мелодия гимна, которая плавно перешла в темную тишину...

Когда ее вывели из состояния клинической смерти, донья Селия поведала навестившей ее родственнице о своем сне... На следующий день больная впала в кому и скончалась...

Когда Эрнесто узнал о смерти матери, в пути уже находилось его письмо ей с очередной оказией. В нем он сообщал «о новых авантюрах ее маленького пирата XX века». Позднее оба письма —

матери и сына — были опубликованы в одном из журналов[157].

...Родные лица. Помните фильм Михаила Калатозова «Летят журавли» (кстати сказать, очень любимого Че Геварой)? В глазах умирающего героя прокручивается калейдоскоп лиц самых близких ему людей. Если что-либо подобное повторилось с Че в момент его расстрела боливийскими карателями, то, думаем, среди прочих лиц наверняка промелькнули родные лица близких, его соратников и друзей.

Сдержанный в проявлениях чувств, несколько замкнутый и молчаливый, Эрнесто Гевара не мог похвалиться обилием друзей (особенно таких, кого общительные кубинцы уже через пять минут знакомства называют «ми амиго» — мой друг. — *Ю.Г.*). Поэтому расскажем только о его отношениях с тремя из них — о друге юности и о двух друзьях (в равной степени — соратниках) последних 12 лет его жизни.

О первом, Альберто Гранадосе, читатель уже кое-что знает, по крайней мере, об их совместном путешествии по странам Южной Америки. К этому добавим несколько штрихов из его собственных воспоминаний. Предоставим ему слово:

«Нас было три брата... родом мы из провинции Кордовы (Аргентина). Сам я сначала закончил фармацевтический факультет университета. Однако карьера аптекаря меня не прельщала. Я увлекся проблемой лечения проказы, проучился в университете еще три года, стал биохимиком. И в 1945 году начал работать в лепрозории, расположенном в ста восьмидесяти километрах от Кордовы»[158].

В этом же году Эрнесто только стал студентом. Выбор им специальности дерматолога во многом был подсказан его старшим другом. Путешествовали по континенту они, уже объединенные не только дружбой, но и общими профессиональными интересами. Это подметил и чилийский газетчик из «Диарио аустраль» («Южная газета». — *Ю.Г.*), писавший о них репортаж, озаглавленный: «Два аргентинских эксперта-лепролога путешествуют по Южной Америке на мотоцикле».

«Ученые гости являются специалистами в области лепрологии и других болезней, сопутствующих проказе, — писал журналист. — Они хорошо знакомы с положением в этой области на их родине... Они также посетили лазареты в Бразилии, стране, где наивысший процент больных этой болезнью.

Кроме намерения ознакомиться с постановкой санитарного дела в разных странах Южной Америки, сеньоры Гранадос и Гевара, путешествующие на свои собственные средства, испытывают особое желание посетить чилийский лепрозорий в

Рапа-Нуи. Наши врачи рассчитывают, прибыв в Вальпараисо (тихоокеанский порт Чили, связанный пароходным сообщением с островом Пасха. — *Ю.Г.*), установить контакт с руководителями Общества друзей острова Пасхи с целью изучить возможность посетить лепрозорий, расположенный на этом чилийском острове... Закончив однодневное пребывание в Темуко, сеньоры медики продолжат свой путь сегодня в направлении города Консепсион»[159].

Мы уже знаем, что Альберто останется в Каракасе, а дипломник Эрнесто вернется в Буэнос-Айрес, но восьмимесячная совместная поездка явилась хорошим испытанием для их дружбы. А было все — и печальное, и комическое. Уже в Мехико, вспоминая об этом путешествии, Гевара рассказывал жене такие случаи.

Мопед Альберто был «чудом велотехники». Даже тормоз работал не всегда. В одном месте на дороге Альберто кричит другу: «От меня убежали тормоза. (*Прим. авт.*: На испанском это звучит буквально так. Однажды в Боготе колумбиец попросту «въехал» в багажник моего «Мерседеса», стоявшего перед красным светофором. Когда я попробовал высказать свое возмущение, он, страшно обидевшись, сказал: «Как Вы не понимаете, сеньор, у меня «убежали тормоза!!!»). Я направляю мопед на столб, — испуганно бормочет Миаль, — а ты прыгай в кювет!»...

В порту Вальпараисо «сеньоры медики» спрятались в туалете одного сухогруза, чтобы доплыть бесплатно до острова Пасхи. Обнаружили их там уже когда судно было в открытом море. Капитан в виде штрафа поручил Альберто чистить картошку, а Эрнесто... туалеты. К тому же они скоро выяснили, что плывут не на Пасху, а в чилийский порт Антафагасту...

Как-то на ночлег их приютили пожарные в своей казарме. Ночью в помещении казармы случился... пожар (!) Путешественники помогают гасить его. Эрнесто с гордостью показывал двух спасенных им котят. Отмывать сажу и копоть было негде, поехали дальше на попутном грузовике до города, где намечали остановиться у одного знакомого Альберто. Тот, увидев на пороге двух «трубочистов», не хотел их впускать, пока Миаль не напомнил хозяину, что он — доктор Альберто Гранадос из Буэнос-Айреса...[160]

После победы революции Гевара пригласил своего друга и его жену переехать на Кубу, помог с жильем и работой. «В один из февральских вечеров 1969 года мы сидим в просторной гостиной Альберто Гранадоса, в гаванском пригороде Мирамар, — так начинается книга И. Лаврецкого (Григулевича) о легендарном партизане...

Альберто приехал в Гавану летом 1960 года, когда Гевара был президентом Национального банка. В президентском кабинете состоялась их первая гаванская встреча:

Гранадос (входя и оглядывая кабинет): Ты стал важным человеком, старина...

Гевара (отрываясь от бумаг): Миаль, дружище, ты откуда? Приплыл на плоту?

Гранадос (после крепкого объятия): Ну что, смотрю, не понимают тебя американцы? Читал сегодня газеты...

Гевара (закурив сигару): Ты же знаешь, когда какая-нибудь страна поднимает голову, как было в Гватемале, янки обязательно посылают самолеты и все изговняют. Это же — сукины дети... только что-либо у них затронешь... Раз! Объявляют тебя коммунистом, начинают науськивать ОАГ (Организацию американских государств. — *Ю.Г.*), завывая о западной демократии... Поэтому, чтобы им в отместку нагадить, ты должен стать что-то вроде коммуниста и добиваться, чтобы тебе помогли русские. Тем самым продемонстрировать, что имеешь опору с противоположной стороны... Тем более что 300 тысяч га, что мы экспроприировали у янки, отдавать им не собираемся, представь себе...

Гранадос: И Фидель... Каков он?

Гевара: Экземпляр вне сравнения. Ты с ним познакомишься...»

Все сказанное нами об Альберто Гранадосе, видимо, объясняет, почему Че именно его попросил разделить с ним вынужденное уединение на отдаленной от Гаваны ферме, где он поселился перед тем как покинуть Кубу...

Хулио Роберто Касерас, по прозвищу Эль Патохо (на уличном жаргоне его гватемальских земляков это означает «малыш», «мальчик с пальчик». — *Ю.Г.*). Эрнесто познакомился с ним по пути из Гватемалы в Мексику. Помните, как они зарабатывали с ним на хлеб случайными фотоснимками прохожих? Фидель отказал ему в поездке на «Гранме», так как не хотел превращать свой отряд в своего рода «интернациональную бригаду». Хулио Роберто остался в Мехико, где ему пришлось сменить много профессий в поисках заработка. Вот что писал Гевара о своем друге:

«Эль Патохо был человеком по натуре скрытным, но в то же время глубоко эмоциональным. Он отличался большой культурой и широтой знаний, постоянно работал над собой. Став членом Гватемальской партии труда, он посвятил себя целиком служению своему народу и вырос в крупного революционного деятеля. От его вспыльчивости и чрезмерной гордости прошлых лет не осталось и следа: революционная борьба делает людей

чище, лучше, освобождая их от всего наносного... После приезда на Кубу Эль Патохо жил почти все время в одном доме со мной, как и подобает старому другу. Но в новых условиях жизни нам обоим было трудно поддерживать друг с другом наши прежние отношения. Он многого не договаривал, а я, видя, как он усердно зубрит какой-нибудь диалект своей страны, догадывался о том, к чему он готовится. И однажды Эль Патохо сказал мне, что он уезжает, что час настал и ему надо выполнить свой долг.

Эль Патохо не имел военной подготовки, но он считал, что его обязанность состоит в том, чтобы с оружием в руках драться за свободу на своей порабощенной родине и повторить в какой-то степени пример нашей борьбы.

Перед его отъездом у меня состоялся с ним длинный разговор — один из немногих за все время его пребывания на Кубе. Под конец я ограничился тем, что по-дружески дал ему три совета относительно его будущих действий на начальном этапе: постоянно находиться с людьми в движении, постоянно все подвергать сомнению, постоянно быть начеку...

Таковы самые главные уроки, вытекавшие из нашего опыта партизанской борьбы. Это было в то же время единственным, что я мог дать ему вместе с дружеским рукопожатием. Разве мог я советовать Эль Патохо, чтобы он не делал этого? И по какому праву я мог бы говорить ему об этом, если он сам знал, что мы тоже когда-то предпринимали такую попытку, и никто тогда не верил в ее успех?

Он уехал, а вскоре пришло сообщение о его смерти. Как всегда, вначале у нас еще была надежда на то, что, может быть, произошла ошибка, как уже не раз случалось в подобных случаях раньше. Но, к сожалению, труп убитого сына опознала его мать; сомнений не оставалось — Эль Патохо погиб...»

Еще раз пришлось испытать горечь утраты, и остался без ответа вопрос: почему бы не учесть чужой опыт? Почему остались без внимания такие простые советы, которые были даны Геварой другу (Э. Геваре рассказывали об обстоятельствах смерти его друга. — *Ю.Г.*)? Любопытно и поучительно было бы подробнее узнать обстоятельства всего случившегося, гибели самого Эль Патохо. Пока они досконально не известны, но можно наверняка предположить, что район действий был избран неудачно, что бойцы оказались слабо подготовленными в физическом отношении, что не соблюдалось в достаточной мере условие — подвергать все сомнению и быть бдительными, а потому карательным войскам удалось выследить партизан...

«Еще раз пролилась молодая, горячая кровь во имя свободы на Американском континенте. Пришлось вновь пережить горечь

утраты. Но пока мы оплакиваем наших погибших товарищей, нужно готовиться к новым сражениям, чтобы не повторять ошибок прошлого, отомстить за каждого убитого новыми победами и добиться окончательной свободы.

Когда Эль Патохо уезжал, то он ничего не сказал мне о том, что он что-то оставлял после себя, за чем нужно было бы присматривать. Он не попросил об этом и никого другого. После него ничего не осталось — ни одежды, ни личных вещей. Однако мои старые друзья по Мексике прислали мне его записную книжку, в которой содержались написанные им стихи, посвященные революции, родине и любимой женщине, с которой Эль Патохо познакомился на Кубе. В последнем стихотворении он говорил о своем сердце, которое в этой жестокой борьбе согревалось любовью, и верил, что победа придет (ну как не восторгаться романтичностью латиноамериканской души! — *Ю.Г.*).

— Сердце Эль Патохо осталось среди нас, — добавляет Че. — Наступит новый день, когда над Гватемалой, над всей Америкой взойдет солнце свободы, за которую Эль Патохо отдал свою жизнь, и согреет его сердце радостью победы, о которой он мечтал...»[161].

...Уже из тех высказываний Гевары о Фиделе Кастро, которые мы приводили выше, можно составить себе некоторое представление о весьма восторженном отношении Че к его кубинскому соратнику. Мотивируя такое свое отношение, Эрнесто вспоминает о том, как тот ради друга был готов поступиться интересами дела (*Прим. авт.*: При посещении Гевары в мексиканской тюрьме на предложение Эрнесто не ждать его освобождения, а плыть на Кубу Фидель решительно ответил: «Я не оставлю тебя»), и добавляет:

«Такое поведение Фиделя в отношении людей, которых он ценит, является ключом к пониманию той огромной любви к нему, когда к приверженности, основанной на принципах, присоединяется приверженность личного характера»[162].

И надо сказать, что такую характеристику он не менял, что бы кто ни говорил, до конца своих дней. Со своей стороны, Фидель всегда по достоинству оценивал способности аргентинского друга, его самоотречение в революционных делах, альтруизм, высокие моральные качества. Но не только это.

Нам кажется, кубинский лидер, будучи человеком весьма проницательным и тонко разбирающимся в людях, не мог не заметить отсутствия у Гевары таких черт, как соперничество, карьеризм, своекорыстие, самомнение. И все это — на фоне гипертрофированной скромности и простоты.

Действительно, Че понимал, что его положение и роль на Кубе во многом зависели от факта делегирования их ему Фиделем. Тем более что он всегда ощущал себя на острове немного «пришельцем со стороны»[163], хотя имел в своих руках ключевые рычаги в таких важнейших областях жизни страны, как экономика и благосостояние народа. Об этом говорят и его слова корреспонденту журнала «Боэмиа» в день назначения главой Национального банка:

— Спросите об этом лучше у Фиделя... Не важно, что это экономическая проблема. Он сможет поговорить обо всем, о небесных материях и о земных[164].

Стремление не выпячиваться, не навязывать своего мнения всегда отмечали у Че хорошо знавшие его кубинские соратники. Поначалу, в первые дни Сьерра-Маэстры, он даже рассуждал так: «Я не должен обсуждать планы кубинцев: это — их революция и у них в стране, пусть ее совершают, как хотят сами»[165].

Однако все это сказанное выше отнюдь не означало какой-либо отрешенности, самоизоляции. Тем более что логика самого процесса освобождения страны объективно отводила Геваре с каждым годом все более заметное положение. А он, с присущей ему смелостью и принципиальностью, отстаивал свои взгляды и занимал соответствующие им позиции. Проиллюстрируем это утверждение несколькими примерами.

Читатель, по-видимому, помнит о его споре с командующим Повстанческой армией по поводу штурма казармы в Эль-Уверо.

Долго дискутировал Гевара с Фиделем и в связи с позицией последнего в отношении антибатистовской эмиграции в США. Кастро говорил, что он добивается, чтобы ее лидеры заставили правящие круги Штатов покончить с оказанием помощи Батисте. Че убеждал его, что рассчитывать на это нельзя.

Любопытный разговор состоялся между ними и по поводу наемников, взятых кубинцами на Плайя-Хирон:

Гевара: Зачем нам эти кретины в тюрьме? Вернем их в США, пусть они их кормят...

Кастро: Я не сторонник дарить врагу «трофеи»...

Гевара: Почему дарить? Предложим обменять их на тракторы.

Около тысячи «гусанос» (по-русски — червяков, как называют кубинцы предателей страны) вернулись в «пункт отправления», в США, а гуахирос на острове стали пахать на американских тракторах.

Прислушивался главнокомандующий (на Кубе так часто именуется Фидель — *Ю.Г.*) к своему другу и по более деликатным вопросам внешней политики. Например, помня о недавнем визите Че в Индонезию, Фидель попросил его охарактеризовать

президента этой страны Сукарно и высказать соображения по поводу его предстоявшего визита на Кубу:

— Это исключительно симпатичный, хотя и самовлюбленный человек, — сказал Гевара. — Оказывай ему внимание, но только днем: он не любит заниматься ничем по вечерам после ужина. Разве что пусть ему обеспечат любвеобильных девочек — кажется, он здорово зациклен на вопросе секса.

— Что касается целей его визита, — добавил Че, — то на первом месте — прогуляться по новой для него стране; во-вторых, получить политическую поддержку (он знает, что торговля ничего не дает между такими странами, как наши, производящими одни и те же товары). Нельзя забывать, что Сукарно четвертый человек в блоке неприсоединившихся после Неру, Тито и Насера и, конечно, он не возражал бы быть первым[166].

Гевара ценил такое отношение Фиделя к своему мнению. Он всегда старался действовать на международной арене так, чтобы это не сказалось отрицательно на авторитете кубинского лидера. Особенно когда речь шла о таких деликатных проблемах, как отношения Кубы с СССР и другими социалистическими государствами, с международным комдвижением. И не боялся скорректировать свою позицию в более целесообразном для кубинских интересов направлении. Например, по поводу Заявления совещания представителей 81 компартии (ноябрь 1960, г. Москва), хотя в нем содержались слова о «защите Кубинской революции», Гевара сказал журналистам: «Мы не имеем никакого отношения к этому Заявлению, но всем сердцем его поддерживаем». (*Прим. авт.:* По имеющимся сведениям, Че, получив за это неудачное высказывание небольшой нагоняй от Кастро, обещал ему «все поправить».) Вскоре Гевара выступил с заявлением, в котором указывалось на неточность перевода его слов и подчеркивалось, что в своем интервью он имел в виду только то место в Заявлении, которое касалось Кубинской революции»[167].

С большой уверенностью можно говорить, что на протяжении десятилетней дружбы и совместной деятельности с Геварой Фидель всегда доверял аргентинскому соратнику. Это проявилось и в приглашении Эрнесто войти в состав экспедиционеров «Гранмы», и в назначении командиром одной из четырех колонн, и в такой неофициальной нагрузке, как идейно-воспитательная работа среди повстанцев (*Прим. авт.*: У меня, например, сложилось глубокое убеждение, что при всем огромном авторитете Ф. Кастро в партизанской среде не было бы столь высокого морального духа, если бы не Че и его личный пример.) А при назначении Гевары на пост президента Национального

банка Фидель прямо говорит ему: «Я тебе доверяю ключевую должность в кубинской экономике, потому что неограниченно верю тебе, Че...»[168].

Поэтому можно понять, насколько было непросто для лидера Кубинской революции согласиться на отъезд столь нужного и близкого ему человека. Не раз они возвращались к этому вопросу. И все же Гевара доказал другу целесообразность своего отъезда и просил оказать ему помощь оружием и людьми. Кастро только предложил этого не делать сразу и окончательно, дабы «кубинцы свыклись постепенно с отсутствием среди них Че». В этих целях Гевара поселился на время инкогнито на одной из кубинских ферм (помните его письмо матери о рубке сахарного тростника?).

«Терзаемый» журналистами, Фидель отвечает:

«Единственно, что могу сказать вам о команданте Геваре, что он всегда будет находиться там, где наиболее нужен Революции. Думаю, что его поездка по Африке была очень полезной... Побывал он и в Китае... Он многогранен. Человек чрезвычайных способностей...»[169].

Когда-то, на заре их дружбы в Мехико, сидя в застенках мексиканской полиции, Эрнесто Гевара написал стихи «Песнь Фиделю»:

Пойдем
Встречать зарю на острове твоем,
Похожем на земного каймана...
Рванемся в бой неведомым путем...
Мы победим во что бы то ни стало.
Гавана слышит клич твой боевой.
Дай мне винтовку
И укрытье в скалах
И больше ничего.
А если нас постигнет неудача,
Мы встретим поражение не плача,
Платком кубинским бережно накроем
Останки воевавших, как герои,
За честь Америки — она светлей всего...
И больше ничего...[170]

Спустя десять лет Гевара снова обращается к Фиделю на бумаге. Он пишет ему прощальное письмо, которое разрешает обнародовать, когда тот сочтет это своевременным. Фидель зачитывает его 3 октября 1965 года на заседании ЦК компартии:

«Фидель!

В этот час я вспоминаю о многом, о том, как я познакомился с тобой в доме Марии-Антонии, как ты мне предложил поехать, о всей напряженной подготовке.

Однажды нас спрашивали, кому нужно сообщить в случае нашей смерти, и тогда нас поразила действительно реальная возможность такого исхода. Потом мы узнали, что это на самом деле так, что в революции (если она настоящая революция) или побеждают, или погибают. Многие остались там, на этом пути к победе.

Сейчас все это имеет менее драматическую окраску, потому что мы более зрелы, но все же это повторяется. Я чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от своего поста министра, от звания майора, от моего кубинского гражданства. Официально меня ничто больше не связывает с Кубой, кроме лишь связей другого рода, от которых нельзя отказаться так, как я отказываюсь от своих постов.

Обозревая свою прошлую жизнь, я считаю, что я работал достаточно честно и преданно, стараясь укрепить победу революции. Моя единственная серьезная ошибка — это то, что я не верил в тебя еще больше с самого первого момента в Сьерра-Маэстре, что я недостаточно быстро оценил твои качества вождя и революционера. Я прожил замечательные дни, и, будучи рядом с тобой, я ощущал гордость от того, что я принадлежал к нашему народу в самые яркие и трудные дни карибского кризиса.

Редко когда твой талант государственного деятеля блистал так ярко, как в эти дни, и я горжусь также тем, что я последовал за тобой без колебаний, что я мыслил так же, как ты, так же видел и так же оценивал опасности и принципы.

Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставанья.

Знай, что при этом я испытываю одновременно радость и горе, я оставляю здесь самые светлые свои надежды созидателя и самых дорогих мне людей... Я оставляю здесь народ, который принял меня, как сына, и это причиняет боль моей душе. Я унесу с собой на новые поля сражений веру, которую ты в меня вдохнул, революционный дух моего народа, сознание, что я выполняю самый священный свой долг — бороться против империализма везде, где он существует; это укрепляет мою решимость и сторицей излечивает всякую боль.

Я еще раз говорю, что снимаю с Кубы всякую ответственность, за исключением ответственности, связанной с ее примером. И если мой последний час застанет меня под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе и в особенности о тебе. Я благодарю тебя за твои уроки и твой пример, и я постараюсь остаться верным им до конца. Я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции и отождествляю до сих пор. Где бы я ни находился, я буду чувствовать свою ответственность как кубинский революционер и буду действовать как таковой. Я не оставляю своим детям и своей жене никакого имущества, и это не печалит меня. Я рад, что это так. Я ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли жить и получить образование.

Я мог бы сказать еще многое тебе и нашему народу, но я чувствую, что это не нужно; словами не выразить всего того, что я хотел бы, и не стоит зря переводить бумагу.

Пусть всегда будет победа! Родина или смерть! Тебя обнимает со всем революционным пылом Че».

Эти слова Эрнесто Гевары, на наш взгляд, наилучшим образом опровергают тех, кто до сего времени пытается «откопать» в минувшем времени что-либо «сенсационно-жареное» о легендарном аргентинце, о его отношениях с Фиделем Кастро.

О том, что это — непродуктивные усилия, свидетельствует хотя бы признание одного из таких «копателей» — Альфредо Родригеса из боливийской газеты «Пресенсиа». Повторив одну из спекуляций по поводу причин отъезда Гевары с Кубы, он был вынужден признать: «Судя по всему, в том числе по заявлениям Кастро после отъезда Че, нет причин считать, что последний попал в неблагодарную немилость»[171].

Глава 5 МЕЧТЫ, ПРИНЦИПЫ, ИДЕИ

Читатель, видимо, помнит, что эту книгу предваряют слова Че Гевары о его пристрастии к мечтаниям. Да, он был Великий мечтатель, и мечты его были грандиозны. По крайней мере, так кажется нам, простым смертным.

О чем же мечтал наш герой, какие принципы отстаивал, — об этом пойдет речь в данной главе.

Кому приходилось общаться с Геварой, знали, по крайней мере, о его главной мечте — покончить на нашей планете с обездоленностью и угнетением простых людей. Об этом свидетельствует его приятельница Мирна Торрес.

Во время беседы с Че в Гаване в 1963 году она рассказала ему о своей сестре, которая никак не могла сделать выбор в университете между археологией и медициной. «Мой случай, — отреагировал Гевара. Потом мечтательно задумался и добавил: Но все же самое важное — это освобождение народов... Революция»[172].

Когда речь заходила о Революции с большой буквы, подлинной, бескорыстной, ничего общего не имеющей с государственными переворотами, с вульгарным захватом власти, призванной изменить не только условия жизни, но и самого человека, Мечтатель преображался, голос его становился звонким, глаза излучали какой-то неповторимый свет. Именно таким мне запомнился команданте во время беседы с вузовскими преподавателями из СССР.

Один из них, по-видимому, желая подтвердить слова Гевары (я далек от того, чтобы думать о других мотивах) о подлинной революции, вставил: «Как наша Октябрьская...» Че посмотрел на него, в глазах появилась его типичная лукавинка. «В основе своей — да...» Потом помолчал и совсем серьезно добавил: «Не подталкивайте меня к неделикатной критике друзей!»

Параллельно с указанными выше взглядами на революционную трансформацию общества Гевара обращал внимание на деятельную сторону, что нашло выражение в его лозунге — «делать революцию». И меньше всего правды было в утверждениях тех, кто увидел в этих словах призыв к ничем необоснованной, надуманной активности или тем более к навязыванию другим «экспорта» революции. При этом он призывал не смешивать данный вопрос с правом Кубы на сотрудничество и поддержку революционных сил континента.

Будучи весьма начитанным и подготовленным политологом (хотя и на основе самообразования), он был далек от

игнорирования объективных и субъективных условий революционного процесса. (*Прим. авт.*: Мне доводилось не раз беседовать по этим вопросам с геваровскими оппонентами, в том числе и из числа латиноамериканских коммунистов[173], которые критиковали его за подобное игнорирование, которое якобы было ему присуще. При этом они ссылались на тезис Че о «партизанском очаге», призванном разжечь пожар освободительной борьбы.) Сам же Гевара рассуждал о таком своеобразном «стартере» не вообще, а в условиях наиболее отсталых стран «третьего мира». Более того, он и не думал абсолютизировать идею о «партизанском очаге». В книге «Партизанская война» он писал, что «одного импульса партизанского очага недостаточно для создания всех необходимых условий для революции... Нужно еще наличие определенных экономических, социальных, политических и идеологических предпосылок, определяемых путем комплексного анализа конкретной ситуации»[174].

Вновь он возвращается к этому вопросу в статье «Куба: исключительный случай или авангард в борьбе с колониализмом?». В ней он опять выступает против абсолютизации партизанского (вооруженного) пути, равно как и упертого зацикливания на реформах и выборах[175].

Уже несколько лет спустя министр Гевара дал в Женеве интервью французскому журналисту Пьеру Симонович. Тот среди прочих вопросов поинтересовался:

— Может ли социалистическая революция в Латинской Америке победить, развиваясь парламентским путем?

— В принципе нет, — ответил Гевара, — разве что в одной или двух странах. Генеральная линия на континенте — это вооруженный путь: его навязывают империалисты и их марионетки»[176].

Гевара хорошо видел явное перерождение многих лидеров левых партий в Латинской Америке, пытающихся оправдать (в течение долгих десятилетий!) свое приспособленчество и леность.

И кажется поэтому вполне закономерной та серьезная критика в адрес латиноамериканских левых, которая прозвучала с трибуны так называемой Триконтинентальной конференции (Гавана, 1966 г.). Она проходила в отсутствие Че, но была созвучна его идеям. В подтверждение тому на сцене висел огромный портрет Гевары и транспарант с его словами: «Долг каждого революционера — делать Революцию».

Тем более неприязненным было отношение кубинцев к разного рода отступникам. Бывший коммунист из Боливии Оскар Самора тоже пожаловал на конференцию. Он полагал, видимо,

что в Гаване не знают о его предательском поведении (пообещал, а потом выступил против участия боливийцев в отряде Че). Самора был страшно удивлен, когда его изолировали в отеле, не пустив на конференцию, а затем выслали с Кубы. А в выступлении Фиделя Кастро, как будто адресованном таким, как Самора, прозвучали слова:

«Повсюду на континенте имеются те, которые, ссылаясь на марксизм-ленинизм, соглашаются с подчинением драконовским порядкам, навязанным империализмом»[177]. И как бы перекликаясь с ним, его соратник Че писал: «Маркс-революционер (а не ученый, порою оказывавшийся со своими трудами и предсказаниями вне исторических реалий)[178], попав в аналогичную ситуацию (в которой находились латиноамериканские левые. — *Ю.Г.*), боролся бы»[179].

То, что Гевара не был сторонником легковесных обобщений, свидетельствуют и его мысли о победившей Кубинской революции. Наиболее наглядно это проявилось в его эссе «Куба и Латинская Америка» (1961 г.) В нем он прямо указывает на особые условия, сложившиеся в этой стране накануне революции: «Североамериканский империализм был дезориентирован и так и не смог взвесить возможные последствия Кубинской революции. Монополии принялись размышлять о том, кем заменить Батисту (они знали, что народ был им недоволен), как привести к власти новых, верных им «парней»... Они косо смотрели на нас, но нас не боялись»[180].

Конечно, не последней причиной такой политической «аберрации», или искажения рассматриваемых предметов, были поведение и заявления лидеров этой революции, не отличавшиеся на первых порах особой левизной (по крайней мере, до начала агрессивного реагирования правящих кругов США на кубинские преобразования). Сегодня мало уже кто помнит о словах Ф. Кастро, произнесенных в 1959 году в Ассоциации журналистов Нью-Йорка, о том, что революция на Кубе «не красная, а цвета зеленых оливок» (как цвет униформы в Повстанческой армии. — *Ю.Г.*).

Гевара говорит в упомянутом эссе и о другой особенности кубинского революционного процесса:

«Значительная часть буржуазии положительно воспринимала революционную войну против тирании... Заняли нейтральные позиции в отношении повстанцев даже отдельные латифундисты»[181]. (*Прим. авт.*: Справедливости ради, надо отметить, что Ф. Кастро, хотя и косвенно, «скорректировал» в своем выступлении на Триконтинентальной конференции указанные выше оценки Гевары о роли буржуазии)[182].

Наряду с этим Че призывает в упомянутой работе выработать правильное отношение к отступникам от революционной совести и морали, к явным и открытым изменникам. Весьма самокритично он говорит об ошибке революции, слишком терпимо относившейся к подобной публике. «Вы нас многому научили, — скажет он им всем. — Большое спасибо»[183].

Анализируя перипетии Кубинской революции, Гевара-теоретик не может игнорировать основные положения марксистской теории (с рядом работ ее «классиков» он познакомился еще в молодые годы). Но он не бездумный ее фанат или начетчик. Поэтому он заявляет:

«С появлением этой теории были открыты многие основные истины... На Кубе марксистские положения проявляются в революционных событиях, независимо от того, знакомы ли с ними (или глубоко усвоили их теоретически) лидеры Кубинской революции»[184]. И как бы разъясняя эту свою мысль, Че отмечает, что кубинские революционеры «не были теоретиками, но и не являлись невеждами в вопросах великих общественных феноменов, а также в отношении законов, которые их определяют»[185].

Со свойственной ему прямотой и без тени идолопоклонства он пишет:

«Мы, латиноамериканцы, можем не согласиться с Марксом в его интерпретации роли Боливара или с его и Энгельса анализом положения мексиканцев, тем более что оба ссылаются при этом на некоторые расовые теории и положения, неприемлемые сегодня»[186]. Но главное в словах Гевары, на наш взгляд, следует дальше: «Эти мелкие ошибки лишь показывают, что эти великие люди — тоже люди и могут ошибаться»[187].

Нужно сказать, что при всей своей мечтательности Гевара старается избегать разглагольствований о разного рода утопических «измах» и конструкциях, предпочитая практические дела на благо народа (быть может в этом сказывалась натура врача). В тех случаях, когда его вынуждают обстоятельства (беседы с бойцами, крестьянами, задававшими соответствующие вопросы), он говорит общие фразы о «совершенном обществе», «царстве свободы», «всеобщем мире» — словом, как иронизирует один из его биографов Хосе Декамилли, — «Алисия в стране чудес»[188].

Особое место в трудах Э. Гевары по революционной тематике занимает вопрос о путях и методах борьбы. Читатель, видимо, помнит, как отреагировал молодой Эрнесто на утопическую мечту своего друга Миаля о создании демократического общества посредством вовлечения в избирательную кампанию индейских

масс. «Ты с ума сошел, Миаль, кто же отдаст власть без единого выстрела!» — сказал тогда студент Гевара. Возникает законный вопрос: откуда это у Эрнесто — такое уважение к «товарищу маузеру»?

Начнем с генетики. У латиноамериканского мужчины любовь к оружию почти на генетическом уровне. Всего несколько десятилетий назад, особенно в сельской местности, трудно было представить себе «мужика» без оружия, хотя бы с «мачете» (тесак. — *Ю.Г.*) в ножнах на боку, как у кубинского гуахиро (*Прим. авт.*: У мексиканцев есть шутка. На сельских танцах один «мачо» просит другого показать ему, которая из танцующих — его сестра. Тот стреляет: «Та, что упала...»)

Указанный феномен связан с постоянной политической борьбой на континенте, которая началась с приходом туда испанского завоевателя и не затихает по сей день. Даже в странах Андской зоны высокого сейсмического напряжения землетрясения случаются реже, чем государственные перевороты. С детства каждый латиноамериканец воочию убеждается, что власть можно отобрать только силой оружия. А чего можно добиться без власти? Заниматься уговорами, чтобы покончили (кто?!) с бедностью, иностранной зависимостью, отсутствием прав и свобод у простых людей?

Поэтому честный человек, даже с гуманной профессией врача, мечтающий положить конец указанным бедствиям континента, по большому счету, может рассчитывать только на оружие.

Приблизительно так рассуждал молодой медик из Аргентины. Именно поэтому, а не в силу якобы свойственного ему авантюризма и «тильуленшпигельства» (вспомните, как он перевязывал раненых батистовцев после боя!) он становится убежденным сторонником вооруженного пути в борьбе за коренные изменения жизни в странах «третьего мира», в первую очередь — в Латинской Америке.

Но и здесь Гевара — не упертый догматик: он не исключает, что революционные изменения, повторим, могут произойти «мирным путем, даже через выборы... хотя такая возможность — маловероятна»[189].

Весьма показательна в этом отношении следующая история, имевшая место во время пребывания Эрнесто Гевары в Нью-Йорке, куда он прибыл для участия в сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Знакомая кубинка, проживающая в Штатах, предложила ему организовать в доме семьи Рокфеллеров (она была их дальней родственницей) вечер, чтобы побеседовать с «леваками» — отпрысками упомянутого семейства. Во время

раута один из них поинтересовался: «Каким образом американские студенты могли бы посоревноваться с Кастро и организовать в США партизанское выступление?» Гости замерли. Наступила полная тишина. Гевара невозмутимо улыбнулся и громко объяснил ко всеобщему удовлетворению:

— Видите ли, молодой человек, здесь ситуация иная. Не думаю, что Северная Америка может стать сценой для успешного развертывания действий такого рода...[190].

(*Прим. авт.*: В течение долгого периода моих латиноамериканистских «штудий» мне довелось не раз быть свидетелем ошибочной интерпретации действительных намерений и взглядов Эрнесто Гевары, в том числе и по рассмотренному выше вопросу. К сожалению, это зачастую объяснялось догматически-безоговорочной поддержкой КПСС политики «братских» партий Латинской Америки.)

Коль скоро мы заговорили о латиноамериканском комдвижении, посмотрим, каковы были отношения у Гевары с компартиями стран континента. Выше этот вопрос уже частично затрагивался, когда мы рассказывали о событиях в Гватемале и о Повстанческой войне на Кубе. Продолжим эту тему.

Кстати, о Гватемале. Резко критикуя позиции, занятые руководством гватемальских коммунистов, Гевара, приехав в Мехико, тем не менее, делает следующую пометку в своем дневнике: «Только коммунисты в этой стране сохранили веру в победу народа... и думаю, что за это они достойны уважения... Рано или поздно я вступлю в компартию»[191].

Но велико было (в который раз!) разочарование Че в идейных соратниках в Боливии. Об этом мы подробно расскажем в «боливийской» главе. Об отношениях кубинских повстанцев и руководства Народно-социалистической партии (коммунистов. — *Ю.Г.*) уже говорилось выше. (*Прим. авт.*: В 1971 году я сопровождал в поездке по Советскому Союзу одного из основателей этой партии, ставшего после победы революции видным руководителем в правительстве Кубы, — Бласа Рока. С явным сожалением (если не сказать раскаянием) он говорил о серьезной ошибке его партии во время Повстанческой войны. «Мы, — отмечал Рока, — считали Фиделя авантюристом с хорошими намерениями, тактика которого обречена на поражение».) Примерно в таком же тоне писал об этом аргентинский публицист левого толка Уго Гамбини, имевший много встреч и бесед в Гаване[192].

Не способствовала повышению авторитета НСП у руководителей Повстанческой армии, в том числе и у Гевары, фракционная (по существу контрреволюционная) деятельность

группы коммунистов во главе с Анибалом Эскаланте. Теперь, после победы повстанцев, они претендовали на главную роль (а если сказать прямее, — на ключевые должности) на новой Кубе. В реализации своих планов они не гнушались никакими методами: сталкивали между собой кубинских руководителей, выставляли последних в невыгодном свете в Москве, пытались втянуть в свою фракционную деятельность отдельных советских дипломатов и журналистов.

Одним словом, кристально честному аргентинскому борцу подобные деяния не позволяли рассматривать указанную партию как «ум, совесть и честь» эпохи.

Тесно примыкают к этим вопросам личные ощущения Эрнесто: кем он себя чувствовал сам? Насколько испытывал на себе влияние марксистского учения? Здесь мы тоже наблюдаем определенную эволюцию. Например, в октябре 1960 года он говорит в интервью журналистке из журнала «Лук» (США) Лауре Бергкист:

«Нет, я не ортодоксальный марксист: предпочитаю определять себя как революционного прагматика. Мне нравится анализировать факты по мере их появления. Я не сторонник жестких схем»[193].

Приблизительно в таком же ключе отвечал он на аналогичный вопрос и делегатов Первого конгресса молодежи Латинской Америки (август 1960 г.):

«Что касается вопроса, марксисты ли мы или считаем себя таковыми, могу сказать следующее. Если человек много раз падает с дерева, делает в этой связи выводы и основывается на них в дальнейшем, он может рассматривать себя в качестве ученика Ньютона.

Если наши заключения, связанные с нашей ситуацией, — марксистские, значит, в этом смысле можно назвать нас марксистами». И добавляет: «Наша революция с помощью собственных методов открыла пути, указанные Марксом»[194]. (*Прим. авт.*: По существу, это была первая идеологическая характеристика Кубинской революции. Потребовалось это сделать, и Че взял на себя эту миссию. В то время Фидель лежал в госпитале с воспалением легких, а Рауль Кастро находился в СССР.)

Подобные заявления вряд ли можно интерпретировать как результат политических колебаний и тем более беспринципности, как это пытается представить уже знакомый читателю американский журналист Мэтью (он брал интервью у Фиделя и Че в Сьерра-Маэстре):

«Действия Гевары не нужно воспринимать как действия в

рамках (могу только согласиться с понятием «в рамках», которые, равно как и другие табу, Че всегда отвергал. — *Ю.Г.*) коммунистической доктрины... Если бы обстоятельства поменялись, он без эмоциональных или интеллектуальных проблем вступил бы в полемику с коммунистами»[195]. (Бесспорно, если бы они ошибались или выступили против его убеждений, как это уже было показано выше. — *Ю.Г.*). Насколько Э. Гевара был противником всякого рода догм, свидетельствует и письмо ему от его друга, аргентинского марксиста Фернандо Барриля, который писал:

«Испытываю чувство энтузиазма в связи с числом догм, которые она (Кубинская революция. — *Ю.Г.*) опровергла уже только своим триумфом. Понимаю, насколько этому рад и ты...»[196].

Тем более бесплодными были усилия тех, кто пытался (к сожалению, и до сих пор) возвести непреодолимую стену между подлинными коммунистами и Че Геварой. Наилучшим подтверждением этому является не только его членство в новой Коммунистической партии Кубы и избрание в ее директивные органы (вместе с Фиделем и другими соратниками), но и его взгляды. Особенно по проблемам воспитания человека будущего.

Какими же качествами он наделял этого человека? Что делал для того, чтобы воспитать себя и других, особенно молодежь, в соответствующем духе, в духе, как он говорил, «новой морали»? Чтобы ответить на эти вопросы, мы кратко остановимся на высказываниях, выступлениях Эрнесто Гевары, а также на воспоминаниях тех, кто хорошо его знал.

Не будет ошибкой утверждать, что для него главным в любом человеке (тем более в Человеке будущего) должно быть сострадание к болям и невзгодам обездоленных, умение видеть их страдания, искреннее желание помочь им избавиться от таких проблем. Сам он тоже не проходит мимо них бездушным наблюдателем:

«До каких пор будет продолжаться такой порядок вещей, основанный на абсурдном кастовом принципе!» — восклицает Эрнесто в юношеском дневнике. И добавляет: «Я знаю, что когда великая всевышняя сила разделит человечество всего на две враждующие половины, я буду с народом»[197].

Более простым языком Гевара общается с молодежью. На нее обращает свой взгляд, когда говорит о человеке будущего. По его мнению, она должна быть в авангарде общественного развития и за каждое полезное дело браться не задумываясь и весело (но не легкомысленно, — уточняет Че)[198]. (*Прим. авт.*: Мне понятен подтекст такого уточнения. Пусть он станет понятен и читателю.

Дело в том, что тогда в руководстве только что созданной Ассоциации молодых повстанцев (АМП) — приблизительный аналог ВЛКСМ — было принято решение сопровождать любую молодежную акцию пением слогана весьма сомнительного, псевдореволюционного содержания:

Мы — социалисты, вперед и вперед,
А кому не нравится — пусть пурген попьет!

В беседе с руководителем Ассоциации Д. Иглесиас Че, считавшийся одним из основателей и негласным наставником АМП, сказал ему, что весело — это хорошо, но «не надо смешивать политическую организацию молодежи с цирком». Об этом мне рассказывал сам Иглесиас.)

Подобное замечание отнюдь не означало какого-либо снобизма или интеллигентского пуританства. При случае Че обожал вставить в разговор или в письмо крепкое словечко. Например, тем же молодым руководителям, решившим устроить праздник-чествование для Гевары за его вклад в дело организации Народной милиции, команданте писал:

«Мне кажется, друзья, что вы не понимаете того, что я пишу и повторяю в своих выступлениях: нам нужны сегодня не чествования, а работа. И чтобы ответить вам помягче, я скажу по-французски, что всякие почести — это «ca meumerde» (по-русски — «дерьмо». — *Ю.Г.*)»[199].

Для Эрнесто Гевары было исключительно важным в деле воспитания нового человека показать, что революционер это не личность на ходулях, не запрограммированная машина, а живое и думающее существо, «способное с позиций наивысшего товарищества ощущать слитность с трудящимися, заботу о семье, своих детях, содрогаться перед лицом несправедливости, совершаемой в любом уголке мира»[200]. По его мнению, важно было также показывать конкретное превосходство нового общества.

При этом Че был далек от легковесных представлений о созидании такого общества. Он не устает подчеркивать в своих многочисленных контактах с трудящимися, что это — тяжкий, напряженный труд, требующий полной самоотдачи и даже жертв. Вот почему для него звучит полным диссонансом идея опоры на материальные стимулы, получившая широкое распространение в государствах так называемого социалистического лагеря, в том числе — в СССР. Одновременно он даже критикует «чрезмерные»

попытки сочетания материальных и моральных стимулов, предпринимавшиеся в указанных странах. Спустя 10 лет после смерти легендарного соратника Ф. Кастро призвал вновь поставить вопрос о стимулах. «Было бы ошибкой думать, что социализм можно построить с помощью материальных стимулов», — отметил он[201]. Логика рассуждений Че предельно понятна и ясна: коль скоро новое общество должно быть, по определению, обществом высокой морали, как можно созидать его, идя иными путями (пусть даже временно), нежели утверждение такой морали. Не производство любой ценой; необходимость производить не только товары, но и самого нового производителя», — настаивает Гевара[202].

(*Прим. авт.*: Время показало правоту геваровских постулатов как в отношении нашей страны (СССР), так и самой Кубы. На Острове, не без влияния советских советников, стали отходить от некоторых принципов Че. Правда, на Кубе, по крайней мере, при жизни Гевары, хотя бы не нарушался другой его принцип — руководители партии и страны должны быть примером во всем для народа, жить в тех же условиях, что и трудящиеся. Я помню, какую нужду, наравне со всеми кубинцами, в те годы испытывали в продуктах и бытовых мелочах даже министры правительства, как по выходным шли они вместе с Че в первых рядах добровольцев — рубщиков сахарного тростника!).

Эрнесто Гевара считал указанный выше принцип определяющим, особенно в странах с неразвитыми демократическими традициями, где население многие десятилетия, как в Латинской Америке, воспитывалось на идеях «каудилизма» (каудильо — предводитель. — *Ю.Г.*) или «касикизма» (касик — вождь племени. — *Ю.Г.*). Поэтому он призывает руководителей проявлять «скромность, простоту и правдолюбие; не считать себя единственными обладателями истины; постоянно учиться и правильно воспринимать критику: правда не бывает плохой. Не соблюдающего всего этого руководителя надо просто прогонять»[203].

Именно в слаборазвитых странах, настаивает Че, их будущее не должно быть лишь плодом исполнения экономических императивов, соблюдения объективных факторов существующей реальности. И добавляет, что, как нигде, там особую роль приобретают факторы субъективные, как нигде, борьба там должна вестись не только с нищетой, но и с привычным для старого общества сознанием[204].

Отсюда его высокие требования к руководителям. Правда, Гевара оставляет «за скобками» пример руководителя в столь важном деле, как добровольный труд, пропаганде которого он

уделял столько внимания. Думается, что это не случайная «забывчивость». В силу своей исключительной скромности он не любил «педалировать» тему «руководитель на субботнике», видимо, боясь быть неправильно понятым.

Тем не менее, хочется остановиться на его участии в добровольном труде особо. Выше уже рассказывалось о том изнуряющем недуге, которым страдал Че, — об астме. Не проходило и полчаса, чтобы Гевара не применил свой ингалятор (иначе — удушье и сильный кашель). Но это не мешало ему почти каждое воскресенье выезжать на уборку сахарного тростника или ехать в порт, чтобы вместе с докерами разгружать стоявшие в Гаванском порту сухогрузы. (*Прим. авт.*: Я рассказал об этом советскому профессору-медику, работавшему в Гаване. Пораженный, он только кратко заключил: «Он — самоубийца!»)

При вручении Геваре профсоюзной медали «Ударник добровольного труда» (помните, он подарил ее старшей дочке за отличную учебу?), он смущенно сказал журналистам, что это — «недоразумение», так как руководители должны без всяких поощрений показывать пример во всем. А нам остается только попросить читателя внимательно вглядеться в те фотоснимки, помещенные в этой книге, на которых Че Гевара заснят на субботниках(!)

Значительно более «либеральным» был он в этих вопросах, когда речь шла о рядовых тружениках. Гевара отдавал себе отчет, насколько новой и непривычной являлась идея добровольного труда, высокой общественной сознательности в кубинских условиях. Поэтому, выступая поборником этих идей, он был против искусственного форсирования в деле их реализации, тем более репрессалий к тем, кто их еще не воспринимал. Услышав жалобу директора одного предприятия по поводу неудавшихся попыток проведения воскресника, Че спокойно говорит: «Там, где не получается, проводить не надо: значит, не созрели условия...»[205].

Еще одним примером взвешенного и тактичного отношения Гевары к воплощению идей созидания нового общества может служить его позиция в вопросах религии.

Страны Латинской Америки представляют собой важнейшую зону распространения и влияния католичества. Роль католической религии в этих странах весьма заметна. Вместе с тем было бы неправильным считать, что церковь занимает особо важную роль в жизни латиноамериканцев, тем более — в больших городах. Особенно это касается интеллигенции и молодежи.

В семье Гевары детей крестили, но на этом вся католическая обрядовость и заканчивалась: Эрнесто никто не водил и церковь,

не ходил он туда и сам, когда вырос, равно как и его родители. Если к этому добавить изучение будущим врачом естественных наук, как правило, полемизирующих с религиозными догматами, то картина будет вполне ясной — Че не был глубоко верующим человеком.

Но означало ли это сколь-либо нетерпимое отношение к религии, тем более к религиозным людям у самого Эрнесто? Отнюдь нет. Скорее, мы видим уважительное отношение к их чувствам, понимание причин религиозности. Об этом, в частности, свидетельствует инициатива Че учредить в Повстанческой армии должность капеллана и приглашение на нее демократически настроенного кубинского священника Сардиньяса. Последний осуществлял служение не только среди повстанцев, подавляющее большинство из которых были верующими крестьянами, но и оказывал соответствующие услуги (и только бесплатно!) местному населению в зоне дислокации партизан. Например, он крестил детей, в том числе и тех, чьим «падрино» (крестным отцом. — *Ю.Г.*) по просьбе родителей зачастую становился сам Че.

В воспоминаниях крестьянки Чаны, о которой говорилось выше, сохранилась такая история. Перед уходом в город Чана высказала Геваре свою озабоченность, — прилетят батистовские самолеты и разбомбят ее дом. Команданте (у которого не было никаких икон), чтобы успокоить верующую женщину, обещает ей в ее отсутствие укрепить над входом в ее жилище «образ одного святого». Это был портрет кубинского освободителя и поэта Хосе Марти. Дом был цел. Возвратившись, довольная Чана долго еще молилась на портрет...

И не случайно спустя некоторое время Чана заводит с командиром следующий разговор:

Чана: Команданте, вы веруете в Бога?

Гевара: Видишь ли, Чана, я не могу быть верующим, так как я — коммунист...

Чана (за свою жизнь слышавшая только страшные вещи о коммунистах, вскакивает и, крестясь, убеждает собеседника): Нет, нет, упаси Мадонна... Вы не можете быть коммунистом, потому что... (крестьянка на секунду задумалась), потому что вы — очень добрый человек...[206]

Че долго смеялся, а потом доступно стал объяснять пожилой женщине ее заблуждения.

Позволяет лучше понять мечты «героического партизана», его взгляды и эпистолярное наследие Эрнесто Гевары. Нужно сказать, что в силу своей природной организованности и неповторимого уважения к людям Че не оставлял без ответа ни одного письма к

нему, да и сам, несмотря на вечный «цейтнот», любил писать, особенно близким и родным. Он говорил, что письма предоставляют больше свободы для высказываний. И действительно, у него они лишены какой-либо натянутости, написаны легким слогом и полны креольского юмора.

Чего стоит хотя бы его маленькая записка работникам кубинской фабрики грампластинок, приславшим ему, министру промышленности, образцы своей продукции:

«...Что касается выбранной музыки, я не вправе высказывать даже самое незначительное мнение, ибо мое невежество в этой области — на все 273 градуса из 360»[207].

В таком же ключе, хотя уже с более высокой требовательностью, обращается он к директору психиатрического госпиталя в Гаване, приславшему Че как врачу номер специализированного журнала, издаваемого тиражом свыше 6000 экземпляров:

«Как можно выпускать специальный журнал таким тиражом, если на Кубе нет стольких врачей (не говоря уже о психиатрах. — *Ю.Г.*). Это сомнение ведет меня к «невроэкономическому» психозу: я думаю, может быть крысы используют журнал для повышения своих психотерапевтических знаний и наполнения желудков, а может быть под подушкой каждого пациента госпиталя лежит по экземпляру (?!).

В любом случае 3 тысячи экземпляров — излишни, прошу тебя об этом подумать. Если всерьез, то журнал — хороший, поверь мне, ведь «чокнутые» на науке всегда говорят правду»[208].

Но Гевара умеет соразмерять юмор и креольский стиль с содержанием своих писем. Среди них много деловых писем Фиделю, начиная от коллективного, написанного, по словам самого Че, «по-детски и которое не произвело на Кастро никакого впечатления», и кончая его прощальным письмом перед отъездом с Кубы. Содержание последнего (в сжатом изложении) приводилось в предыдущей главе, а другое, упомянутое выше, читайте:

«Товарищ майор Фидель Кастро!

Офицеры и весь личный состав Повстанческой армии, понимая сложившуюся обстановку и вытекающие из нее требования, хотят выразить чувство признательности, которое испытывают к Вам бойцы за Вашу помощь в руководстве боем и Ваше непосредственное участие в боевых действиях.

Мы просим Вас не подвергать без нужды риску свою жизнь (Фидель подчас, по словам того же Че, «рисковал больше, чем этого требовала необходимость». — Ю.Г.) и тем самым не

ставить под угрозу тот успех, который был нами достигнут в результате вооруженной борьбы и который мы должны закрепить победой революции... Когда мы пишем это письмо, нами движет заслуженное чувство любви и уважения к Вам, чувство любви к родине, к нашему делу, к нашим идеалам.

Вы без всякого чувства самомнения должны понять ту ответственность, которая лежит на Ваших плечах, и те чаяния и надежды, которые возлагают на Вас вчерашнее, сегодняшнее и завтрашнее поколения. Сознавая все это, Вы должны учесть нашу просьбу, которая носит характер приказа. Может быть, это сказано слишком смело и повелительно, но мы делаем это ради Кубы и во имя Кубы, мы ждем от Вас еще большего самопожертвования.

Ваши братья по борьбе и идеалам. Сьерра-Маэстра, 19.2.1958 г.»[209]

Чувством товарищеской заботы проникнуто письмо Че и к другому его соратнику — майору Камило Сьенфуэгосу:

«Меня радует, что Фидель поставил тебя во главе Военной школы, ибо тем самым мы сможем получить в будущем превосходных солдат. Но меня не порадовало твое намерение приехать в мой отряд (на передовую. — *Ю.Г.*), ибо, хотя ты и играешь наиважнейшую роль в сражениях, и мы продолжаем нуждаться в тебе, еще больше ты будешь нужен Кубе, когда окончится война. Поэтому очень хорошо поступает наш Гигант (Фидель — *Ю.Г.*), оберегая тебя»[210]. *(Прим. авт.*: Камило Сьенфуэгос вскоре после победы революции летал на небольшой авиетке в провинцию Эскамбрай, где руководил подавлением восстания контрреволюционеров. На обратном пути, находясь над морем, самолет попал в сильную грозу. Связь с ним была прервана. Аппарат не был обнаружен. Каждый год в этот день гаванцы бросают с набережной Малекон в море букеты цветов, чтя память одного из революционных героев.)

Небольшая записка другу Миалю, в которой спрашивает его, откуда тот взял, что Че думает ехать освобождать народ Доминиканской Республики, и добавляет: «Ты ссылаешься на то, что, дескать, я — освободитель. Нет, старина, по большому счету, «освободителей» не бывает: себя освобождают сами народы... Другое дело, что я мечтаю освободить все бесправные народы. Мои мечты не знают географических границ. Мне нравится мечтать. И я не перестану мечтать об этом, пока мои мечты не остановит пуля...»[211].

Однажды Геваре написала испанская гражданка Мария Гевара. Она спрашивала у него, не родственники ли они с ним. И

даже на такое письмо ответил команданте, ставший министром. Он писал:

«По правде сказать, не знаю, из какой части Испании родом мои далекие предки... Не думаю, что мы с вами — близкие родственники, но (это был бы не Че, если бы завершил письмо иначе. — *Ю.Г.*) если вы способны содрогнуться и возмутиться каждый раз, когда в мире творится несправедливость, то мы с вами — товарищи, что гораздо важнее»[212].

Тем более он не оставляет без внимания старых знакомых, земляков. Перед поездкой в Венгрию Гевара узнает, что там проживает его приятель детства Фернандо Барриль. Приехав в Будапешт, Че, несмотря на напряженную программу пребывания, ищет его, но, не найдя, оставляет у переводчицы-венгерки записку, в которой, в частности, говорилось:

«От астматика и индивидуалиста, которого ты знал, осталась только астма... Имею двоих (в то время. — *Ю.Г.*) детей, хотя продолжаю оставаться любителем авантюр, правда, теперь они преследуют справедливую цель. Шлет тебе братское объятие Че, таково сегодня мое имя»[213].

От внимательного читателя писем Гевары не может ускользнуть столь важная тема, как мораль человека нового общества. Еще гремят бои в Сьерра-Маэстре, он перевязывает и лечит раненых, но мысль его уже работает над упомянутой темой. Че затрагивает проблемы отношений людей между собой, с обществом. Кстати, не зацикливается на интересах последнего. Говорит, что коллективизм должен подразумевать не преобладание общественного, а сочетание личного и общественного начал[214]. Выступает противником индивидуализма. Особо непримирим Гевара к расхитителям общественной собственности. Уже после победы революции он отвечает на письмо матери одного из них:

«Сожалею, сеньора, что вынужден сказать вам об этом (и знаю, что мои слова причинят вам боль), но я не исполнил бы свой революционный долг, если бы не ответил именно так: ваш сын должен быть наказан, так как совершил больше преступление — посягнул на народную собственность...»[215]

Из заявлений, выступлений, писем Эрнесто Гевары постепенно складывался, так сказать, его идеологический «имидж». Это понимали и его соратники, и идейные противники. Мировая печать уже в первый постреволюционный год окрестила его «марксистским идеологом Кубы». 8 августа 1960 года американский журнал «Тайм» выходит с фото Гевары на первой обложке, сопровождаемым многозначительной подписью: «Че задумал полное разрушение старой экономической и

политической системы»[216]. (*Прим. авт.*: Здесь сказалось слабое знакомство американцев с идеями кубинских повстанцев, ибо Фидель Кастро опубликовал свои подобные идеи в мексиканской прессе еще до отплытия «Гранмы».)

И снова хотелось бы вернуться к взглядам Че на роль лидера, руководителя, которую он считал наиболее трудной не только из-за большой ответственности, но в силу необходимости «соединять страстный дух с холодной головой и принимать решения, вызывающие внутреннюю боль, не дрогнув ни одним мускулом»[217].

Далеко не последним требованием, по мысли Гевары, является желание и готовность понять подчиненного человека, помочь ему разобраться в проблеме или поставленной задаче. И при этом — максимальная толерантность и выдержка. Все это, но возведенное в степень, если речь идет о молодежи, тем более о детях.

«Цементирующим веществом наших дел является молодежь. На нее мы возлагаем наши надежды и готовим ее, чтобы она могла бы подхватить наше знамя»[218], — повторял он не раз.

И все эти качества руководителя, считал Гевара, должны быть «замешаны» на исключительной скромности, примеры которой он подавал повсюду и всегда. Вот только некоторые из них.

«Действие» происходит в небольшом городке провинции Ориенте, в постреволюционные годы. Небольшая столовая, в которой накрыт шикарный стол. Ждут испанского гостя поэта Маркоса Ана, с которым должны там пообедать Эрнесто Гевара и его мать Селия. Министр Гевара интересуется, что приготовлено в столовой для постоянных посетителей, местных рабочих.

— Макароны с тушенкой, — отвечает директор столовой.

— К сожалению, гость приехать не сможет. Угощение отвезите ему в отель: он приедет туда позже. А нам с мамой, которая тоже не гость, как и и, дайте макароны с тушенкой, — распоряжается Че.

О скромности, непритязательности Че, его непоказном равнодушии к деньгам, имуществу на Кубе до сих пор ходят легенды. Лейтенант Повстанческой армии Эвелио Лаферте рассказывает, как, направляясь из Байямо в Гавану на самолете, президент Национального банка Гевара и его супруга были вынуждены из-за погоды вернуться в аэропорт вылета. Была поздняя ночь. Алеида попросила у пилота денег взаймы на гостиницу, так как у Че их никогда не было[219].

Уже после победы революции Гевару пригласили для чтения лекции в Гаванский университет. Профессор Э. Энтральго прислал ему письменное приглашение, в котором сообщал также

(как это было принято в этом вузе), что за выступление будет переведена определенная сумма. Че ответил вежливым, но весьма резким письмом:

«Мы с вами, — писал он профессору, — стоим на диаметрально противоположных позициях в нашем понимании, каким должно быть поведение руководителя... Для меня непостижимо, чтобы партийному или государственному деятелю предлагалось денежное вознаграждение вообще за какую-либо работу. Что касается меня лично, то самым ценным из всех вознаграждений, полученных мною, является право принадлежать к кубинскому народу, которое я не сумел бы выразить в песо и сентаво»[220].

Быть может, кто-нибудь скажет: «Что за странный человек!» Но мне кажется, прав кубинский поэт Фернандо Ретамар, который писал, что «как раз «странности» Че — это один из важных мотивов нашей страсти по нему»[221].

Как-то на шоссе, управляя автомобилем, задевает старый велосипед одного старика. Старик сидит в кювете, поправляя руль.

Че (подходит к сидящему старику): Что у вас? Ушиблись?

Старик: это вы меня зацепили?

Че (вздыхает): К несчастью, я, извините меня...

Старик (узнав Гевару): Да что вы, какое же это несчастье? Я теперь всей деревне буду рассказывать, с кем я повстречался. Какое счастье, что я сегодня сел на свою развалюху... (Гевара вспоминал, что боялся, что старик начнет целовать его: он долго тряс его руку).

Че: Дайте мне ваше вело, я его отвезу в мастерскую.

Старик: Да вы что! Я этот велосипед буду показывать всей родне и рассказывать, как я познакомился с Че Геварой... (*Коммент. авт.*: Через некоторое время вся деревня собралась посмотреть новенький велосипед, присланный старику министром Геварой.)

И не удивительно, что люди тянулись к нему, как к чистому источнику родниковой воды.

Крестьянин Хоакин Посо из горного хутора в Сьерра-Маэстре сказал автору:

«При всей своей известности Че никогда не считал себя «важным». Сколько у нас таких, что, получив должность, надуваются, потому что не научились себя вести правильно... Команданте был и правда великим человеком, но себя таким не считал... Еще нам многому учиться у этого человека...»

А вот слова другого крестьянина, Симона Пенья, воевавшего под началом Че:

«Там, где командовал он (Гевара. — *Ю.Г.*), ни разу никто из солдат не подвел. Кто мог подвести с таким командиром?!» Ответ на такого рода вопрос даст друг Гевары (и тоже поэт!): «Этот Человек с большой буквы является нашей гордостью, но и нашим стыдом, так как каждое мгновение он напоминает, каким может быть человек, и какими мы все являемся»[222].

И, наконец, последнее. Эрнесто Гевара как будто родился на Кубе: настолько ему свойственна была шутка, веселая подначка, розыгрыш (или, как теперь сказали бы, — «прикол»). И это при том, что с легким, веселым нравом кубинцы аргентинцев считают «песадос» (занудами. — *Ю.Г.*). Это именно Че говорил про ленивых бойцов, выдумывавших несуществующие у них болячки, что у них «симулитис». А те всерьез повторяли это изобретенное Эрнесто слово.

Министр К. Р. Родригес вспоминал в беседе с журналистом: «Вместе с президентом Дортикосом мы возвращались после командировки в Гавану из Сантьяго. Наш самолет по каким-то причинам задерживался с вылетом. Оттуда же должен был вылететь на другом небольшом самолете Че, которым обычно он управлял сам.

Гевара предложил нам лететь с ним, но несколько осторожный Дортикос отказался, сказав, что большой лайнер долетит быстрее. И мы вскоре полетели. Но Че обогнал нас в пути минут на пятнадцать, быстро приземлился в Гаване и с помощью техников подкатил трап к нашему самолету. Когда мы появились на нем, посматривая на часы, Эрнесто серьезно заметил: «Что- то медленно вы передвигаетесь... Я уже два часа вас поджидаю!» А на мой вопрос, что он делает здесь, шутник Че сказал: «Вы же спешили, вот я и решил побыстрее подать вам трап...»[223].

* * *

Суммируя взгляды Эрнесто Гевары, его высказывания, мечты и повеление, можно сделать только такой вывод, какой сделал после его смерти Фидель Кастро:

«Я бы сказал, что это был такого типа человек, с которым трудно кого-нибудь сравнивать и которого практически невозможно превзойти!»[224].

На наш взгляд, крайне важно, что Эрнесто Че Гевара не только борец, но и созидатель в теории и практике строительства нового общества. Он аргументировал и разработал

«последовательную и глубокую концепцию относительно действий революционеров в социалистическом строительстве»[225]. Это позволило Фиделю Кастро назвать его «человеком доктрины, человеком великих идей, способным выработать инструменты, принципы, которые, несомненно, являются существенными на пути созидания нового общества»[226].

Глава 6 ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Слова поэта взяты для названия этой главы, посвященной созиданию новой жизни на постреволюционной Кубе, не случайно. Перед Фиделем Кастро и его соратниками одновременно встало много задач и неожиданных проблем. Столько, что сегодня, почти полвека спустя, не перестаешь удивляться (и, естественно, восхищаться!) решимости, самоотверженности и твердости духа молодых преобразователей.

Отдавая должное всем им, особо нужно отметить роль Фиделя и Че: самый большой груз революция возложила на них. Выше мы уже говорили о взаимоотношениях этих руководителей. Теперь нам остается лишь добавить несколько слов о степени ответственности каждого из них.

По большому счету, она была равной. Другое дело, что у Ф. Кастро — более «на виду». Сначала признанный руководитель Повстанческой армии, а затем глава нового государства, он был призван в первую очередь публично выступать по всем вопросам внутренней и внешней политики Кубы в стране и за рубежом, озвучивать ее позиции, достижения и проблемы. Э. Гевара, которому Фидель несомненно доверял и работал с ним в тесном контакте, занимался разработкой стратегии и доктрин созидания, а также решением неотложных тактических задач, от которого зависел ход процесса в целом: зашита завоеваний, банковское дело, промышленное строительство. Сказанное, конечно, не исключало выполнение Геварой и некоторых миссий, обычно входивших в круг обязанностей самого Фиделя, — публичные выступления от имени страны, зарубежное представительство и др.

Наконец, еще один момент, важный для правильного понимания читателем содержания данной главы. Это — знакомство, пусть даже весьма поверхностное, с некоторыми особенностями характера и поведения обоих лидеров. Автор понимает, что писать об этом — дело деликатное и неблагодарное (тем более что недавно у нас каждый второй был «специалистом» по Кубе), тем не менее, он предпринимает эту попытку ради читателя и основываясь исключительно на собственных наблюдениях и оценках.

На мой взгляд, Фидель — человек взрывного, холерического склада, красноречивый полемист и талантливый оратор, усидчивой кабинетной работе предпочитающий подвижный образ

жизни и деятельности, еще со времени учебы в иезуитском колледже — тонкий дипломат, взвешивающий каждое свое слово, не склонен к романтике.

Че — несколько иной. Он — спокойный (по крайней мере, внешне) и внимательный наблюдатель или слушатель, малоразговорчивый интраверт, с высокой требовательностью к себе (прежде всего!) и к близким, способный высказать открыто и прямо кому угодно свое мнение, если считает его правильным. Имел склонность к аналитической, исследовательской работе, публицистике. В душе — романтик, поэт и мечтатель с высокой степенью (как и должно быть у настоящего врача) сострадания к людям.

Теперь, как говорят французы, «вернемся к нашим овцам». Итак, Гавана, 1959 год. «Зимний» месяц январь. Крепость «Кабанья». В крошечном кабинете коменданта раздается телефонный звонок. Геваре сообщают о приезде к нему чилийского гостя — политика Сальвадора Альенде. Вот как вспоминал позднее первый народный президент Чили об этом визите:

«В течение четверти часа я мог созерцать его и видеть блеск воспаленных глаз, его беспокойный взгляд (в эту ночь Че спал только два часа и, будучи нездоров, спешил выехать по срочным делам. — *Ю.Г.*). Передо мной находился один из великих борцов Америки»[227].

Альенде, чтобы взглянуть на кубинские события собственными глазами, прилетел туда уже 20 января 1959 года. (*Прим. авт.*: Надо сказать, что впечатления первого дня пребывания в Гаване чуть было не разочаровали чилийского политика. Услышав под окнами отеля шум какого-то празднества, он вышел па улицу и увидел, по его словам, «невероятную сцену»: но набережной строевым маршем и под музыку оркестра шла возглавляемая мэром Майами колонна из 200 здоровенных североамериканских полицейских. Возмущенный Сальвадор хотел уже звонить, чтобы заказать обратный авиабилет, но, к счастью, встретил в отеле своего старого знакомого Карлоса Рафаэля Родригеса — того самого, что вел в Сьерра-Маэстре переговоры от имени кубинских коммунистов и который посоветовал не спешить с выводами, а поговорить с революционными руководителями.)

Гевара назвал приезд Альенде «символическим»: это был вообще первый визит к нему в крепость.

— Послушайте, Альенде, я знаю прекрасно, кто вы такой, — сказал Че визитеру. — Я слышал два ваших выступления во время президентских выборов 1952 года: одно очень хорошее и другое

— очень плохое. Поэтому будем говорить без оглядок, так как у меня сложилось ясное представление о вас.

Гевара рассказал, что последний раз был на родине Сальвадора до президентских выборов, на которых победил генерал Ибаньес. Тем не менее, он удивляет Альенде точной характеристикой нового президента — «отставной военный с диктаторскими тенденциями и политическими взглядами, близкими к Перону»[228].

На вопрос визитера о самых насущных кубинских проблемах Че с лукавой улыбкой говорит, что их «не так много»: всего лишь покончить с наследием диктатуры и сделать жизнь народа счастливой. Потом более серьезно рассказывает (хотя и очень лаконично) о роспуске старой армии, полиции, секретных служб, о примерном наказании батистовских палачей, которые за семилетний срок диктатуры замучили и убили около 20 тысяч кубинцев, о работе в этой связи революционных трибуналов. Гевара рассказал также, что подсудимым будет предоставлено право приглашать в качестве защитников лучших адвокатов, вызывать любых свидетелей. (*Прим.* авт.: Забегая вперед, скажем, что процессы проходили открыто, в присутствии народа, журналистов, отдельные передавались по телевидению. Улики против подсудимых были столь неопровержимы, что, как правило, все они признавали себя виновными в совершенных злодеяниях. Наиболее одиозные палачи были приговорены к расстрелу.)

Когда речь зашла о бедственном положении трудящихся в Латинской Америке, Че отметил (и Альенде с ним согласился), что в Чили оно намного хуже, чем в Аргентине, что объясняет растущую волну эмиграции чилийцев в эту соседнюю страну. Гевара вспоминал, как он, посетив студентом Чили, охарактеризовал состояние здравоохранения в Чили как «оставляющее желать лучшего», но позднее увидел, что оно намного лучше, чем в других странах континента, которые он посетил[229]. ...В заключение беседы оба доктора-политика успели даже поспорить о невмешательстве латиноамериканских военных в политику: Альенде доказывал, что чилийские военные стояли всегда «в стороне от политики». Че поставил такое утверждение под сомнение, сказав, что на это не надо рассчитывать, даже в Чили. Если бы будущий чилийский президент внял тому совету!..

В заключение беседы Че договорился с Раулем Кастро о визите к нему С. Альенде (позднее была организована встреча и с Фиделем).

После этих трех встреч у Сальвадора Альенде установились дружеские отношения с кубинскими руководителями. Он высоко

оценил Кубинскую революцию как новый высший этап в национально-освободительном движении Латинской Америки. Будущий президент Чили обрел и нового последовательного защитника для своей родины.

(*Прим. авт.*: Многое объединяло Альенде со всеми тремя — идеологическая общность, социальное происхождение, общие кумиры в годы юности — Симон Боливар, Хосе Марти, Сесар Сандино, Пабло Неруда, великий мексиканский художник-муралист Давид А. Сикейрос; с Геварой их роднила и профессия врача. Но были между ними и некоторые различия. В отличие от своих новых друзей Альенде был почти вдвое их старше. К тому же он был парламентским политиком, привыкшим бороться словом, а не с автоматом в руках. И если те с помощью вооруженной борьбы добились победы, то Альенде еще предстояло доказать на деле, что в условиях его страны народ мог победить также через посредство избирательных бюллетеней. Че не только верил в честность Альенде-революционера, но и пришел к выводу, глубоко проанализировав внутриполитическую обстановку в Чили, что Альенде прав в своих намерениях действовать методами, отличными от вооруженного восстания или партизанской войны. Это подтверждает и надпись, которую Э. Гевара сделал на экземпляре своей книги «Партизанская война», которую подарил чилийскому другу. «Сальвадору Альенде, который другими средствами стремится добиться того же. С симпатией, Че»[230].

Второй, и последний, раз Альенде и Че встретились во время конференции ОАГ в Пунта-дель-Эсте (Уругвай), о которой речь пойдет ниже. Обоих пригласили выступить в университете г. Монтевидео антиимпериалистические уругвайские организации. Кубинские эмигранты угрожали обоим расправой. После состоявшегося там митинга Че сказал Альенде:

— Сальвадор, давай выйдем из здания поодиночке, чтобы в случае покушения не сделать «червякам» подарка — в виде одной обшей цели...

«Мы вышли по одному, — вспоминал позднее Альенде. — Огромная толпа окружала университет. Раздавались антиимпериалистические лозунги. Слышались выстрелы. Террористы начали обстреливать здание. Потом мы узнали, что был убит один университетский профессор, наш друг. В этот же вечер Че пригласил меня на ужин в отель, где он поселился, чтобы побеседовать...»)[231].

Шли дни, и проблем перед повстанцами вставало все больше. Вот как описывает Ф. Кастро ситуацию тех тяжелых дней спустя месяц после победы:

«В народе начали ощущаться недовольство, неуверенность, беспокойство… Появилась серия проблем… распределение брошенных ранчо, уход в иностранные посольства с просьбой о политическом убежище, «бегство» валюты за рубеж. Нас несло к очень опасной ситуации»[232].

Да, о покое, отдыхе недавним повстанцам можно было только мечтать. События в стране разворачивались порою даже не по часам, а минутам и сменялись как в калейдоскопе. И если рядового борца они напрямую касались не все, то иначе обстояло дело у их лидеров. Излишне говорить, что Эрнесто Гевара имел прямое отношение практически ко всему происходившему тогда на Кубе. Трудно переоценить его роль здесь. Поэтому мы просто будем рассказывать о самих этих событиях и преобразованиях, тем более что и сам Че не любил выпячивать свою роль в них.

Вот только краткий перечень этих первых трансформаций в обществе. В 1959 — 1960 гг. была проведена аграрная реформа, установлена государственная монополия внешней торговли, национализирована собственность американских компаний и крупного национального капитала, принят закон о городской реформе, ликвидировавший собственность крупных домовладельцев и передававший жилую площадь в собственность квартиросъемщиков или государства. (*Прим. авт.*: Не могу не поведать читателям об одном таком домовладении — новом двухэтажном особняке в гаванском пригороде Кубанакан, принадлежавшем дочери представителя «Дженерал моторс» на Кубе Барлетты. Окруженный пальмовой рощей в один гектар, где имелся огромный плавательный бассейн и теннисный корт, дом представлял собой сплошное чудо строительно-архитектурной мысли и роскоши. Центральная лестница была изготовлена из знаменитого белого каррарского мрамора (Италия), в просторной ванной комнате в пол из черного мрамора были вделаны весы, а результат взвешивания отображался на специальном циферблате на стене. Подвальный гараж на две машины открывался и закрывался водителем, не выходя из автомобиля, с помощью пульта и секретного кода. Когда мы вместе с представителями кубинского МИДа посетили этот дом, отведенный правительством под резиденцию посла СССР, то увидели малоприглядную картину: повсюду были разбросаны кипы новой одежды, десятки коробок с обувью, игрушки, книги, фотокарточки — хозяева, прихватив только драгоценности, бежали в Майами. Оставшийся сторож позднее рассказывал нам, как жили такого рода олигархи. Больше всего нас поразил его рассказ о свадьбе хозяйки, во время которой бассейн в саду был наполнен французским шампанским(!) Сегодняшние сообщения российских СМИ порою

заставляют мою память вернуться к подобным «картинам».)

При всей социальной ориентированности реформ, направленных на восстановление справедливости и прав всех граждан, главный результат их был в том, что народное государство овладело основными командными высотами в хозяйстве страны.

Конечно, было бы наивно рассчитывать на одобрение таких преобразований всеми гражданами. Национальная буржуазия раскололась. Ее наиболее зажиточная часть не приняла реформ и перешла в лагерь внешней или внутренней контрреволюции. Основная масса мелкой буржуазии, обычно находящейся в Латинской Америке на грани пролетаризации, выступила за радикализацию преобразований. К сожалению, эмигрировала в США и значительная часть среднего класса (врачи, юристы, технические специалисты), в первую очередь — связанная с иностранными компаниями.

Все это вместе предопределило перерастание демократической, аграрной, антиимпериалистической революции в революцию социалистического типа, призванную, как известно, идти дальше — к преобразованиям капиталистической (по крайней мере, крупной) собственности.

Здесь возникает весьма деликатный, но уместный вопрос: были ли лидеры революции и даже радикально настроенный Че Гевара сторонниками форсирования такого «перерастания». Внимательное прочтение трудов последнего, да и самого Ф. Кастро позволяет нам дать на этот вопрос отрицательный ответ. Исходя из глубокого изучения кубинского общества, его классовых сил, состояния политической грамотности народа, они, по всей видимости, собирались проводить демократические преобразования более длительное время. И как можно было добиваться указанного выше «форсирования», если даже в среде неимущих преобладала антикоммунистическая атмосфера (вспомните реакцию простой крестьянки Чаны на слова Че о том, что он — коммунист!). Фидель Кастро рассказывал, что даже рабочие, у которых спрашивали об их отношении к таким мерам, как аграрная реформа, национализация банков, рудников иностранных компаний, и дававшие на эти вопросы положительный ответ, были категорически против такого понятия, как «социализм»[233].

И, тем не менее, в апреле 1961 года Ф. Кастро провозгласил социалистический характер руководимой им революции. Нет ли здесь какого-то противоречия в позициях кубинского руководства? Насколько нам известно, нет. Чтобы убедиться в этом, посмотрим, в каких внутренних и «внешних» условиях

свершались преобразования, как реагировали на них их противники в стране и за ее пределами.

Прежде всего, они пустились «во все тяжкие», наговаривая небылицы на лидеров повстанцев, обвиняя их в проведении «коммунистических реформ», связях с Кремлем, намерениях обобществить все и вся в стране, вплоть до... детей. (*Прим. авт.:* Желтая пресса сообщала о «намерении фиделистов» отобрать детей у родителей с целью их воспитания в революционном духе в Советском Союзе. Слухи такого рода в значительной степени повлияли на решение многих, даже не очень обеспеченных семей покинуть Кубу.)

Особое место в этой клевете отводилось Че Геваре. Еще бы — аргентинец, защитник гватемальской революции, наверняка «агент Москвы», засланный на остров, чтобы превратить его в «колонию СССР». Играли на всем, даже на здоровье.

В марте, когда Эрнесто из-за почти полного отсутствия отдыха, а как следствие — постоянных приступов астмы дошел до состояния сильного физического истощения, руководство буквально заставило Че переехать в выделенную для него виллу. В печати сразу появились инсинуации — Гевара воспользовался своим положением и по-барски живет в особняке бежавшего батистовца. Естественно, Че не мог промолчать. В письме в газету «Революсион» он писал, что в связи с болезнью, которую приобрел не в притонах или игорных домах, а работая на благо революции, был вынужден пройти курс лечения. Для этого власти предоставили ему виллу, так как его жалованье офицера Повстанческой армии в 125 долларов не позволяет ему снять необходимое помещение. И дальше: «И хотя я выбрал самую скромную (виллу. — *Ю.Г.*), сам факт, что я в ней поселился, может вызвать негодование»[234].

Допускались нападки, хотя в меньшей степени, и на Фиделя Кастро. Но это были все «цветочки»: местная реакция стала открыто угрожать контрреволюцией. Правительство покинули сразу пять министров. Вскоре подал в отставку и президент Уррутия. На его место был назначен участник подпольной борьбы против Батисты Освальдо Дортикос. (*Прим. авт.*: Выбор пал на судью Уррутия, так как он на суде еще до победы революции выступил в защиту нескольких повстанцев, попавших в плен после высадки с «Гранмы». В начале января 1959 года он сформировал правительство из представителей буржуазии, которые хотя и не были батистовцами, не выступали и за революционные преобразования. Руководители Повстанческой армии в правительство не вошли (власть же на местах была в руках повстанцев). Вскоре саботировавший реформы премьер

Миро Кардона ушел в отставку. Его пост занял 16 февраля Фидель Кастро).

Стало очевидным, что необходимо было заменить государством нового типа весь административный аппарат. Во главе страны встало Революционное правительство, в состав которого входили Совет министров и Президент республики. Причем первый представлял собой коллегиальный законодательный орган, а также исполнительный, проводивший принятые законы в жизнь.

То обстоятельство, что на Кубе довольно длительное время после победы революции не существовало представительных органов власти, а государственное устройство имело в какой-то мере временный характер, зачастую служило многим авторам поводом для утверждения, что Кубинская революция несовместима с демократизмом.

Дело в том, что полная дискредитация в кубинских условиях (не будет ошибкой утверждать это и в отношении всей Латинской Америки) системы буржуазной представительной демократии, с фарсом проведения и частой фальсификацией результатов выборов, неспособность государственных органов решить важнейшие социально-экономические проблемы, откровенная реакционность правительств на службе у иностранных монополий и местной олигархии, продажность и беспринципность политиканов, коррупция, взяточничество и казнокрадство чиновников сделали крайне непопулярной в народных массах саму идею представительной демократии в традиционной парламентской форме.

Поэтому лидеры революции решили использовать новые формы демократии, как упомянутые выше или ассамблеи народа страны, которые обеспечили бы прямое, непосредственное волеизъявление населения, которое могло бы принять личное участие в решении важных государственных вопросов.

Для более точного представления о том времени приведем краткое изложение беседы Эрнесто Гевары с ведущим одного из частных каналов гаванского телевидения. У Че были сведения о том, что тележурналист раньше был платным агентом Батисты, но все же принял приглашение. Посмотрим, о чем они говорили:

— Вы коммунист?

— Если вы считаете, что то, что мы делаем в интересах народа, является проявлением коммунизма, то считайте нас коммунистами. Если же вы спрашиваете, принадлежим ли мы к Народно-социалистической партии (коммунистов. — *Ю.Г.*), то ответ — нет.

— Зачем вы прибыли на Кубу?

— Хотел принять участие в освобождении хоть маленького кусочка порабощенной Америки...

— Вы сторонник отношений с Советской Россией?

— Я сторонник установления дипломатических и торговых отношений (такие отношения с СССР Куба установила в мае 1960 года. — *Ю.Г.*) со всеми странами мира без каких-либо исключений. Не вижу причин, по которым следует исключить страны, которые уважают нас и желают победы нашим идеалам[235].

Дал достойный отпор Гевара и другому «журналисту» — Жюлю Дюбуа, также клеветавшему на новое кубинское государство. (*Прим. авт.*: Созданные к тому времени спецслужбы на Кубе — «Хэ-2» — уже работали прекрасно. Им удалось заручиться важной информацией о скрытых врагах революции, в том числе и об агенте ЦРУ полковнике Ж. Дюбуа.) В письме в редакцию журнала «Боэмиа» Че назвал американского разведчика «шакалом в овечьей шкуре» и заявил, что повстанцы будут осуществлять намеченную программу вопреки реакции на нее Дюбуа и его хозяев. В заключение письма команданте предупреждал, что в случае нападения на Кубу извне кубинский народ будет защищаться до последней капли крови[236]. Это было уже сродни фиделевскому лозунгу «Родина или смерть! Мы победим!»

Особое неприятие вызвало у врагов революции успешное проведение аграрной реформы, отобравшей у американских монополий и у местных латифундистов сотни тысяч гектаров кубинской земли. Посольство США в Гаване почти каждодневно выступало с нотами протеста, в которых недвусмысленно угрожало «серьезными санкциями». Чуть позже угрозы начали осуществляться. С прилетавших авиеток стали сбрасываться зажигательные бомбы на сахарные плантации — главное богатство кубинцев. С помощью американских самолетов была проведена бомбежка Гаваны, в результате которой погибло свыше 50 человек. Непростая обстановка складывалась и на самом острове. В 6 кубинских провинциях (областях) действовали 179 банд, в которые входили 3600 контрреволюционеров (окончательно с ними удалось покончить лишь в 1965 году). Они не только грабили и насиловали, но и убивали, причем даже таких безобидных людей, как активисты кампании по ликвидации неграмотности в стране, вооруженных лишь учебником и переносным фонарем.

Позиция Соединенных Штатов, занятая ими в ответ на первые шаги нового правительства Кубы, послужила своего рода ускорителем процесса революционных преобразований, в том

числе и в области экономики, обусловила запрещение деятельности американских компаний на Кубе и национализацию их собственности. В результате уже к концу 1960 года общая стоимость национализированной американской собственности составила около 1 млрд долларов[237]. Иными словами, все происходило с точностью до наоборот по сравнению с тем, как это преподносили правящие круги США и антикубинские СМИ. Последние порою даже упрекали Кубу в «неблагодарности» по отношению к Соединенным Штатам.

Зная о подобных обвинениях, Э. Гевара как-то привел такой пример. Доклад Всемирного банка развития за 1950 год содержал рекомендации Кубе экспертов банка по поводу отказа от развития только сахарной промышленности. Эксперты советовали создавать новые отрасли, которые работали бы не только на экспорт, но и на внутреннее потребление. «А вот у меня в руках, — сказал Че, — доклад торгового департамента США за 1955 год, который ясно показывает, что за прошедшие пять лет ни одна рекомендация международных специалистов не была реализована»[238].

В этих условиях правительство принимает решение направить Гевару для укрепления международного положения республики в ряд зарубежных государств для установления дружеских контактов. Эту миссию, о которой ниже будет рассказано подробнее, Че выполнил блестяще. Вернувшись из командировки, он с еще большим энтузиазмом подключается к решению внутренних проблем. Сохраняя за собой военную должность, Гевара становится начальником промышленного департамента Национального института аграрной реформы. (*Коммент. авт.*: Несмотря на конкретное именование отдельной, аграрной, отрасли, это ведомство становится центральным органом всей кубинской экономики и проведения экономических преобразований. Не случайно номинальным президентом Института стал Фидель Кастро. Исполнительным директором был назначен ученый-географ и соратник Че по борьбе в Санта-Кларе, капитан Антонио Нуньес Хименес.)

Такой шаг свидетельствовал о понимании кубинскими лидерами важности диверсификации экономики, позволявшей не только покончить с вековой сахарной монокультурой, но и создать реальную базу для независимости страны. Но планы индустриализации зависели в немалой степени от финансирования, а финансы все еще находились под контролем частных банков. Да и государственный Национальный банк возглавлялся доверенным лицом крупного капитала Ф. Пасосом. Надо было и этот вопрос решить в пользу процесса

преобразований, о чем мы расскажем чуть позже.

А пока наряду с упомянутой задачей Гевара участвует в практической работе по укреплению обороноспособности страны. Он курирует один из военных округов — в провинции Пинар-дель-Рио. (*Прим. авт.*: Там с Че произошел несчастный случай: его пистолет упал в кабинете на пол, прозвучал выстрел, и пуля рикошетом легко ранила Гевару. Узнав об этом, «гусанос» стали распространять слухи о попытке команданте покончить с собой из-за «разногласий с Фиделем Кастро».) Задачи обороны острова, бесспорно, отнимали много сил и энергии у кубинских руководителей, тормозили ход реформ. Но другого выхода не было: информация, поступавшая из-за рубежа, свидетельствовала о предстоявших весьма серьезных шагах против Кубы «северного соседа». Были и конкретные подтверждения такой опасности.

В марте 1961 года американское военное судно проникло в бухту Сантьяго и обстреляло нефтеочистительный завод. На рассвете 15 апреля воздушные пираты на американских самолетах B-26 с фальшивыми кубинскими опознавательными знаками подвергли бомбардировке Гавану и ряд других населенных пунктов Кубы. Бандитское нападение пробудило в народе невиданный подъем патриотизма. Смертельно раненный молодой «милисиано» (боец народной милиции. — *Ю.Г.*) приподнялся из последних сил, обмакнул палец в луже собственной крови на полу разрушенного здания и вывел на дверной доске: «Вива Фидель!»

16 апреля на центральной площади Гаваны состоялся митинг по случаю похорон жертв бомбардировок. (*Прим. авт.*: Сама жизнь, само неумолимое развитие событий как бы подталкивали кубинский народ и его лидеров к более четкому самоопределению (!) И Фидель Кастро вместе с соратниками принимают этот вызов жизни.) Выступая на митинге, Фидель впервые заявляет, что Кубинская революция — «это социалистическая, демократическая революция обездоленных...»[239]. В ответ участники митинга поклялись защищать эту революцию до последней капли крови.

Это было 16 апреля 1961 года. А в ночь на 17 апреля патруль народной милиции передал по рации из прибрежного района Плайя-Хирон: «Их много. Мы сражаемся, но не сможем продержаться долго, быстрее высылайте подмогу...» Началась интервенция против революционной Кубы. (*Прим. авт.*: Она не была неожиданной, информация о ней поступала руководству страны уже давно. Поэтому оно намного раньше обратилось в секретном порядке к правительствам СССР и ряда других дружественных государств с просьбой о поставках вооружения и о

направлении на остров военных инструкторов. Но ко дню интервенции это оружие, в частности военные самолеты, только что прибыло и в разобранном виде находилось еще нераспакованным на складе. Да и пользоваться им предстояло учиться.)

Итак, полторы тысячи наемников (в основном из кубинских эмигрантов в США), обученных на американских секретных базах, высадились в районе Плайя-Хирон с американских десантных судов. Высадку прикрывали военные корабли и самолеты США, а действиями десанта руководили офицеры американской морской пехоты, одетые в такой же камуфляж, что и их подопечные. В распоряжении интервентов имелись танки, самолеты, орудия разных калибров, минометы, огнеметы и большое количество боеприпасов.

Первый удар этой лавины приняли на себя местные части народной милиции (в те тревожные дни она была переведена по всей стране на положение боевой готовности и взяла на себя охрану важнейших объектов, помогала армии нести пограничную службу по всему периметру границы, составляющему около 3 тыс. км). Именно они задержали продвижение агрессоров в глубь острова. Быстро прибывшие в район боев воинские подразделения разгромили десант, мужественно сражаясь с превосходящими силами противника в течение 72 часов. Большая часть наемников была пленена, захвачена военная техника и снаряжение. Стоявшие вблизи кубинских берегов корабли американского флота с морскими пехотинцами и 100 ракетными истребителями Вашингтон задействовать не решился: сказались стойкий отпор кубинцев и заявление советского правительства, предупреждавшее о возможном принятии СССР мер необходимой помощи Кубе, если агрессия не будет прекращена.

Об этом знаковом в истории страны событии вспоминал Фидель Кастро: «Их встретил шквал снарядов, огонь танков (сидевший в одном из них Фидель выстрелом из орудия потопил десантное судно наемников. — *Ю.Г.*)... эти танки и орудия мы получили за несколько недель до этого из Советского Союза»[240].

А команданте Гевара по сигналу тревоги прибыл на свой командный пункт в Пинар-дель-Рио и занялся подготовкой отражения возможной агрессии на западе острова. До этого он, как и Фидель, учился у наших инструкторов вождению советских танков и стрельбе из них на танкодроме (кстати, упомянутая выше Фиделем техника пришла из СССР раньше остальной, в том числе самолеты, о чем говорилось выше).

Весьма показательным был социальный состав «армии освобождения», как ее называли в Штатах. Из тысячи наемников,

захваченных в плен у Плайя-Хирон, 800 человек были выходцами из семей, владевших ранее почти 400 000 га земли, 10 000 домов, 70 промышленными предприятиями, 10 сахарными заводами и плантациями тростника, 2 банками, 5 шахтами. Среди остальных пленных 135 — бывшие военные батистовцы, 75 — бродяги и другие деклассированные элементы[241].

Пленные, собранные в большом спортивном зале, были показаны всей стране по телевидению во время суда над ними. Принимавший участие в этой акции Э. Гевара увидел среди них негра и обратился к нему:

— Отдаешь себе отчет, в какую компанию ты попал? Ты знаешь, что 800 человек из них (показывает на пленных) или их родители владели огромными богатствами на Кубе? А чем владел ты?!

— Ничем, команданте.

— Может быть, ты был членом аристократического клуба «Наутико» или играл в «Гольф-клубе»? Забыл, как подобных тебе не пускали даже в приличный бассейн?

— Вы правы, команданте...

— Ты еще меньше их заслуживаешь снисхождения...

— Я знаю, команданте... — потупил голову пленный.

Дальнейшая судьба наемников уже известна читателю — они, по предложению Че Гевары, были обменены в США на тракторы.

Победа у Плайя-Хирон имела особое значение не только для Кубы, но и для всей Латинской Америки: миф о всесилии североамериканцев был развеян...

Кубинцы получили передышку (как станет известно позднее, всего на полтора года), да и то относительную, для дальнейших преобразований в стране. Но теперь они — более решительные и радикальные. Если в результате первой аграрной реформы 1959 года государственный (общественный) сектор охватывал 41 процент всей сельскохозяйственной площади и около 80 процентов промышленного производства, то в 1965 году (в том числе и благодаря второй аграрной реформе 1963 года) упомянутый сектор стал господствующим во всей экономике. Был ликвидирован слой сельской буржуазии и сосредоточено в общественной собственности более 60% земли. Бывшие батраки, арендаторы и безземельные крестьяне получили землю. На месте сахарных и скотоводческих латифундий возник обширный государственный сектор в виде народных имений (в последующие годы этот сектор стал охватывать все промышленное производство и около 70% сельскохозяйственной площади[242]).

На столь быстрые темпы преобразований, безусловно, не желая того, влияли и те, кто противостоял им. Об этом

говорилось в тексте закона (под редакцией Э. Гевары) от 23 октября 1960 года:

«Многие крупные частные предприятия страны не желают перестраивать свою работу в соответствии с целями и задачами революционных преобразований экономики и проводят политику, противоречащую интересам революции и экономического развития. Это с полной очевидностью проявляется в саботаже производства, изъятии капиталов без последующего их вложения, в злоупотреблении государственными кредитами, в то время как собственный оборотный капитал... переводится за границу...»[243]. Недвусмысленно по этому поводу (хотя и несколько цинично) говорил тогда советский руководитель Н.С. Хрущев:

«Нет, Фидель Кастро не коммунист... По если Соединенные Штаты еще немного «постараются», то они сделают его коммунистом»[244].

Как бы вторя советскому лидеру, Че в те дни заявил журналистам:

«Может быть, они (американцы. — *Ю.Г.*) будут нападать на нас, Фиделя. Рауля и меня, как на коммунистов, каковыми они считают нас, но вряд ли им удастся покончить с нами, приняв за дураков»[245].

На наш взгляд, очень точной дефиницией здесь может стать меткое наблюдение французского философа и публициста Жана Поля Сартра:

«В Париже я спрашивал у многих приезжавших к нам кубинцев, но не мог понять, почему они избегали прямого ответа на мой вопрос, намерена ли Кубинская революция строить социализм или нет. Но дело в том, что оригинальность этой революции состоит именно в том, чтобы делать только то, что нужно стране, и при этом не пытаясь предварительно подгонять сделанное под идеологические клише» (подчеркнуто мною. — *Ю.Г.*)[246].

Мы уже упоминали о проблеме с финансами. Чтобы решить ее, еще до сражения на Плайя-Хирон Совет министров назначил Эрнесто Че Гевару директором Национального банка Кубы с полномочиями министра финансов страны. На этом посту он пробыл всего четыре месяца до своего назначения министром вновь созданного министерства промышленности.

Но и за этот короткий срок он сумел превратить, банк из инструмента в руках буржуазии в важнейший экономический орган на службе у нового государства. Это назначение было произведено не в силу каких-либо особых знаний Гевары в области финансов, а с учетом огромной важности этого ключевого поста, который можно было доверить далеко не

каждому из революционеров. Несколько примитивно этот факт отобразил уже известный читателям американский журналист Херберт Мэтью:

«Это был весьма логичный шаг Фиделя. Че ничего не знал о банковском деле, но для этой должности лидеру нужен был надежный революционер, а где взять банкиров-революционеров?..»[247].

Но совсем «несерьезно» рассказывал в кругу друзей про это назначение сам Гевара (мне об этом говорил К.Р. Родригес. — *Ю.Г.*):

«Фидель собрал своих соратников и спросил, кто из нас экономист. Учитывая его шутливый тон, я поднял руку. Он сделался серьезным и спросил: «С каких это пор ты экономист?» Чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, я ответил: «Мне послышалось, что ты спрашиваешь, кто из нас — коммунист». «Это тоже неплохо, — в тон мне заметил главнокомандующий и заключил: — Вот мы тебя, экономист-коммунист, и назначим главным банкиром Кубы!»

И Че стал действовать как заправский, опытный финансист: пока еще не было экономической блокады США, перевел золотые и валютные резервы Кубы из американских в швейцарские банки, получил в странах социализма 100 миллионов кредита на строительство предприятий легкой промышленности.

Правда, наряду с указанными, Гевара принимает и некоторые «необычные» решения. Например, на первом же заседании правления он предлагает сократить оклад ему, президенту банка, с 4 тысяч долларов до 1200. Свое предложение он мотивирует тем, что 1200 долларов (или песо, т.к. курс тогда был 1:1) — вполне приличный оклад, и тем более для него, получающего еще жалованье майора (команданте) в армии[248].

К разряду «необычных» можно отнести и его решение подписывать новые кубинские деньги не своей фамилией, а прозвищем — Че.

Меньше всего, конечно, Гевару волновали проблемы банковского протокола (который, по воспоминаниям старых сотрудников, был столь же строгим, как в президентском дворце). Вот как описывает кабинет Гевары в банке его гватемальский друг Эль Патохо:

«Кабинет был огромный, перед входом на этаже сидел охранник-«барбудо» (бородач. — *Ю.Г.*). Около стола Че на полу стоял автомат, сам хозяин кабинета сидел в камуфляже (позднее — просто в военной форме) и порою не снимая своего знаменитого берета. В баре вместо былых виски и «Бакарди» — зеленый чай «матэ» (излюбленный напиток аргентинцев и

уругвайцев — *Ю.Г.*). Наиболее вылощенным посетителям, открывая дверцу бара, Че говорил с лукавым видом: «Чашечку горького?» В случае согласия засыпал матэ в термос с кипятком, который явно демонстративно ставил на лежавшие на столе бумаги. Правда, в целом на столе всегда был идеальный порядок, который ему помогала поддерживать жена Алеида. На мой вопрос, почему не какой-нибудь секретарь, Эрнесто сказал: «Знаешь, брат, кубинцы — славные ребята, но помимо громкой и небрежной манеры разговаривать, у них есть еще один недостаток: они терпеть не могут иметь вещи в порядке, испытывают особое пристрастие к «кавардаку» (для читабельности я перевел это слово так. — *Ю.Г.*)[249].

Дополним эту сцену, отображенную Эль Патохо, характеристикой, опубликованной в американском журнале «Тайм»:

«Со своей сладко-меланхолической улыбкой, которую многие дамы считают неотразимой, в своем черном берете, Че ведет Кубу с холодным расчетом, огромным умением, очень умно и с острым чувством юмора»[250].

Теперь, когда основные вопросы финансов были решены или решались, Гевара мог приступить к осуществлению своей главной мечты — сделать Кубу независимой в экономическом отношении, тем более что такую зависимость от США преобразователи ощутили сразу же и весьма остро после взятия власти. В ответ на первые реформы американские компании на Кубе отказались поставлять ей нефть (и даже очищать импортируемую из других стран), Вашингтон лишил остров традиционной квоты сахарного экспорта. Жизнь показала, насколько ненадежной была экономическая цепочка: экспорт монопродукта (сахара) — закупка на вырученные деньги за рубежом почти всего, в чем нуждалась страна. (*Прим. авт.*: Мы умышленно хотим привести в качестве примера, чтобы показать саму степень зависимости и ее политические последствия, такую мелочь, как дамские бигуди. Мастера в парикмахерской, знавшие мою супругу, как-то стали ей пенять: «Вот янки с Кубы ушли, так то были друзья: при них у нас было все, а какие вы друзья, если не можете прислать нам даже бигуди и косметику?!.)

В одной из бесед с Фиделем (последний вспомнит об этом в своем выступлении) Че жалуется, что ему не по душе банковская, бюрократическая обстановка, что он был бы рад заниматься промышленностью[251].

В решении назначить Гевару министром промышленности совпало все: горячее желание Че заниматься этой проблемой и особое доверие к нему и его организаторским способностям со

стороны руководства. Но если б заниматься только этим!

Как и в войну, он продолжал оставаться практически главным идеологом всего процесса созидания, участвовал в строительстве новой армии. Он руководил департаментом обучения министерства вооруженных сил, который отвечал за боевую и политическую подготовку не только в армии, но и в Народной милиции. В героическом отпоре последней наемникам на Плайя-Хирон была огромная доля усилий Че. По инициативе Гевары департамент стал издавать печатный орган армии — журнал «Вердэ оливо» (в переводе — «оливковая зелень», цвет армейской униформы. — *Ю.Г.*). В нем часто выступал и сам командир, в том числе с фельетонами на международные темы.

Не мог оставаться «идеолог» в стороне и от важнейших кампаний среди гражданского населения. Одной из них в первые годы стала культурная революция с первоочередной задачей ликвидации неграмотности.

По данным последней дореволюционной переписи, почти четверть населения Кубы старше 10 лет была неграмотна. В то время как в стране насчитывалось десять тысяч безработных учителей, около полумиллиона детей школьного возраста (от 6 до 14 лет) не имели возможности учиться[252].

Народная власть превратила особняки бежавших с острова толстосумов и часть казарм в школы. Существовавшие ранее учебные заведения в июне 1961 года были национализированы. Образование на всех уровнях и для всех без исключения стало бесплатным. Для детей трудящихся стали предоставляться стипендии, в том числе и в начальной и средней школах (такая стипендия означала не только бесплатное проживание в общежитии, но и питание, одежду, учебные принадлежности и культурный досуг). Из добровольцев были сформированы так называемые бригады народных учителей, обучавших неграмотных по месту жительства.

В результате принятых мер уже к концу 1961 года свыше 700 тысяч человек научились читать и писать. Куба была провозглашена первой территорией в Латинской Америке, свободной от неграмотности[253].

Не менее важной задачей было формирование новой интеллигенции, подготовка квалифицированных рабочих, техников, инженеров, других специалистов: Особое внимание министр уделял подготовке руководящих кадров. Еще летом 1960 года он без обиняков заявил, что недостатки в деле воспитания таковых «создали трудности и заставили нас потерять много времени», и, как бы поясняя свою мысль, добавил: «Нужно воспитывать новый менталитет в соответствии с коллективными

интересами»[254].

Гевара понимал, что без этого невозможна не только серьезная индустриализация, но даже поддержание на дореволюционном уровне национализированных предприятий. Он становится инициатором многих и важных шагов в этой области. Обязывает учиться сотрудников вверенного ему ведомства и упорно учится сам. Правда, не всегда удается для учебы вместе с коллегами выкроить время. Поэтому по его просьбе к нему была направлена большая группа советников, а также преподаватели политэкономии и русского языка из СССР. (*Прим. авт.:* К сожалению, не могу однозначно положительно охарактеризовать деятельность первых, подобранных не столько по знаниям, сколько по высоким партийным рангам секретарей обкомов и пр., но вторые — преподаватели — не только сыграли большую роль в «просвещении» министра, но и стали его личными друзьями.)

Что касается использования в экономике опыта СССР и других социалистических стран Европы, осуществивших форсированное промышленное развитие при опережающем росте производства средств производства, кубинское руководство, к сожалению, видело в этом опыте своего рода «панацею» в решении национальных проблем. Объясняя подоплеку экономического курса первых постреволюционных лет, уже упоминавшийся К. Р. Родригес говорил:

«По примеру многих стран... мы сразу же хотели перейти к широкой индустриализации страны»[255].

И все-таки указанные задачи были внутреннего порядка. Но на них только нельзя было останавливаться: и после неудавшейся интервенции ни внутренняя, ни внешняя контрреволюция не успокоилась. Такая ситуация предопределяла необходимость больших расходов на оборону, на содержание значительных вооруженных сил, на поддержание в постоянной мобилизационной готовности населения. И это, не говоря уже о затрате на решение таких проблем значительных сил и времени руководителей страны. Очень точно сформулировал эту мысль Фидель Кастро:

«Империалисты заставили нашу страну заплатить высокую цену. Первые десять лет наш народ почти не мог заниматься хозяйством, все было направлено на то, чтобы выжить, выстоять»[256].

Помимо этого, серьезным препятствием на пути экономического развития новой Кубы были общая слабость хозяйственного механизма, ранее являвшегося всего лишь придатком к экономике Соединенных Штатов, острый недостаток

многих необходимых ресурсов (на острове не было, скажем, разведанных запасов никакого топлива) и дефицитных продуктов. Хотя Куба до революции была страной со средним уровнем развития капитализма, ее хозяйство носило ярко выраженный колониальный, монокультурный характер, полностью зависело от колебаний мировых цен на сахар.

К этому нужно добавить (в данном случае как негатив) и буквально неуемное нетерпение лидеров, включая Че, как можно быстрее покончить с указанными выше проблемами, порою абстрагируясь от имевшихся для этого объективных условий. В этом уже спустя много лет самокритично признавался Фидель Кастро:

«В деле управления нашей экономикой мы несомненно не избежали идеалистических ошибок. В некоторых случаях игнорировали положение о существовании объективных экономических законов, которых необходимо придерживаться»[257]).

Указанное выше стремление развивать экономику предельными темпами привело к выдвижению планов ускоренной, форсированной индустриализации, к недооценке роли сахарного производства. В своей экономической политике кубинские руководители на первом этапе пытались претворить в жизнь и такие концепции, несостоятельность которых была уже доказана опытом других социалистических стран. К их числу относится система централизованного финансирования.

По этой системе, принятой законом в январе 1962 года, предприятия получали свои фонды из госбюджета на определенный срок, а отношения между ними принимали форму простого продуктообмена на основе государственного плана. Моральные стимулы (это было самым важным для сторонника системы Че Гевары) рассматривались в качестве главной пружины развития производства и поощрения трудящихся (предусматривались и некоторые материальные стимулы).

Возникает вопрос, прав ли был министр промышленности, отстаивая указанную систему?

И да, и нет. Да, потому что она больше отвечала, чем другие, задачам созидания будущего общества, в частности воспитанию новой морали, за которую так ратовал команданте-мечтатель. Эта система позволяла обходиться более дешевым бюрократическим аппаратом. Например, по причине полного освобождения всех государственных предприятий от налогов, установления порядка безналичных расчетов между ними, единых экономической статистики и бухгалтерского учета. Наконец, она больше соответствовала логике политики государства с высоким

процентом обобществления средств производства.

Автору довелось присутствовать на встрече Эрнесто Гевары с группой советских экономистов, главной целью которых, как мне показалось, было убедить министра в преимуществах хозрасчетной системы. Когда в беседе был использован аргумент новой экономической политики (НЭП) и сделана ссылка на Ленина, Че с удовлетворением закивал головой, как будто ждал этого довода:

«Не забывайте, что Владимир Ленин, — сказал он, — рассматривал концепцию НЭПа как преходящую, а не постоянную... Скорее, как тактическое отступление».

Поэтому вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что кубинские руководители выступали против использования, если даже того требует ситуация, некоторых инструментов госкапитализма с целью хотя бы поддержания прежнего уровня производства[258].

«Пытаясь осуществить социализм с помощью таких инструментов капитализма как рентабельность или экономическая заинтересованность, — утверждал Гевара, — можно оказаться в тупике». На наш взгляд, тупик (или застой), в котором оказался лагерь социализма на рубеже 70—80 гг. прошлого столетия, скорее подтверждает, нежели опровергает это геваровское утверждение.

Что касается соображений «против», то другая система экономической самостоятельности предприятий (или, как ее именовали в СССР, хозяйственного расчета) позволяла использовать действующий в любом современном обществе закон стоимости, а также товарно-денежные отношения, поддерживать эффективные связи как внутри государственного сектора, так и последнего с частным сектором. К тому же она была инструментом обеспечения рентабельности в экономике.

Как и во многих других начинаниях, разрабатывая систему развития и управления кубинской экономикой, Э. Гевара никогда не занимал «упертой», однозначной позиции. По своим взглядам он был диалектиком и никогда — догматиком. Если порою и грешил некоторым идеализмом, то лишь в оценках простого труженика, наделяя его (опять же при определенных условиях) чрезмерной сознательностью и подобным себе бескорыстием. И даже в этих вопросах он отличался реалистическим подходом в целом. Разве не свидетельствуют об этом следующие слова Че?

«В процессе создания нового человека важно правильно выбрать инструменты мобилизации масс (главным образом морального порядка, не забывая и о правильном использовании материальных стимулов)»[259].

Поэтому, защищая систему бюджетного финансирования» он не только видит ее слабые стороны, но и призывает внимательно изучать, а иногда и применять ее антипод — хозяйственный расчет. И не случайно на долю последнего в 1964 году приходилось почти полторы тысячи хозяйственных единиц[260].

Более того, он не упускал из виду при этом такие негативные моменты и характеристики, как слаборазвитость, зависимость от международной экономики, отсутствие достаточного для обобществленного труда образования, неэффективные методы руководства, слабая связь между авангардом общества и народными массами. Обо всем этом он говорит в своих трудах и публичных выступлениях. Далек он был и от противопоставления такого понятия как «сознание» экономике. Оно, по мысли Гевары, — «понимание людьми экономических явлений, степень, в какой они управляют этими явлениями с помощью плана»[261].

Но самым важным выводом, какой можно сделать, изучая и знакомясь с гигантской работой «главного экономиста» новой Кубы, — его первостепенная забота о благе народа. Всю свою деятельность он подчиняет этому. «Теперь, когда в руках народа, — с удовлетворением говорил он в 1961 году, — 85% экономики, все банки, базовая промышленность и 50% сельскохозяйственного производства, мы можем приступить к государственному планированию... Это позволит повысить в два раза уровень жизни народа к 1965 году»[262].

В октябре 1964 года в английском журнале «Интернэшнл аффэрс» появилась статья Эрнесто Гевары. В ней он как бы подводил итог своей деятельности на посту министра промышленности Кубы. Отмечая достижения страны в экономике, Че признавал, что успехи могли бы быть более ощутимыми, если бы не серьезные ошибки, связанные с отсутствием опыта и необходимых знаний.

Первая из них, по словам министра, — это необдуманная диверсификация сельского хозяйства (развитие нескольких направлений, а не монокультуры — сахара. — *Ю.Г.*). Другая, указывал Гевара, заключалась в том, что, стремясь заполнить возникшие в результате американской экономической блокады пустоты, кубинское правительство закупило за рубежом много машин (а в некоторых случаях и целые фабрики), не учтя при этом отсутствие на острове необходимых видов сырья для их работы, запчастей и нужных специалистов. Иногда по неопытности закупались станки и оборудование устаревших образцов, которые давали продукцию дорогостоящую и низкого качества[263].

И все же, добавим от себя, несмотря на все недостатки и

трудности, промышленное производство на Кубе в 1963 году выросло в сравнении с предыдущим годом на 6 процентов.

Учитывая вышесказанное, представляется исключительно важными оценки роли и позиций Э. Гевары в вопросах экономики кубинскими руководителями, в первую очередь Фиделем Кастро. Они свидетельствуют о глубоком понимании намерений и переживаний Че.

Послушаем, что говорил по этому поводу Фидель:

«Порою Че чувствовал себя неудачником в этот период (первые годы после победы революции. — *Ю.Г.*), полный неопределенности и ошибок, когда в стране возобладали некоторые критерии, подходы и пороки в социалистическом строительстве. Все это стало причиной глубоких и ужасных огорчений для Че, так как являлось отрицанием идей, революционного мышления, стиля, духа и примера Че»[264]. И даже более конкретно:

«Было бы неправильно рассматривать период 1966—1970 гг. с характерными ошибками в руководстве экономикой как результат бюджетной системы финансирования, созданной Че»[265].

И это действительно так. Результаты экономической деятельности кубинцев после гибели Гевары были малоутешительными. Скорее их можно объяснить затянувшимся экспериментированием в экономике при отсутствии критического анализа в процессе созидания нового общества.

А такого рода «опыты» проводились не только в промышленности, но и в агропроизводстве. В годы применения на практике концепции широкой индустриализации последнее как бы отодвигалось на второй план (причем даже сахарное производство, кормившее и одевавшее тогда Кубу). Однако упомянутая концепция оказалась недолговечной.

Уже в 1963 году кубинское руководство взяло линию на преимущественное развитие агропромышленной сферы (АПС) (а не более узкой части экономики — сельского хозяйства, ибо в АПС входит не только оно, но и, по существующей на Кубе традиции, сахарная промышленность, лесное и рыбное хозяйство). И такое решение нам представляется весьма обоснованным. С одной стороны, реализацию индустриализации затрудняло отсутствие кадров, финансов, соответствующей сырьевой базы (например, для построенного металлургического комбината железную руду и кокс нужно было импортировать из Европы!). С другой — оставалась неиспользованная возможность получать необходимые средства производства — металл, станки, транспорт и др. за счет международного разделения труда.

И все же нужно признать, что Куба не отказывалась полностью от геваровской идеи развития национальной промышленности. Другой вопрос — каких ее отраслей. В январе 1964 года Ф. Кастро заявил, что «Куба не отказалась от программы индустриализации страны... Нет. Мы будем продолжать ее до конца»[266]. Было принято решение значительные капиталовложения направить на развитие сельскохозяйственного машиностроения, промышленности стройматериалов, в производство минеральных удобрений. (*Прим. авт.*: Исключительно важной проблемой была, например, механизация выращивания и уборки сахарного тростника. Тем более что ликвидация безработицы на острове «лишила» сахарные плантации дешевых и многочисленных рабочих рук «мачетерос» — рубщиков. К этому добавились и неблагоприятные погодные условия. По расчетам чилийских экспертов из ООН, работавших на Кубе в начале 60-х гг., сельскохозяйственное производство в 1961—1963 гг. в стране было ниже дореволюционного уровня[267].

Задача стояла очень остро. Особенно в сахаропроизводящем секторе. Советский посол на Кубе А.И. Алексеев как курьез рассказывал: в его присутствии Н.С. Хрущев на даче начал развивать свои идеи по этому вопросу находившемуся там Ф. Кастро и даже что-то стал чертить палкой на песке.)

Определенный отпечаток накладывал на указанные колебания в экономической стратегии страны и весьма существенный ошибочный взгляд, игнорировавший национальную специфику в аграрном вопросе. Главным моментом ее было то, что Куба, будучи до революции аграрной страной, вместе с тем не была страной крестьянской. Потому что крестьян-тружеников насчитывалось только 260 тыс. человек, или 30% из числа сельских трудящихся, в то время как постоянные и сезонные сельскохозяйственные рабочие (сельский пролетариат) составляли почти 70% общего числа занятых в отрасли[268]. Кроме того, в стране до революции существовали крупные аграрные капиталистические предприятия и большой контингент сельского пролетариата, полностью утратившего крестьянскую привязанность к земле.

Поэтому когда Э. Гевара, анализируя особенности Кубинской революции, говорит, что она показала возможность ее (революции) успешного осуществления на селе, среди крестьянства, допускает вышеуказанную неточность, оставляя «за скобками» сельскохозяйственных рабочих, которые сыграли в этом процессе решающую роль.

Несколько смешивает он упомянутые понятия и в своем

призыве к кубинским рабочим понять, что «крестьяне (опять же без должного уточнения — какие? — *Ю.Г.*) оказали революции большую помощь, так как они больше других в ней нуждались...»[269].

Нужно сказать, что призыв такого рода был не случайным шагом Че Гевары. Несмотря на заметный энтузиазм рабочего класса в целом и отдельные примеры новой трудовой морали, Че не мог не видеть и противоположного поведения среди трудящихся города. Он призывает, в частности, бороться с прогулами, «которые приобретают тревожные размеры»[270]. А спустя два месяца вновь обращается к этой проблеме:

«Складывается впечатление, что определенная часть рабочего класса не понимает той новой роли, какую он должен играть в этой революции»[271].

Возвращаясь к вопросу об ошибках, нужно отметить, что в последующие годы они были устранены. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что при проведении аграрных преобразований кубинское правительство не пошло по пути массовой организации кооперативов в хозяйствах сахарного тростника. А уже созданные на первом этапе Ф. Кастро охарактеризовал как «искусственно созданные» и как «шаг назад с социальной точки зрения, потому что они рабочих превратили из пролетариев в крестьян»[272]. Поэтому эти кооперативы были преобразованы в государственные хозяйства.

В 1986 году кубинское руководство провело открытую дискуссию для обсуждения проблем общественного развития Кубы и его итогов. Она была проникнута духом самокритики. По этому поводу Ф. Кастро говорил: «Как хорошо, что мы смогли отстирать грязное белье наших недостатков раньше, чем эти тряпки задушили бы нас». И не преминул добавить: «Многие правильно здесь отмечали, что будь жив Че, он первым бы приветствовал такую инициативу»[273]. А чилийский экономист Педро Вускович писал: «Ф. Кастро указал на многие недостатки, которые два десятилетия назад предсказывал Че Гевара»[274].

Но по достоинству оценить путь, проделанный революцией, и воздать должное кубинскому народу и его лидерам, среди которых важнейшее место принадлежит Эрнесто Че Геваре, невозможно без хотя бы краткого освещения достижений в социальной области. Именно они составляют главную гордость кубинских преобразователей. Именно в этой сфере прежде всего начали сбываться мечты «героического партизана».

В первые годы после победы революции Куба оказалась перед необходимостью вести борьбу на многих фронтах — решать задачи государственного строительства, общественно-

политического переустройства, экономического развития, укрепления обороноспособности. Но при этом ее руководители не забывали о главной цели преобразований — коренном позитивном изменении условий жизни широких трудящихся масс, ликвидации социального неравенства, неуклонном повышении жизненного уровня населения. Видимо, поэтому аргентинский писатель Альфредо Варела в своей книге «Революционная Куба» отмечал:

«Многое еще не записано в законах Кубинской революции, но многое является их следствием. И особенно радость»[275].

Важнейшей задачей на этом пути была ликвидация одной из острейших проблем старой Кубы — безработицы. По ее уровню страна занимала одно из первых мест в мире. Общее число полностью или частично безработных составляло в 1957 году в среднем более четверти трудоспособного населения острова.

Меры прямого порядка в этой области были дополнены косвенными — развитием системы социального обеспечения и образования.

Параллельно с решением проблемы безработицы предпринимались шаги по сокращению разрыва в уровне материального благосостояния различных слоев общества. Правда, из-за ограниченности ресурсов акцент делался на повышении жизненного уровня наименее обеспеченной и наиболее представительной части населения. В этих условиях, может быть как никогда, было важно исключить какие-либо привилегии в среде руководителей (кстати, заметим, весьма слабое место в политике КПСС во второй половине XX века). (*Прим. авт.*: *Я* был свидетелем того, насколько непритязательными к своему быту были кубинские руководители. Мне запомнился рассказ адъютанта Гевары. Однажды, после введения карточек на продовольствие, несколько сотрудников министерства стали обсуждать в присутствии Че размеры продуктовой квоты на каждую семью. Некоторые не скрывали своего неудовольствия скудостью пайков. Че стал возражать, сказав, что даже его многочисленная семья не чувствует недостатка в продуктах.

«Но ты же, как и все начальники, наверняка получаешь повышенную квоту», — заметил один из присутствующих. Министр возмутился, но пообещал проверить.

На следующий день он сообщил беседовавшим с ним накануне, что проверил и установил, что его семья получала повышенную квоту. Он заверил, что «с этим безобразием теперь покончено».)

В стране продолжался рост ассигнований на нужды

здравоохранения, социального обеспечения, народного образования, дошкольного воспитания, науки, культуры и спорта. Выше мы уже говорили о системе интернатов и школ продленного дня, содержание учащихся в которых государство полностью взяло на себя. На предприятиях было введено бесплатное питание (помимо рационированного распределения продуктов по месту жительства) и снабжение спецодеждой. Нужно добавить, что уже в середине 70-х гг. в свободную продажу стали поступать рыба, рыбные продукты, мясные консервы, макаронные изделия, яйца, кефир, а в период уборки урожая многие виды овощей и фруктов.

Была снижена до 6% от заработка главы семьи квартирная плата в домах государственного фонда; отменена плата за пользование телефонами-автоматами, бесплатными стали многие зрелищные и спортивные мероприятия.

Предметом законной гордости кубинцев является здравоохранение.

Кубинская медицина и до революции пользовалась заслуженной славой (кубинская школа одонтологов, хирургов, ангиологов была лучшей на континенте), но только 20% врачей работали в системе государственного здравоохранения, остальные были частными и недоступными для малообеспеченных слоев. К тому же 65% врачей и более 60% больничных коек были сосредоточены в Гаване, где проживало 22% населения Кубы. Накануне революции в сельской местности существовало всего... три больницы(!)[276].

Будучи по образованию медиком, Э. Гевара начал задумываться над исправлением такого положения еще во время партизанской войны. Под его руководством были организованы несколько армейских госпиталей, в которых обслуживали и местное население. Он не раз вспоминал таких своих пациентов в Сьерра-Маэстре, которые впервые видели человека в белом халате. После победы он продолжает интересоваться проблемами здравоохранения. Как министр промышленности настаивает на строительстве предприятий по производству медикаментов и медицинского оборудования. Вместе с Ф. Кастро выступает инициатором ускоренной подготовки врачей и среднего медперсонала, которые позднее с успехом заменили своих коллег, покинувших Кубу после победы революции (заметим только, что после выезда из страны почти 3 тысяч врачей их число сократилось на острове в два раза. — *Ю.Г.*).

Теперь в стране один врач приходится примерно на 700 жителей. (Для сравнения — в Гватемале один врач приходится на 100 тыс. крестьян). Средняя продолжительность жизни на Кубе,

составлявшая до революции 53 года, увеличилась до 70 лет[277]. По уровню развития здравоохранения Куба догнала экономически развитые страны.

В некоторых работах, посвященных Эрнесто Геваре, иногда можно прочитать утверждение о том, что он был человеком, не понимавшим, а поэтому мало интересовавшимся искусством. Но это не столько правда, сколько результат обычного, весьма самокритичного отношения Че к себе, «замешанного» на буквально невероятной скромности. Автору тоже доводилось неоднократно слышать о таких фактах. Например, о таком. В программу пребывания министра Гевары в Югославии было включено посещение выставки картин модного тогда художника-абстракциониста. Крайне вежливо Че попросил любезных хозяев заменить этот пункт программы на посещение какого-то госпиталя, сославшись на свое «полное художественное невежество». (Думается, в этих словах больше желания не обидеть, нежели правды. — *Ю.Г.*). На самом деле Гевара был натурой очень тонкой, отлично чувствующей поэзию, любящей ее. Обожал чтение художественной литературы, где диапазон его пристрастий был необъятным. В переходах по горам Сьерра-Маэстры в своем и без того неподъемном рюкзаке он умудрялся носить несколько любимых книг, особенно поэзии. Ему очень нравилось киноискусство, особенно героические советские фильмы. Его однофамилец, глава кубинского кинематографического ведомства (ИКАИК) Альфредо Гевара рассказывал мне о восторженных отзывах Че о тех кинокартинах, которые ему удавалось посмотреть (как правило, в министерстве, часа в 2—3 ночи).

Поэтому было бы несправедливым исключать Э. Гевару из числа руководителей, с которыми связаны достижения Кубы в области культуры. Его заботы распространялись и на эту сферу. Тем более не будем забывать о его роли в воспитательной работе в армии и кураторство в национальной молодежной организации.

Что касается вопросов культуры, я имел возможность лично убедиться, насколько близки были они Геваре, особенно их воспитательный, общественный аспект. В 1964 году Кубу посетила делегация советских работников культуры во главе с одним из заместителей соответствующего министра. Последний был приглашен на прием в чехословацкое посольство, где среди гостей оказался и Гевара. Я познакомил их. Кубинский министр с большим интересом (а главное — со знанием дела) стал расспрашивать гостя о работе библиотек в сельской местности, о художественном просвещении крестьян, об организации выставок на селе. Наш замминистра (я умышленно не называю его

фамилии, так как человек уже давно умер) имел «неосторожность» заговорить о «важности борьбы с абстрактным искусством при социализме» и о прочих «козырях» приснопамятного Н.С. Хрущева, незадолго до этого буквально разогнавшего выставку советских художников в московском Манеже (*Прим. авт.*: Здесь нужно сказать, что подобное вандальское поведение лидера КПСС не только вызвало крайне отрицательную реакцию на Кубе, в том числе и среди руководства, но и тяжело переживалось творческой интеллигенцией, особенно среди художников. Последние, в большинстве своем работавшие в нефигуративной манере, близко восприняли победу Кубинской революции, много сил отдавали общественному служению, в том числе работе с молодежью.)

Я посмотрел на Че, его глаза несколько прищурились и засветились хорошо знакомым мне колким огнем.

— Юрий, — обратился он ко мне со своей широкой и доброй улыбкой, — забудь на время, что ты — дипломат, и переведи, пожалуйста, мои слова дословно…

— У нас тоже много проблем в этой области, — спокойно начал Че. — Наш социализм — совсем молодой и совершает много ошибок. (Гевара изучающим взглядом окинул собеседника: наш «культуртрегер» довольно кивал головой, услышав перевод этой фразы.) У нас еще мало художников с высоким авторитетом, тем более имеющих столь же высокий авторитет в революционном деле. Интеллектуальная дезориентация весьма велика, пока общество и нас целиком захлестывают проблемы материального созидания. Мы, руководители, безусловно, должны не упускать из виду эти проблемы, помня о просвещении народа…

Советский гость продолжал довольно кивать головой в знак согласия. Гевара сделал несколько глотков (сколько я его видел на различных приемах, он всегда пил апельсиновый сок и никогда — спиртное) из стакана, который он держал в руке.

— Но как только речь заходит о воспитании и просвещении народа, — продолжал команданте, — начинаются поиски примитивизации, того, что всем понятно, а точнее того… (он сделал паузу и выразительно посмотрел на собеседника), что понятно чиновнику. И сразу же исчезает подлинный художественный поиск, а проблема общей культуры сводится к принадлежности (или нет) к социалистическому сегодня и умершему (а посему не опасному) прошлому. На мой взгляд, так рождается социалистический реализм на базе искусства прошлого века. Но спрашивается, зачем пытаться искать в застывших формах социалистического реализма единственно подходящий

для нас рецепт и натягивать «смирительную рубашку» на художественное самовыражение человека, живущего и формирующегося в наше время?

С каждой фразой моего перевода заместитель «культурного министра» все больше хмурился, его лицо уже давно пылало краской. Неожиданно он засуетился и поспешно распрощался с Геварой, сказав, что отнял у него много времени...

Когда я подошел снова к Че через некоторое время, он, хитро улыбаясь, сказал мне:

— Спасибо тебе большое за очень точный перевод.

Увидев на моем лице недоумение (как он мог определить точность?), Гевара добавил:

— Я это понял по лицу твоего министра и по тому, как он поспешно ретировался... К счастью, я эти дни много думал над этими вопросами, так как получил просьбу от старого знакомого из уругвайского еженедельника «Марча» («Марш». — *Ю.Г.*) высказаться по ним в статье.

Я поблагодарил Гевару за оценку моего труда «толмача» и попросил сообщить мне, если будет можно, в каком номере журнала появится его статья.

— Кто знает, появится ли и когда. Я тебе пришлю копию, когда она будет готова...

Копию он не прислал, так как через несколько дней улетел за рубеж в командировку, а вскоре уехал в Москву и я...

Уже после смерти Гевары, когда я приехал на остров в 1972 году, мне подарили двухтомник его сочинений, в котором была помещена и эта статья[278].

Многое из того, о чем Че говорил советскому чиновнику, было и в этом материале. Но кое-что (из того, что не говорилось) мне хочется привести здесь в кратком изложении.

«Реалистическое искусство XIX века, — отмечал Э. Гевара, — ведь тоже было классовым, может быть, даже более классовым, нежели искусство декаденствующего XX века, в котором проглядывала тоска человека по отчужденной собственности... Конечно, нельзя противопоставлять соцреализму так называемую полную свободу, хотя бы потому, что ее еще нет и быть не может до полного развития нового человеческого общества. Но это не означает, что следует осуждать все художественные формы, последовавшие после середины XIX века, «с высоты папского трона неоспоримого реализма», что было бы равносильным впасть в прудонистское заблуждение и призывать к возвращению в прошлое.

На Кубе, указывает Гевара, мы не впали в заблуждение относительно непременного реализма, но зато больны другим,

противоположным недугом. И он от непонимания необходимости воспитания нового человека, который бы не представлял как идеи XIX века, так и нашего (имеет в виду XX век. — *Ю.Г.*), больного и деградирующего». Эту мысль Че завершает главной своей мечтой: «Человека XXI века должны мы создавать!»

И снова, как в музыкальном каноне, мечтатель опять обращается к основной теме:

«Вина многих наших интеллектуалов и людей искусства кроется в их «первородном грехе» — они не подлинные революционеры. Мы можем привить вяз на грушевое дерево (здесь обыгрывается испанская поговорка «просить груш у вяза», т.е. ожидать невозможного. — *Ю.Г.*), но тогда одновременно нужно сажать и грушевый сад. Будущие поколения придут свободными от упомянутого первородного греха. И возможности появления непревзойденных художников будут столь большими, чем шире будет культурное поле и возможности для самовыражения... Мы не должны выращивать культурных работников, покорных перед официальным мнением, ни «стипендиатов», защищенных бюджетом государства и демонстрирующих «свободу» в кавычках. Еще появятся революционеры, которые будут воспевать своим искусством нового человека, воспевать подлинно народным голосом».

Особенно значима была роль Че в развитии книгоиздательского дела. По его инициативе в стране организовали несколько крупных государственных издательств, что позволило уже к началу 70-х годов на порядок увеличить число экземпляров выпускаемых книг. При этом непременной заботой министра было сохранение низких цен на печатную продукцию. (*Прим. авт.*: Уже упоминавшийся И. Мансилья, преподававший Геваре политэкономию, вспоминал, как Че говорил ему: «Мне очень повезло, что в доме у родителей была огромная библиотека, ведь в Буэнос-Айресе, как и в других городах Латинской Америки, книга для студента, даже из среднего класса — недоступная роскошь...»)

В 1968 году в Гаване открылся Международный конгресс культуры, работу которого автор имел честь освещать вместе с группой советских журналистов. Многие выступавшие на этом форуме отмечали огромные достижения культурной революции на Кубе и ту заметную роль, какую сыграл в этом погибший за год до того Эрнесто Че Гевара.

* * *

...1965 год. Раннее утро воскресного весеннего дня. От причала небольшого рыбацкого поселка Кохимар под Гаваной отходит небольшая яхта. На ней Фидель, настраивающий спиннинг, и Че, с любопытством наблюдающий за его ловкими движениями. Им нужно поговорить наедине о решении Гевары покинуть остров. Пожалуй, только это обстоятельство позволило премьеру уговорить министра «пожертвовать» выходным днем... для отдыха. Но и тут Че верен себе.

Фидель: Сначала нужно отмотать побольше лески... Ты что такой задумчивый?

Эрнесто: Глядя на наше судно, я подумал о возможностях рыболовецкой флотилии. Моя зарубежная поездка показала, насколько вырос в мире спрос на рыбную продукцию. С ее помощью мы могли бы здорово пополнить валютные резервы...

Фидель: Отдохни хоть немного, Че... Смотри, как она дергает... Эта тварь сражается за каждый метр лески!

Че (не обращая внимания на восторг друга): Вся проблема в том, чтобы найти постоянного покупателя на рыбу...

Да, покой к этому человеку, действительно, приходил только во сне!

Глава 7 ДИПЛОМАТ В ВОЕННОЙ ФОРМЕ

Одной из первостепенных задач революционной Кубы было упрочение ее международных позиций, которые зависели не только от ее «имиджа» за рубежом, но и от соотношения и взаимодействия различных политических сил на мировой арене. Отсюда и то внимание, какое новое кубинское руководство уделяет вопросам внешней политики. При всем большом авторитете министра иностранных дел Рауля Роа (читатель, видимо, помнит о его встрече с Э. Геварой в мексиканской эмиграции), лидеры страны принимают самое активное участие в осуществлении выработанной ими внешнеполитической линии. И здесь наиболее видная роль принадлежит Фиделю Кастро и Че Геваре.

Советские работы, посвященные внешней политике Кубы, обычно начинались (этим, естественно, грешил и автор данной книги) с ее отношений со странами социализма, что не только искажало историю, но и неправильно расставляло акценты и приоритеты во внешнеполитической деятельности революционных руководителей, особенно в первые годы.

Поэтому, восстанавливая реальную картину истории, мы начнем с сюжета «Революционная Куба и США».

Именно к этой стране обращали в первую очередь свои взоры борцы с батистовским диктаторским режимом. Хотя и не столько потому, что рассчитывали на сочувствие правящих кругов этой страны, сколько понимая силу их поддержки, от которой во многом зависела устойчивость тирании. Отсюда их апелляция, помимо обращения к более широкому американскому общественному мнению, и к наиболее авторитетным деятелям американского «истеблишмента». Не последнюю роль играло здесь и мнение довольно влиятельной в США кубинской эмиграции. Некоторые шаги повстанцев после победы революции (вспомним хотя бы выступление Ф. Кастро в Ассоциации американской прессы в 1959 году, о котором говорилось выше) свидетельствовали об отсутствии намерений (по крайней мере открытых) осложнять кубино-американские отношения. Но вспомним и другое. Например нарушающую нормы международного права обструкцию, какую устроили власти США кубинскому премьер-министру когда тот прибыл в Нью-Йорк для участия в сессии Генеральной ассамблеи ООН. В нарушение Устава этой организации и соглашений с ней правительства

Соединенных Штатов последнее, по существу, пыталось сорвать пребывание Фиделя Кастро в этом городе и тем более его выступление на ассамблее в качестве законного представителя одного из членов Организации Объединенных Наций (достаточно сказать, что власти позволили ему поселиться лишь в негритянском Гарлеме, в бедной и грязной гостинице). (*Прим. авт.*: Нужно отдать должное советскому руководителю Н.С. Хрущеву, проявившему инициативу нанесения визита Ф. Кастро в этой гостинице.)

Но это было только начало. С первых дней после победы революции ни на минуту не прекращались агрессивные акты правящих кругов США против Кубы. Правительство Эйзенхауэра решило применить к Кубе «гватемальское решение», дав руководителю Центрального разведывательного управления Аллену Даллесу указание действовать более решительно и разработать планы вторжения на Остров[279]. Саботаж, шпионаж, бомбардировки, пиратские нападения на населенные пункты, террористические акты (например, взрыв стоявшего в Гаванском порту груженного бельгийским оружием судна «Ле Кувр»), угон самолетов, организация покушений на лидеров революции. (*Прим. авт.*: Многие из таких акций удалось предотвратить кубинским службам госбезопасности. Например, во время подготовки к одному из многих упомянутых покушений, когда в оптическом прицеле террориста уже появилась голова Фиделя Кастро, выступавшего на площади у президентского дворца в Гаване, диверсант был обезоружен своим же «напарником» — сотрудником кубинских спецслужб.)

Причем если на первых порах американцы пытались прикрывать подобные акции вывеской кубинской оппозиции, то позднее, особенно после разрыва по их инициативе дипотношений с Кубой, они стали действовать более нагло и откровенно. Об этом, в частности, свидетельствовала подготовленная на их территории высадка наемников у Плайя-Хирон, о которой мы рассказывали выше.

Поэтому можно понять проникнутые возмущением слова Гевары, сказанные им по поводу обвинения его послом США в Гаване Бонсолом (тот указал на Гевару как на одного их тех, «кто разрушает традиционную американо-кубинскую дружбу»):

«Этот тип думает, что я обладаю волшебной палочкой мага. Совсем тронулся! Это не я развязал войну против янки: они это «сделали» сами. А теперь — поделом им! (подчеркнутые слова несколько «смягчены» мною при переводе. — *Ю.Г.*). Я не буду, естественно, сдерживать эту войну»[280].

Че Гевара испытывал вдвойне всю тяжесть подобного

«добрососедства»: как куратор одного из армейских округов и как человек, стоявший у руля кубинской экономики, ибо объявленная Штатами экономическая блокада Кубе весьма заметно ударила по его планам развития экономики страны. А сколько еще было таких ударов до объявления блокады!

Вспомнить хотя бы отказ США поставлять Кубе нефть и даже рафинировать купленную в других странах на своих заводах, расположенных на Острове. В условиях Кубы, не добывавшей тогда ни одного литра нефти, это означало действительно воплощение второй части лозунга повстанцев — «Родина или смерть!» Или лишение кубинцев традиционной экспортной квоты сахара, с которой практически была увязана работа всей сахарной промышленности страны, а как следствие — импортные возможности. Правда, вряд ли справедливо было бы говорить, что упомянутая квота заметно содействовала развитию кубинской экономики (как это утверждали многие американские газеты). На самом деле она не гарантировала экономику Кубы от систематических спадов. (Так, стоимость кубинского экспорта в 1954 году составляла 432 млн. долларов, на целых 55% меньше, чем в 1951 году[281].

Но подобных собственных шагов Соединенным Штатам казалось мало. Они лезли буквально из кожи вон, чтобы, используя выдуманный ими жупел «коммунистической угрозы», натравить против Кубы все межамериканское сообщество, подвергнуть ее своеобразному континентальному «карантину». США потребовали от правительств латиноамериканских государств порвать дипломатические отношения с Кубой и исключить ее из Организации американских государств (ОАГ). (*Прим. авт.*: Сегодня, когда воскрешаются в памяти события тех дней, невольно задаешься вопросом: а была ли она реально, эта «угроза» для Латинской Америки и тем более для самих Соединенных Штатов? И к стыду этой великой державы, приходится давать отрицательный ответ. Чем ей мог грозить небольшой остров в 110 тысяч кв. км и населением в 7 млн. человек, экономика которого была полностью привязана к американской? Так что дело было не в угрозе, а в страшной для американских монополий силе примера, который был способен поставить под вопрос уже ставшее традиционным их господство на континенте).

С приходом к власти в США администрации Джона Кеннеди в мире появились легкие надежды на смягчение американской позиции в отношении Кубы. Это объяснялось тем, что новый президент считал возможным сдержать революционный процесс в Латинской Америке не только применением силы, но и с

помощью реформ, ускоривших бы там развитие капитализма. Конкретным воплощением этой идеи стало создание так называемого «Союза ради прогресса». Главным начинанием в рамках этой акции стало обещание Вашингтона предоставить латиноамериканским странам на нужды развития 20 млрд. долл., по 2 млрд. в год. (*Прим. авт.*: Любопытно, что за год с небольшим до этого на конференции этих стран в Буэнос-Айресе Фидель Кастро говорил о необходимости предоставления государствам континента на нужды развития 30 млрд. долл.)

Объявляя 13 марта 1961 года латиноамериканским послам в Вашингтоне (посол Кубы уже покинул США) о планах «Союза ради прогресса», Д. Кеннеди располагал полной информацией в отношении будущей интервенции у Плайя-Хирон. Тысячу раз был прав Че Гевара, когда на вопрос советского журналиста в Москве о смене администраций в США сказал:

«Эта страна является врагом Кубы уже более века. Не думаю, что она изменится при смене одного президента, играющего в гольф, другим, увлекающимся яхт-спортом»[282]. Говоря о Соединенных Штатах, Че частенько иронизировал:

«60 лет господства этой страны на Кубе обойдется этой стране в 100 млн. долл. (сумма кубинского долга. — *Ю.Г.*). Это равняется той сумме, которую они в 1845 году предлагали Испании за Остров (бывший в то время испанской колонией). Если учесть инфляцию за этот период, получится неплохой бизнес для янки... И еще жалуются!»[283].

Работая в Национальном банке, Гевара проанализировал имевшиеся там финансовые документы, касающиеся американских инвестиций. Получилась весьма «интересная» картина: за последние (перед победой революции) 15 лет США вложили в экономику Острова 770 млн. долл. Из них 550 млн. вернулись в Соединенные Штаты и только 150 млн. достались Кубе в виде инвестиций. За еще более короткий срок — 10 лет — отрицательное сальдо торгового баланса с США составило для Кубы 1 млрд. долл.[284].

И даже такая политика и позиция Штатов не помешали кубинскому руководству сделать примирительный жест в сторону США: в день инаугурации Кеннеди, по распоряжению главнокомандующего, вооруженные силы Кубы провели свою частичную демобилизацию. После разгрома десанта у Плайя-Хирон все же теплилась надежда хотя бы на некоторое смягчение позиции американской администрации по отношению к Кубе. Усиливали эту надежду и примирительные высказывания отдельных влиятельных американцев, не желавших нового появления «барбудос» на континенте. (Еще в первые дни после

победы Кубинской революции брат президента Эйзенхауэра Мильтон призвал правительство США извлечь урок из кубинских событий и поддерживать с латиноамериканскими диктаторами лишь чисто протокольные отношения[285]. Поэтому правительство Кубы приняло приглашение ОАГ участвовать в специальной сессии ее социального и экономического совета в августе 1961 года.

В Пунта-дель-Эсте (Уругвай), место проведения сессии, по Решению кубинского правительства должен был лететь Э. Гевара. Назначенный в феврале того же года министром промышленности, Че с учетом занятости в армии (не говоря уже о Плайя-Хирон) только три месяца назад начал вплотную заниматься делами министерства. Он высказал возражения против своей поездки премьер-министру. В ответ Фидель Кастро сказал:

«Если ты откажешься, я буду вынужден приказать тебе поехать... Ты же знаешь, что мы стоим перед опасностью новой интервенции. Если это случится, с нами покончат, потому что не будут дважды совершать одну и ту же ошибку... Поэтому надо ехать со всей решительностью, не сдавая позиций, но с готовностью вести переговоры с чувством меры. Ты все это умеешь лучше меня...»[286].

Тем более было бы смешно при такой постановке вопроса не только заикаться, но даже думать о своем здоровье, хотя Че как уроженец региона Ла-Платы и врач хорошо представлял, что ему сулит уругвайский «зимний» август. В Монтевидео его встретили не только прилетевшие туда родители, но и страшный приступ астмы. Но, как всегда, Эрнесто не теряет присутствия духа. Обеспокоенной маме Селии он говорит: «Не беспокойся, старушка, я не умру в постели!» И показывает ей свежий шрам на шее — результат неудачного выстрела одного «гусано».

Появление уже всем известного Че Гевары на упомянутом форуме было встречено с нескрываемым интересом почти всех участников. До этого тысячи уругвайцев восторженно приветствовали кубинского представителя на аэродроме и на всем пути от него до Пунта-дель-Эсте. В первый же день он собрал пресс-конференцию. Че был одет, несмотря на явно дипломатический характер его миссии, в свою обычную зелено-оливковую форму команданте Повстанческой армии. Журналистам он заявил, что кубинская делегация не только не намерена препятствовать работе конференции, но, наоборот, будет сотрудничать с другими делегациями в поисках наиболее благоприятных путей экономического развития и обеспечения экономической независимости стран Латинской Америки.

Что касается официального открытия сессии, то уже на нем Гевара представил на рассмотрение делегатов 29 проектов различных постановлений по проблематике встречи. Кубинцы выступили за новый подход в международной торговле как части нового международного экономического порядка, за новое международное разделение труда посредством полного использования природных ресурсов каждого государства, за восстановление традиционных рынков стран, которые были их лишены (например, сахарного для Кубы. — *Ю.Г.*): предлагали разработать меры и конкретные формы использования излишков базовых продуктов и др.

Конечно, просто отвергнуть эти проекты без обсуждения было невозможно даже для делегации США: слишком большой негативный резонанс получила бы такая позиция на континенте. Поэтому, как и прежде на сессиях ОАГ, американская дипломатия затеяла «подковерную» возню: велась раздельная работа с каждым из представителей, обещались дополнительные займы, списание долгов, поддержка по интересующим их вопросам и т.п. И тем не менее корабль под флагом ОАГ дал «течь»: три делегации — Бразилии, Эквадора и Боливии — заняли благожелательную позицию по отношению к Кубе. По поводу позиции последней глава кубинской делегации позднее писал:

«Если не считать нас, то из всех делегаций именно боливийская представила наиболее конкретный экономический план и в общем занимала довольно положительную позицию... За это боливийских представителей называли «двоюродными братьями Кубы»[287].

(*Прим. авт.*: Это были годы второго правления в Боливии президента Пас Эстенсоро. Хотя к тому времени он сильно изменил свои былые демократические и антиимпериалистические взгляды, все же поддержкой Кубы в Пунта-дель-Эсте пытался несколько подправить свой «имидж» в глазах своего народа, а заодно и выторговать у США побольше средств. О правильности такого утверждения свидетельствовал и разрыв Боливией дипотношений с Кубой в 1964 году.)

Думается, что о сказанном выше Гевара хорошо знал, и его не могла сбить с толку упомянутая поддержка боливийской Делегации. Не случайно именно тогда он писал о Боливии:

«Это расположенная почти в центре континента страна буржуазно-демократической революции, терзаемая капиталистическими монополиями соседних стран и почти удушенная в конце концов общим для наших стран угнетателем — североамериканским империализмом. Ее основное население составляют рабочие-горняки и крестьяне, находящиеся под

бременем тяжелой эксплуатации»[288]. Обратите внимание, читатель, на эту формулировку, мы к ней еще вернемся позже.

В связи с кубинскими предложениями делегатам пришлось в срочном порядке разрабатывать контрпредложения, которые хотя и выхолащивали идеи кубинцев, но все же уже формулировались в более приемлемом для Кубы тоне, «отличном от того, заметит Гевара, который всегда был принят на подобных мероприятиях»[289].

Кубинский министр дважды выступал на пленарных заседаниях сессии и в довольно умеренных тонах. Хотя он, естественно, не мог пройти мимо агрессивных действий правящих кругов США в отношении Кубы и их попыток политически изолировать эту страну. На первом таком заседании Гевара показал, что цель «Союза ради прогресса» — сделать Латинскую Америку еще более зависимой от американских монополий. Но в то же время он подчеркнул, что Куба вовсе не желает препятствовать латиноамериканским странам использовать те ограниченные и весьма сомнительные возможности развития, которые сулит им участие в упомянутом «Союзе». Многими делегатами и прессой было отмечено и такое заявление кубинского представителя:

«Со всей откровенностью мы заявляем, что желаем, не меняя наших воззрений, оставаться в семье латиноамериканских республик, сосуществовать с вами. Мы хотели бы, чтобы вы росли, если можно, теми же темпами, что и мы, но мы не будем сопротивляться, если ваш рост пойдет другими темпами. Мы только требуем гарантий неприкосновенности наших границ»[290].

На последнем заседании форума кубинская делегация воздержалась от голосования по всем выработанным документам. Объясняя такую позицию, Гевара отметил, что Куба не согласна со многими принципами, заложенными в них, а также подчеркнул, что там нет слов осуждения агрессии и виновников «наших несчастий — империалистических монополий». Было найдено весьма удачное с дипломатической точки зрения объяснение неучастия Кубы в «Союзе ради прогресса». «На все вопросы нашей делегации, может ли Куба принимать участие или нет в «Союзе», — подчеркнул Че, — ответом было молчание, которое мы истолковываем как отрицательный ответ. Вполне понятно, что мы не могли участвовать в союзе, который ничего не дает для нашего народа»[291].

Важно отметить, что в итоговом документе сессии в одном из подпунктов упоминалось наличие в Латинской Америке, наряду со странами «свободного предпринимательства», также таких

государств, где упомянутое предпринимательство отменено. Зачитав этот пункт, Гевара заявил, что это победа идеи мирного сосуществования двух различных социальных систем (правда, позже американский делегат выступил против этого положения, заявив о непризнании кубинского правительства).

Действуя по указанной выше инструкции Ф. Кастро, кубинская делегация и после такого заявления проявила выдержку и настойчивость — Че Гевара встретился с одним из членов делегации США Ричардом Н. Гудвином, входившим в ближайшее окружение президента Кеннеди. Уже в Штатах Гудвин рассказывал, что Гевара предложил компенсировать американским собственникам стоимость конфискованного повстанцами имущества и даже якобы сократить революционную пропаганду в странах континента, если США откажутся от враждебных действий против Кубы и снимут экономическую блокаду. Что касается изложения беседы самим Геварой (по гаванскому телевидению), то он заявил Гудвину о готовности Кубы вступить в переговоры по урегулированию взаимных отношений и что Куба не заинтересована в борьбе с США, хотя и не боится вести такую борьбу в любой форме. Сказал также, что Куба желает остаться в латиноамериканской системе и считает себя связанной культурными традициями с континентом. В заключение беседы с американским делегатом Че потребовал от США признать право Кубы на принадлежность к Латинской Америке или к Организации американских государств, при том, что у нее отличная от них собственная социальная и экономическая система, а также признать право кубинцев на дружбу с любой страной в мире[292].

Гудвин выслушал своего собеседника и обещал сообщить президенту Кеннеди его высказывания. А что еще можно было ожидать от него, если Вашингтон совершенно не был заинтересован в достижении какого-либо разумного соглашения с Кубой. Пойти на попятную в отношениях с Кубой они были готовы (да и то больше на словах!) при условии ее отказа от советской помощи и если она «встанет на колени».

А то, что Куба на это никогда не пойдет, США уже знали от президента Аргентины Артуро Фрондиси, который пытался «помирить» обе страны. Но об этом чуть ниже.

Истинные намерения правящих кругов Соединенных Штатов в отношении новой Кубы показывали заявления и открытые высказывания их представителей, дальнейшие недружелюбные, а порою и агрессивные шаги правительства США. Это продемонстрировал и Карибский кризис 1962 года, когда из-за антикубинской политики Вашингтона мир был поставлен перед

риском термоядерного конфликта...

(*Прим. авт.*: В последние годы, особенно в 2002 году, когда отмечалась сороковая годовщина Карибского кризиса, в СМИ России и других стран появилось множество материалов об этом кризисе. Выступали участники тех событий, их родственники, политики, журналисты, военные. Чаще всего в них содержались интересные, объективные сведения и оценки. Поэтому вряд ли в этой книге есть смысл вновь повторять все сказанное о тех тревожных для мира днях. В этой связи автор, находившийся тогда в «эпицентре» предстоявшего взрыва на Кубе, счел необходимым добавить по теме лишь некоторые свои наблюдения и факты, которые были известны тогда лишь узкому кругу лиц.)

Решение Н.С. Хрущева (умышленно не пишу «советского руководства», ибо это была навязчивая идея генсека КПСС «подложить ежа в штаны янки») разместить вблизи от американской территории наши ракеты было осуществлено с одобрительного согласия кубинского правительства. Позднее это согласие правящими кругами Вашингтона и прессой не раз будет вменяться в вину Кубе. Можно было подумать, что провокационно-агрессивные акции против нее американцы начали предпринимать с момента дислокации советских ракет (достаточно прочитать начало этой главы, чтобы убедиться в обратном). Поэтому Куба имела полное моральное право принять все доступные для нее меры по собственной защите. В западной прессе встречались и рассуждения о «неадекватности» такой зашиты. Но, во-первых, оборонительное ракетное оружие имело назначение стать сдерживающим фактором, а не средством агрессии. Во-вторых, в агрессивных действиях против Кубы со стороны США трудно было усмотреть какую-либо «адекватность»: ядерная сверхдержава «мерилась силами» с небольшим островным государством, первоначально не располагавшим даже военной авиацией.

Справедливости ради можно сказать, что президент Кеннеди, если доверять имеющейся сегодня информации, не собирался наносить ядерный удар по Острову. Он имел планы уничтожить советские ракетные установки на Кубе силами ВВС.

Что касается варианта (он тоже обсуждался в Москве) пойти «ва-банк» и в ответ нанести ракетный удар по Соединенным Штатам, то он был снят с обсуждения после того как министр обороны СССР Малиновский выступил на заседании президиума ЦК КПСС. Он информировал, что преимущество в случае ядерного конфликта будет не у нас, а у стратегических сил США.

И, наконец, последнее. Советское руководство с большим опозданием направило Фиделю Кастро разъяснение своих шагов

по предотвращению третьей мировой войны. Кубинские лидеры узнали о них из сообщений радио. И вряд ли здесь может служить серьезным оправданием (как это было объяснено кубинскому премьеру) фактор «цейтнота».

Мне довелось с двумя коллегами переводить ночью на испанский язык текст соответствующего послания Н.С. Хрущева Фиделю. До сих пор память хранит отдельные фрагменты. «В этот кризисный переломный момент прошу вас не поддаваться чувству, проявить выдержку... Наметилась возможность ликвидации конфликта... Мы просим, — писал Хрущев, — не дать повода для провокаций». О реакции кубинцев на эти предупреждения мы расскажем ниже, когда будем говорить о советско-кубинских отношениях.

Что касается нашего героя — Че Гевары, то он, как всегда в горячие для Кубы дни, был в подопечном ему военном округе в провинции Пинар-дель-Рио (помните возвращение его оттуда домой и слова, сказанные дочке Ильдите о «проклятых янки»?). Там Че находился в непосредственном контакте с советскими ракетчиками. Хотелось бы привести несколько «зарисовок» об этом, сделанных моим институтским однокашником Вячеславом Филиппенковым, служившим в то время лейтенантом-переводчиком в советской воинской части на Кубе.

В свой первый приезд в эту часть команданте Гевара выразил пожелание поближе познакомиться с бытом подразделения, выслушать пожелания, просьбы и критику от военных. Увидев в клубе небольшое число собравшихся (все советские военные «специалисты», как их условно называли, были одеты в штатскую одежду), Че сообразил, что командование части решило «не беспокоить» ни себя, ни гостя присутствием более откровенных и не столь «зацикленных» на субординации солдат. «А что, у нижних чинов решены все проблемы быта и нет никаких просьб?» — с заметной иронией обратился он к советскому генералу. «Сержантский состав проводит политзанятия с рядовыми», — нашелся бывалый командир. «Откуда он узнал, что это был комсостав?!» — прошипел он на ухо переводчику. «Хорошо, компаньеро генерал, я думаю, мы подождем их, а пока пройдемся по казарме и заглянем в санчасть, к моему коллеге врачу: у него тоже, наверное, есть проблемы?». Генералу только и оставалось выполнить пожелание высокого гостя.

Вскоре в клубе собрался весь личный состав части. Че выступил с интересной и содержательной беседой, с большой теплотой отзывался о почетной и трудной миссии «советских братьев», охотно и с юмором ответил на многочисленные вопросы собравшихся. Солдаты заметно расположились к гостю, стали

поднимать некоторые проблемы быта.

Один солдат пожаловался, что порою трудно уснуть из-за москитов, но почему-то до сего времени не привезли обещанные сетки на окна. Гевара не преминул и здесь дать выход своему юмору:

«Видишь ли, компаньеро, это не сложная проблема. Если вы нас защищаете от налета самолетов противника, нам было бы стыдно не защитить вас от налета комаров. Как раз степень этих проблем соответствует размерам наших стран...» (на следующий день москитные сетки были установлены).

Че в своем округе знал обо всем. Как-то он установил, что вскоре после дислокации советских «специалистов» (или «техников») в аптеках окрестных поселков были в одночасье распроданы все запасы спирта (литровые бутылки с 90-градусным чистейшим ректификатом). Причем при покупке наши земляки, не знавшие испанского языка, знаками объясняли восхищенным провизорам, что покупают спирт в гигиенических целях. Опытный медик-партизан сразу же оценил всю опасность для боеготовности военных такой невиданной «гигиены». По его указанию ректификат был снят с продажи и заменен слабенькой протиркой (которую, хотя и более дешевую, чем спирт, русские «почему-то» отказывались покупать!) (*Прим. авт.*: Я видел своими глазами на дверях сельских аптек объявления, нацарапанные на клочках бумаги по-русски: «СПИРТУ НЕТУ»)...

Если же продолжать говорить о серьезных вещах, хотелось бы вспомнить о поездке Эрнесто Гевары в 1964 году в Нью-Йорк во главе кубинской делегации для участия в XIX Генеральной Ассамблее ООН.

11 декабря он выступил на Ассамблее с большой речью. В ней он осудил необъявленную войну, которую США продолжали вести против Кубы: только за 11 месяцев 1964 года против Острова были совершены 1323 диверсии и всякого рода провокации, инспирированные правящими кругами Соединенных Штатов. Не преминул он использовать и свой сарказм:

«Американское общество защиты животных протестует перед зданием, где проходит данная сессия по поводу судьбы Лайки в советской ракете. У нас сжимается сердце от жалости к бедной собачке. Но вот что-то не слышно какого-либо протеста филантропов в США по поводу убитых кубинских крестьян в результате бомбардировок и обстрела с самолетов B-26 (ВВС США. — *Ю.Г.*) хижин «гуахирос». Может быть, по политическим соображениям одна небольшая собачка стоит дороже тысячи кубинских крестьян?!»[293].

Появление на трибуне Че Гевары было встречено

аплодисментами представителей многих государств. В своей военной форме министр выглядел бодрым и уверенным:

«Мы желаем построить социализм, — сказал он, — желаем мира, желаем построить лучшую жизнь для нашего народа и поэтому всемерно стараемся не дать себя спровоцировать янки, но нам известно, как рассуждает их правительство, оно стремится заставить нас дорого заплатить за мир. Мы отвечаем, что эта цена не может превышать нашего достоинства»[294].

Гевара знал, что говорил. В случае попыток опровергнуть его слова он был готов напомнить Ассамблее циничное заявление государственного секретаря США Дина Раска всего четыре месяца назад. Тот уверял, что нет никаких оснований ожидать улучшения американо-кубинских отношений и что угроза Кубы Западному полушарию исчезнет только со свержением «режима Кастро»[295].

«Оппоненты» действительно не заставили себя ждать. Американский делегат Э. Стивенсон стал обвинять кубинского министра в... коммунизме (?!), в попытках оправдать экономические трудности Кубы американской блокадой. В ответ на этот типично демагогический трюк дипломата Гевара заверил, что у него нет каких-либо намерений «оправдывать» внутренние трудности Кубы. И добавил:

«Хотя экономическая блокада нам вредит, она не задержит нашего движения вперед, и, что бы там ни было, мы будем доставлять небольшую головную боль нашим противникам, выступая на этом форуме или еще где, называя вещи своими именами, и, в частности, представителей Соединенных Штатов — жандармами, пытающимися подчинить своему диктату весь мир»[296].

Столь смелые и прямые заявления не могли понравиться противникам Кубы. Э. Стивенсон покинул зал заседаний, но у американцев были в запасе и другие средства. Здание ООН было обстреляно «неизвестными лицами» из 80-миллиметровой «базуки». Минуя охрану, через окно, в него пыталась проникнуть некто Гладис Перес, вооруженная ножом. При задержании она призналась, что хотела убить Гевару...

А ему и без того оставалось жить только три года! И мало кто увидел какой-либо особый подтекст в его словах, сказанных в Нью-Йорке журналистам:

«Я родился в Аргентине... Я — кубинец, а также аргентинец... И ощущаю себя в неменьшей степени патриотом Латинской Америки. И в любой момент, когда это потребуется, я был бы готов отдать жизнь за освобождение любой латиноамериканской страны. Не прося ничего и ни у кого, не требуя ничего взамен...»[297].

И при всех проблемах, при гигантском напряжении духовных сил Че Гевара оставался верным себе — оптимистом, мечтателем, шутником. После одного из заседаний, у входа в здание ООН его встречает небольшой пикет кубинцев-«гусанос». Они размахивают плакатом, на котором его фото с надписью «Убийца!».

Команданте остановился напротив этой группы и с очаровательной улыбкой, подняв руки вверх (как это делают с трибуны выступающие на митингах политики), поприветствовал собравшихся, сел в машину и уехал...

Пропагандистский успех миссии Гевары не остался незамеченным во всем мире. Особенно он был важен для стран Латинской Америки, народы которых еще раньше, в период конференции в Пунта-дель-Эсте, увидели в новой Кубе своего надежного союзника в возможном противостоянии господству американских монополий. Ощущали это и многие здравомыслящие государственные деятели. При всей зависимости их стран от упомянутых монополий они старались использовать любую возможность, чтобы проявить к кубинским лидерам знаки уважения и симпатии. Э. Гевара ощутил это на себе уже во время своей первой поездки в Южную Америку. Но прежде мы кратко представим читателю общую картину этого континента тех лет[298]...

Выступая в те годы с лекциями о Латинской Америке в различных аудиториях нашей страны, в вопросах слушателей доводилось слышать утверждения, которые ставили, по существу, знак равенства между Африкой, Азией и указанным регионом. Даже тогда это было глубоким заблуждением (если, конечно, не сравнивать жизнь амазонских индейцев с проживающими в джунглях африканскими племенами).

По уровню развития, а также по месту и роли в мировом хозяйстве страны Латинской Америки представляли, как и сейчас, своеобразную группу развивающихся стран. Освободившись от прямого колониального гнета еще в начале XIX в., многие из них прошли долгий путь капиталистической эволюции в условиях формальной политической самостоятельности. Доминирующим хозяйственным укладом в большинстве стран региона стало крупное капиталистическое производство, представленное предприятиями иностранных монополий, государственного сектора и частного национального капитала. Тем не менее, соотношение между производством промышленной продукции на душу населения в рассматриваемых странах и соответствующим показателем в развитых капиталистических странах (вместе взятых) в 1960 году составило около 19%[299]. Эго объясняется, в частности, тем, что индустриализация в латиноамериканских

странах носила ярко выраженный зависимый характер. Достижениями науки и техники в первую очередь пользовались те предприятия, в развитии которых прямо или косвенно был заинтересован иностранный капитал. Мощным рычагом давления на государства региона являлись кредиты и займы частных иностранных банков. В результате огромных размеров достигла государственная внешняя задолженность.

В ходе промышленного развития возросли различия между отдельными группами латиноамериканских стран. По уровню производственного потенциала среди них особо выделяются Бразилия, Аргентина и Мексика. Более низкую ступеньку занимали Венесуэла, Перу, Колумбия, Чили. К наименее развитым в экономическом отношении странам региона относятся Боливия, Парагвай, Эквадор, некоторые страны Центральной Америки и Карибского бассейна. В государствах первой группы стало налаживаться производство автомобилей, электротехники, радио- и телевизионной аппаратуры, нефтехимических товаров, тракторов, а в Бразилии — даже самолетов.

Основной преградой на пути развития сельскохозяйственного производства в странах Латинской Америки до сего времени служит отсталая система землевладения и землепользования, характеризующаяся высокой концентрацией средств производства в руках помещиков-латифундистов, малоземельем и нищетой больших масс сельского населения.

С острыми проблемами сталкивается Латинская Америка во внешней торговле: преобладание в экспорте сырьевых товаров при отставании цен на многие из них от быстрого роста цен на промышленные товары импорта.

В 60-х годах прошлого века резко возросла экспансия американского капитала в страны региона. Это обусловило обострение межимпериалистической борьбы за влияние в нем и придало антиамериканскую направленность борьбе его народов за свое экономическое освобождение (революции в Боливии 1952 г., Гватемале — 1954 г., на Кубе — 1959 г., в Никарагуа — 1980-е гг., приход к власти патриотически настроенных военных правительств в Перу и Панаме — 1968 г., народного правительства в Чили — 1970 г.).

Заметно отличались латиноамериканские страны от других стран «третьего мира» (особенно Африки) и по культурно-образовательному уровню. В большинстве столиц уже в те годы имелось по нескольку вузов, театров, симфонических оркестров, национальных музеев и библиотек. Выше был общий уровень грамотности. Но и здесь очевидна неблаговидная роль «северного

партнера». Только в 1955—1970 гг. США переманили из Латинской Америки 75 тысяч специалистов высшей квалификации, на подготовку которых государства континента затратили около 3 млрд. долларов).

Что действительно «роднило» Латинскую Америку с африканскими и многими азиатскими странами — это огромные социальные контрасты и нищета трудящихся, особенно крестьянских масс. Для социальной структуры населения региона характерно постоянное увеличение доли так называемых маргинальных слоев — лиц неопределенных занятий, мелких ремесленников, уличных торговцев, домашней прислуги.

Менее 1/10 земельных собственников этих стран владеют почти 9/10 земельных угодий. Труженики деревни находятся в бедственном положении, там еще сохранялись различные формы внеэкономического принуждения и личной зависимости. Особенно нещадной эксплуатации подвергается коренное население. Индейцы испытывают на себе последствия политики насильственной ассимиляции и культурной дискриминации.

В рассматриваемый период почти половина населения не имела доходов для обеспечения минимально необходимого питания. Значительная часть — не располагала мало-мальски приемлемым жильем. (*Прим. авт.*: Однажды, когда в беседе с Э. Геварой я стал вспоминать о своей работе на его родине — в Аргентине и сказал, что мне нравится танго «Мой дорогой Буэнос-Айрес», Че улыбнулся и сказал: «Ну, это потому, что ты не жил в «Вилья Мисериа». В переводе на русский — «Поселок нищеты». Я видел его: меня попросили отвезти туда приехавшие в Аргентину советские журналисты. На огромном пустыре в столичном пригороде стояли, налезая друг на друга... нет, не хижины, а какие-то шалаши, слепленные из картона, жестянок и старой фанеры. Между этими «сооружениями» протекал маленький ручеек, служивший водопроводом, туалетом и местом для игры детишек... И это в середине XX века, в одной из наиболее богатых тогда стран Латинской Америки! Вспоминаю я и о других поселениях. Это уже более похожие на лачуги избушки, разбросанные по склонам гор на «ничейной» земле. Их жителей никто не прогоняет кроме самой природы: очередной сель в сезон дождей сметает их вместе с хилым жилищем, накрывая толстым слоем камней и глины.)

Еще в начале этой книги мы рассказывали о тех настроениях, которые возникали у молодого Эрнесто Гевары, не раз видевшего подобные картины во время его путешествий по странам континента. Это они, картины нищеты, бесправия и страданий, глубоким эхом отзывались в сердце молодого медика. Это они

стали «стартером» всех его последующих действий в жизни. Так что не будем лезть из кожи вон, как это иногда делали некоторые биографы Че, чтобы непременно увязать политическое поведение «героического партизана» с тем или иным теоретическим «измом». Гевара просто не мог себе позволить обеспеченную и комфортную жизнь латиноамериканского врача на фоне унижающей бедности простых тружеников. К сожалению, это не всегда доступно пониманию многих наших земляков.

Другое дело, что в своих политических воззрениях Гевара опирался на освободительные традиции Латинской Америки. Его душе и сердцу были весьма созвучны идеи Симона Боливара, Хосе Марти, Хосе Карлоса Мариатеги. Особенно в отношении проблем объединения латиноамериканских народов и их борьбы за национальную независимость. Первый из них мечтал еще на заре зарождения самостоятельных от Испании государств, что когда-нибудь они составят штаты единой и великой республики — Америки. Эрнесто Гевара тоже мечтал об этом. В указанном выше выступлении в ООН он говорил о причинах озабоченности Кубы проблемами Латинской Америки:

«Эта озабоченность базируется на связях, которые нас объединяют, языке, на котором говорим, нашей культуре и общем хозяине, которого мы имеем»[300].

Глубокое понимание проблем континента, сочувствие его народам отзывались признательностью латиноамериканцев разных социальных уровней и политической ориентации. Вот что писала далекая от левых воззрений колумбийская газета «Эль Паис»:

«Образ Че Гевары стал легендарным примером для дезориентированной молодежи нашего континента. Мы действительно не можем закрывать глаза на нашу горькую реальность. Голод, болезни, неграмотность — не лучшие предпосылки для достижения мира, в котором мы мечтаем жить»[301].

Более индифферентным, пожалуй, было отношение к Геваре на его собственной родине — Аргентине (об этом тоже стоит сказать). Даже в рабочей среде, особенно в период партизанских действий на Кубе. Не последнюю роль в этом сыграло довольно скептическое отношение аргентинской компартии к повстанцам Фиделя Кастро. Однако Че стал кумиром среди университетской молодежи, которая увидела в Кубинской революции серьезную силу для антиимпериалистической борьбы.

Из-за более высокого уровня жизни в те годы в сравнении с другими странами региона аргентинцы были, пожалуй, менее политизированными, чем их соседи. Сам Че признавал, что

Аргентина — это страна, где футболом больше интересуются, чем делами правительства, а исполнителя танго Карлоса Карделя (погиб в авиакатастрофе в 1932 г. — *Ю.Г.*) обожают больше любого, даже популярного президента.

Быть может, частично этим объяснялся и отказ Гевары (несмотря на огромное желание вновь побывать на родине) поехать на празднование 150-летия революции 1810 года. Ссылаясь на желание «закрыться и поработать несколько дней» над срочными документами, в разговоре с Фиделем он просил «избавить его от торжеств», хотя и посоветовал принять приглашение — направить на парад в Буэнос-Айресе взвод Повстанческой армии[302]. (*Прим. авт.*: Мои коллеги из совпосольства в Аргентине позднее рассказывали мне, какой фурор произвели на трибуны эти «барбудос», шедшие спокойным, почти без военной выправки, шагом. Среди других им улыбался и аплодировал стоявший рядом с президентом Фрондиси глава правительства СССР А.Н. Косыгин.)

Упомянутый Артуро Фрондиси был весьма противоречивой фигурой в аргентинской политике. На протяжении многих лет он выступал с националистических позиций, а в ходе предвыборной кампании пообещал провести ряд весьма демократических реформ. Но, придя в «Каса Росада» (в переводе — Розовый Дом, как называют аргентинцы президентский дворец, хотя и выкрашенный в последнее время в кирпичный цвет. — *Ю.Г.)* и ощущая недоверие к себе генералитета как к слишком «левому» политику, он резко поменял курс: стал способствовать проникновению в страну американского капитала, преследовать левые силы. Позднее он даже разорвет дипломатические отношения с Кубой.

А пока он, не без согласования с Вашингтоном, в самом начале конференции в Уругвае, о которой речь шла выше, приглашает Че Гевару посетить его в Буэнос-Айресе.

Дабы избежать огласки и боясь разгневать военную верхушку, Фрондиси обставляет приезд знаменитого земляка мерами повышенной секретности. Даже своему порученцу он не называет имени гостя, приказывая конфиденциально встретить на гражданском аэродроме «одно лицо, которое прилетит на президентской авиетке из Монтевидео», и препроводить его в загородную резиденцию президента «Оливос».

Гевара прилетел 18 августа. Он ехал в лимузине, сопровождаемый двумя машинами с охраной. 8 лет он не был в Буэнос-Айресе. Ему все интересно. Он даже спрашивает у шофера, как сыгран в воскресенье футбольный матч «Росарио» — «Сан-Лоренсо»...

Вот как вспоминал потом об этой встрече аргентинский президент в беседе с журналистом Уго Гамбини:

«В начале нашей беседы я подчеркнул важность тезиса конференции в Пунта-дель-Эсте о желательности невмешательства Кубы в Латинскую Америку с экспортом революции. Мой собеседник отметил, изложив свой взгляд на положение в странах региона, что и без вмешательства или влияния кубинцев революция на континенте неизбежна, так как закрыты пути для мирной эволюции. «Я не марксистский теоретик, — добавил он, — и имел возможность лишь отрывками знакомиться с марксизмом, но верю, что победа социализма — это не теоретический вопрос. Он решается на практике».

Гевара, продолжает Фрондиси, произвел на меня впечатление идеалиста, решительного и страстного, но глубоко ошибающегося в своем анализе латиноамериканской ситуации. Этот анализ не отвечал современному международному положению[303].

Прощаясь, Эрнесто просит разрешить ему заехать по дороге на аэродром к больной старой тетке и получает разрешение президента при условии, что не задержится с вылетом. Появляется сеньора Фрондиси и спрашивает у гостя, что бы он хотел выпить перед отъездом.

Гевара: По правде говоря, сеньора, я с 7 часов утра, когда выпил чашечку матэ, ничего не имел во рту...

Супруга президента: Так Вам не легкий завтрак нужен, а что-нибудь посолиднее перед долгой дорогой. Как насчет бифштекса?

Гевара (смущенно): Но, сеньора...

Супруга: По-аргентински, с кровью?!

Гевара: Ну конечно, сеньора, с кровью!..

В тот момент, когда Че стал подниматься по трапу самолета, он услышал вблизи от себя щелчок затвора фотоаппарата. На следующий день столичная газета «Да Пренса» опубликовала его фотоснимок.

Для президента это стоило неприятных объяснений с высшим армейским командованием. Он убеждал генералов, что встречался с Геварой, чтобы выяснить пути возможного сближения Кубы и США, которое могло бы помешать исключению этой латиноамериканской страны из межамериканской системы. Но генералитет остался неудовлетворенным таким разъяснением. Тогда ловкий и опытный политик Фрондиси опубликовал в прессе следующее сообщение:

«Официальный представитель Кубы на сессии социального и экономического совета ОАГ в Пунта-дель-Эсте министр Доктор Э. Гевара обратился к руководству страны с просьбой выдать ему аргентинскую визу для посещения больной родственницы. После

пребывания в течение нескольких часов в Буэнос-Айресе Гевара проследовал снова в Уругвай, а затем в Бразилию, куда он был приглашен с официальными визитами соответствующими президентами этих государств.

Президент Аргентины А. Фрондиси ограничился краткой беседой с кубинским министром, чтобы выяснить у него лично о его намерениях в отношении пребывания на территории страны»[304].

В Уругвае Гевара действительно не только был принят президентом этой страны Аэдо, но и выступил, как мы рассказывали раньше, перед студентами университета в г. Монтевидео. Поспать ему удалось, сидя в кубинском самолете, пока тот ремонтировался на аэродроме. Из-за ремонта в Бразилию самолет прилетел лишь глубокой ночью, когда президент Жанио Куадрос, уже потеряв надежду дождаться кубинского гостя, отправился спать.

Но утром он очень тепло встретил в новой столице страны — г. Бразилиа — Эрнесто Гевару, имел с ним продолжительную беседу и даже наградил его высшим бразильским орденом «Крузейро ду Сул» (в переводе с португальского «Южный крест». — *Ю.Г.*).

Через некоторое время положение на континенте заметно изменилось и далеко не в пользу революционной Кубы. Президент Фрондиси был свергнут в результате военного переворота, а Куадрос подал в отставку, не выдержав давления реакционных сил. В начале 1962 года Куба была исключена из Организации американских государств. Правда, против ее исключения возражали Уругвай, Боливия, Чили и Мексика, но и они, кроме Мексики, не устояли перед давлением Вашингтона и разорвали дипотношения с Кубой.

В Латинской Америке основной задачей правящих кругов США стало любой ценой не допустить появления «второй Кубы».

Обоснованной ли была такая озабоченность Вашингтона? Предоставим возможность ответить на этот вопрос известному американскому ученому-латиноамериканисту Тэду Шульцу. В 1965 году он опубликовал свою книгу «Ветры революции. Латинская Америка сегодня и завтра». В ней он показал, что революционные течения на континенте пока не приняли угрожающего для США характера. Во многих случаях они развиваются более спокойно и скрыто, нежели это было на Кубе. Но какими бы ни были их формы, они представляют собой вызов позициям Соединенных Штатов в Латинской Америке.

Тем более, добавим мы, и революционная Куба в условиях агрессивной политики США против нее не желала оставаться

посторонним наблюдателем политических процессов в Латинской Америке. Потеряв надежду на возможность мирного урегулирования отношений с «северной империей», кубинское руководство приходит к выводу, что только мощное антиимпериалистическое движение в «третьем мире» сможет обуздать агрессивные аппетиты американских монополий.

Отсюда явно просматривающаяся линия Кубы в ее внешней политике тех лет. Линия на солидарность всех развивающихся стран. И в первых рядах осуществления этой линии стоит Че Гевара. Он много выступает, призывая народы мира к солидарности с героическим Вьетнамом, выполняет ответственные и деликатные миссии в странах Азии и Африки, одновременно анализируя обстановку там и местные революционные возможности.

В частности, он едет в апреле 1965 года в Конго. (В начале 1964 года сторонники убитого за три года до этого президента П. Лумумбы подняли мятеж и долго удерживали в своих руках три провинции. По их просьбе в Конго были направлены кубинские военные специалисты.) Около семи месяцев Че проводит в Заире и Танзании. После этого он написал «Заметки о революционной борьбе в Конго». В них он указывает на то, что Африке еще предстоит много сделать для достижения «истинной революционной зрелости», в том числе развивать солидарность народов ее стран, работать над новыми формами борьбы[305].

Важное место в выступлениях кубинских руководителей того времени занимает тема экономической слаборазвитости как важнейшей причины политической нестабильности в странах «третьего мира». В речи на 6-й конференции так называемой «группы 77 стран» Ф. Кастро говорил:

«Никогда страны «третьего мира» не сталкивались с таким количеством неблагоприятных факторов, которые отодвигают их на низшую ступень жалкого и неустойчивого существования. Никогда доступ к развитию не был настолько перекрыт несправедливым и изжившим себя международным экономическим порядком, господствующим в мире»[306].

Для более доступного понимания народными массами термина «слаборазвитость» Гевара даже использовал метафору:

«Слаборазвитость, — говорил он, — это карлик с огромной головой и впалой грудью; при этом его слабые ноги и короткие руки не сопрягаются с остальными частями тела»[307].

Часто в этих и подобных им выступлениях просматривался еще один тезис, с помощью которого кубинские руководители полемизировали с теми, кто «первостепенное значение придавал борьбе за мир, отодвигая проблемы солидарности народов на

второй план». В упомянутой выше речи на конференции «группы 77» Ф. Кастро отмечал:

«Является аксиомой, что без мира не будет и развития, но также верна и другая аксиома о том, что без развития для восьми десятых населения земли не будет мира»[308].

В конце 1964 года Э. Гевара едет в Африку, где в феврале следующего года ему предстоит участвовать в совещании социалистических государств (и придерживающихся социалистической ориентации) в Алжире. До этого он встречается в конфиденциальном порядке с президентом Гвинеи Секу Туре, решительным сторонником войн за национальное освобождение. В прессу просочились сведения о том, что якобы оба государственных деятеля договорились обратиться к Москве с призывом усилить ее экономическую помощь и поддержку процессам деколонизации и достижения афро-азиатского единства.

Сомневаться в правдоподобности таких сведений особо не приходится, если познакомиться со следующим высказыванием Че на упомянутом совещании в Алжире:

«Не может быть социализма без такого изменения в сознании, которое бы привело к новому, братскому отношению к человечеству, как например в отношении всех народов мира, страдающих от империалистического гнета, а не к разглагольствованиям о взаимовыгодной торговле. Если дело ограничится последними, то можно будет утверждать, в известном смысле, что соцстраны — соучастники империалистической эксплуатации»[309]. И как бы вторя своему соратнику Фиделю, Гевара добавляет: «От нас требуется плата за мир, но эта цена не должна превышать границы нашего достоинства»[310].

Не страдая доктринерством, Че диалектически подходит и к вопросам экономического развития. Он заявляет, что «Куба может позволить себе путь экономического развития, отличный от других социалистических стран». При этом он указывает на такие благоприятные факторы, как небольшая территория, хорошие средства связи, соотношение сил в мире.

Не менее определенно выступил министр и на страницах теоретического органа КПК «Куба сосиалиста»:

«Если Куба не могла, будучи отсталой страной, индустриализоваться своими силами, значит, развитые социалистические страны должны незамедлительно помочь ей в этом всем своим технологическим потенциалом»[311].

Безусловно, столь прямые заявления не были благоприятно приняты в соцлагере и вряд ли были по душе кремлевским

руководителям, особенно таким, как Суслов, зашоренным старыми догмами и представлениями. Именно здесь, на наш взгляд, нужно искать объяснение весьма прохладного отношения (естественно, скрытого) к Че Геваре со стороны ряда советских лидеров, а не только в разных подходах к революционной тактике, на что они обычно указывали.

В этих условиях Гевара, уже решивший для себя вопрос о предстоящей партизанской деятельности в одной из стран Латинской Америки, предпринимает из Африки секретную поездку в КНР (правда, Ф. Кастро был вынужден подтвердить журналистам сам факт поездки). Он просит у китайских представителей (по некоторым неподтвержденным данным, это был сам председатель Мао) помочь оружием для нового партизанского «очага». Но «китайские друзья» дают ему понять, что предпочитали бы видеть Гевару на Кубе для отстаивания там «китайских революционных позиций в борьбе с советским ревизионизмом».

Но нужно было совсем не знать Че, чтобы предлагать ему роль оппортуниста. Он заявляет, что не за этим пролетел столько километров. Что касается разного рода «ревизионистов», то они, если будет успех в освободительном движении, наверняка согласятся стать подлинными союзниками, а не покровителями[312].

Длительные перелеты (да еще при резких сменах климата), огромное нервное напряжение — все вместе взятое резко обострило хроническую болезнь кубинского министра. Астма надолго уложила его в больничную койку. Но секреты многовековой китайской медицины поставили его на ноги. В Гавану он вернулся лишь в середине марта 1965 года.

Здесь, нам кажется, самое время поговорить об отношениях Кубы с социалистическими странами. Все они, в первую очередь Советский Союз, проявили «классовую солидарность» с Кубинской революцией, особенно после серьезных обострений между Кубой и США. Выше уже говорилось о закупках нашей страной кубинского сахара, о поставках ей нефти, а позднее — машин, автомобилей, оборудования, товаров широкого потребления, продовольствия. Решающим для судеб Кубы было направление на Остров сотен советских специалистов, а также поставки вооружения и военной техники.

Кубинские руководители, в том числе Че Гевара (может быть больше, чем другие, так как отвечал за экономику страны), высоко оценили это братское сотрудничество и помощь. 20 марта 1960 года, вскоре после подписания ряда соглашений с нашей страной, Гевара выступает по гаванскому телевидению с лекцией

«Политический суверенитет и экономическая независимость». В ней он особо подчеркнул, что соглашения с Советским Союзом, в заключении которых ему «выпала честь» участвовать, направлены на укрепление экономической независимости, а значит, и суверенитета Кубы[313].

Команданте Гевара понимал и исключительную важность заявления советского правительства о том, что оно поддержит Кубу всеми возможными средствами в ее борьбе за свободу и независимость.

10 июля 1960 года, выступая на всенародном митинге в Гаване, Че заявил:

«Пусть остерегаются эти креатуры Пентагона и американских монополий, безнаказанно творившие свои преступления на землях Латинской Америки. Им есть над чем подумать. Куба — это уже не затерявшийся в океане одинокий остров, защищаемый голыми руками ее сыновей и благородными порывами всех обездоленных мира. Сегодня Куба — это славный остров в центре Карибского моря, который находится под защитой ракет самой могущественной державы в истории!»[314].

И в последующие годы Гевара всегда будет отмечать этот фактор. Например, в речи в Москве в Колонном зале Дома союзов 11 декабря 1960 года он говорит:

«Мы учились и приобретали опыт в ходе революции, становясь истинными революционерами... Мы поняли, что в условиях Кубы не было другого пути, как путь вооруженного восстания народа против вооруженного гнета марионеток янки. Взяв в руки оружие и объединившись с крестьянами, мы вступили в борьбу против армии, которая представляла олигархию — сообщника США, и мы разбили ее. Наше знамя могут взять на вооружение остальные народы Латинской Америки, находящиеся в условиях, аналогичных нашим...

В настоящее время мы находимся в таком положении, когда, с одной стороны, нашему острову постоянно угрожают суда, базы и морская пехота империализма, и с другой стороны — мы имеем бесценную поддержку Советского Союза, который, являясь для нас защитной броней, оберегает нашу целостность и наш суверенитет.

К сожалению, Куба является одной из горячих точек планеты. Нет у нас стремления, как у империалистов, играть с огнем. Мы знаем, какие последствия будет иметь конфликт, если он вспыхнет на нашем побережье, и всеми силами стремимся предотвратить его...»[315] (*Прим. авт.*: И вновь, подчеркивая вынужденность применения оружия в кубинских условиях, Гевара отмечает, что кубинцы не хотят подвергать риску своих

союзников, злоупотреблять советской военной помощью.)

Благоприятное впечатление произвели на кубинских лидеров проведение в феврале 1960 года в Гаване большой советской выставки и приезд на Кубу первого заместителя Хрущева А.И. Микояна. Высокому представителю СССР был оказан подчеркнуто дружеский прием. Фидель Кастро не только встречал его в аэропорту, но лично сопровождал во время поездки по острову. Э. Гевара принимал самое деятельное Участие в переговорах с А.И. Микояном, неоднократно встречался с ним, пригласил в гости к себе домой, познакомил с женой и детьми. (*Прим. авт.*: От сына Анастаса Ивановича, Серго, сопровождавшего отца в этой поездке, я знаю, что между обоими руководителями установился контакт дружбы и взаимной симпатии. Старому партийцу импонировали прямолинейность и твердость кубинского лидера в отстаивании своих убеждений. Во многом Че соглашался с ним, во многом придерживался противоположного мнения. Микоян даже сказал ему в шутку, что он соответствует своему имени Че, что значит по-армянски «нет», на что Гевара весело рассмеялся.

Микоян ощущал большую, почти отцовскую симпатию к молодым кубинским лидерам. О своих впечатлениях о них и о первом своем визите на Кубу он рассказывал нам, группе советских дипломатов, во время своего второго приезда на Остров в 1962 году, сразу после Карибского кризиса. К сожалению, я не сделал тогда записи этого рассказа. Но позднее в Москве я прочитал в одноименном журнале очерк о первом визите Анастаса Ивановича на Кубу его сына журналиста Серго, написанного «в ключе» воспоминаний его отца. Поэтому я счел возможным привести здесь выдержки из этого очерка).

Вот что писал Серго Микоян[316]:

«Фиделя Кастро я увидел впервые из окна самолета ИЛ-18, подрулившего к зданию Гаванского аэропорта. Когда он появился и пошел большими шагами к самолету, народ вокруг него зашумел, заволновался. Через стекла кабины было слышно только одно слово: «Фидель». В дальнейшем это имя... носилось в воздухе везде, где мы оказывались среди народа.

Фиделя Кастро легко было выделить из толпы, хотя одет он точно так же, как и все солдаты и офицеры, в простую защитную форму. Человек большого роста, атлетического телосложения, он напомнил мне Петра Первого. Борода делает Фиделя старше его тридцати трех лет. Решительные движения, прямой взгляд дают какую-то внешнюю характеристику его качествам вождя.

Но подлинные черты руководителя новой Кубы мы увидели несколько позже — когда он показывал А.И. Микояну жилой район, создаваемый на восточной окраине Гаваны для рабочих, и

с гордостью рассказывал, как легко будет рабочему приобрести здесь простую и удобную квартиру; когда он повез нас на пляж, сооруженный для рабочих на берегу Карибского моря близ Гаваны; когда знакомил нас с кооперативными постройками и объяснял условия жизни и труда крестьян в новой Кубе; наконец, когда в Сантьяго-де-Куба он привез нас к историческим казармам, атакованным 26 июля 1953 года и превращенным в школу...

Какому-нибудь иностранному наблюдателю громадная популярность Фиделя, энтузиазм, с каким встречает его народ, покажутся на первый взгляд несколько странными. Быть может, он объяснит это чрезмерной экспансивностью латиноамериканцев. Но перелетая с Кастро через всю Кубу, видя его среди солдат революционной армии, рабочих и крестьян, где все, даже дети, называют своего премьер-министра ласково и просто — Фидель, начинаешь понимать, в чем его сила как вождя. В самой тесной связи с народом, в понимании интересов рядовых людей, во внимании к этим интересам, в простых человеческих отношениях со всеми, без различия положения, наконец, в смелости и решительности, с которыми Кастро подходит к многообразным проблемам, возникающим перед новым правительством.

На его железном организме совершенно не отражается то, что он спит по пять часов в сутки — все остальное время отдает работе. Видимо, это удел всех революционеров, создающих новое общество...

Отец Фиделя Кастро был довольно крупным помещиком. Когда два его младших сына — Фидель и Рауль связали свою судьбу с революцией, он был этим очень недоволен и сделал своим преемником старшего сына.

— Отец совсем махнул на нас рукой, как на людей, из которых не выйдет ничего путного, — говорил Рауль Кастро А.И. Микояну, — точь-в-точь как ваш отец. (До этого Анастас Иванович рассказал ему о своей молодости, когда он бросил учебу, посвятив себя революции.)

Фиделю и Раулю, которые после батистовской тюрьмы жили в изгнании в Мексике, отец посылал нечто вроде стипендии, не зная, конечно, что на эти деньги сыновья не столько учатся, сколько готовятся к возвращению на родину с оружием в руках.

В это трудное время изгнания от Фиделя из-за его преданности революции отвернулась жена. Беспокойной судьбе подруги революционера она предпочла хорошо обеспеченное существование с дипломатом, занимавшим во времена Батисты высокие посты. В момент краха диктаторского режима этот дипломат был представителем Кубы в ООН...

Фидель забрал своего одиннадцатилетнего сына, и ныне маленький Фидель (речь идет о 1960 годе. — *Ю.Г.*) живет с отцом в Гаване.

После освобождения страны (когда старика Кастро уже не было в живых) младшие братья отделили от фамильных земельных владений свою долю и передали ее государству. Одним из первых помещиков, на которых правительство распространило аграрную реформу, был старший брат Кастро...

Виднейшую роль в новом руководстве играет Эрнесто Че Гевара. Один из героев революционной войны, он занимает ныне ключевой пост председателя Национального банка. Этот «банкир»... продолжает ходить в военной форме и с неизменным «кольтом» на боку. Гевара тоже совсем молодой человек, невысокого роста и далеко не атлетического сложения. Но, взглянув на его лицо, вы нескоро отведете взгляд. Оно удивительно красиво. Особенное впечатление производят глаза — глубокие, иногда немного трагические, иногда заразительно веселые. Мы бывали с Геварой в самой различной обстановке — от профсоюзного конгресса, где он выступал с речью, до рыбной ловли в Лагуне дель Тесоро, куда Гевара прибыл вместе с женой, скромной и обаятельной школьной учительницей.

Ему приходится и сегодня проявлять ту непреклонность и смелость, с какой он командовал одной из колонн революционной армии. Ибо как председатель Национального банка Гевара отвечает за использование государственных средств, за правильное расходование иностранной валюты. Здесь неизбежно возникают конфликты с предпринимателями, которые не привыкли вести дела, исходя из интересов страны в целом. Приходится всерьез изучать сложную механику финансовых операций. И Гевара тоже работает по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки, поддерживая себя кофе и сигарами, хотя его с детства мучает хроническая астма. Это приводит к постоянным «стычкам» с женой и друзьями. Как и Фиделя, народ всегда встречает Гевару овациями...

— Мне уже приходилось упоминать, — продолжает С.А. Микоян, — о директоре ИНРА Нуньесе Хименесе, географе по специальности... Нуньес сопутствовал нам в поездке на вертолете, и я привык к его приветливому лицу, к мягкой манере говорить, к скромности, с которой он держится. Уже вскоре после первого знакомства вам хочется назвать его, по примеру друзей, «Нуни». Думая о его судьбе, невольно завидуешь жизни такого ученого. Изучив географию и экономику своей страны, он с оружием в руках сражался за то, чтобы создать новую Кубу, действительно богатую и цветущую.

Самый молодой из руководителей сегодняшней Кубы — Рауль Кастро. Ему еще нет двадцати восьми лет. Но он удивительно серьезен, сдержан, вдумчив. Невысокого роста, несколько даже хрупкого телосложения, он внешне не похож на брата. Мы провели с ним целый день, совершив поездку в Варадеро. Особенно запомнилось посещение детского интерната во дворце Батисты... Несмотря на то, что Рауль является министром вооруженных сил, он очень заинтересован во всех проблемах, стоящих перед Кубой, — от школьного дела до аграрной реформы. И это в какой-то мере символично и показательно, так как армия сегодня играет видную роль в жизни страны.

Жена Рауля Вильма Эспин де Кастро активно участвовала в революционном движении. В то время, как ее муж сражался в горах, она работала в условиях подполья в г. Сантьяго. Вильма помогала партизанам Сьерра-Маэстры поддерживать связь с внешним миром. Затем она как простой солдат участвовала в боях. Сегодня Вильма видная общественная деятельница...

Говоря о руководителях кубинской революции, нельзя умолчать и о тех, кто героически погиб в борьбе за свободу. И здесь, прежде всего, нужно назвать имя Камило Сьенфуэгоса, героя войны, первого министра вооруженных сил новой Кубы. Сьенфуэгос погиб уже после победы в борьбе с контрреволюционерами, поднявшими мятеж в городе Камагуэе осенью 1959 года.

— Можно было бы рассказать и о многих других деятелях, с которыми мы познакомились, — пишет в заключение Серго Микоян. — Всех их объединяют общие черты: искренность, преданность народу, смелость и решительность... Может быть, по недостатку опыта в управлении страной они допускают некоторые ошибки. Может быть, в силу своей молодости они порой действуют сгоряча, слишком поспешно. Пока же приходится только удивляться, как мало ошибок они совершают, как разумно управляют страной».

Советский вице-премьер настолько «пришелся ко двору» кубинцам, что об этом даже писали американцы. В своей книге о Кубе тех лет американский социолог В. Миллс рассказывает о модном тогда в США анекдоте. Хрущев спрашивает только что вернувшегося с Кубы Микояна, почему тот такой мрачный. «Эти кубинцы-повстанцы, — отвечает Микоян, — уже пролезли в местную компартию, и скоро все в Москве будут знать, что я, помимо всего прочего, — агент Гаваны»[317].

Позднее Микоян и Гевара встречались и в Москве, куда Че приезжал трижды.

После гибели «героического партизана» Анастас Иванович в одном из интервью вновь обращается к образу своего кубинского друга:

«Че Гевара обращал на себя внимание даже своим внешним видом. Он казался стройным, по-своему изящным, хотя и был довольно коренастым. Лицо у него было мужественным и одновременно благородным. Подкупала его обаятельная улыбка. Из разговоров с ним создавалось впечатление о нем как о всесторонне образованном, культурном, начитанном человеке. Но все эти качества, вместе взятые, еще не делали Че Гевару выдающейся личностью. Главным в нем, конечно, был не внешний облик и не его эрудиция, а то обстоятельство, что он был революционером со стальной, я бы сказал, несгибаемой убежденностью в правоте своих взглядов...

Был ли Че романтиком? Безусловно. Но он был революционным романтиком. Вспомним слова Ленина: «...Мы всегда симпатизировали революционным романтикам, даже когда были не согласны с ними» (*Прим. авт.*: Хотелось бы надеяться, что все руководители КПСС, как и Микоян, следовали этому ленинскому завету, но, к сожалению, многие факты свидетельствуют об обратном.)

Мы много беседовали с Че, часто спорили с ним. Его отличали нетерпеливость, прямолинейность, вера в чудодейственную силу революционного действия, бескомпромиссность в борьбе. В известной степени все революционеры, особенно молодые, грешат этим...

— Хочется особо сказать о впечатлении, которое на меня произвели взаимоотношения между Фиделем Кастро и Че Геварой, — продолжал Микоян. — Мы много раз бывали вместе, иногда только втроем, не считая переводчика. Поэтому у меня была возможность оценить их какую-то особую дружбу, проникнутую абсолютным доверием и взаимопониманием. Характерами эти два кубинских революционера различаются заметно. Но темпераментный, горячий, увлекающийся Фидель и, казалось бы, хладнокровный, спокойный Че прекрасно ладили друг с другом, ценили друг друга, в том числе, быть может, как раз и за те качества, которые отличали их друг от друга...[318].

Поездки в СССР всякий раз оставляли у Гевары неизгладимые впечатления. В первый приезд (длившийся около месяца) он присутствовал на праздничном параде на Красной площади, выступил перед общественностью Москвы в Колонном зале Дома союзов, осмотрел музей-квартиру Ленина в Кремле, побывал на Мамаевом кургане в Волгограде. Особенно ему запомнились встречи с простыми тружениками. Вот что он сам говорил об этих

встречах:

«Поражает глубокое знание всеми советскими гражданами без исключения всех насущных проблем человечества... Мы в этом убедились повсюду, поскольку на улицах, на фабриках, в колхозах, где мы были, нас сразу же узнавали... Мы буквально в течение пятнадцати дней купались в море дружбы. А для нас это огромный урок и большая поддержка, потому что, как только мы выезжаем за пределы нашей страны, мы сразу же погружаемся в океан враждебности»[319].

Че всегда охотно общался с советскими людьми любых профессий: писателями, учеными, общественными деятелями. Будучи заядлым шахматистом, он никогда не упускал возможности сыграть с ними в сеансе одновременной игры, когда те посещали Кубу. Очень теплые дружеские отношения связывали команданте с первым космонавтом Юрием Гагариным. Оба они были председателями соответствующих обществ дружбы между нашими странами. Кстати Гевара присутствовал в Москве во время создания общества «СССР — Куба». На этом торжестве он говорил:

«При создании общества нас по-настоящему взволновала сама атмосфера горячих чувств со стороны советских людей, то большое число лиц и организаций, которые пожелали стать членами общества, энтузиазм, с которым было встречено известие о его учреждении»[320].

(*Прим. авт.*: Когда Че выступал на этом собрании в Москве, он, естественно, не сказал, что в Гаване уже принято решение о его окончательном отъезде с Кубы. Это был секрет от всех, даже от семьи!)

Че Гевара при всей своей сверхзанятости всегда старался принять пожелавших побеседовать с ним представителей нашей страны. Так было с композитором Арамом Хачатуряном, писателем Борисом Полевым, книгу которого «Повесть о настоящем человеке» он горячо рекомендовал участникам экспедиции на «Гранме».

Вот каким запомнился облик Гевары Борису Полевому: «У него было удивительное лицо с крупными чертами, очень красивое. Мягкая, клочковатая, курчавая борода, обрамлявшая его, темные усы и, как у нас говорили на Руси, соболиные брови лишь подчеркивали белизну этого лица, которое, видимо, не брал загар. На первый взгляд это лицо казалось суровым, даже фанатичным. Но когда он улыбался, как-то сразу проглядывал истинный молодой возраст этого министра, и он становился совсем юношей. Военный комбинезон цвета хаки, свободные штаны, заправленные в шнурованные бутсы, и черный берет со

звездочкой как бы дополняли его характеристику»[321].

Э. Гевара и до Кубы с уважением относился к Советскому Союзу. Даже еще молодым дипломником университета он проявил такое отношение в беседе с тогда еще левым венесуэльским политиком (будущим президентом Венесуэлы) Ромуло Бетанкуром. Эрнесто назвал его «предателем» за то, что тот высказался против поддержки СССР в случае третьей мировой войны.

Поэтому в своих чувствах к нашей стране, к ее народу Че никогда не был конъюнктурщиком, даже тогда, когда в советско-кубинских отношениях возникали какие-либо разногласия. После Карибского кризиса 1962 года Гевара отвечает корреспонденту на вопрос о его «нынешнем» отношении к Советскому Союзу:

«Во время этого кризиса у нас был разный подход с социалистическими странами, но правильный в конце концов победил. И что? Из-за этого мы должны забыть все остальное? Что важнее? Многолетняя искренняя помощь без всяких условий или разногласия по одному конкретному вопросу?!»[322].

Поэтому малоубедительно и даже непристойно (так как опубликовано после гибели Гевары) выглядит следующее утверждение венесуэльской газеты «Эль Мундо»:

«Москва располагала средствами давления на Кастро (три дня без нефти — и все!). Но она ничего не могла сделать, чтобы как-то повлиять на Че: он — это легенда, а легенде не нужна нефть, достаточно лишь автомата, который у него был»[323].

Искренность и человеческая честность Че Гевары были хорошо известны в различных политических кругах многих стран. Поэтому его восторженные слова о нашей стране и ее людях стоили дорогого.

Дипломатическая работа Э. Гевары не ограничивалась лишь социалистическим лагерем и странами «третьего мира». Ему доводилось заниматься многими проблемами отношений Кубы с развитыми капиталистическими странами. К чести руководителей многих из них, большинство не пошли на поводу у Соединенных Штатов и продолжали развивать взаимовыгодные экономические и культурные связи с Кубой. Причем такая позиция стоила порою серьезных санкций со стороны Вашингтона. (*Прим. авт.*: Например, на Кубе до революции практически весь автобусный парк состоял из английских автобусов фирмы «Лейлэнд». Постепенно парк изнашивался, запасные части кончились. Но когда кубинское правительство попыталось приобрести новые или хотя бы отдельные агрегаты этой фирмы, Вашингтон оказал сильное давление на правительство Великобритании, и сделка была сорвана. Правда,

старые автобусы еще долго ходили по гаванским улицам за счет кубинских виртуозов-механиков, собиравших из 2—3 развалившихся машин один новый автобус.)

Сказанное выше, думается, объясняет как-то стремление министра промышленности Гевары поскорее покончить с зависимостью страны от поставок промышленных товаров из капиталистических стран. Вместе с тем он — реалист и потому заявляет:

«Мы готовы вести конструктивный диалог с капиталистическими странами в контексте мирного сосуществования стран с различными политическими и социально-экономическими системами»[324].

Благодаря определенной гибкости, умелому использованию кубинским руководством межимпериалистических противоречий, в основном удалось не допустить присоединения упомянутых стран к экономической и политической блокаде, установленной Соединенными Штатами в отношении Кубы. Например, воспользовавшись известным поворотом правительства де Голля «в сторону Востока» и его разногласиями с другими участниками Североатлантического пакта (НАТО), Куба добилась заметного роста торговли с Францией. Пристальное внимание уделял министр Гевара торговым возможностям таких стран, как Швеция и Канада, которые, как он говорил, «не несут на себе груза старой колониальной политики»[325].

Занимаясь международными проблемами, осуществляя зарубежные поездки, Эрнесто Гевара постигал мир, проводил сравнительный анализ регионов, делал выводы. Главный из них сводился к тому, что предстоит еще долгая и тяжелая борьба за то, чтобы мир людей стал лучше, человечнее и более справедливым. Быть может, поэтому ему, члену правительства, даже при выполнении дипломатических миссий не захотелось расстаться с зелено-оливковой униформой повстанца.

Глава 8 РОСИНАНТ БЬЕТ КОПЫТОМ

Упорная и напряженная работа «команды Фиделя», усилия всего кубинского народа стали приносить первые плоды. О них мы уже говорили кратко в двух предыдущих главах. Че Гевара всецело был поглощен созиданием новой жизни на своей второй родине, но... Это постоянное «но» все больше занимало его мысли. Может ли он, размышлял Че, оставаться и дальше на Кубе, уже четко определившей свой путь, когда остальные народы Латинской Америки все еще ждут своего лучшего завтра.

Обычным, даже непредвзятым людям было непросто понять такого рода «муки». Что же тогда говорить об авторах, находившихся на зарплате у идеологических противников Гевары? Отсюда тот поток домыслов, измышлений, инсинуаций, охвативший западные СМИ при попытках осмыслить решение Че покинуть Кубу. Их было много. Мы приведем только одно и с весьма характерным привкусом дешевой лжи. «Если бы Че остался на Кубе, — писала боливийская газета «Пресенсиа», — он пал бы жертвой политической чистки или был бы расстрелян по приказу Фиделя Кастро, который сегодня должен чувствовать себя самым счастливым, узнав о его смерти. Все это остается загадкой (спасибо за проблеск совести. — *Ю.Г.*) непостижимого марксистского мира»[326].

Думаем, что человеку, прочитавшему эту книгу, будет трудно поверить в эту и другую подобную ложь о «героическом партизане». Поэтому я лучше приведу здесь слова уже упоминавшегося выше моего друга И.Р. Григулевича о решении Че Гевары:

«Он мог выбрать только передний край, только наиболее опасный, наиболее грозный, еще не проторенный, неизведанный путь... А сделав выбор, он стал тяготиться своим званием министра, ему уже не терпелось вновь оседлать своего революционного Росинанта и пуститься в путь; ему не терпелось вновь почувствовать на своих плечах тяжелый рюкзак, набитый патронами, лекарствами и книгами, и режущую плечо лямку автомата. Он закрывал глаза и видел себя лежащим у костра, изъеденным москитами, тяжело дышащим от приступа астмы, но счастливым, ибо с ним рядом были те, которых он так по-мужски — сурово и стыдливо — любил: отверженные Латинской Америки — ее крестьяне, ее индейцы, ее негры»[327].

Но как бы ни хотелось Че пуститься в неизведанный путь, он со свойственной ему скрупулезностью подступает к реализации принятого им решения. Первый вопрос — держать совет с

Фиделем и по возможности объяснить ставшему ему родным кубинскому народу.

Что касается Фиделя, то решение Гевары не было для него абсолютной новостью: еще отправляясь на «Гранме» с экспедиционерами, Че взял с него слово отпустить его с Кубы, если потребуется. Он только попросил Эрнесто продумать, как лучше обставить его отъезд для кубинцев и для общественного мнения за рубежом. Гевара, со своей стороны, заручился у соратника обещанием помочь ему оружием и отпустить с ним группу верных товарищей из кубинской армии. И хотя глава правительства брал тем самым на себя большую ответственность, он это делал не только ради друга, но и ради Кубы: успех нового партизанского «очага» на континенте мог бы серьезно расшатать традиционный «статус-кво» и даже нанести удар по антикубинским замыслам Вашингтона. Об этом прямо говорится в так называемой 2-й Гаванской декларации (такого рода документы принимались на многолюдных митингах трудящихся в Гаване).

Гевара тоже работал в этом направлении еще с первых постреволюционных лет. В январе 1960 года, перед публикацией своей книги «Партизанская война» он добавил в нее целую главу. В ней он изложил кубинский опыт работы городского подполья, а также призвал латиноамериканских революционеров поспешить на помощь Кубе, полагая неправильным, что Куба одна на континенте противостоит «гиганту»[328]. Многие экземпляры этого труда были отправлены диппочтой в кубинские миссии в Латинской Америке.

...Обычно на любом листке календаря в кабинете министра Гевары не было ни одного свободного сантиметра: напоминания о делах, длинный список посетителей и т.п. На листке за 24 марта 1964 года помечено только одно слово — Таня. В этот день Че отменил все совещания и визиты, помощник отвечал по телефону, что министра нет, будет завтра.

Когда в дверь кабинета постучали, перед министром на столе лежала папка, которую он уже около часа как достал из сейфа и теперь внимательно читал. На папке была надпись «Тамара Бунке». Гевара встал из-за стола и с приветливой улыбкой пожал руку вошедшей посетительнице, которую он ждал в этот день[329].

Это была высокая шатенка, лет 25, с большими синими глазами — Тамара Бунке, приехавшая недавно на специализацию в Гаванский университет из Германской Демократической Республики (ГДР). Она прекрасно говорила по-испански с едва заметным немецким акцентом.

Из материалов, содержавшихся в упомянутой папке, Че уже

знал, что Тамара родилась 19 ноября 1937 года в Аргентине, куда в конце 30-х годов уехали от преследования нацистов ее родители — отец Генрих (по национальности аргентинец) и мать, немка Найда Бунке.

Тамара закончила в Аргентине среднюю школу, была весьма одаренной девушкой, хорошо разбиралась в литературе и политике, любила музыку. Она играла на фортепиано, гитаре и аккордеоне, пела, занималась балетом и спортом. Супруги Бунке принимали активное участие в подпольном движении аргентинских коммунистов. Их дочь росла в атмосфере конспирации, собраний и политических споров. («Мы объясняли нашим детям, — вспоминает Найда Бунке, — что полиция преследует таких людей, как мы, поэтому необходимо вести себя осторожно и не болтать»). После образования ГДР она с родителями переехала туда из Аргентины. В Берлине Тамара закончила университет, а затем в течение 6 лет обучалась в учебных заведениях в Латинской Америке.

Да, скажет читатель, но почему же на календаре у министра было записано имя «Таня»? Тогда это был секрет огромной государственной важности. Спецслужбы Кубы по согласованию со своими коллегами из ГДР (так называемое «штази»), сотрудницей которых, а по некоторым неофициальным данным, не только их, была Тамара Бунке, намеревались направить ее в Боливию в качестве нелегала. Ей вменялось провести там большую подготовительную работу для последующей организации в этой стране партизанского «очага». В качестве своего агентурного имени она выбрала имя Таня, под которым она будет работать в Боливии и фигурировать в нашем дальнейшем повествовании (по некоторым источникам, это имя было навеяно памятью об известной советской партизанке — Зое Космодемьянской, назвавшейся перед смертью Таней).

Во время беседы Гевара спросил Таню, овладела ли она знаниями, необходимыми для подпольной работы, и не пугают ли ее лишения и опасности, связанные с работой нелегала. Он объяснил Тане, что в ее задачу входит поселиться в Боливии, завязать там связи в правящих и армейских кругах, ознакомиться с положением во внутренних районах страны, изучить формы и методы эксплуатации боливийских рабочих, шахтеров и крестьян, приобрести полезные контакты и ожидать связного, который укажет ей время начала решительных действий и уточнит ее участие в подготавливаемой борьбе. Че предупредил Таню: ждать связного, который будет ей направлен непосредственно из Гаваны. Каким бы ни было тяжелым ее положение, она не должна сама искать связи, просить помощи и раскрывать себя ни перед

каким-либо человеком, организацией или партией, хотя они и известны как революционные в Боливии. Главное — проявлять абсолютное, всеобщее и постоянное недоверие. (О том, насколько усвоила эти заповеди подпольщица, будет рассказано позднее.)

Надо сказать, что к этому времени уже почти окончательно было определено место развертывания партизанских действий — Боливия. Еще в 1962 году его предложили Че побывавшие на Кубе боливийцы братья Передо (Коко и Инти). Чуть позже в Боливию секретно проникает кубинский капитан Мартинес Тамайо. Вскоре он получает боливийские документы на имя Рикардо Моралеса, что позволяет ему без проблем пересекать границу Боливии. Там, на границе с Аргентиной, он помогает создать тайный лагерь, который должен был стать опорной базой для действий партизан в аргентинской провинции Сальта. Через два с половиной года Рикардо вновь появляется в Боливии, где связывается с Таней (Бунке), Инти и Коко Передо. Спустя два месяца в Ла-Пас приезжают еще два кубинца — капитан Гарри Вильегас (по кличке Помбо) и лейтенант Карлос Коэльо (по кличке Тума, Тумаини или Рафаэль). Там Помбо встречается с перуанским связным по кличке Чино и сообщает ему, что кубинцы решили начать борьбу в Боливии, а затем продолжить ее в Перу[330].

Сам Гевара отходит постепенно от дел в министерстве и некоторое время проводит в удаленной от столицы местности вместе с другом Миалем (помните, его мать возмущалась в письме, что «способного руководителя выслали на рубку сахарного тростника»?), где рубит тростник, много читает, пишет прощальные письма.

В 1965 году Че Гевара инкогнито вместе с группой кубинских военных инструкторов едет снова в Африку. Но вскоре был вынужден (прибывший туда курьер от Фиделя привез просьбу премьера вернуться) возвратиться на Кубу. В марте следующего года Че предпринимает «пробную» поездку по ряду латиноамериканских стран. С сильно измененной внешностью (лысый парик, без бороды и усов, седой, в очках), с фальшивым паспортом на имя уругвайского коммерсанта Рамона Бенитеса он посещает Аргентину, где около 20 дней проводит в провинции Кордоба. Затем, якобы переодетый в монаха Фернандо де лос Сантос, едет в Парагвай. Точных сведений (в открытых публикациях) о его встречах и беседах во время этой поездки нет, но можно предположить, что Че, не раскрывая своего инкогнито, проводил своего рода рекогносцировку в соседних с Боливией странах (места и способы пересечения их границ, возможные источники помощи партизанам, пути отхода в случае необходимости и т.д.). Правда, настораживало сообщение МВД

Парагвая об ужесточении паспортного контроля на парагвайско-бразильской границе в связи с тем, что «кубинского революционера Че Гевару видели в местечке Барибао, неподалеку от упомянутой границы»[331].

Наконец он сложным маршрутом (проехав даже ряд европейских столиц) снова приезжает в Уругвай, откуда, заручившись новыми документами на имя Адольфо Мена, специального представителя ОАГ, выезжает в Боливию. В его кармане официальное письмо этой межамериканской организации, в котором ее руководство просит правительство указанной страны оказать всяческую помощь А. Мена, который направляется для изучения социально-экономического положения боливийского села.

...Стюардесса самолета компании «Брани ф», летевшего по маршруту Монтевидео — Сан-Пауло — Ла-Пас, решила повременить с объявлением о погоде: многие пассажиры в салоне первого класса дремали. Задремал и сидевший у окна во втором ряду пожилой уругваец. До этого он внимательно смотрел в иллюминатор, как будто пытаясь что-то разглядеть на далекой земле.

Некоторое время назад он действительно закрыл глаза, стараясь вздремнуть. Нахлынули мысли, воспоминания, калейдоскопом замелькали картинки детства... А вот и его «старушка», мама. Он разглядел ее среди других родителей в школьном зале, когда вместе с другими детьми пел аргентинский гимн... Снова увидел маму, она улыбалась ему... Но почему у нее таким грусть в глазах? Вдруг донья Селия поднялась и сделала едва заметный прощальный жест рукой...

Эрнесто уже не пел. Только губы едва произносили слова гимна: «Да будут вечными лавры...» А мама еще раз улыбнулась ему и стала тихо удаляться...

«Или клянемся со славой умереть...» — мысленно прошептал Че (это был он!), вновь обретая сознание после сна, и открыл глаза. «Странный сон... Как там моя старушка?» — подумал Эрнесто и посмотрел в иллюминатор: самолет шел на посадку в аэропорту Ла-Паса.

(*Прим. авт.*: Позднее Гевара расскажет об этом сне одному из кубинцев-партизан, который после поражения и гибели Че сумеет вернуться на Кубу. Там он передаст рассказанное Геварой его первой жене Ильде. Та была потрясена, услышав это, так как раньше получила письмо от родственников Эрнесто из Буэнос-Айреса, в котором ей рассказывали о сне доньи Селии. Вычислив более или менее точно даты происходившего в обоих сообщениях, Ильда поняла, что перед ней пример потрясающего

телепатического контакта двух любящих, родственных душ — матери и сына!)

Э. Гевара (он же — А. Мена) несколько дней проживает в Ла-Пасе, а затем, изменив внешность, едет во второй по значению город страны — Кочабамбу, где (судя по его записи в Дневнике) имел ряд контактов. Мы не случайно написали слово «Дневник» с заглавной буквы, как название книги. Это — знаменитый геваровский Дневник, вошедший в историю под собственным именем «Боливийский дневник». В нем Че будет вести для себя своеобразный отчет о своей деятельности в Боливии, скрупулезно помечая наиболее важные детали партизанской эпопеи. Уже упоминавшийся испанский публицист Э. Сальгадо писал, что Дневник носит отпечаток точных и реалистичных наблюдений врача. «Это как клиническая история болезни — что, когда, где, как и т.д.». Добавим только, что в нем Гевара уделяет главным образом внимание недостаткам, ошибкам, слабостям, просчетам как отдельных бойцов, так и отряда в целом. О себе он в основном говорит в плане своих недостатков или ошибок. Героическое поведение он считал нормальным в партизанской среде, любые же отклонения от него заслуживали, по его мнению, порицания и осуждения. Поэтому Че подробно пишет в Дневнике о слабых, колеблющихся элементах и скупо — о бойцах, проявлявших образцы героизма.

7 ноября 1966 года, прибыв в Ньянкауасу, Гевара делает в Дневнике первую запись:

«Сегодня начинается новый этап. Ночью прибыли в поместье... Прибыв, оставили одну машину в отдалении и въехали на территорию на одной, чтобы не вызывать подозрений соседа-землевладельца, уже ворчавшего на людях о подозрении, что мы занимаемся производством кокаина... Затем прошли около 20 км пешком до помещения, в котором нас ждали три функционера партии (КПБ. — *Ю.Г.*) ...»[332].

Незадолго до этого вернувшиеся в Боливию братья Передо установили связи с сельскими священниками и через них приобрели два поместья в отдаленном от центра страны лесном районе, у каньона Ньянкауасу (в переводе с кечуа — голова реки. — *Ю.Г.*). Им помогали уже известная читателю Таня и служащий нефтяной компании Варгас, который принимал братьев Передо за перевозчиков наркотиков. В поместья завозились в мешках от цемента винтовки, патроны, гранаты, что не осталось незамеченным дошлым местным мясником (позднее он сообщит о своих подозрениях властям).

Примерно через полгода приехала группа кубинцев. Они летели с Кубы через Ленинград, Москву, Прагу, Берлин, Рио-де-

Жанейро, Сан-Пауло, Буэнос-Айрес. И только из аргентинской столицы — в Ла-Пас. Неудивительно, что столь сложный маршрут порою сбивал с толку самих будущих партизан. Так, лейтенант Исраэль Рейес по ошибке пересек на самолете всю территорию США и только потом полетел в Ла-Пас.

В целях наилучшей организации «очага» и установления дополнительных связей в стране Че планировал начать боевые выступления в сентябре 1967 года, но оказавшийся предателем Варгас (см. выше), поняв, с кем он имеет дело, выдал партизан. И уже 23 марта их сторожевая засада была вынуждена обстрелять военный патруль, тем самым подтвердив донос предателя.

Но прежде чем начать рассказ о партизанских буднях в Боливии, попытаемся ответить на вполне естественный вопрос, почему именно эту страну Э. Гевара избрал местом для борьбы.

Это было сделать нелегко. Необходимо было учесть каждую деталь, мелочь. Он прекрасно понимал, что «если трудной была война за освобождение Кубы... то бесконечно более трудными будут новые битвы, которые ждут народ в других районах Латинской Америки»[333].

Боливия — это государство в центральной части Южной Америки[334] (в случае успеха партизан будет легче распространить их действия на всю территорию континента). Огромная территория в две Франции и очень небольшое население (меньше Кубы). Тот факт, что свыше половины населения составляют индейцы и большая часть его — метисы, позволяет любому латиноамериканцу из других стран и с другими акцентами в языке легче вписаться в общую демографическую картину страны. Высокие горные хребты, плоскогорье Пуна (до 4000 м высоты), труднопроходимая сельва (джунгли), глубокие ущелья — все это плюсы для партизанской деятельности. К таковым относятся и богатый животный мир — резервная продовольственная база, и относительно благоприятный климат, по крайней мере, в выбранной партизанами зоне (с 18 градусами тепла в среднем зимой и 26 градусами — летом), для проживания в легких укрытиях.

В упомянутой зоне и наименьшая плотность населения (около 1 человека на 1 кв. км).

Что касается социально-экономического и политического положения в стране, то Боливия — одна из наименее развитых, а следовательно — наиболее бедных латиноамериканских стран. Ее валовый внутренний продукт — самый низкий в Латинской Америке, не считая Гаити.

Наибольшее развитие получила горнорудная промышленность, подчиненная финансовому капиталу

иностранных держав. Внешний государственный долг вырос со 100 млн. долл. в 1950-м до 500 млн. в 1969 году. Слабо развита система здравоохранения. Сельские жители глубинных районов практически были лишены медицинской помощи. Детская смертность в возрасте до 5 лет достигала 90,7%. Средняя продолжительность жизни в стране — 50 лет. Прирост населения в год составлял 1,4% при среднем по Латинской Америке 3%. Около 60% населения было неграмотным. Чего было в избытке в Боливии, так это, — как писал один исследователь, — лам и полковников.

После Второй мировой войны в Боливии наблюдается подъем народного движения. В 1950 году была создана компартия Боливии. К началу 1952 года в стране сложилась революционная ситуация, а в апреле вспыхнуло народное вооруженное восстание. Под давлением восставших правительство ввело всеобщее избирательное право, реорганизовало армию, национализировало оловянные рудники и установило на них рабочий контроль; была проведена довольно серьезная аграрная реформа. (*Прим. авт.*: Что касается последней, раздавшей бесплатно земли крестьянам, вернувшей индейским общинам их земли и ограничившей крупных латифундистов, то ее, в боливийских условиях, на наш взгляд, скорее нужно считать фактором, не благоприятствующим революционной деятельности среди крестьянства.)

Однако в условиях экономического и политического давления со стороны США правительство стало отходить от задач демократической революции (что, кстати говоря, заметил еще студент Эрнесто Гевара, посетив в то время эту страну) и сотрудничать с империализмом. Это вызвало волну новых выступлений трудящихся. Правительство отвечало введением осадного положения, арестами политических деятелей, расстрелами демонстраций. Как уже отмечалось, в августе 1964 года оно разорвало дипломатические отношения с Кубой.

Все эти факторы не остались без внимания Че. Главное, что объективная обстановка на континенте, особенно в Боливии, не вызывала у него никаких сомнений в правильности выбора момента. Это подтверждали даже наблюдения непредвзятых в этих вопросах журналистов. Например, мексиканская газета «Новедадес» писала на следующий день после гибели Че:

«Обстановка брожения и недовольства в некоторых странах Латинской Америки не может быть причиной поведения одного, даже самого решительного человека, как Че. Ее причины — огромная нищета и всеобщая отсталость, неграмотность. Отчаяние из-за отсутствия перспектив достойной жизни. Пока эта ситуация не будет искоренена, на юге от Мехико появится еще не

один Эрнесто Че Гевара. Он был лишь глашатаем и знаменосцем отчаяния отверженных»[335].

Что касается выбора конкретного района, то он имел свои преимущества и недостатки с точки зрения партизанской деятельности. К первым нужно отнести местность (сельва, глубокий каньон, удаленность от больших населенных пунктов, быстро текущие горные речки), близость двух маленьких селений, где можно было запасаться в случае надобности провиантом и различными товарами, не слишком большая удаленность от аргентинской границы.

Ко вторым (о многих из них партизаны не знали или еще не догадывались) относилась труднопроходимость прилегающих полупустынных районов, в которых приходилось действовать и сооружать дополнительные стоянки, крайне неточные карты местности (однажды отряд Че заблудился из-за этого и вместо запланированных 25 пробыл в пути 48 дней). Не сразу установили бойцы и то, что не слишком далеко от них располагались части четвертой дивизии боливийской армии.

Не стоило бы игнорировать (как мы увидим потом) и то, что дорога в купленное партизанами поместье «Каламина» шла мимо дома зажиточного мясника Сиро Альгараньяса, что давало возможность ему наблюдать за передвижением «необычных соседей». Че, в силу своего опыта, сразу насторожился, но, видимо, не до конца. Он пишет в своем Дневнике: «Альгараньяс разговаривал с Антонио (боец из отряда Че. — *Ю.Г.*), дал ему понять, что он много знает. Он предложил войти в пай с нашими людьми на ранчо и заниматься с ними производством кокаина или же чем-то еще, чем они заняты. Это «чем-то еще» показывает, что этот тип что-то подозревает. Я велел Лоро... пригрозить ему смертью, если он нас предаст».

Но после того как на следующий день после разговора с Альгараньясом на ранчо «Каламина» нагрянула полиция с обыском (после чего заявила, что она в курсе всех дел и с нею надо посчитаться), Гевара понял, что все это «пахнет серьезным». Зона находилась на значительном удалении от шахтерских центров с их наиболее боевитыми силами боливийского рабочего класса. Что касается расположенных в этом районе нефтепромыслов, принадлежавших американской «Боливиан галф ойл компани», вряд ли можно было (вопреки утверждениям некоторых авторов) всерьез рассчитывать на поддержку их высокооплачиваемых работников, составляющих рабочую аристократию.

Европейцы обожают разглагольствовать о латиноамериканской беспечности. И в чем-то они правы. Но как

назвать поступок французского журналиста Режи Дебре? Я, право, теряюсь...

Сторонник Кубинской революции и особенно тактики партизанской войны, он не раз посещал Кубу, встречался с Геварой, беседовал с ним и другими кубинскими руководителями. Выпустил книгу «Революция в революции», в которой подверг суровой критике партии латиноамериканских коммунистов за «пацифизм, безволие и недостаточно инициативную политическую деятельность». Одновременно он всячески подчеркивал, что является активным адептом взглядов Че Гевары на революционную тактику.

И вот этот самый «гевари́ст» не нашел ничего лучшего, как поехать легально, под собственной фамилией в Боливию, в отношении которой уже появились первые указания в прессе на то, что Че там. (Хотя это только наше предположение, но, думаем, именно поэтому Дебре и отправился в Ла-Пас.) Начальник департамента печати при президенте аккредитовал его как иностранного журналиста, собирающего материалы для книги о Боливии, и выдал разрешение на свободное передвижение по стране. Этот же чиновник по фамилии Лопес Муньос (по «случайному совпадению» — друг Тани Бунке!) выдал аналогичное разрешение и Геваре.

С конспиративной точки зрения легальный приезд Дебре, известного сторонника Кубинской революции, в Боливию, где уже начал формироваться отряд Гевары, не был «подарком» для партизан. Появление французского журналиста могло навести боливийские спецслужбы и ЦРУ на мысль, что именно в этой стране находится или намерен туда прибыть Че.

Дебре стал разъезжать по районам предполагаемых действий партизан (возникает вопрос, откуда он знал об этой зоне?!), скупал карты и планы этой местности, много фотографировал. Однажды он даже столкнулся с людьми Рикардо, приняв их за боливийцев, стал фотографировать. Рикардо стоило труда ускользнуть от назойливого француза. На несколько месяцев Дебре уезжает в Чили и в феврале 1967 года вновь возвращается в Боливию. 5 марта он уже в лагере Гевары.

На время расстанемся с пронырливым журналистом, чтобы продолжить наш рассказ о партизанских буднях.

Иным словом, как «будни», это не назовешь, так как в отряде шла кропотливая подготовка к сражениям и всестороннее обустройство быта. Довольно полную картину тех дней дают записи в Дневнике Че, небольшие фрагменты из которых мы приведем ниже:

9 ноября. «...Район выбран, кажется, малолюдный. При

подобающей дисциплине можно пребывать в нем долгое время».

12 ноября. «...Волосы у меня отрастают, «седина» начинает исчезать, растет борода. Через пару месяцев стану самим собой...»

14 ноября. «Начали рыть туннель для укрытия там всего «компрометирующего».

17 ноября. «Ребята делали покупки в лавке у Альгараньяса. Он снова ставил вопрос о своем участии в «нашем кокаиновом производстве».

19 ноября. «Никаких новостей из Ла-Паса (столицы. — *Ю.Г.*). Все сидим в укрытии, так как суббота и могут появиться в зоне охотники».

20 ноября. «Папи (Рикардо. — *Ю.Г.*), в нарушение инструкций, рассказал о моем присутствии в отряде Биготе и Коко...»

Написал в Манилу (на Кубу. — *Ю.Г.*) о некоторых своих соображениях» (связь с Гаваной осуществлялась через связных с помощью шифрованных писем, позднее была налажена прямая радиосвязь. — *Ю.Г.*).

27 ноября. «...В 9 утра прибыл джип из Ла-Паса. На нем Коко и Инти, еще трое, чтобы остаться у нас. Сообщили, что «Чино» в Боливии, собирается прислать мне 20 человек (перуанцев. — *Ю.Г.*) ...Это не здорово, так как борьба тем самым будет интернационализироваться до обсуждения вопроса с Эстанислао (партийный псевдоним Марио Монхе, генсека КПБ. — *Ю.Г.*). Инти утверждает, что Эстанислао не присоединится к нам...»

2 декабря. «...Коко получил инструкции по установлению тесного контакта с шефом департамента прессы при президенте (Коко вызвался сам, так как этот чиновник — зять Инти). Сеть (связей. — *Ю.Г.*) пока «в пеленках».

6 декабря. «...С питанием очень туго. С тем, что есть, надо продержаться до пятницы».

11 декабря. «Должна приехать Таня, мы ей «продадим» один из наших джипов... «Чино» выехал на Кубу... Инти высказал мне свои сомнения о прибывшем студенте-медике Карлосе (боливиец. — *Ю.Г.*), который заявляет, что без распоряжения его партии (компартии Боливии. — *Ю.Г.*) воевать не будет».

12 декабря. «Собрал боливийскую группу, говорил о реалиях войны, сделав акцент на важности единоначалия и дисциплины... Назначил Хоакина своим замом, Роландо и Инти — замполитами, Моро — начальником санитарной службы... Передовое охранение встретилось с одним охотником, его напоили настойкой, и он ушел довольный».

15 декабря. «Ради предусмотрительности восемь человек со мной разместились в лагере номер 2, в трех часах ходьбы от

первого...»

20 декабря. «...Придумана система связи, которая меня не удовлетворяет, потому что указывает на явное недоверие к Монхе со стороны его товарищей... На следующей неделе прибудет Таня за моими инструкциями: возможно, направлю ее в Буэнос-Айрес... До часа ночи нельзя было ничего «поймать» из Ла-Паса».

22 декабря. «...Привезли очень тяжелую силовую установку, пока не попробовали работу из-за отсутствия бензина...»

24 декабря. «День посвящен Рождеству... К вечеру собрались все вместе и провели хорошо время».

31 декабря. «Приехал Монхе, изложил свою точку зрения из трех основных требований: 1) Готов подать в отставку в партии, чтобы добиться от нее хотя бы лояльности (к отряду Гевары. — *Ю.Г.*) и выделения кадров для борьбы. 2) Пока революция будет свершаться на боливийской территории, военно-политическое руководство борьбой должно быть в его руках. 3) Он же будет заниматься связями с другими южноамериканскими партиями, добиваясь, чтобы они встали на позиции поддержки освободительных движений...»

В ответ Гевара заявил, что по первому пункту тот может действовать по своему усмотрению (хотя и назвал ужасно ошибочным его намерение уйти в отставку). Не возражал он и по третьему требованию, добавив, что оно «обречено на провал». Что касается второго пункта, он категорически его отверг. «Военным руководителем движения буду я, — сказал Че, — и не приму никаких двусмысленностей по этому вопросу». По словам Инти Передо, он даже добавил: «Если бы Фидель Кастро начинал свою войну и Аргентине, я бы встал под его знамя и не вспоминал о своей национальности...»[336].

(*Прим. авт.*: Для правильного понимания такой позиции Э. Гевары надо исходить из его опасения, что в случае руководства отрядом боливийским товарищем и успеха партизан все движение может ограничиться лишь боливийской территорией. Че, как мы знаем, рассматривал Боливию лишь как этап в латиноамериканской революции.)

Затем Монхе выступил перед боливийскими товарищами и предложил им самим выбрать — остаться в отряде или поддержать позицию партии. «Остались все, — записывает Гевара. — И, кажется, это было для Монхе ударом...»

Прервем на некоторое время цитирование дневниковых записей, чтобы закончить освещение вопроса об отношениях Че с боливийской компартией. Прежде всего, они были отражением общей ситуации в латиноамериканском комдвижении тех лет. Э. Гевара говорил по этому поводу весьма однозначно:

«Компартии Латинской Америки имеют неподходящую организационную структуру для условий, в которых сейчас ведется борьба. Они не способны взять власть и нанести удар по империализму»[337]. Обычно традиционно следовавшее в фарватере политики КПСС, в 60-х годах прошлого столетия комдвижение оказалось перед трудным выбором — продолжать безоговорочную поддержку советских коммунистов или исходить в принятии политических решений из учета положения в своих странах, и частности, на чем особенно настаивали кубинские товарищи, в выборе революционной тактики. Молодая боливийская партия предпочла первое.

Именно в этом (зная об отрицательном отношении к «партизанским идеям» Че Гевары в Москве) нужно искать причину поведения руководства КПБ в отношении Че и его отряда. Поэтому выглядят мало убедительными обиды боливийцев на кубинское руководство за «недостаточную информацию» их по поводу организации в Боливии нового партизанского «очага» (Монхе якобы высказывал даже обиду на Че за то, что он, миновав Ла-Пас, не вышел там на контакт с КПБ. О том, насколько прав был при этом Гевара, в последующие месяцы свидетельствовали неоднократные провалы связных партии и ее секретных явок).

Но Гевара не был, естественно, заинтересован в обострении отношений с компартией. Наоборот, он всячески ищет пути сближения с ней, пресекает в отряде попытки фракционной деятельности со стороны боливийских добровольцев, даже (как мы отмечали выше) пытается избежать чрезмерной интернационализации отряда, за что ратовала КПБ. Более того, он и Монхе были добрыми товарищами на Кубе, где генсек проходил военную подготовку. Он сам предложил тогда Геваре «пакт, скрепленный кровью». Это, правда, не помешало ему в Боливии потребовать от Че деньги на выплату зарплаты своим партийным функционерам, ездившим в отряд в качестве связных(!)[338].

И все-таки нужно отдать должное лидеру КПБ: даже после малопродуктивного для него визита в отряд его партия, по крайней мере, внешне, не отказалась от солидарности с партизанами. В ее заявлении от 30 марта 1967 года, вскоре после первых столкновений отряда Гевары с боливийскими войсками, говорилось:

«...Коммунистическая партия Боливии, которая вела постоянную борьбу против политики предательства национальных интересов, предупреждала, что эта политика повлечет за собой события, которые трудно предвидеть. Сейчас

она отмечает, что начавшаяся партизанская борьба — это лишь одно из следствий такой политики...

Компартия, таким образом, заявляет о своей солидарности с борьбой патриотов-партизан. Самое позитивное здесь, несомненно, то, что эта борьба может выявить лучший путь, по которому должны следовать боливийцы, чтобы добиться революционной победы...»[339]. (*Прим. авт.*: По имеющимся сведениям, данное заявление вызвало большое «разочарование» в Гаване, не говоря уже о самом Че Геваре. Оно, и на наш взгляд, подчеркнуто низко оценивало «самое позитивное» в предстоявшей деятельности партизан и как бы ставило партию в роль стороннего наблюдателя, пока будет «выявлен лучший путь» для борьбы.)

Сменивший Монхе на посту лидера компартии Боливии Колье заявил журналистам уже более определенно, что его партия со всей искренностью помогает и солидаризируется с партизанами. «Мы знаем, — сказал генсек, — что они — антиимпериалисты-революционеры и поэтому заслуживают не только нашей помощи, но и уважения». Правда, и в его заявлении прозвучали отдельные нотки отстраненности — «товарищи в горах действуют согласно своим взглядам», «не мы организовали партизанское движение» и т.п.

Но это все заявления. Другое дело, что на деле Че Гевара так и не получил от КПБ ожидаемой помощи. Действовавшая в отряде группа боливийцев под руководством горняцкого лидера Мойсеса Гевары (однофамильца Че, исключенного из КПБ за «сговор с кубинцами») в целом не оправдала возложенных на нее надежд. Первые выстрелы напугали многих боливийских добровольцев. Их трусость выводит Че из себя:

«Ньято и Коко пошли в верхний лагерь со вновь прибывшим отребьем, но вернулись с полпути, так как подонки не хотели идти. Придется их выгнать» — такая, слишком резкая даже для Че, запись появляется в Дневнике 24 марта.

В январе в лагерь приехали боливийская подпольщица Лойола и горняцкий лидер Мойсес. Он пообещал добровольцев Геваре, но только не раньше начала февраля. Че с возмущением указывает причину задержки в Дневнике: «Люди отказываются пойти за Мойсесом, пока не кончится карнавал». (Чтобы понять это, надо знать латиноамериканцев! — *Ю.Г.*).

Лойола произвела на Гевару хорошее впечатление своим мужеством и верой в начатое партизанами дело. Он поручил ей организовать в Ла-Пасе и других городах подпольную организацию в поддержку его отряда. Организация должна была снабжать партизан боеприпасами, амуницией, продовольствием,

собирать сведения о продвижении армии, заниматься саботажем и диверсиями. Командир снабдил Лойолу подробной инструкцией, озаглавленной «Кадрам, работающим в городах», и она отбыла в столицу. Эти контакты казались многообещающими, но и в дальнейшем приток боливийцев в отряд из города далеко не отвечал надеждам Че. Надеяться на боливийскую компартию больше не приходилось. В мае 1967 года все контакты с Ла-Пасом у партизан были прерваны. Шифровка из «Манилы» 16 мая подтвердила, как записал Че, «полную изоляцию, в которой оказался отряд».

Но это все еще предстояло пережить: на дворе был только март (а мы помним, что полную боевую готовность отряд, по замыслу Че, должен был иметь в сентябре — октябре того же года). А пока идет напряженная и тяжелая работа: строятся укрепления, хранилища для боеприпасов и провианта (заметим — исключительно с помощью лопат, других инструментов и тем более машин нет), на местности выверяются карты, совершаются многочасовые переходы, новички обучаются военному делу. Не забывает команданте и о политико-воспитательной работе. В одной своей беседе с бойцами в феврале он, критикуя леность некоторых кубинских товарищей в строительных работах, говорит:

«За 7 лет Кубинской революции некоторые уже привыкли к услугам личных водителей, отдавать указания и получать все «готовенькое», а теперь предстоит более тяжелая жизнь».

Не пропускает Че и более прозаических нарушений дисциплины. Кто-то опорожнил 20 банок сгущенки. Первая его реакция: «Заслуживает расстрела!» Потом, смягчившись, обещает не покупать больше сгущенки, если вор не будет найден, а молоко будет исчезать[340].

В отряде уже около 50 бойцов. Он разделен на две группы: авангард под командованием Че и 13 человек арьергарда во главе с заместителем Гевары — Хоакином.

Первое, «вынужденное», столкновение с армейским подразделением меняет в корне всю ситуацию. Несмотря на успех операции (семь убитых солдат, в том числе предатель Варгас, указавший путь, 14 взято в плен, много трофеев — 16 винтовок, три миномета, две базуки, три автомата, пулемет с большим количеством боеприпасов), она во многом осложнила положение партизан. Во-первых, «официально» оповестила всех и вся о пребывании отряда на боливийской территории. Во-вторых, означала начало войны, к которой партизаны еще не были подготовлены должным образом. В-третьих, организаторы будущих партизанских баз в Перу и на севере Аргентины, которые

должны были начать свои действия вместе с Че в конце года, пока только завершали обсуждение этих вопросов, находясь в отряде Гевары.

Теперь следовало ожидать ответных действий со стороны армии, и они не замедлили последовать. Но это чуть позже, а пока Че идет в длительный тренировочный переход, пожалуй, с самым тяжелым (он не может не подавать пример другим) рюкзаком за спиной. Его авангардный отряд, разделенный на несколько групп, поднимается все выше в горы. Мизерный рацион, жалящие насекомые (укусит и оставляет под кожей микроголовастика, пьющего кровь), тяжелый груз (оружие, радиопередатчик, боеприпасы, продукты, вода — все в рюкзаках), изодранная обувь на потертых ногах, тропические ливни — «агуасерос» — не каждый вынесет такое. Все более часты словесные стычки и споры в отряде. Бойцы истощены и раздражительны (ведь только у единиц имеется опыт Сьерра-Маэстры). Че пытается их утихомирить и призвать к дисциплине. Но что призывать, если даже он сам еле волочит ноги. Об этом свидетельствует Дневник:

«3 февраля. Боль в плечах от рюкзака иногда становится невыносимой.

12 февраля. Устал я смертельно...

23 февраля. Кошмарный день для меня... Под солнцем, которое, казалось, раскаляло камни, мы тронулись в путь. Скоро мне показалось, что я теряю сознание. Это было, когда мы проходили через перевал. С этого момента я уже шел на одном энтузиазме». (*Прим. авт.*: И на Кубе, и в Боливии Гевара неважно переносил высокогорье, что типично для аргентинцев, живущих в Буэнос-Айресе, расположенном даже ниже отметки уровня моря. В то же время боливийцы, перуанцы и другие жители горных районов страдали от низинного месторасположения лагеря.)

Через месяц после выхода отряда из лагеря Че отдает приказ возвращаться обратно. Оттуда в начале марта несколько бойцов под командованием Маркоса направились на поиски отряда Гевары, который должен был вернуться к 25 февраля. В пути они столкнулись с работавшим на нефтепромысле Эпифанио Варгасом, расспрашивали у него о дороге. Варгас рассказал о «подозрительных людях» жене, та супруге начальника, а тот — командованию расквартированной поблизости дивизии. Варгаса арестовали и заставили быть проводником армейского патруля. Солдаты пошли по следам, оставленным на мокрой глине группой Маркоса, и засекли местоположение базового лагеря.

Заблудившаяся группа Че никак не могла выйти туда. Дошли лишь 19 марта. За два дня до этого, при переправе через реку,

перевернулся плот и утонул боливиец Карлос. Волны вместе с ним унесли 6 рюкзаков, 6 винтовок и почти все патроны (раньше упал в реку другой боливиец — Бенхамин, которого также не удалось спасти в бурном потоке).

Отряд оказался безоружным, люди окончательно выбились из сил, испытывая к тому же состояние безысходности и обреченности, особенно после бессмысленной гибели двух товарищей. Даже еще за 10 дней до этого Гевара пометил в Дневнике:

«7 марта... Люди все более падают духом, осознавая, что... конца пути не видно... Все наши вещи мокрые, а дождь практически не прекращается. Настроение очень плохое. У Мигеля распухли ноги. То же самое у некоторых других...»

На следующий день командир разрешает бойцам съесть отрядную лошадь, так как отеки у товарищей внушают ему, врачу, серьезные опасения. Да и о себе он записывает: «Я чувствую себя очень слабым».

Наконец отряд Че в базовом лагере, но и тут не до отдыха: начались бомбежки с самолетов ВВС, обстрелы с вертолетов. Подводя итоги за март, Гевара записывает:

«Начался этап контрнаступления противника, которое до сих пор характеризуется: а) тенденцией к занятию ключевых пунктов, что должно изолировать нас; б) пропагандистской кампанией против нас, которая ведется в национальных рамках и в международном масштабе; в) отсутствием до сих пор боевой активности армии; г) мобилизацией против нас крестьян.

Ясно, что нам придется сниматься с места раньше, нежели я рассчитывал, и уйти отсюда, оставив группу, над которой будет все время висеть угроза. Кроме того, возможно, еще четыре человека предадут (до этого уже было несколько предательств. — *Ю.Г.*). Положение не очень хорошее».

Все перечисленные характеристики «этапа» вряд ли вызывают какие-либо вопросы, но, на первый взгляд, остается непонятным малоактивное поведение армии в боевом отношении. Тому было несколько причин. Во-первых, боливийская армия, как и многие другие на континенте, больше была «приспособлена» для государственных переворотов (186 переворотов в стране за 150 лет. — *Ю.Г.*)[341], а не боевых действий. Мексиканский журналист Алькасар слышал, как солдаты говорили друг другу и ему: «Партизаны — храбрые «мачос». Одно их присутствие вселяет страх. Они — хорошие вояки и всегда нападают врасплох. А вот мы — никогда»[342].

Во-вторых, не слишком полагаясь на своих солдат и офицеров, генерал Баррьентос, в то время президент Боливии,

запросил помощи у соседних Аргентины и Бразилии. В-третьих, отсрочивая разгром партизан, можно было побольше выторговать помощи (как военной, так и экономической) у Вашингтона.

Главный вывод, сделанный Че, был правильным — надо уходить с обнаруженного места, создать новый лагерь-базу и вести походную жизнь, осуществляя боевую деятельность по законам партизанской тактики (внезапное нападение на небольшие войсковые подразделения, быстрый отход и т.п.).

Именно в соответствии с такой тактикой в апреле одержаны еще две победы. Общий итог — у противника 10 убитых, 30 пленных, среди них несколько унтер-офицеров и даже майор. Все пленные после соответствующей политбеседы, как и раньше, были отпущены. Вопреки правительственным сообщениям о том, что пленных и раненых партизаны расстреливают. Президент объявляет провинцию Санта-Крус военной зоной. (*Прим. авт.*: Не могу не отметить, что в одном из этих боев был убит выстрелом в голову кубинец Рубио — капитан Хесус Суарес, мой старый знакомый. По его приглашению я приезжал на кубинский остров Пинос, где Суарес командовал армейским подразделением. Я рассказывал солдатам о своей родине, мы с капитаном охотились на фазанов… Вечная память кубинскому герою!)

Помимо обычных для партизан проблем, Гевару и без того в весьма сложной обстановке тяготили еще две. Первая — это совершенно несовместимые с его представлениями об интернационализме отношения между боливийцами и кубинцами. Настойчивые попытки сплотить их не давали желаемых результатов. Он делает следующую запись 12 апреля:

«Собрал всех бойцов в полседьмого утра (кроме четверки ненадежных), чтобы почтить память Рубио и подчеркнуть, что первая пролитая кровь — кубинская кровь. Это необходимо было сделать, так как среди бойцов авангарда прослеживается тенденция пренебрежительно относиться к кубинцам. Это проявилось вчера, когда Камба (боливийский доброволец. — *Ю.Г.*) заявил, что он все меньше доверяет кубинцам… Я вновь призвал к единению как единственной возможности увеличивать наше войско, которое усилило свою огневую мощь и уже закаляется в боях, но не только не растет, а наоборот, в последние дни сокращается».

Вторая проблема, беспокоившая командира, — это пребывание в лагере уже упоминавшегося француза Дебре и аргентинского связного Бустоса. Оба они не скрывали своего желания «обрести свободу». Че решил совершить налет на ближайшее местечко Гутьеррес, раздобыть там автомобиль и на нем отправить обоих визитеров в город Санта-Крус. Но все шоссе

было наводнено армейскими патрулями, получившими от крестьян подробную информацию о продвижении партизан. Надо было искать другой выход.

Вначале Дебре заявил о своем намерении остаться в отряде, как бы в роли летописца. Но Че, понимая, что партизанская жизнь — не для изнеженного француза, сказал ему, что он больше пользы принесет во Франции, организуя там пропагандистскую и другую возможную помощь партизанам. «Храбрый» журналист мгновенно согласился, признавшись, что его самым заветным желанием было «жениться и иметь ребенка».

Чтобы все же дать возможность уйти Дебре и Бустосу, Гевара приказывает своему заму Хоакину «провести небольшую боевую операцию в окрестностях, чтобы отвлечь внимание от основной группы», которая уйдет из района Ньянкауасу, а потом вернется в течение трех дней. С Хоакином оставались человек, в их числе четверо лишенных партизанского звания боливийцев, больные Алехандро и Таня, находившаяся в лагере с начала марта.

На следующий день партизанский патруль задержал неподалеку от лагеря англичанина Георга Роса, назвавшегося фоторепортером. Он сказал, что приехал в Боливию из Чили, чтобы написать сенсационный репортаж о партизанах. Особенно его вдохновил на это дневник кубинца Браулио, захваченный в одном из партизанских тайников армейской разведкой. (Такие тайники для хранения документов, запасов продовольствия, патронов, воды и пр. партизаны сооружали и тщательно маскировали на территории всего района своих действий.) К ужасу своему Че услышал от Роса, что в упомянутом дневнике Браулио рассказывал о том, что он выехал 20 ноября 1966 года из Гаваны и через Москву (!), Прагу и Буэнос-Айрес прибыл в Ла-Пас. («Обычная история, — записывает Гевара. — Кажется, главной побудительной причиной действий наших людей стали недисциплинированность и безответственность». Он даже меняет в связи с этим свою кличку Рамон на Фернандо.)

Кто был по-настоящему рад прибытию в отряд Роса, так это Дебре. Он предложил Геваре пообещать англичанину материалы о партизанах при условии, если Рос поможет ему и Бустосу выбраться из окружения. В тот же день все три «визитера» покинули отряд.

Спустя сутки Че услышал по радио, что все трое задержаны боливийскими властями. Гевара делает самокритичную запись:

«Дебре и Бустос стали жертвами собственной спешки, почти отчаянного желания выбраться, а также моего недостаточного сопротивления их планам. Таким образом, прерывается связь с Кубой через Дантона (кличка Дебре. — *Ю.Г.*), мы лишились

разработанной нами схемы борьбы в Аргентине (Бустос)».

Тем временем отряд Гевары продвигался все дальше на север от своего базового лагеря. Прошло уже десять дней. Изредка — стычки с армейскими патрулями. В одной из них погибает молодой кубинец Роландо, бывший связной Че во время повстанческой войны на Кубе. Эрнесто был очень к нему привязан. В его Дневнике появляется грустная запись:

«О смерти Роландо в этой мрачной обстановке можно сказать, если только в будущем эти слова кто-то сможет прочесть: «Ты был маленьким смелым солдатом, но после смерти ты стал великим и вечным, как сталь».

И хотя месячный анализ за май в Дневнике полон оптимизма, Гевару крайне беспокоит отсутствие пополнения отряда. Бойцы прошли через многие небольшие селения, но к ним так и не примкнул ни один из сельских жителей. В душе Че понимает, что это была одна из его ошибок — рассчитывать на массовую поддержку партизан со стороны боливийских крестьян. Приходится констатировать:

«Поддержки от крестьян не получаем, хотя кажется, что при помощи преднамеренного террора нам удалось нейтрализовать среди них наиболее враждебно настроенных к нам». И как всегда, — неисправимый оптимист:

«Со временем они поддержат нас...» Но для этого надо предпринять усилия. И команданте их предпринимает. Рискуя жизнью своей и бойцов, он все чаще заглядывает в населенные пункты: «вежливо и приветливо» разговаривает с жителями, скрупулезно расплачивается за взятые у них продукты, разъясняет совместно с другими, политически подготовленными соратниками цели и задачи партизанской борьбы. В одном из селений Че просит старосту собрать жителей на футбольном поле, где, обращаясь к ним, говорит:

«Братья, вам нечего бояться. Мы — партизаны, а не бандиты. Мы знаем, что армия состряпала против нас целую пропагандистскую грязную кампанию, представляя нас бандитами. Вы видите, что это все — ложь. Мы не крадем, а покупаем. Не совершаем нападения на вас, а лечим, раздаем больным лекарства.

Мы боремся за всех вас, за каждого боливийца. За то, чтобы однажды стало развеваться на вашей родине знамя свободы. Только вооруженная борьба может покончить с этими волками и палачами народа. Наверняка многие из нас падут, но не напрасно. Мы не войдем отсюда победителями в города, не мы станем управлять страной. Мы лишь служим отправной базой для того, чтобы империализм разбился о наше сопротивление, в

надежде открыть путь для масс, чтобы вы без страха пошли бы к окончательной победе». (*Прим. авт.*: Я не случайно подчеркнул непонятное для крестьян слово «империализм»: большинство слушателей вообще не понимало многого из того, о чем говорил оратор. Это были не просто крестьяне, а крестьяне-индейцы, у которых родным языком был не испанский, а кечуа, аймара и др. Я не был в Боливии, но я видел таких же крестьян в Перу. Жуя свою «коку» — листья кустарника коки, содержащие кокаин, они слушают с ничего не выражающим лицом собеседника, могут даже кивать головой, но почти ничего не понимают, кроме простого бытового разговора. На родине Гевары, в Аргентине, таких индейцев очень мало, а на Кубе — практически нет совсем.)

К великой радости партизан, в одном селении человек десять молодых парней хотят присоединиться к отряду. Между ними и Инти Передо происходит следующий разговор:

Инти: Почему вы хотите уйти с нами?

Парни: Нам нравится, что вы — храбрые и у вас оружие.

Инти: Ну а если совсем честно?

Парни: Мы слышали, что вы хорошо платите новобранцам. Если хорошо заплатите, мы будем хорошими партизанами.

Естественно, Передо отказывает парням.

...Был уже вечер. Магазин закрыт. Староста говорит, что лавочник уехал в город. Партизаны взламывают замок, составляют список взятого и дают старосте деньги для передачи хозяину магазина.

Такие жесты, конечно, производят эффект. Не случайно в одной из деревень крестьяне рассказывают мексиканскому журналисту Алькасару (выпустившему в Мехико книгу «Герилья Че в Боливии»), что партизаны обходятся с ними хорошо, платят деньги за взятое в деревне, лечат жителей, дают лекарства, а офицеры из разведки обращаются во время допросов грубо, иногда бьют[343].

Правда, «на войне как на войне» — говорят французы. В одной деревушке партизаны просят хозяина за деньги приготовить 50 булочек и столько же кофе. Тот отказывается. «Сожалею, — говорит ему боливиец Коко, — но мы будем вынуждены заставить вас это сделать». Хозяин согласился. А как иначе, если голодные партизаны заходят в населенный пункт, рискуя жизнью. Вот что записал, например, Гевара в свой день рождения:

«Сегодня мне 39. Съели остатки супа. Осталась только порция орешков и немного вареной кукурузы».

В маленьком поселке Ситанос партизаны обрезают телефонную линию, связывающую его с внешним миром. Че

обращается к старосте:

«Ты знаешь, что обязанность любой власти — оберегать свое правительство. Заяви о нашем появлении, так как мы боремся против этого несправедливого и зависимого от иностранцев правительства. Но извести только, когда мы будем далеко отсюда».

Собрав жителей, Гевара беседует с ними. После беседы спрашивает у них, есть ли вопросы. Лица слушателей ничего не выражают, все молчат. Наконец одна поднятая рука. Житель что-то невнятное спрашивает о социализме. Че переспрашивает и довольный отвечает (оказалось, что это местный учитель).

И снова честные признания по поводу боливийских крестьян:

«Их лица непроницаемы, как камень. Лишь в глубине глаз читается недоверие к тому, что им говорят».

«За жителями нужно охотиться, чтобы поговорить с ними, они точно зверьки».

«Крестьяне по-прежнему не присоединяются к нам. Создается порочный круг: чтобы набрать новых людей, нам нужно постоянно действовать в более населенном районе, а для этого нам нужно больше людей...»

Конечно, здесь дело было не только в неграмотности и забитости крестьянского населения. «Армия, — отмечает Че, — ведет работу среди крестьян, которую мы не можем недооценивать, так как при помощи страха или лжи относительно наших целей она вербует среди местных жителей доносчиков». И это не только наблюдения самого Гевары. Вот что заявил корреспонденту «Пренса Латина» грамотный крестьянин-проводник, отец пятерых детей Хосе Кордона. На вопрос (беседа велась спустя несколько лет после описываемых событий), знал ли он, за что сражались партизаны, ответил следующее:

«Военные нам говорили, что партизаны хотят коммунизма, а при коммунизме, как нам объясняли офицеры, все превращаются в слуг государства, всех одевают в одинаковую одежду, семьи разрушаются. Нам говорили, что партизаны насилуют женщин, занимаются разбоем, убивают всех, кто не служит им. И главным образом, что они прибыли превратить нас в рабов. А я люблю свободу...»

К сожалению, партизаны не сразу узнали, что в стране не все были безразличны к их борьбе. Заявили о своей солидарности с ними шахтеры на рудниках. Но правительство, оценив всю опасность действий рабочих, объявило осадное положение и районе рудников, и они были заняты войсками. 25 июня войска предприняли наступление на так называемую свободную шахтерскую зону Катави — Уануни. 80 шахтеров были убиты,

сотни ранены. «Свободная зона» перестала существовать. Но продолжались антиправительственные выступления студентов, бастовали учителя. Ходили слухи о возникновении партизанских очагов в других районах Боливии.

Позднее, когда часть правды о партизанах начала доходить до крестьян, среди последних стали появляться сочувствовавшие, а иногда и прямые помощники. С одним из них, туберкулезным крестьянином Паулино Че повстречался в июле, дал ему лекарства и некоторые медицинские советы. Паулино ушел с партизанами и помог разоблачить полицейских шпиков, выдававших себя за торговцев мясом.

Гевара поручил этому крестьянину добраться до Кочабамбы, встретиться там с женой Инти Передо и передать ей послание для «Манилы» (к этому времени радиопередатчик в отряде работал только на прием), а также четыре сводки о боевых действиях партизан. Но в пути Паулино был арестован, послания Че захвачены...

Вскоре передатчик перестанет работать совсем. Единственным источником информации будет радиоприемник на батарейках. Боливийское радио уделяет много внимания допросам Дебре и Бустоса, приписывая им и то, чего они не говорили, в частности, что среди партизан находятся опытные вьетнамские командиры. Но были и более серьезные показания, о которых Гевара записывает в Дневнике:

«Дебре и Бустос сделали нехорошие заявления, прежде всего они сообщили о континентальных планах герильи, чего им не следовало делать». И дальше: «Создается впечатление, что Дебре болтал много лишнего».

Все это было крайне важным для судьбы отряда. Поэтому мы несколько отвлечемся, чтобы завершить рассказ об упомянутых узниках боливийских властей.

Около пяти месяцев длилась подготовка процесса над французом и его аргентинским товарищем. Если ответы Режи на допросах граничили с фарсом, выдумками, то Бустос «старался» и проявил себя «более сговорчивым». Будучи художником-любителем, он даже сделал по памяти зарисовки-портреты всех, кого он видел в партизанском лагере. Вместе с ними сидел на скамье подсудимых и... и Сиро Альгараньяс (!). партизанский сосед-мясник. В свое время он пригласил к соседям полицию, которая обыскала усадьбу «Каламина». Теперь ему было приказано разыгрывать из себя «раскаявшегося» партизана.

Самое серьезное наказание — высшая мера грозила Дебре, которого правительство Боливии объявило интеллектуальным вдохновителем партизанских действий. Но в стране смертная

казнь была отменена законом. Поэтому президент Баррьентос обратился в парламент с требованием восстановить ее, чтобы задним числом применить к французскому журналисту. Генерал мог бы действовать и более «решительно» (благо, не впервой!), но за жизнь Дебре заступился де Голль. Баррьентос не мог не считаться с просьбой президента Франции.

(Прим. авт.: Хочется привести здесь исторический курьез, описанный в сборнике «Боливия: победа или смерть», изданном в Мадриде на испанском языке в 1974 году. В XIX веке один из предшественников Баррьентоса, президент Мельгарехо, рассердившись на английского посла в Ла-Пасе, приказал прокатить его на осле по улицам боливийской столицы. Королева Великобритании Виктория в отместку велела из всех географических карт вычеркнуть название страны Мельгарехо — Боливия)[344].

Мы не знаем, боялся ли генерал Баррьентос остаться президентом страны, не обозначенной на картах, но Дебре и Бустос были осуждены на 30 лет тюремного заключения, а в 1971 году были амнистированы и высланы в Чили. Через месяц Дебре прибыл на Кубу, где анонсировал свой рассказ перед журналистами о герилье Че, но такой пресс-конференции, по неизвестным нам причинам, не последовало. Вскоре, уже в Европе, он опубликовал книгу о своих беседах с Сальвадором Альенде, в то время президентом Чили.

В любом случае арестовывать и расправляться с такими, как Режи, для боливийских генералов было намного проще, чем с партизанами. Все бои с ними вплоть до августа 1967 года армия проигрывала. Поэтому коллега Баррьентоса генерал Овандо даже пытался использовать поражения армейцев в ходе антипартизанской кампании для укрепления своих позиций в борьбе с президентом за власть.

Особо подпортили партизаны «реноме» президента, когда въехали на автобусе в городок Самаипату, а местный гарнизон во главе с подполковником не оказал им какого-либо сопротивлении. Солдаты действительно боятся партизан. Из-за больших потерь при встрече с ними армия получает приказ лишь преследовать отряд Че до определенного места, где расквартировано подразделение «рейнджеров» или «зеленых беретов» (спецчасти по борьбе с партизанами.)

После позорного для армии захвата Самаипаты посол США в Боливии Гендерсон заявляет в сенатской комиссии в Вашингтоне, что боливийскому правительству будет очень трудно расправиться с партизанами. Ему вторила «Нью-Йорк таймс», которая писала, что партизаны с военной точки зрения набирают

силы и приходится сомневаться, способен ли режим Барриентоса покончить с ними.

Подобные прогнозы возымели действие — США принимают дополнительные и весьма значительные меры для подавления «опасного партизанского очага». Нельзя сказать, что они раньше бездействовали в Боливии. Еще за 10 лет до начала партизанских действий страна была наводнена американской агентурой, которая внимательно следила за развитием событий там. Вашингтон предпринимал шаги по созданию межамериканских вооруженных сил, готовя для них командный состав. Вот что писал американский журналист Жан Лартеги:

«В Панаме (в военной академии ОАГ. — *Ю.Г.*) я встретил старых знакомых по Индокитаю, американских инструкторов по борьбе с подрывной деятельностью. Теперь они прекрасно говорили по-испански и преподавали в «Академии Америк» высшим офицерам из всех армий континента. К тому времени там прошли обучение уже 22 тысячи военных. Они обучались современным средствам информации и борьбе с партизанами»[345].

США стали действовать в Боливии еще более активно. В Вашингтоне даже была создана Специальная оперативная группа для ликвидации отряда Че Гевары(!) под началом генерала У. Скера, владевшего испанским языком и набившего руку на подавлении партизанского движения в Перу, Колумбии и Венесуэле. У. Скер поручил своему сотруднику майору Ральфу Шелтону, по прозвищу Паппи, подобрать из боливийцев и за два месяца подготовить отряд «рейнджеров» в 600 человек. Одновременно предусматривалась интенсивная переподготовка трех пехотных рот для борьбы с партизанами. Уже в конце апреля эти части были спешно переброшены на сахарную плантацию «Эсперанса», превращенную в их тренировочный лагерь, в ста километрах от Санта-Круса.

Спецгруппы при соединениях «рейнджеров» вербовали агентуру среди местного населения, засылали в местную среду в районе действия партизан Че профессиональных осведомителей (сколько подобных «охотников», «торговцев», «учителей», «туристов» встречали на своем пути бойцы Че! О некоторых мы рассказывали.)

Получив столь мощную поддержку, президент Барриентос стал действовать более решительно. Нужно было кончать с партизанами либо его политические противники покончат с ним как с президентом. Однако и теперь генерал не решился сразу же браться за основной авангардный отряд Гевары. По сведениям агентуры, неподалеку действовала другая, менее многочисленная

группа Хоакина, заместителя Че. Вот с ней и решили власти расправиться в первую очередь. Был разработан план ее ликвидации под кодовым названием «Синтиа» (имя дочери президента Баррьентоса). Против горстки отважных партизан, среди которых пятеро больных, в том числе известная читателям Таня, бросаются войска четвертой и пятой дивизий под командованием полковников Роке Терана и Сентено Анайя, а также самолеты и вертолеты ВВС.

Но группа продолжает стычки и перестрелку с войсками, в которых гибнут отдельные бойцы этого арьергарда партизан. Спустя месяц во время очередного столкновения с армейским подразделением дезертируют два боливийца. Они выдают властям все, что знают: численность группы, данные о больных, о моральном состоянии бойцов, истощенных голодом, о месторасположении тайников партизан в лесу. Войска усиливают преследование, хотя продолжают действовать крайне медленно и нерешительно — то теряя, то вновь нападая, не без помощи местных проводников, на след группы. К концу августа Хоакин с оставшимися девятью товарищами выходит к реке Рио-Гранде. Они в полной изоляции, окружены постепенно сужающимся кольцом войск, без еды, без медикаментов, но сдаваться не собираются, все еще надеясь на встречу с основным отрядом.

Группа направляется к стоявшей на берегу хижине старого знакомого крестьянина О. Рохаса. Раньше в течение некоторого времени он покупал по поручению партизан продукты, одежду и лекарства в соседнем городке Вальегранде. По доносу в июне 1967 года вместе с другими 40 крестьянами его арестовали, били и пытали на допросах электричеством. Но Рохас выстоял и не сказал ни одного лишнего слова. Его, отца пятерых детей, отпустили (среди иллюстраций к книге вы найдете фото Че, держащего на коленях двоих из них). Но около хижины крестьянина был установлен военный пост. Вскоре его отвозят на повторный допрос, но уже к опытному агенту ЦРУ Ирвингу Россу, который делает крестьянину-бедняку следующее предложение: он помогает армии захватить партизан, за что получает 3 тысячи долларов (несметное богатство, особенно по тому времени. — *Ю.Г.*), земельный надел в США и переедет туда с семьей на постоянное жительство. Соблазн превратиться в американского богача подействовал на Рохаса сильнее пыток. Он согласился сотрудничать с Россом.

Дабы не вызывать опасений партизан выйти на связь со старым знакомым, армия убрала солдат, находившихся по соседству с его хижиной.

Рохас встретил людей Хоакина очень радушно, накормил,

обещал достать продуктов и подыскать подходящий брод через реку, чтобы на другом берегу партизаны могли бы надежно укрыться в лесу (это было бы выходом из кольца окружения).

Договорившись о своем приходе на следующий день и оставив деньги на продукты, партизаны удалились, а «радушный хозяин» тут же послал своего 8-летнего сынишку известить о визите к ним ближайшее армейское подразделение. Явившийся к нему капитан Варгас с солдатами велел Рохасу отвести партизан к броду в полутора километрах от его хижины, где их будет ждать засада.

К 5 вечера пришла группа Хоакина. Рохас снабдил их продуктами и отвел к переправе. Партизаны стали переходить реку. Предпоследней шла Таня, одетая в желтые брюки и белую блузку, с беретом на голове. Замыкал цепочку Хоакин. Как только все они оказались в воде с высоко поднятым над головой оружием, Варгас и его солдаты с обоих берегов (!) открыли по группе ураганный шквал огня. Хоакин и шесть его товарищей, включая Таню, сразу же погибли в мутных водах Рио-Гранде; сумевших скрыться в прибрежных зарослях нашли и взяли в плен. Кроме одного, Пако, рассказавшего все, что знал, и этим спасшего себе жизнь, другие держались с большим достоинством и отказались отвечать. Тут же они были расстреляны разъяренной солдатней.

Целую неделю солдаты вылавливали трупы партизан из бурной реки. Таню нашли последней в трех километрах от места гибели. Взглянуть на «находку» прибыл на вертолете даже сам президент Баррьентос. Ее труп, как какой-то тюк, привязали веревками к армейскому вертолету и отвезли в город Вальегранде. О месте ее захоронения до сих пор ничего не известно.

А что же предатель Онорато Рохас? Разумеется, никто и не собирался везти его в Соединенные Штаты или платить обещанные деньги. Правда, генерал Баррьентос подарил ему небольшую ферму в Боливии. В 1969 году Рохас был убит выстрелом в голову неизвестным лицом. Кстати сказать, обман правительством крестьян, помогавших войскам, был делом весьма обычным. Например, один из них, служивший проводником у капитана Варгаса, на вопрос корреспондента, почему он работал на военных, ответил:

«Я надеялся на благодарность. Хотя получил от генерала Баррьентоса только двести песо. Он пригласил меня в Ла-Пас, обещал подарить ферму. Я поехал, пробыл в столице месяц, израсходовал семьсот песо, но так и не увидел президента и ни с чем вернулся обратно»[346].

Капитан Варгас, получивший за расстрел группы Хоакина чин майора, вскоре сошел с ума...

Говоря о Тане, хочется рассказать читателю о некоторых моментах ее нелегальной деятельности в Боливии. О них поведали авторы книги «Таня — незабвенная партизанка», изданной в Гаване в 1970 году с предисловием сподвижника Че в Боливии Инти Передо[347].

Вскоре после беседы с Че Геварой в его гаванском кабинете, о которой рассказано выше, Таня по подложному паспорту на имя Лауры Гутьеррес Бауэр, урожденной аргентинки, отправляется в Боливию. Теперь она — этнограф, дочь аргентинского помещика-скотовода и немецкой антифашистки. 18 ноября 1964 года она прибывает в Ла-Пас.

«Молодая, обаятельная аргентинка, владеющая несколькими языками и, судя по всему, не особенно нуждающаяся в деньгах, быстро становится вхожей в правительственные сферы» — говорится в упомянутой книге. Таня устанавливает дружеские связи с начальником отдела печати и информации президентской службы Гонсало Лопесом (помните, позднее он выдаст необходимые документы самому Че Геваре?) и с Инти, будущим участником отряда Че. По рекомендации Гонсало Таня начинает работать в одном из местных еженедельников, одновременно сотрудничает с департаментом фольклора министерства просвещения, дает уроки немецкого языка детям министров, в том числе — министра внутренних дел Антонио Аргедаса (того самого, что передаст кубинским агентам Дневник Гевары — см. начало первой главы этой книги. — *Ю.Г.*)...» (*Прим. авт.*: Нужно пояснить, что после Первой мировой войны боливийскую армию на протяжении многих лет обучали немецкие военные инструкторы. В конце 30-х годов прошлого века немец, точнее сын немецкого эмигранта, подполковник Герман Буш даже стал президентом Боливии. До сих пор правящая элита этой страны благоволит ко всему немецкому, к людям немецкого происхождения. Этим умело воспользовалась нелегалка Таня.)

Продолжим цитировать выдержки из упомянутой выше книги о ней:

«В министерстве внутренних дел, возглавляемом Аргедасом, пост начальника отдела радио занимал брат Инти — Антонио Передо. Видимо, не без его участия Таня выступает по радио в одной из популярных радиопередач в роли Гадалки, отвечающей на женские письма. Самое интересное, что в этих «советах женщинам» появлялась шифрованная информация для партизан. Чтобы упрочить свое положение и получить гражданство, Таня выходит замуж за боливийского студента Марио Мартинеса.

Вскоре после женитьбы Мартинес уезжает продолжать учебу в Европу. О том, насколько глубоко удалось Тане проникнуть в боливийскую «верхушку», свидетельствует тот факт, что она даже общалась с президентом Баррьентосом, с которым познакомилась ранее во время одной вечеринки.

Гавана поддерживала с Таней весьма надежную связь через курьеров. Для контактов с ними (помимо встреч в Боливии) она иногда выезжает в другие латиноамериканские страны. На этом предварительном этапе боливийская деятельность подпольщицы осуществляется как по нотам».

Возможно, это несколько повлияло на появление у нее излишней самоуверенности. Например, она прибыла в лагерь с Дебре, нарушив правила конспирации. Ожидая прибытия туда Че, задержалась сверх меры. Ее видело слишком много людей, в том числе двое сбежавших потом дезертиров. В поселке Камири, неподалеку от лагеря, она оставила свой «джип», которым завладела полиция, обнаружив в автомобиле записную книжку с секретными записями и адресами. Гевара тогда еще не знал о захвате «джипа» (как и сама Таня), но строго отчитал соратницу за нарушение дисциплины.

27 марта 1967 года в официальном сообщении спецслужб Боливии указывалось, что «помогавшая партизанам Таня бежала в Аргентину, чтобы вербовать там добровольцев в городах».

Позднее, поняв из сообщений боливийского радио, что она полностью «засвечена», командир записал в Дневнике:

«Судя по всему, власти установили, какую роль играла Таня. Она слишком индивидуализировала свою деятельность. Таким образом, пошли прахом два года хорошей и терпеливой работы...» Отсюда, видимо, и решение Тани остаться в отряде: осознав свой провал, она уже не рискует сама легально выбираться из окружения, в какое попали партизаны (хотя раньше, наверное, рассчитывала: не случайно была одета в яркую, «цивильную» одежду). К тому же она заболела, у нее поднялась температура...

В те дни, когда развернулись трагические события с группой Хоакина, отряд Че продолжал кружить поблизости, все еще надеясь встретиться со своим арьергардом. Для людей Гевары наступили черные дни. Вот дневниковая запись того времени: «Продвигались как обычно, но ночью из «последних радионовостей» узнали, что армия открыла тайник, к которому мы направлялись. Сообщаются детали, не вызывающие сомнения в правдивости этого сообщения. Теперь я осужден страдать от астмы на неопределенное время (именно в этом тайнике находились запасы медикаментов, в том числе и от астмы. — *Ю.Г.*). Радио сообщает также, что найдены различные документы

и фотографии. Нам нанесен самый сильный удар. Кто-то нас предал. Кто? Пока это тайна».

В один из августовских дней отряд передвигался по гористой местности. Гевару душила астма, ужасно болела вспухшая ступня. Он ехал верхом на кобылке, которая от усталости еле передвигала ноги. Че непрестанно понукал лошадь, но кобылка его не слушала. На мгновение потеряв самообладание, он выхватил нож и нанес ей в шею глубокую рану. Командир собирает бойцов и говорит им (об этом есть запись в Дневнике): «Мы в трудном положении. Я превратился в подобие человека. Эпизод с кобылкой показывает, что бывают мгновения, когда я теряю контроль над своими действиями. Другие товарищи ведут себя не лучше. Настал момент великих решений. Борьба, которую мы ведем в тяжелейших условиях, дает нам возможность выдержать экзамен на революционеров, эту высшую ступень человеческого вида, каждый из нас может стать Человеком с большой буквы. Но для этого нужно превозмочь себя. Кто чувствует, что способен на это, пусть остается, кто не в состоянии — пусть уходит».

Закончился крайне трудный для партизан август. Че как всегда подводит на страницах Дневника итоги:

«Это был самый тяжелый месяц, который мы пережили с того момента, как начали вооруженные действия. Обнаружение армией всех наших тайников с документами и медикаментами явилось для нас очень тяжелым ударом, особенно с психологической точки зрения. Потеря двух бойцов и последовавшие за этим трудные периоды, во время которых мы держались только за счет конины, деморализовали людей. Дело дошло до того, что Камба ставит вопрос об уходе из отряда... Отрицательно сказывается на моральном духе бойцов и отсутствие контактов с Хоакином, а также тот факт, что пленные из его отряда выдали армии все, что знали. Моя болезнь также посеяла среди многих неуверенность, и все это сказалось на единственном нашем бое, в котором мы могли нанести армии серьезные потери, но только ранили одного солдата. С другой стороны, грудные переходы по горам без воды выявили некоторые отрицательные человеческие черты у бойцов...

Мы переживаем момент упадка нашего боевого духа. Легенда о партизанах также тускнеет. Наиболее важные задачи — те же, что и в прошлом месяце: восстановить контакты, увеличить свои ряды за счет новых бойцов, обеспечить себя лекарствами и оружием...»

В то время, когда писались эти строчки, в нескольких десятках километров от местонахождения отряда Че Хоакин и его

бойцы вели последний смертный бой...

«Все кубинцы и некоторые боливийцы за то, чтобы продолжать борьбу до конца», — резюмирует Гевара в Дневнике, находясь в полном неведении о судьбе Хоакина.

Теперь первоочередная задача — если не встретить, то хотя бы узнать правду о Хоакине и его людях. 1 сентября отряд Че выходит (поразительно!) к хижине предателя Рохаса. Она была пуста. Ничего подозрительного партизаны не обнаружили. Найдя в жилище крестьянина еду, они приготовили ужин, поели и двинулись в путь. На следующий день им повстречались местные жители, из которых никто не обмолвился о гибели группы Хоакина и о причастности к этому Рохаса.

Вечером радио «Голос Америки» сообщило о гибели в районе Камири отряда во главе с кубинцем Хоакином. Гевара долго не мог примириться с мыслью о гибели всей группы. И только после передачи боливийскими радиостанциями о деталях этой трагедии, в том числе о гибели Тани, он признал, что это — правда.

В сентябре геваровский отряд продвигается к более населенной зоне, что дает возможность партизанам приобрести немного пищи и утолить жажду нормальной водой. Правда, это связано теперь с еще большим риском, так как, пишет Че, «крестьянская масса ни в чем не помогает, крестьяне становятся предателями». (*Прим. авт.*: Я пытаюсь осмыслить, что думал Гевара, записывая эти скупые строки. Насколько тяжело было морально ему признать это в отношении людей, ради которых, собственно, он и приехал в Боливию и взвалил на себя мало благодарную роль.)

А положение в отряде становится все более тяжелым. Если до гибели Хоакина бойцы жили еще какой-то надеждой, теперь она, эта надежда, умирала в их сердцах. Девять месяцев нечеловеческих усилий измотали людей Че не только физически, но и духовно. Потеряли ли они веру в конечную цель? Скорее нет, но теперь больше всего они хотели просто выспаться и утолить голод. Вернемся к Дневнику:

«12 сентября... Видно, что Антонио ведет себя ненормально. На глазах слезы... но уверяет, что его не беспокоит наказание, полученное за то, что уснул на посту и затем это отрицал... Ссылается на недостаток сна. Отказался выполнить приказ Чапако...»

«13 сентября... Предложил Дарио покинуть отряд, если он того желает. Сначала Дарио мне ответил, что это опасно. Я предупредил, что здесь не убежище и если решает остаться, то это — раз и навсегда...»

«16 сентября... Серьезная ссора между Антонио и Чапако... Эустакио заявил, что Ньято ест больше других... Хулио обвинил больного врача в симуляции...»

«18 сентября... Бенигно не выполнил приказ и получил нагоняй, после чего с ним случилась истерика...»

И что же Че? Как он оценивает все эти проявления людских слабостей? Исключительно сдержанно и с большим пониманием (поистине «святой» человек!). Он записывает в месячном анализе за сентябрь, что моральный дух большинства оставшихся людей довольно высок. Он по-братски любит этих самоотверженных людей, пожертвовавших буквально всем ради великих освободительных идеалов.

26 сентября отряд вошел в селение Игера на высоте 2280 метров. При выходе из него наткнулся на засаду (кто-то уже вызвал солдат!). Бой короткий, но большие потери у партизан — трое убитых, двое раненых, боливийцы Камба и Леон дезертировали и сдались в плен. Остальные спаслись бегством. «Несколько раз нам казалось, что это наш последний день», — записывает Че 28 сентября. Радио сообщает, что Гевара окружен и ликвидация его отряда — дело ближайших дней.

Листок из Дневника от 30 сентября:

«Месяц этот напоминает по своим чертам предыдущий, но сейчас армия явно показывает большую эффективность в своих действиях (не зря усердствуют инструкторы из Пентагона и ЦРУ! — Ю.Г.)...

Наиболее важная задача — уйти отсюда и искать более благоприятную зону. Кроме того, надо наладить контакты, хотя весь наш аппарат в Ла-Пасе разрушен, и там нам также нанесли тяжелые удары».

Утром первого октября партизаны разбили лагерь в редком лесочке. Поблизости виднелись крестьянские хижины, они были заняты солдатами. На следующий день солдаты почему-то скрылись. Тем не менее, партизаны двинулись дальше в поисках более надежного места. Они продвигались из одного ущелья в другое, избегая встреч с крестьянами и патрулями. 7 октября они вошли в ложбину Кебрада де Юро. Че делает предпоследнюю запись в Дневнике:

«Одиннадцать месяцев со дня нашего появления в Ньянкауасу исполнилось без всяких осложнений, почти идиллически (надо было постучать при этом по «дереву»! — *Ю.Г.*). Все было тихо до полпервого, когда в ложбине, в которой мы разбили лагерь, появилась старуха, пасшая своих коз. Нам пришлось задержать ее. Она ничего внятного о солдатах не сказала, отвечая на все наши вопросы, что ничего не знает, что она уже давно в этих местах не

появлялась... В полшестого Инти и еще двое отправились в хижину к старухе, у которой одна дочь парализована, другая — почти карлица. Старухе дали 50 песо и сказали, чтобы она никому ни слова о нас не говорила. Но мы мало надеемся, что она сдержит свое обещание (и правильно делаете: старуха все расскажет потом солдатам. — *Ю.Г.*). В пять часов мы вышли в путь. Луна еле светила, и переход был очень утомительным. Мы оставили много следов, идя по ложбине, в которой не было домов, но были посевы картофеля... В два часа ночи мы решили отдохнуть, но потом сочли бессмысленным продолжать наш путь. При ночных переходах Чино (страдал сильной близорукостью. — *Ю.Г.*) превращается в настоящую обузу». Далее следует несколько строк, о сообщении армейского командования, сообщавших об окруженных 37 партизанах между реками Асеро и Оро. Последнюю запись Гевара делает между 2 и 3 часами утра 8 октября. На этом записи обрывается «Боливийский дневник» Че.

О последующих событиях того же дня мир узнал со слов Инти и других трех товарищей Гевары.

Отдохнув два часа, 17 партизан снова пустились в путь. Неожиданно далеко впереди они заметили какой-то блуждающий свет, но он вскоре исчез (впоследствии выяснилось, что это был местный крестьянин, привлеченный голосами бойцов; заметив их, он тут же донес ближайшему посту в надежде получить объявленную по радио сумму за информацию об отряде).

Когда немного рассвело, Че понял, что покрытая низким кустарником ложбина не укрывает их от постороннего глаза. Поэтому он срочно послал вперед на левый и правый холмы разведку. В 8.30 утра ему донесли, что ложбина окружена войсками. Пока командир отдает необходимые распоряжения, перенесемся на время в лагерь противника...

Месяца за два до этих событий капитану боливийской армии Вильяроэлю была поручена сверхсекретная миссия — с хорошо подготовленной группой уничтожить основной отряд Че. Это были парашютисты-«рейнджеры», которых он отобрал из добровольцев. Всего 80 солдат и 16 из сержантского состава.

До этого ему дали допросить двоих перебежчиков из партизанского лагеря. Они рассказали, что в отряде «мною людей», около 20 иностранцев, имеют современное оружие и одну радиостанцию. База их в Ньянкауасу. Дезертиры сообщили также, что они раньше работали на руднике, где их завербовали люди партизан, пообещав хорошо платить (такой выдумкой пользовались почти все перебежчики. — *Ю.Г.*). Командирами в отряде являются Коко и Инти Передо. Есть одна женщина — аргентинка Лаура Гутьеррес, вроде немецкого происхождения, ее

псевдоним — Таня. Ни о каком Че Геваре они ничего не слышали (имевший псевдоним Рамона Гевара к тому времени сменил его на Фернандо. — *Ю.Г.*) «Мы не захотели тренироваться, чтобы потом умереть, и ушли в город. Когда мы продавали наши винтовки, нас арестовали...», — добавили дезертиры[348].

Помимо группы Вильяроэля, в зону действия партизан была переброшена также часть «зеленых беретов» (помните, 600 человек?). Среди офицеров ЦРУ, находившихся в этом подразделении, были и кубинские контрреволюционеры-эмигранты Феликс Рамос, Эдуардо Гонсалес и Габриэль Гарсиа (это подтвердят потом на суде свидетели). И это все помимо регулярных частей двух дислоцированных в этом районе дивизий.

...Но вернемся в отряд. Че приказал бойцам наилучшим образом замаскироваться и никоим образом не выдавать себя. С наступлением темноты он надеялся с боем прорвать окружение и уйти из ложбины.

В 13.30, когда Че направил двух бойцов сменить левый дозор, они были обнаружены солдатами. Это были солдаты Вильяроэля. Тут же вся группа из 100 человек открыла ураганный огонь из винтовок, пулеметов и гранатометов. Гевара разделил находившихся в ложбине на две группы. Первой, куда вошли трое больных и один полноценный боец, он приказал спешно отходить к ближайшей реке. Сам же с пятью товарищами стал прикрывать отход первой группы, приняв огонь на себя. Стрельба продолжалась до сумерек. Когда огонь стих, трое прикрывавших отход оказались убитыми, а Че ранен в ногу. Винтовка его была искорежена вражеской пулей, в пистолете — пустая обойма. Оставшийся в живых Вилли относит на себе раненого командира на ближайший уступ. Жив и Чино. Он безуспешно пытается найти упавшие на землю очки.

Спустя некоторое время, в тот момент, когда Гевара перевязывал себе рану, проходившие неподалеку солдаты, заслышав шорох в кустах, бросаются к нему и Вилли, готовые открыть по ним огонь...

«Солдаты, не стреляйте!.. Я — Че...», — говорит им Гевара и отбрасывает в сторону изуродованную винтовку. Пленников связывают и доставляют в Игеру, в сельскую школу, превращенную теперь в тюрьму... Оттуда по рации условным кодом передается депеша командованию — «500 кансада». Она означала: «Че пленен». В ответ раздается: «Повторите... какая радость!» (*Прим. авт.*: О пребывании Гевары в школьном здании мы рассказываем по материалам уже упоминавшейся книги Хосе Алькасара «Геррилья Че в Боливии», изданной в Мехико в 1971 году. Алькасар много беседовал с боливийским военным

корреспондентом Торрико Висконти, свидетелем плена Че в Игере и его расстрела там.)

Около семи вечера партизаны, находившиеся в дозорах на холмах, выждали некоторое время, а затем, после ухода солдат, спустились в ложбину в надежде найти Че и его товарищей. Там уже никого не было. Только валялись пустые рюкзаки. Решив, что оставшиеся в живых товарищи отступили к условленному месту у реки, они направились туда (тем более что среди следов они легко различили следы мокасин командира, сшитых из сыромятной кожи). Инти обратил внимание и на другую деталь — около брошенных рюкзаков его товарищей была разбросана еда. Он знал, что Гевара категорически запрещал это делать.

В условленном месте никого не оказалось. Следы от мокасин привели их в Игеру, где Инти с товарищами устроили в кустах небольшой привал, неподалеку от школы. Они и не подозревали (следы в местечке уже не были видны), что на полу в одной из комнат школьного здания лежит раненый Че. С рассветом 9 октября они покинули Игеру...

В комнату к пленному входит лейтенант Тотти Гильера:

— Сеньор Гевара, вы в моем распоряжении, — И как бы для большей убедительности добавляет:

— Вы врач? Женаты?

— Дайте закурить, — просит Че. Тот дает трубку с табаком и уходит.

Через несколько минут вваливается группа солдат, «зеленых беретов».

— Эй ты, наглец, чего ты хотел в Боливии? Знаешь ли ты, сколько наших товарищей загубил?

Гевара: Ладно, старина, это все дела политические...

Солдат: Твою мать, сукин сын, ты убил моего брата!

Гевара: Твой брат теперь на небе, он воевал и был мужчиной...

Солдат: А если я тебя убью?!

Гевара: Убей, убей, старина, если ты способен (солдат не выдерживает взгляда Че и уходит вместе с другими; остается только часовой).

Че обращается к стражнику: Что ты здесь делаешь?

Солдат: Я здесь, чтобы защищать свою родину...

Гевара: Боливия — страна отсталая. Ее правители ничего для нее не делают. Ее президент ничего собой не представляет... (молчание). Я бы мог дать за свою жизнь 150 тракторов. Мне не хотелось бы, чтобы меня убивали, но уже мог быть убитым... И вот я здесь...

Солдат: Только 150 тракторов? Но ваша голова ценится

больше...

Гевара (слабо улыбается): Ты прав...

Солдат: Думаешь, будешь жить?

Гевара: Если меня оставят в живых — хорошо, если убьют — тоже хорошо, моя жизнь — игрушка, она мне не принадлежит... (Молчит. Минут 30 дремлет. Очнувшись от боли, просит анальгетик).

Приходят лейтенант Гильера и санитар, который дает пленному таблетку аспирина и перевязывает рану на ноге (санитар уходит).

Гевара: Спасибо, лейтенант. Вас за меня повысят?

Гильера (не ответив на вопрос): Какая она, Куба?

Гевара: Столько наврано о положении на ней. Рабов нет, как пытаются заставить людей поверить. Куба неплохо развивается, есть прогресс. Людям хорошо, и они свободны. Работают и живут спокойно. Ни у кого не отнимают хлеб, скорее его дают другим. Здесь плохо думают о Кубе...

Гильера: Существует религия на Кубе? Люди верят в Бога?

Гевара: Верят в Бога. Существуют религии. Но на Кубе нет официальной религии...

Гильера: Вы не католик? Так ведь?

Гевара: Да, это так. Однако лично я поддерживаю христиан.

Гильера: С какой целью вы приехали в Боливию? Надеялись на победу?

Гевара: Мы надеялись победить... Временно потерпели поражение в силу многих факторов (вздыхает)...

Офицер уходит. Снова входят солдаты. Один, указывая на дремлющего пленника: «Думает о бессмертии...»

Гевара (открывая глаза): Нет, думаю о бессмертии революции, которой так боятся те, кому вы служите...

Солдаты уходят.

Утро 9 октября. Входит одна из учительниц школы. Предлагает Че суп. Он благодарит и ест. (Потом она скажет журналисту: «Его взгляд буквально меня гипнотизировал, и я отводила глаза».)

Гевара: Вы здешняя учительница?

Она: Да.

Гевара (показывая взглядом на учебный плакат, висящий на стене): Знаете, во фразе «Ya se leer» «Уже умею читать». — *Ю.Г.*) на «se» не надо ставить ударение...

Она засмущалась. Че немного говорит ей об образовании на Кубе... Спрашивает, сколько детей посещает эту школу, привыкли ли они уже к учебе, получают ли в школе завтраки...

Учительница: Боливия — бедная страна...

Гевара (перебивая ее): Однако господа из правительства и генштаба ездят в роскошных «мерседесах»...

Вбегает запыхавшийся лейтенант, просит учительницу выйти: оказывается, прилетел на вертолете полковник Сентено Анайа и с ним агент ЦРУ Рамос. Че остается один (кстати, плененного с ним Вилли куда-то увели сразу). Появляется полковник.

Полковник: О чем же вы теперь думаете?

Гевара: Что вам до этого?

Полковник (вскипев): Вы, сеньор, не на Кубе, а в Боливии, а я боливийский военный. Если вы улизнули из Конго и Венесуэлы, не улизнете из Боливии. Это я вам обещаю, не беспокойтесь... Затем он просит оставить его с пленным одного (никаких свидетельств о содержании их разговора нет. — *Ю.Г.*).

11.30 утра. Правительство и высшее военное командование сообщают Анайе свое решение о ликвидации партизанского команданте. Полковник поручает сержанту расстрелять Че Гевару. (*Прим. авт.*: Позднее, на пресс-конференции в Вальегранде, Анайа на вопрос, не был ли Че, будучи раненым, добит военными, скажет, не моргнув глазом: «Это тенденциозный и ничем не подкрепленный слух».)

Вошел унтер-офицер. Руки его, державшие автомат, слегка дрожали.

Гевара: Что, тебе дали приказ покончить со мной? Боишься, парень?! Помочь тебе? Подожди немного... У меня сильно болит рана на ноге, но я хочу встать. Посмотришь, как должен умирать «мачо»... (Тот, опустив глаза, вышел из комнаты. В соседней комнате находились офицеры. Получив нагоняй и выпив залпом стакан рома, сержант снова пошел к пленному... На этот раз с ним вошел в комнату и лейтенант Марио Теран).

Гевара, увидев их, понял, что это — конец. Он вздохнул и тихо произнес: «Прощайте, дети мои, Алеида, брат Фидель!»...

Раздались выстрелы. Из девяти ран две (в шею и сердце) были смертельны. Но пули так и не смогли закрыть глаза Че. Они оставались открытыми еще несколько часов...

Товарищи Гевары, уходившие в тот день из Игеры, увидели пролетевший над ними вертолет. Они не знали, что этот вертолет увозил из Игеры труп их расстрелянного командира, его документы из рюкзака и Дневник.

Добавим только, что на следующий день, когда тело Гевары должны были привезти в Вальегранде, в аэропорту собралась огромная толпа жителей. С раннего утра они стояли там в ожидании прибытия вертолета. Конечно, среди них было много просто любопытных, но, думаем, не только...

А что же оставшиеся в живых соратники Че? Группа Инти

прорывалась с боем. У одного из бойцов сохранился маленький приемник. По нему передавали о взятии в плен и гибели их командира. Несмотря на безмерную скорбь, они были полны решимости продолжать борьбу до конца. В тот же день из сообщения по радио им стало известно, что, кроме них, сохранилась еще одна группа из четырех человек. Этот маленький отряд во главе с кубинцем Помбо, прорвав два кольца окружения. 13 ноября вышел к шоссе Кочабамба — Санта-Крус. Единомышленники партизан из этих городов стали курсировать по этому шоссе, пока на одну из машин не натолкнулся Инти. Они были спасены и укрылись в Кочабамбе у надежных товарищей.

В феврале 1968 года Помбо и еще два кубинца сумели перейти боливийско-чилийскую границу. В Чили их арестовали и выслали на принадлежащий Чили остров Пасхи, откуда через Париж они благополучно добрались до Гаваны (не без содействия С. Альенде, о чем будет рассказано ниже).

Верные заветам своего командира, Инти и Дарио остались в Боливии, чтобы продолжать партизанскую борьбу. Но 9 марта 1969 года полиция напала на дом, где скрывался Инти. В перестрелке с ней он погиб. Такая же участь в последний день того же года ждала и Дарио. (*Прим. авт.*: Руководивший ликвидацией группы Инти полицейский агент Кинтанилья в награду был назначен боливийским консулом в Гамбурге. Но возмездие настигло его и в Европе — в апреле 1971 года в этом немецком городе был найден труп Кинтанильи с тремя пулями.)

Почему же «герильи» Че Гевары в Боливии потерпела поражение? Сколько же статей, книг, исследований было написано по этому вопросу... Попробуем сделать небольшое «резюме», опираясь на наиболее объективных, с нашей точки зрения, авторов.

Все же приходится признать, что не были тщательно оценены все имевшиеся объективные и субъективные факторы, все «за» и «против» такой акции (в тексте мы пытались проиллюстрировать этот вывод). Это во-первых.

Во-вторых, сработал фактор довольно оперативной и мощной помощи правящим кругам Боливии со стороны Вашингтона (и тот же Че писал о том, что США «поумнели» после Кубинской революции и дважды не совершат одну и ту же ошибку!). При этом «контрфактор» — небольшой очаг зажжет огромный пожар народной борьбы, на который так рассчитывал Че Гевара — не сработал.

В-третьих, почти полная изоляция партизан от левых сил Боливии, в том числе от компартии, руководство которой,

вопреки первоначальным заверениям, практически (будем называть вещи своими именами!) предало отряд Че, лишив его обещанной помощи.

В-четвертых, было ошибочным возлагать надежды на серьезную помощь (помимо моральной) со стороны Кубы, в то время изолированной на континенте, удаленной от места действия партизан на несколько тысяч километров и связанной определенными обязательствами с государствами социалистического лагеря, не разделявшими тактику партизанской войны.

Глава 9 ПОЧЕМУ РАССТРЕЛЯЛИ ЧЕ?

Издавна люди считали, что убивать пленных не только безнравственно, но и большой грех. Тем более — раненых пленных. Вспомните, как вел себя в таких случаях партизан и врач Эрнесто Гевара. И на Кубе, и в Боливии он перевязывал им раны, лечил, а потом отпускал...

Совершенно иного представления придерживались его противники. Давайте посмотрим, почему они не просто убили его, а расстреляли безоружного, плененного, со связанными руками и тяжело раненного. Знали ли они, что совершают жуткое преступление, тем более для католиков убийство — великий грех? Бесспорно. Об этом свидетельствует все их поведение после расстрела партизанского командира.

Когда тело Гевары было доставлено в Вальегранде, представители армейского командования заявили журналистам, что он скончался от ран, полученных в последнем бою в ложбине Юро (такая ложь не случайна, она была попыткой снять с себя ответственность). Разоблачить эту ложь сумели журналисты.

Дело в том, что еще до того, как была выдвинута упомянутая «версия», недалекий командующий армией генерал Овандо похвалялся прессе, что, оказавшись в плену, Че признал свое поражение. Однако врачи, осматривавшие труп Гевары, официально констатировали две смертельные раны из нанесенных девяти — в область сердца и на шее. Свои выводы они подтвердили и приглашенным в морг журналистам. Последние в разных ракурсах фотографируют тело убитого партизана, лежащее на столе и обнаженное по пояс. Но вот незадача: в прессе появляются только снимки, сделанные с правой стороны тела, или такие, на которых практически не видны раны — они заретушеваны (позднее уже упоминавшийся министр Аргедас расскажет, что таковым было указание властей).

Всем стало ясно, что если Че получил смертельные раны в бою, то он не мог делать каких-либо заявлений после этого боя. А коль скоро он что-то заявлял, оказавшись в плену (а об этом говорили санитар, офицеры, учительница), то, значит, был убит, уже находясь там в руках у военных. Журналисты разыскали десятки свидетелей, которые подтвердили, что Гевара был доставлен в школу Игеры с одним пулевым ранением в ногу. Эти люди подтверждали также и расстрел Вилли и Чино в соседней с Че комнате. Рассказывали, что Вилли успел крикнуть перед смертью: «Я горд, что умираю вместе с Че!» Правда, прессу они тогда не интересовали.

Разразился скандал. Боливийским властям становилось все труднее выгораживать главного ответственного за это преступление — президента Барриентоса. Поэтому генерал счел необходимым оправдаться публично. Он заявил корреспонденту «Вашингтон пост» следующее:

«Солдаты, захватившие Че, не обращались в Ла-Пас за инструкциями и не получали от нас приказа убить его. В этом не было необходимости. Военные части уже имели приказ не брать пленных (видимо, поняв, что проговорился, пытается выкрутиться. — *Ю.Г.*). Слишком часто партизаны, обещая сдаться в плен, встречали их огнем. Лично я предпочитал бы иметь его пленником, чтобы навсегда разрушить миф Гевары. И так как я президент и обязан изыскивать средства, чтобы помогать Боливии, я рассмотрел бы любое предложение передать его живым Фиделю Кастро или любому другому за, скажем, 20 миллионов долларов»[349]. (*Коммент. авт.*: Если учесть последовавшую после разгрома партизан американскую «помощь» Боливии, особенно по военной линии, то можно с уверенностью сказать, что генерал не прогадал и при другом варианте, убив Че.)

Кстати, сказанное выше (о желании небескорыстно ублажить своих «покровителей») можно считать одной из причин драматической гибели Гевары. Но были, конечно, и другие причины. Прежде всего — это патологический страх перед тем, кто покусился на «вековые устои», предусматривавшие в том числе безнаказанную и нещадную эксплуатацию своего забитого народа, боязнь даже одного предположения, что оставшийся в живых народный защитник поднимет новую волну протеста.

Такой вывод стал более очевидным, когда боливийские власти пошли на новое преступление: они скрыли труп Че Гевары.

10 октября труп исчез из морга в Вальегранде. И снова вакханалия заявлений и опровержений, свидетельств и слухов. Говорилось, что тело Гевары захоронено в Боливии, в месте, известном только нескольким официальным лицам, что оно подверглось кремации, а прах захоронению, что труп был передан ЦРУ, агенты которого якобы увезли его в американскую зону на Панамском канале.

Подтверждают вывод о страхе перед «героическим партизаном» и другие действия властей Боливии. Узнав о пребывании и расстреле Че в школе Игеры, туда все чаще стали похаживать местные жители, и, боясь, что школа станет местом народного паломничества, президент Барриентос приказал снести школьное здание, а на его месте построить такой же неказистый домик под вывеской «Санитарный пункт».

Наконец, прежде чем избавиться от тела Че, на котором были доказательства их вины, убийцы, видимо для подтверждения результатов их «усердия», сняли с его лица маску и отрубили кисти его рук, поместив их в специальный раствор.

Такому повороту читатель не станет особо удивляться, если узнает, насколько ненавидели партизан сильные мира сего в Боливии. Да что они, даже не слишком высоких чинов военные и их домочадцы. Вот только один типичный пример.

8 мая 1967 года в одном из столкновений с партизанами Гевары были убиты двое солдат и лейтенант Ларедо. У последнего нашли дневник. Выходец из богатой боливийской семьи, лейтенант с презрением пишет о крестьянах и рабочих, называя их бездельниками и паразитами. У него же было обнаружено письмо его жены, написанное с той же долей презрения. В нем она просит прислать ей и приятельнице «партизанские скальпы» для украшения гостиных в их домах. По словам Инти Передо, Че хранил эти письмо и дневник как «свидетельства изуверства» тех, с кем воевали партизаны.

Был абсолютно прав проживший большую жизнь ученый-латиноамериканист И.Р. Григулевич, написавший по этому поводу:

«Классовый враг всюду сшит на один покрой, будь то нацист, сдиравший кожу со своих жертв на абажуры, или американский империалист, коллекционирующий уши вьетнамских патриотов, или боливийский «рейнджер», мечтающий одарить свою сеньору шевелюрой партизана»[350].

Вот таких людей возглавлял президент Рене Баррьентос Ортуньо. Что это был за человек? Он не был знатного происхождения: отец — испанский эмигрант, мать — индианка, лучше говорившая на кечуа, чем по-испански. Это, видимо, сыграло свою роль в появлении у молодого курсанта авиационного училища комплекса неполноценности и желания доказать окружающим свою значимость. Он вступает в подпольное националистическое движение, несколько раз арестовывается и даже сидит в тюрьме. Во время революции 1952 года Рене получает чин лейтенанта авиации, а затем командируется в США для изучения летного дела и английского языка. В Оклахоме он заводит надежных покровителей, которые и в дальнейшем будут ему оказывать нужную поддержку.

По возвращении в Боливию Баррьентос назначается командующим ВВС. Теперь он может мечтать даже о кресле президента, но, вопреки всем традициям этой страны, гражданские президенты почти десять лет правят Боливией, что уже порядком надоело армии. Поэтому, чтобы удержаться у

власти, очередной правитель, лидер партии Националистическое революционное движение — Пас Эстенсоро — берет себе в качестве вице-президента бывшего своего летчика, а теперь генерала Рене Баррьентоса.

На него, как на будущего президента, обращают свои взоры не только его собственные покровители, но и недруги Паса Эстенсоро. Но Баррьентос контролирует только авиацию, а главная «переворотная» сила — сухопутные войска — в руках генерала Овандо Канди и, весьма честолюбивого и упрямого вояки, также претендовавшего на президентское кресло. Чтобы заручиться его поддержкой, Баррьентос, свергая своего благодетеля Паса, идет на беспрецедентный даже для Латинской Америки шаг — власть переходит к двум «сопрезидентам» — Баррьентосу и Овандо. Такое «двоецарствие» никак не устраивало Вашингтон. Учитывая постоянную конфронтацию между ними и укрепление позиций Баррьентоса, резидент ЦРУ в Боливии, он же военный атташе посольства США Эдвард Фокс вынуждает Овандо уступить. Тот освобождает занимаемое им кресло под клятвенное заверение Баррьентоса и Фокса «допустить» его к власти через четыре года.

В июле 1966 года, за четыре месяца до приезда в Боливию Че Гевары, Баррьентос становится президентом этой страны. Положение там напряженное, все упорнее становятся слухи о готовившемся партизанском движении (в ряде стран континента оно уже организовано) и даже о присутствии на боливийской территории Эрнесто Че Гевары. Крайне самоуверенный президент решительно опровергает подобные слухи. 11 марта 1967 года, почти накануне первого, разгромного для армии столкновения с отрядом Че, Баррьентос заявляет журналистам:

«Я не верю в привидения. Я убежден, что Че Гевара на том свете вместе с Камило Сьенфуэгосом и другими жертвами режима Кастро»[351].

Но это была очередная ложь генерала. Уже упоминавшийся нами министр внутренних дел Аргедас утверждал, что спецслужбы США, работавшие в тесном контакте с военной разведкой Боливии, знали о деятельности Гевары в этой стране еще 20 февраля 1967 года. Правда, чего, видимо, не знал в тот день президент, так это о побеге из партизанской усадьбы «Каламина» двух дезертиров. Им доподлинно было известно о присутствии кубинцев в отряде и о том, что его возглавляет Че Гевара, имеющий кличку Рамон. Перебежчики были задержаны в Вальегранде, где их 14 и 15 марта допрашивала военная разведка. О результатах допроса президент был информирован 15 марта.

16 марта был отдан приказ захватить «Каламину» и

проверить полученные показания. Там были обнаружены различные предметы, подтверждавшие присутствие в зоне партизан, ночью был убит неизвестными один солдат из дозорного охранения.

Дополнительная «бомба» взорвалась 23 марта — произошло в результате наводки предателя первое крупное вооруженное столкновение с партизанами. Мы уже писали о нем. Остается только добавить, что спасшиеся бегством 8 солдат доложили в штабе четвертой дивизии в Камири о постигшем армию разгроме, значительно преувеличив от страха число партизан.

Новость была доложена президенту и советнику из Службы военной помощи США. Последний, через посла США Гендерсона, проинформировал советника президента Джонсона по неотложным зарубежным делам — Ростоу. Тот при содействии ЦРУ и Пентагона стал вырабатывать соответствующие предложения Белому дому. Пентагон настаивал на немедленной интервенции в Боливию. Директор ЦРУ Ричард Хелмс предложил поручить его людям ликвидировать отряд Че.

Трудно судить о перипетиях деятельности упомянутых американских служб в те дни. Но ясно одно: Вашингтон, а за ним и боливийские власти сделали все возможное, чтобы скрыть от общественности факт присутствия в Ньянкауасу международного партизанского отряда под началом легендарного Че Гевары. Когда боливийские газеты сообщили, что партизан возглавляет Че, власти поспешили разъяснить, что речь идет об однофамильце Че, шахтерском вожаке Мойсесе Геваре (помните, он возглавлял группу боливийских добровольцев в отряде и погиб вместе с Хоакином и Таней?)

(*Прим. авт.*: Мне не раз попадались свидетельства того, что ЦРУ получило от своей боливийской агентуры сведения о деятельности Че в Боливии задолго до этого. Это подтвердил на суде и упоминавшийся выше министр внутренних дел Антонио Аргедас. Он, в частности, говорил:

«Когда к нам попали документы ЦРУ, я обнаружил одно донесение, датированное 34 днями раньше первого столкновения в Ньянкауасу 23 марта. В этом донесении содержались сведения о всех передвижениях Даньино Пачеко, который являлся казначеем в отряде партизан (Санчес из Дневника Гевары. — *Ю.Г.*)»[352].

Но почему же США, получив, казалось, такой прекрасный повод для интервенции в Боливию, отказались им воспользоваться (кстати, они и сам повод скрывали, чтобы не отвечать на поставленный нами вопрос)?

Объяснялось это (и, надо сказать, не без основания) опасениями создать в результате такой интервенции «второй

Вьетнам» в Латинской Америке. Кроме того, соседние Аргентина и Бразилия, давно соперничавшие за влияние на эту страну, наверняка ввели бы туда свои войска. Такая тройственная интервенция скорее всего вызвала бы взрыв возмущения у боливийского народа. Крайне отрицательно восприняли бы такой ввод войск в Боливию и другие ее соседи — Чили и Перу. Данный вариант, в известной мере, мог быть на руку только Че Геваре и его партизанам.

Выбирая указанную линию замалчивания присутствия Че в Боливии, президент США тем самым избегал возможного конфликта с еще большими «ястребами», чем он сам. Они могли, узнав правду, настаивать на интервенции. Одновременно Джонсон отодвигал свержение верного Вашингтону Баррьентоса, которое могло бы ускориться в результате возможного революционного кризиса, спровоцированного партизанским движением.

В случае если бы партизанское выступление набрало трудноуправляемую силу, видимо, так рассуждали в Белом доме, можно было бы изменить тактику борьбы с ним.

Показания на следствии Дебре и Бустоса показали, что причин для резких движений у Вашингтона пока нет. Лучше помалкивать и не раздувать «мифы». Вот почему все стрелы были обращены не на командира партизан, а на безобидного французского журналиста. Для Дебре даже была сшита специальная тюремная роба с огромным номером «001» на спине (знайте, мол, граждане, кто враг № 1).

Однако было бы неправильно думать, что в Вашингтоне пустили развитие событий на самотек. Американцы стали действовать еще более активно, чтобы не допустить усиления антиимпериалистического движения на континенте. Была ужесточена блокада в отношении Кубы, агентами ЦРУ предпринимались попытки физической расправы с Фиделем Кастро (о некоторых из них мы говорили выше). Был оказан невиданный нажим на ОАГ с целью создания межамериканских вооруженных сил, под флагом которых было бы проще осуществлять любые интервенции в случае появления в регионе «подрывных элементов».

В самой Боливии также была активизирована деятельность США по всем линиям. Особенно это касалось военной разведки и спецслужб. Начальник разведки четвертой дивизии боливийской армии А. Сентено заявлял:

«Во всех действиях против партизан мы широко сотрудничали с агентами ЦРУ, в том числе с кубинцами Феликсом Рамосом и Эдуардо Гонсалесом (о них говорилось

выше. — *Ю.Г.*) так как знали, что они служили Соединенным Штатам — стране, являвшейся нашей союзницей в антипартизанской борьбе»[353].

Офицер боливийской разведки М. Васкес был еще более многословен:

«Вся информация министерства внутренних дел, прежде чем поступить в разведывательный отдел армии, направлялась в американское посольство через сотрудника Центрального разведывательного управления США капитана Хьюго Мэррея. Эта информация предоставлялась его агентами, работавшими в министерстве внутренних дел...»[354].

Хорошая информированность о деятельности партизан позволяла американцам манипулировать общественным мнением. Уже 29 сентября телеграфные агентства США сообщили из Камири, что боливийские войска обнаружили отряд Че Гевары (якобы только сейчас!) в ложбине в 128 километрах к северо-западу от этого города и что туда перебрасываются части «рейнджеров». А «Нью-Йорк таймс» 7 октября (!) опубликовала статью под заголовком «Последнее сражение Че Гевары», предсказывая ему неминуемую гибель.

И все же хочется вернуться к вопросу, поставленному в названии этой главы, — почему расстреляли Че? Если кратко, то из-за патологической ненависти и животного страха. Да, да, именно страха перед фантасмой «подрывной деятельности» партизан, страха перед возможностью возникновения «второй Кубы» на континенте. Такая возможность больше всего пугала противников Че в Латинской Америке, равно как и их североамериканских покровителей.

Для более глубокого осмысления этого психологического феномена вспомним здесь об одном событии, которое произошло в Гаване в июльские дни 1967 года, когда отряд Че совершал с боями мучительные переходы по горам Боливии. Там заседала конференции Организации латиноамериканской солидарности (ОЛАС), в которой приняли участие делегаты почти всех стран Латинской Америки, в том числе Боливии. Этот форум одобрил курс на развитие партизанского движения в регионе и направил «Поздравительное послание майору Че Геваре», провозгласив его «почетным гражданином нашей общей родины — Латинской Америки». В этом документе конференция не только солидаризировалась с партизанским движением в Боливии, но и полностью одобряла идею Че Гевары о создании на континенте «нескольких Вьетнамов», способных превратить континент в «могилу империализма США».

Конференцию ОЛАС широко освещали СМИ всех

латиноамериканских стран. Вашингтон рвал и метал по поводу ее резолюций, призывавших последовать примеру Че в масштабах всего континента. ОАГ созвала немедленно свою конференцию, которую президент Баррьентос истерично призывал к интервенции против Кубы.

Поэтому, добивая раненого Че Гевару, его противники стреляли не только в кубинского команданте, они стреляли в ОЛАС, Кубу, во всех и вся, что мешает им сохранять выгодное и комфортное «статус-кво» в Латинской Америке.

Глава 10 ЭХО ВЫСТРЕЛОВ В ИГЕРЕ

Любой выстрел имеет эхо. Имели его и девять выстрелов, оборвавших жизнь «героического партизана». Раскатистым эхом отозвались они не только в сердцах, но и в делах его последователей и сподвижников на континенте. Мы расскажем здесь о некоторых из них и не обо всех странах, где развивалась в той или иной форме освободительная борьба. Нам хотелось бы показать общую картину этой борьбы в регионе, чтобы читатель мог убедиться, что дело Че не было авантюрой одиночки, ни тем более блажью фанатика. Поэтому мы возьмем более широкий временной ракурс, нежели годы, непосредственно граничащие с пребыванием Гевары в Боливии.

Победа Кубинской революции явилась мощным побудительным фактором в движении народов Латинской Америки за укрепление национального суверенитета, завоевание экономической самостоятельности. Так, антиимпериалистические силы Бразилии создали осенью 1961 года Фронт национального освобождения, который выступил за проведение глубокой аграрной реформы, национализацию иностранных компаний, ограничение перевода прибылей за границу. В том же году было создано Движение за национальное освобождение в Мексике и Революционный патриотический фронт в Гватемале. После Второй мировой войны во многих странах региона наметился подъем рабочего движения, начали пробуждаться к активной политической жизни трудящиеся массы деревни. Возросла активность прогрессивной интеллигенции, студенчества, служащих. Часть студенчества, молодежи, стремясь форсировать революционные процессы, механически пыталась применить опыт Кубинской революции к условиям других латиноамериканских стран, создавала партизанские отряды.

Подвижническая деятельность, идеи Че Гевары имели заметные отзвуки в целом среди молодежи, особенно в студенческой среде. Кратко скажем о причинах данного явления на континенте.

Латиноамериканское студенчество, начиная с выступлений за Университетскую реформу (1918 г.), традиционно являлось наиболее политизированной частью общества.

Общая экономическая слаборазвитость стран Латинской Америки не позволяла выделять хотя бы минимально необходимые средства высшим учебным заведениям (*Прим. авт.*: Посетивший Аргентину американский сенатор Роберт Кеннеди, брат президента США, с удивлением восклицал в своем

выступлении после поездки: «В Буэнос-Айресе, на лучшем медицинском факультете Латинской Америки, только один микроскоп приходится на 40 студентов!»[355]. Кстати сказать, это тот самый факультет, который окончил Э. Гевара.) Трудноразрешимым вопросом перед латиноамериканскими студентами оставалось трудоустройство по окончании вуза. Если раньше, в начале XX века, большинство студентов могли считать свою миссию законченной (тогда, как правило, университет оканчивали представители привилегированных сословий), заказав новую визитную карточку со словом «доктор», то сегодняшним питомцам вузов, выходцам, как правило, из средних слоев, нужны большие средства для «раскрутки» собственного дела.

Студенты как наиболее просвещенная часть (особенно в латиноамериканских обществах) молодежи хорошо видит антинациональную политику правительств своих стран, зачастую ведущую к еще большей зависимости от иностранных монополий. В 60-е г. XX века, в том числе и под влиянием событий на Кубе, а затем и в Боливии, усиливаются антиимпериалистические настроения студенчества Латинской Америки. Это выражается в акциях солидарности с Кубой, Вьетнамом, в протесте против американского проникновения на континент в целом и в вузы в частности. Идеологическое проникновение в латиноамериканские университеты осуществлялось уже тогда при помощи самых разнообразных каналов и средств. Важное место в нем занимал обмен студентами и преподавателями. В рамках такого обмена, например, в университет г. Консепсион (Чили) в 1968 году прибыл американский чиновник В. Розендхолл, в задачи которого входило консультировать ректорат по политическим вопросам. «Консультант» сразу же поставил перед ректором жесткое условие предоставления американской помощи этому вузу — покончить со студенческими выступлениями в нем. Важным средством отвлечения латиноамериканской молодежи от внутренних проблем был призван стать и пресловутый «корпус мира», а также проведение так называемых социологических исследований (проекты «Камелот», Колония», «Симпатико» и др.). Авторы одного из них — «Камелот» вынуждены были признать, что оно было направлено на разработку методов по изучению возможностей внутренней войны в Чили и участия в ней молодежи. Не случайно чилийский конгресс, в том числе и под давлением студенчества, создал комиссию по расследованию деятельности в рамках проекта «Камелот».

Указанные причины определили антиимпериалистическую направленность латиноамериканского молодежного движения. В

конце 60-х г. она все более находит прямое выражение в демонстрациях, форумах, где звучат призывы в поддержку идей Гевары, где можно видеть его портреты и плакаты с его словами и высказываниями.

Именно в такой обстановке прошла в октябре 1969 года в Боготе встреча молодежи Латинской Америки, посвященная второй годовщине со дня гибели «героического партизана». Делегаты от 45 организаций из 13 стран обеих Америк, представляющие различные течения (повестку дня одобрили 67 национальных организаций 17 стран), единодушно приняли резолюции, призывающие к борьбе за демократические свободы, освобождение политзаключенных, к солидарности и единству действий молодежи против империализма.

За год до этого в Мексике прошли не менее значительные события.

Огромная студенческая демонстрация, на проведение которой было получено разрешение властей, направлялась по одной из центральных улиц мексиканской столицы в сторону президентского дворца. Ей преградили путь полицейские кордоны. Внезапно появившиеся агенты в штатском, дабы изобразить «бесчинства студентов», начали бить стекла в витринах магазинов и переворачивать припаркованные автомобили. Полиция открыла огонь по демонстрантам, стала рвать плакаты, портреты мексиканских национальных героев, а также Че Гевары. Несколько человек было убито, многие ранены.

Через несколько дней стотысячная демонстрация во главе с ректором университета направилась к президентскому дворцу, чтобы выразить протест против кровавой расправы, учиненной властями над студентами. И снова никаких результатов.

Вслед за университетом поднялся Политехнический институт, расправа с которым была еще более жестокой. Вот как описывал эти события их участник, молодой преподаватель этого вуза:

«На четвертом этаже одного из жилых домов в лоджии была устроена трибуна. Около дома нас собралось тысяч десять... Прилетел вертолет, с него были пущены по зданию ракеты. По собравшимся на площади стреляли из пулеметов, расположенных на крышах соседних домов. Несколько зарядов было выпущено из базуки по импровизированной трибуне. Спастись можно было только в узких проходах между домами. Кинулись туда, кто падал, того затаптывали насмерть обезумевшие бегущие. Раненых и пленных гренадеры (военизированные части жандармерии. — *Ю.Г.*) согнали в ров и расстреливали сверху. Оставшихся в живых из находившихся на трибуне заставили подняться на крышу,

раздеться донага, пролежать до рассвета, не шевелясь, под дулами автоматов. Арестовано было свыше четырех тысяч человек...»[356].

(*Прим. авт.*: Быть может после таких свидетельств обвинители Че Гевары в «ультрареволюционности» поумерят свой «либеральный пыл»!)

В связи с кризисом политики «Союза ради прогресса» правящие круги США провозгласили «жесткий курс» в отношении стран Латинской Америки. В 1965 году, в нарушение устава ООН, они осуществили открытую вооруженную интервенцию, чтобы воспрепятствовать победе народного восстания в Доминиканской Республике. Соединенные Штаты стали перестраивать вооруженные силы латиноамериканских стран, создавая, в частности, «противопартизанские» соединения, широко пропагандируя доктрины «внутреннего фронта» и «противопартизанской войны».

Несмотря на указанные меры, к концу 60-х годов революционные, антиимпериалистические процессы приобретали все большую глубину и размах, обогащаясь новыми чертами. В частности, возникло прогрессивное течение в вооруженных силах. Этому способствовала демократизация офицерского состава, ряды которого стали пополняться выходцами из трудовых средних слоев населения. Военные начали понимать (хотя, конечно, далеко не все) неблаговидность своего участия в так называемых антипартизанских действиях. Патриотически настроенные военные в октябре 1968 года пришли к власти сразу в двух странах — в Панаме и в Перу. Причем если в первой из них руководство страной во главе с генералом О. Торрихосом смогло приступить к проведению прогрессивных реформ только через два года, после смещения ряда реакционно настроенных членов военной хунты, то в Перу революционное правительство вооруженных сил под руководством генерала Х. Веласко Альварадо сразу начало проводить глубокие антиимпериалистические преобразования в соответствии с разработанным им планом «Инка», рассчитанным на 20 лет. Партизанское движение, охватившее в середине 60-х годов часть Косты (тихоокеанское побережье) и почти все горные районы перуанских Анд, вскоре пошло на убыль. (*Прим. авт.*: Мне довелось работать в Перу именно в эти годы. Как-то генерал Веласко рассказывал нам с послом Ю.В. Лебедевым, что он сам — выходец из бедной метисской семьи, будучи молодым лейтенантом, был послан бороться с местными партизанами. Оказавшись в забытых богом районах Амазонии, он не только познал убогую жизнь тамошнего населения, но и проникся

уважением к самоотверженным партизанам. С годами он пришел к убеждению, что правители должны покончить не с партизанами, а с условиями, которые их порождают.)

Правда, после передачи власти в Перу гражданским кругам (1980 г.) начался заметный отход от реформ и восстановление позиций в стране транснациональных корпораций.

События в Перу, а ранее в Боливии не прошли бесследно и для родины самого Че — Аргентины. Хотя там, в силу многих причин, не возник подлинный партизанский «очаг» (на что рассчитывал и Гевара). И все же правящие круги стали занимать менее откровенно проамериканскую позицию. Вопреки планам Пентагона, правительство генерала Лануссе, например, высказалось за сотрудничество с Перу и Чили (несмотря на то, что в обеих странах осуществлялись антиимпериалистические преобразования) на основе взаимного невмешательства и уважения суверенитета.

Важные процессы происходили и в латиноамериканской католической церкви (охватывающей около 35% католиков мира). Среди священнослужителей возникли левые течения, представители которых выступали за радикальные социальные преобразования, за освобождение от иностранной зависимости. Наиболее ярким примером в этом отношении явился колумбийский священник Камило Торрес Рестрепо (1929— 1966), ставший национальным героем колумбийского народа. В 1965 году он выдвинул идею создания единого фронта всех левых сил для осуществления глубоких демократических преобразований в Колумбии. За свои политические убеждения он был уволен с университетской кафедры и лишен сана священника. Разочаровавшись в возможности мирного преобразования страны, К. Торрес в 1966 году вступил в партизанский отряд и вскоре был убит в стычке с армейским подразделением.

Коль скоро мы заговорили о Колумбии, расскажем о действиях партизан в этой стране. В ответ на развязанный властями террор (вооруженные банды латифундистов сжигали деревни, отбирали у крестьян землю, убивали их, громили организации трудящихся) в 1949 году компартия выдвинула лозунг самообороны крестьянских масс. В восточных районах страны стали возникать вооруженные крестьянские отряды. (*Прим. авт.*: В указанном году я, студент МГИМО, уже слышал об этом, так как начал заниматься проблемами Латинской Америки. Прошло более полувека, а партизанское движение в Колумбии только начинает затухать. Уже работая в этой стране, я познакомился с одной из партизанских групп, о чем я расскажу ниже.) К середине 1953 года часть партизанских отрядов, поверив

обещаниям правительства, сложила оружие. А через десять лет правительству удалось локализовать деятельность остальных партизанских отрядов.

Однако провал программы «Союза ради прогресса» и ухудшение конъюнктуры мирового рынка привели к тому, что сильно замедлилось социально-экономическое развитие Колумбии. Обстановка в стране накалилась. Под влиянием информации о деятельности отряда Че Гевары в Боливии вновь усилилась вооруженная борьба крестьян (партизан) за землю. В политическую борьбу включилась часть католических священников, как мы уже рассказывали выше. Правительством был принят закон об «осадном положении».

Пришедший к власти президент Турбай Айала, как и его предшественники, безуспешно пытался покончить с партизанским движением. В 1979 году им принимается так называемый статус безопасности, который фактически узаконил «осадное положение» и усилил репрессии против трудящихся. Но к действовавшим в сельской местности партизанам добавились городские повстанческие организации. Одна из них, «Движение 19 апреля» (сокращенно — «М-19»), действовавшая наиболее смело и решительно, руководилась выходцами из колумбийского комсомола, позднее порвавшими с компартией по тактическим соображениям. Именно с ней мне довелось «познакомиться» в Колумбии.

(*Прим. авт.*: В силу сложного внутриполитического положения в стране приемы в диппредставительствах, аккредитованных в Боготе, как правило, устраивались в дневное время. В 1980 году посол Доминиканской Республики, с которой СССР имел дипломатические отношения, тоже проводил прием в честь национального праздника своей страны днем, в здании посольства. Это был довольно большой двухэтажный особняк, расположенный в весьма безлюдном квартале колумбийской столицы. Перед зданием простирался обширный пустырь, на котором местные любители футбола часто гоняли мяч. Играли там и в день приема...

Через некоторое время после его начала «футболисты» с сумками через плечо направились к посольству. Стоявшему у входа полицейскому они сказали, что являются техперсоналом представительства и хотят пройти в подсобное помещение, чтобы там переодеться. Войдя в здание, «спортсмены» выхватили из сумок автоматы. Стреляя в потолок, они объявили собравшимся, что те захвачены бойцами «М-19».

От правительства партизаны потребовали освободить из тюрьмы их товарищей, большую сумму денег и самолет для

своего вылета с территории Колумбии. Пока почти месяц велись переговоры, заложники, среди которых были послы США, Франции, Ватикана, Мексики и других государств, пребывали в здании посольства под охраной партизан. Кризис удалось преодолеть благодаря посредничеству Фиделя Кастро, предоставившего самолет, который вывез повстанцев на Кубу, и выдержке президента Турбая, не согласившегося с генералитетом, толкавшим его на вооруженный вариант освобождения заложников.)

Не удалось окончательно «усмирить» страну и правящим кругам Боливии. Да и в них самих не было единогласия. Совершивший государственный переворот, командующий армией А. Овандо не только заявил о солидарности с прогрессивными военными в Перу, но и национализировал американскую нефтяную компанию «Боливиэн галф ойл» и установил контроль за экспортом сырья. Правительство Боливии подписало торговое соглашение с СССР. Став президентом страны, генерал Овандо даже пытался возложить всю ответственность за гибель Че Гевары на генерала Баррьентоса, к тому времени погибшего в авиационной катастрофе в апреле 1969 года. Овандо утверждал, что он при обсуждении в правительстве судьбы Гевары выступал против убийства партизанского командира.

Поведение Овандо вызвало резкую реакцию правящих кругов США. В документах сената он был назван «оппортунистом без политических убеждений». Боливийское правительство ответило на эти выпады устами своего министра информации А. Бэйли. Его заявление было крайне резким и выдержано в открыто антиамериканском духе.

Но самое интересное было то, что новый президент заговорил о позитивном вкладе Че в развитие боливийской революции. «Гевара, — сказал он как-то журналистам, — боролся другими средствами за идеал великой латиноамериканской родины, за который боремся и мы». Все эти действия генерала снискали ему врагов не только в Штатах, но и в собственной стране, особенно среди офицеров, принимавших непосредственное участие в карательных акциях против партизан. 6 октября 1970 года генерал Овандо был лишен президентского кресла. (*Прим. авт.*: В 1971 году правительство прогрессивно настроенного генерала Хуана Хосе Торреса возбудило против А. Овандо дело по обвинению в убийстве Баррьентоса путем организации упомянутой авиакатастрофы. Но суд над генералом не состоялся, так как Овандо, находившийся в то время в Испании, вернуться в Боливию и предстать перед судом отказался.)

Пришедший к власти в октябре 1970 года генерал Торрес

выдвинул прогрессивную программу социальных преобразований в Боливии, поддержанную шахтерами и крестьянами. Он восстановил демократические свободы, освободил политических заключенных, в том числе и Р. Дебре. В команде Торреса активную роль играл полковник Рубен Санчес, который, будучи майором, был взят в плен партизанами Че, а затем отпущен ими на свободу.

Торрес не смог удержаться у власти (он был свергнут в августе 1971 года). Раздробленные демократические силы Боливии, в том числе и компартия, были не в состоянии оказать действенное сопротивление реакции. (*Прим. авт.*: Это тоже сознавал Че Гевара, когда начинал свою деятельность в Боливии. Именно поэтому не принимал он всерьез и самоуверенные заявлении боливийского генсека Марио Монхе.)

После поражения группы Инти Передо в Ла-Пасе появился новый партизанский отряд. Под видом инструкторов по ликвидации неграмотности партизаны посещают министра просвещения и получают от него материальную поддержку своей «просветительской» деятельности — 2 грузовика и «джип». На них они в составе 75 человек отбывают в сельскую местность (в группе были студенты, рабочие и крестьяне), где совершают нападение на одну американскую компанию. Захваченные специалисты компании (их было двое) позднее обмениваются на 10 политзаключенных. Партизаны в конечном счете тоже потерпели поражение, но сумели вновь взбудоражить «уснувшую» было страну.

В результате действия подобных отрядов у простых боливийцев складывалось четкое убеждение в важности партизанской тактики в освободительной борьбе. Поражения и неудачи отдельных групп они склонны были чаще всего относить на счет недостаточного опыта и отсутствия должных организаторских способностей у их командиров. При этом именно как положительный пример приводился партизанский талант Гевары (причем даже после его гибели). Расскажем об одном любопытном случае.

В одном из партизанских отрядов, о которых мы говорим выше, боец, прихватив на пропитание пару банок консервов, покинул его и уехал домой. Он был найден и расстрелян партизанами как дезертир. Его вдова Татьяна Вальдивиа опубликовала в местной прессе свое открытое письмо по этому поводу. Вот что она писала в нем, обращаясь к командиру отряда:

«Я уверена, что если бы этой группой руководил Че, сложилась бы другая ситуация... Начиная партизанские действия, вы даже не ознакомились с написанной им книгой, в которой он

ясно показывает, кто подходит, чтобы стать настоящим борцом, а кто интеллектуальным. Из сказанного следует, что провал этой второй битвы обязан плохой организации и неспособности командиров, хотя те призваны вникать в малейшую деталь, дабы избежать столь пагубных финалов, как упомянутый провал, который потряс весь боливийский народ и который имел место не только из-за неслыханных преступлений, совершенных военными»[357].

Кратко расскажем о ситуации и в другой латиноамериканской стране — Никарагуа. Там под влиянием победоносной революции на Кубе усилилась борьба против диктатуры Сомосы и господства американских монополий. Возникший в 1961 году Сандинистский (по имени национального героя Сандино. — *Ю.Г.*) фронт национального освобождения организовал в стране партизанское движение. В 1975 году были отменены конституционные гарантии, введено «осадное положение», создана сеть концлагерей.

В сентябре 1978 года в Никарагуа началось всенародное восстание. Отряды повстанцев овладели большей частью страны. 17 июля 1979 года диктаторский режим Сомосы был свергнут. Сандинисты, согласно их заявлениям, стали осуществлять народную, демократическую, антиимпериалистическую революцию. Под контроль государства были поставлены частные банки, внешняя торговля, иностранные капиталовложения. Государству были переданы природные ресурсы, начала осуществляться аграрная реформа. Руководители Фронта восстановили дипотношения с Кубой и не раз подчеркивали, что они — продолжатели дела легендарного Че Гевары.

Наконец, несколько слов о другой центральноамериканской стране — Гватемале, где молодой тогда Эрнесто Гевара принимал активное участие в защите революционных преобразований (см. в главе «Истоки») 1944—1954 гг.

Контрреволюционный переворот в июне 1954 года вновь привел к установлению господства крайне правых сил и восстановлению привилегий американских монополий. После поражения вооруженного народного восстания 1960 года были сформированы Повстанческие вооруженные силы, которые явились одной из политических сил, заставивших правительство диктатора Перальты пойти на проведение президентских выборов в стране. Победивший на них лидер так называемой Революционной партии Мендес осуществил ряд демократических мероприятий, объявил амнистию политическим заключенным. Однако позднее под давлением реакции его правительство резко изменило политический курс. Для подавления демократического

движения начали создаваться террористические организации («Мано бланка», «Эскадрон смерти» и др.). В ответ усилились действия партизан.

Думается, приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что боливийская «акция» Че Гевары логично вписывается в общий контекст социально-экономической и политической обстановки на континенте в середине XX века. Более того, кровь Гевары и его партизан, равно как и кровь их многочисленных предшественников в освободительной борьбе, не пролилась даром.

Смерть Че Гевары, помимо расширения партизанских действий его сторонниками в ряде стран континента, имела и другие отголоски. Она вызвала волну гнева среди широких слоев населения в странах Латинской Америки, даже среди ряда официальных лиц. Президент сената Чили Сальвадор Альенде выступил в этой палате чилийского парламента с большой речью в память о легендарном революционере.

Будущему президенту Чили хотелось как-то еще отдать свой долг латиноамериканскому патриоту Геваре и его товарищам. Поэтому, когда на чилийской территории оказались оставшиеся в живых два партизана из отряда Че (мы писали, что им удалось перейти боливийско-чилийскую границу), именно Альенде вытащил их из местной тюрьмы, получил для них через посольство Франции транзитную визу, сопроводил в полете до острова Пасхи, а затем до Гаити, где посадил соратников Че на самолет, летевший в Париж. Оттуда, как вы знаете, они благополучно добрались до родной Гаваны.

Чилийские реакционеры были в бешенстве. Они потребовали от Альенде подать в отставку с поста председателя верхней палаты, а сенатор от демохристиан Томас Пабло даже ехидно спросил у Сальвадора на заседании сената, почему тот не сражался вместе с партизанами.

Альенде принял вызов и стал защищать свое право на солидарность с борцами-антиимпериалистами Латинской Америки. В своем письме редактору правой чилийской газеты «Эль Меркурио» он напомнил, что реакционеры никогда не сдерживали себя в своей солидарности с агрессивными акциями правительства США, которое направляло карательные экспедиции в Доминиканскую Республику, вмешивалось во внутренние дела Бразилии и пыталось сформировать межамериканскую армию для подавления освободительного движения на континенте.

Но правые круги не унимались. Их окрыляло поражение отряда Гевары. Серхио Онофре Харпа, глава так называемой Национальной партии, обвинял президента Чили Э. Фрея в

недостатке «твердости» и в том, что он якобы открывал путь «коммунистической диктатуре». Попыталась взять реванш после упомянутого выше письма Альенде и газета «Эль Меркурио». В разгар предвыборной кампании в Чили в 1970 году, в которой Альенде выступал в качестве кандидата от блока «Народное единство», газета опубликовала такой фотомонтаж. У въезда в президентский дворец Ла Монеда стоит танк с надписью «СССР». Под монтажом текстовка: «Правительство тех, кому покровительствует коммунизм, открывает двери Чили таким танкам, которые смело раздавят самое священное, что мы имеем, — свободу». А один бульварный журнальчик, уже после победы Альенде на выборах, поместил рисунок, представляя читателям воображаемое заседание «первого марксистского кабинета Чили»: за круглым столом, помимо самого Альенде, сидят министры-коммунисты, «присланный Кремлем советник» и... Эрнесто Че Гевара. Действительно, этот «призрак беспощадный» не давал спать сильным мира сего!

И все же, как бы ни старались противники Гевары, простые люди, каждый по-своему, выражали свое глубокое сочувствие к тому, кто столь бескорыстно боролся за лучшую жизнь для них. К школе в Игере, где был убит партизан, ежедневно приходили крестьяне и клали на порог полевые цветы. Одна старушка сказала журналисту, поинтересовавшемуся, для кого эти цветы: «Я их принесла святому, Сан Эрнесто де ла Игера».

Через неделю после смерти Че боливийский священник Хавиер Арцуага в соседнем с Игерой городе отслужил в храме «Лас Насареньяс» литургию в память о погибшем партизане.

В небольшом перуанском городке Ламбайеке футбольные команды вышли на матч в сороковой день со дня гибели Эрнесто Гевары с черными повязками на рукавах и с большим его портретом.

В Буэнос-Айресе с разрешения властей (!) в одном из центральных художественных салонов экспонировалась выставка работ, посвященных легендарному соотечественнику. В целом, по сравнению с другими странами континента, реакция на гибель Гевары была не столь очевидной.

Но вот прошли годы, с той поры выросло новое поколение земляков Эрнесто Гевары, и он стал на своей родине в особом почете. И если б только шла речь о простых людях, было бы еще как-то объяснимо: в последние 10—15 лет социально-экономическая ситуация в стране заметно ухудшилась. Но почести латиноамериканскому патриоту оказывают теперь и в правящих кругах Аргентины.

За последние годы в стране были открыты три музея Э.

Гевары, в г. Флорес одна из площадей названа его именем, выпущена почтовая марка с его изображением. Че Гевара был провозглашен Почетным гражданином г. Росарио (Аргентина), где он родился 14 июня 1928 года.

Далеко не однозначной была реакция латиноамериканской прессы. В 1973 году в Национальной библиотеке Перу мне показали подборку опубликованных в ней материалов, посвященных гибели Эрнесто Че Гевары. Я просмотрел публикации только за одну неделю после смерти Че.

Первое, что бросилось в глаза, когда я знакомился с этими публикациями (при том, что в досье практически отсутствуют материалы из откровенно левой, коммунистической печати!), — это нескрываемое уважение к Че как латиноамериканскому патриоту.

Вот мексиканская «Эксельсиор». Оговорившись, что не согласна с идеями «этого апостола насилия», она призывает соотечественников склониться перед его «благородным и щедрым образом и попрощаться словами поэта: «Прощай навечно, брат мой... С Богом!»[358]. А ее «коллега по цеху» «Новедадес» отмечала, что даже «враги Че признают, что он боролся за дело, за которое боролись и должны были бороться остальные латиноамериканцы»[359].

Другая мексиканская газета — «Эль Сольдо Мехико» опубликовала статью Б. Понсе «Че Гевара», в которой говорилось: «Э. Гевара умер в согласии со своими идеями. В этом фундаментальном аспекте человеческих качеств он заслуживает уважения, даже если бы его дело было ошибочным»[360].

Колумбийская «Ла Република» в редакционной статье «Реквием по одному павшему» писала: «Мы придерживаемся тоже освободительных идей, но без насилия, без крови, без противостояний... И все же Че сумел умереть достойно, опираясь на несгибаемую волю, которую он, говоря его словами, укреплял, даже когда ноги не слушались и легкие не вбирали воздух. Не разделяя его идей, мы утверждаем, что так не говорит ни один преступник, каковым иногда его пытаются изобразить. Так может говорить только настоящий человек!

В конечном счете — Бог ему судья. И даже при этом было бы более чем смело утверждать, что ему непременно уготован ад. И на Голгофе имело место раскаяние, в ответ на которое Христос сказал: «Сегодня со мной вознесешься на небо»[361].

Некоторые издания идут дальше признания личных качеств Эрнесто Гевары — его воли, мужества, верности идеалам. Они признают необходимость и важность самого дела патриота.

«На нашем антикоммунистически настроенном континенте

нам нужна дюжина таких, как Че Гевара, взамен «нафталиновых теоретиков», любой из которых может исчезнуть, и ни один сухой листок не шевельнется на дереве. Че Гевары нужны нам не для триумфа коммунистических идей, а чтобы победить в борьбе с голодом, нищетой, болезнями и неграмотностью»[362], — утверждала одна из провинциальных мексиканских газет.

«Связь между партизанской войной и слаборазвитостью латиноамериканских стран настолько очевидна, что было бы излишним об этом говорить», — подчеркивает крупнейшая правая аргентинская газета «Кларин»[363], говоря о гибели Э. Гевары.

Уже цитировавшаяся нами мексиканская «Эксельсиор» даже при всем своем неприятии насилия отмечает, что можно даже говорить об известной пользе насилия. «Ибо перспектива связанных с ним разрушений и потерь пробуждает ответственность за своевременные и необходимые преобразования в странах региона». И добавляет, что речь идет не только о трансформации анахроничных структур, но и о создании новых, более эффективных, на службе у всего народа... А пока было бы ошибочным утверждать, что в Латинской Америке мы достигли всеобщего уважения к человеческой личности и к ее проявлениям в экономической, культурной, духовной и политической областях. Поэтому нельзя ожидать, что с поражением герильи наступят мир и спокойствие. Порядок может устанавливаться только путем справедливости...»[364].

По существу, те же мысли высказывала сальвадорская «Ла Пренса Графика»: «Опыт Гевары показал, что есть только один способ покончить с «возмутителями спокойствия» — решить социально-экономические проблемы, улучшить условия жизни народа в целом»[365].

Некоторые материалы звучали как упрек Геваре, но опять же не за его стремление освободить континент от бедности, слаборазвитости и пут иностранной зависимости, а в отношении частных моментов (некоторых просчетов, ошибок в тактике, чрезмерных или «утопических» надежд).

Наиболее резко на общем фоне подобных критических замечаний прозвучали слова боливийского министра Рикардо Анайи, опубликованные газетой «Пресенсиа»: «Че Гевара пал жертвой, не найдя себе места в истории, а также из-за своего фантастического воображения. Это была личность, не сумевшая постичь разницу между утопической революцией и революцией, предопределенной объективными и субъективными условиями данного момента»[366]. (*Прим. авт.*: При чтении этих слов Анайи мне на память пришло высказывание испанского публициста Э. Сальгадо, далеко не адепта Че: «Ничего авантюрного не было в

приезде Че в Боливию после выполнения им лишь части той миссии, которую он возложил на себя в жизни. Он знает, кто он, куда идет и на что надеется...»)[367].

Мексиканская газета «Эль Универсал» опубликовала статью А. Альфонсо «Поражение партизан в Латинской Америке», в которой автор писал: «Жаль, что латиноамериканские коммунисты не вняли предупреждению французского марксиста Г. Эдме, писавшего в своем эссе «Угасающая революция», что партизанская война, которую вел Кастро на Кубе, не получит успешного развития ни в какой другой стране Латинской Америки. Финал и смерть Че подтверждают этот тезис Эдме. Р. Дебре тоже не мог убедиться в правильности своих заключений, сделанных в книге «Революция в Революции»[368]. И, как бы отвечая на эти упреки, соотечественники А. Альфонсо пишут в газете «Эксельсиор»: «Похоже, что Че понял, что столь прагматичная на первый взгляд коммунистическая доктрина тоже нуждается в красивой легенде, мифе»[369].

В некоторых публикациях просматриваются попытки увязать «боливийскую миссию» Че с Кубой, его отношениями с Ф. Кастро. Так, Х. Очоа в статье «Каковы причины «самоубийства» Че Гевары?», опубликованной в мексиканской «Новедадес»[370], обращает внимание читателей на такие моменты, как, говоря его словами, «провал Гевары в министерстве промышленности, ошибочная позиция в споре СССР и Китая по вопросу о вооруженной борьбе». Х. Очоа не преминул даже сослаться на вырванные им из контекста известные слова Гевары из его письма Фиделю: «...единственно, что мне жаль, что не доверял тебе с самого начала» (но ни Фидель, ни сам Эрнесто, как видно из фактов, не придавали значения этим словам, как это делает мексиканский журналист. — *Ю.Г.*).

Прочитав эту статью, я был готов поспорить с автором, но после его еще одного «убийственного» довода такое желание у меня просто пропало. Думаю, что читатель поймет, почему. Вот этот пассаж.

Выступая как-то по телевидению в присутствии Гевары и отмечая первые достижения кубинской промышленности, Ф. Кастро сообщил, что на Кубе уже производится «собственная «кока-кола», как в США». На что всегда ироничный Че весьма самокритично (он был тогда министром промышленности) заметил: «Нам только осталось устранить из нее («кока-колы». — *Ю.Г.*) запах ржавой гайки»(!) Х. Очоа вообразил, что подобная шутка могла испортить дружеские отношения двух лидеров. Мне его жаль...

Не выдерживает критики и другой его «довод»: дескать,

Гевара знал о своем близком конце из-за неизлечимой астмы и не хотел умереть за рабочим столом (заметим только, что и на Кубе есть много других привлекательных мест помимо «рабочего стола»! — *Ю.Г*).

Более категорична в своих выводах чилийская «Эль Сур»: «Без прямого руководства и участия людей, прибывших непосредственно с Кубы, партизанские акции не смогли бы распространиться в Боливии»[371].

Обращает на себя внимание вывод венесуэльского политолога М. Бальмаседы, который, рассматривая причины поражения Гевары, отмечает в статье в газете «Эль Мундо»[372], что Че не принял во внимание обстоятельство, что в Боливии 85% занятых в сельском хозяйстве были не безземельные крестьяне, а собственники земли (добавим: в отличие от Кубы, где последних было только около 10%, а остальные составляли сельский пролетариат. — *Ю.Г.*).

На недостаточно ясные представления у Э. Гевары о боливийском крестьянстве указывает и «Эль Сур». В частности, на то, что партизанам пришлось иметь дело не с индейцами-кечуа, а в основном с амазонскими, еще более отсталыми представителями индейской расы. Правда, заметим, что Гевара и сам отмечал это обстоятельство в своем Дневнике.

В рассматриваемом библиотечном досье встретились мне и неприкрытые (но чаще завуалированные) упреки некоторым латиноамериканским коммунистам, марксистам-теоретикам, проявлявшим, по мнению авторов статей, недостаточную активность в освободительной борьбе латиноамериканских народов. Характерным в этом отношении было следующее высказывание в мексиканской «Эль Соль»: «Пример Че Гевары всегда будет служить упреком в адрес салонных марксистов, для которых характерен политический оппортунизм, жизнь ленивых буржуа... Сколько таких у нас в Мехико!»[373].

И наконец, хотелось бы привести еще один, весьма любопытный и, как нам кажется, показательный пример. В Нью-Йорке в те годы издавалась газета «Эль Тиемпо» («Время». — *Ю.Г.*) на испанском языке, среди ее спонсоров было много и кубинских эмигрантов «последней волны». 13 октября 1967 года газета поместила редакционную статью, в которой говорилось, что «газетчики снимают шляпу в связи с гибелью легендарного партизана»[374].

Думается, что выступления в Латинской Америке различных партизанских отрядов во второй половине XX века наложили известный отпечаток и на поведение правящих кругов в странах этого континента. В частности, в последние годы там все чаще

начинают раздаваться голоса протеста против имперской политики США. И не только на улице. Уже совсем недавно, в начале 2004 года, возник весьма серьезный аргентино-американский конфликт из-за упомянутой политики. Помощник государственного секретаря Соединенных Штатов по межамериканским делам Роджер Нориега попытался одернуть аргентинское руководство за его «дружественные» отношения с Кубой. В ответ последовала публичная и весьма резкая реакция Буэнос-Айреса. Глава кабинета министров Альберто Фернандес заявил прессе, что «прошло время автоматической поддержки Аргентиной Соединенных Штатов». А президент страны Нестор Кирхнер, комментируя выходку Нориеги, высказался еще более определенно. «Хватит нам, — сказал он, — быть тем ковриком, об который вытирают ноги. Мы — страна с достоинством!»[375].

Глава 11 «ВТОРАЯ РОДИНА» ПОМНИТ

Кубинская печать, начиная с 10 октября 1967 года, стала публиковать различные подробности и версии о гибели Че. Все эти сведения печатались пока без комментариев: страна ждала, что скажет Фидель...

Команданте подтвердил это печальное известие в своем выступлении по телевидению и радио. «Изучив и проанализировав всю информацию, которой мы располагаем, — сказал он, — мы пришли к заключению, я с болью говорю об этом, что известие о смерти товарища Че Гевары является правдой»[376]. Фидель Кастро подробно осветил обстоятельства гибели соратника и разоблачил попытки убийц замести следы своего преступления. Правда, пока он ничего не сказал о самых изощренных из них (по-видимому, информация о них тогда еще не поступила в Гавану), но он скажет об этом позже.

В тот же день в стране объявлялся 30-дневный траур, а 8 октября — «Днем Героического партизана», который теперь отмечается на Кубе каждый год. Утверждалась комиссия по проведению траурных мероприятий и увековечению памяти Эрнесто Гевары — во главе с его соратником Хуаном Альмейдой. Позднее будет создана при ЦК КПК Комиссия по творческому наследию Че, где теперь хранится все, что писал он и все, что писали о нем. (*Прим. авт.*: Благодаря прекрасно налаженной работе Комиссии, мне удалось познакомиться в ее архиве с неопубликованными письмами команданте.)

...Вечером 18 октября на площади Революции в Гаване собрались жители кубинской столицы. Выступал Фидель Кастро. В глубокой тишине он необычно тихим для него голосом рассказал о героической деятельности Че Гевары в Боливии и его трагической смерти там.

Глава кубинского государства объяснил соотечественникам причины того, почему в течение долгого времени официально не сообщалось о местонахождении Гевары. (*Прим. авт.*: Еще 3 октября 1965 года, говоря об отъезде Че с Кубы, Фидель сообщил, что Че оставил письма родителям, детям и ему. Он сказал, что они переданы адресатам, а свое зачитал собравшимся.) (*Прим. авт.*: О письме Фиделю уже рассказывалось выше, поэтому мы ограничимся здесь лишь цитированием только некоторых абзацев.) Вот эти выдержки из письма:

«...Перебирая дни прожитой жизни, думаю, что я работал

достаточно честно и упорно в интересах торжества революции. Единственным моим серьезным упущением было, что недостаточно верил в тебя в первые дни Сьерра-Маэстры (помните, за это признание «ухватился» мексиканский журналист. — *Ю.Г.*) и не сразу понял твои качества лидера и революционера... Я горжусь, что следовал за тобой без колебаний, воспринимая как собственную твою манеру мыслить, понимать и оценивать опасности и убеждения...»

Теперь, выступая перед страной после гибели Гевары, в заключение митинга Фидель призвал кубинцев «быть такими, как Че, без единого темного пятна в своем поведении» и добавил, что «Че служит для нас образцом!»[377].

А вот тексты писем Гевары родителям и детям.

«Дорогие старики!

Я вновь чувствую своими пятками ребра Росинанта, снова, облачившись в доспехи, я пускаюсь в путь. Около десяти лет назад я написал Вам другое прощальное письмо. Насколько помню, тогда я сожалел, что не являюсь более хорошим солдатом и хорошим врачом; второе меня уже не интересует, солдат же из меня получился не столь уж плохой.

В основном ничего не изменилось с тех пор, если не считать, что я стал значительно более сознательным, мой марксизм укоренился во мне и очистился. Считаю, что вооруженная борьба — единственный выход для народов, борющихся за свое освобождение, и я последователен в своих взглядах. Многие назовут меня искателем приключений, и это так. Но только я искатель приключений особого рода, из той породы, что рискуют своей шкурой, дабы доказать свою правоту.

Может быть, я пытаюсь сделать это в последний раз. Я не ищу такого конца, но он возможен, если логически исходить из расчета возможностей. И если так случится, примите мое последнее объятие.

Я любил вас крепко, только не умел выразить свою любовь. Я слишком прямолинеен в своих действиях и думаю, что никогда меня не понимали. К тому же было нелегко меня понять, но на этот раз — верьте мне. Итак, решимость, которую я совершенствовал с увлечением артиста, заставит действовать хилые ноги и уставшие легкие. Я добьюсь своего.

Вспоминайте иногда этого скромного кондотьера XX века.

Поцелуйте Селию, Роберто, Хуана-Мартина и Пототина, Беатрис, всех. Крепко обнимает Вас Ваш блудный и неисправимый сын Эрнесто».

Конечно, письмо детям совсем другое и более краткое:

«Дорогие Ильдита, Алеидита, Камило, Селия и Эрнестито!

Если когда-нибудь вы прочтете это письмо, значит, меня не будет среди вас.

Вы мало что вспомните обо мне, а малыши не вспомнят ничего.

Ваш отец был человеком, который действовал согласно своим взглядам и, несомненно, жил согласно своим убеждениям.

Растите хорошими революционерами. Учитесь много, чтобы овладеть техникой, которая позволяет властвовать над природой. Помните, что самое главное — это революция, и что каждый из нас в отдельности ничего не значит.

И главное, будьте всегда способными самым глубоким образом почувствовать любую несправедливость, совершаемую где бы то ни было в мире. Это самая прекрасная черта революционера.

До свидания, детки, я надеюсь еще вас увидеть.

Папа шлет вам большущий поцелуй и крепко обнимает вас»...

В адрес кубинского руководства, начиная с 16 октября, шел поток посланий с соболезнованиями из различных стран, поступило такое послание и от ЦК КПСС...

Летом следующего года в мировой печати снова появились сенсационные сообщения, связанные с именем Че Гевары: в Гаване объявлено, что кубинское правительство получило из Боливии от одного «доброжелателя» фотокопию Дневника Че. Сообщалось также, что кубинское руководство, убедившись в подлинности документа, решило опубликовать его на Кубе для бесплатного распространения, а также безвозмездно передать копии зарубежным издательствам с целью его опубликования за границей.

Из Ла-Паса немедленно последовала реакция генерала Баррьентоса. Он заявил, что все фотокопии Дневника Че находятся под его личным контролем и что единственно, что в состоянии сделать кубинцы, — это представить подложную копию либо часть Дневника, склеенную из фрагментов, опубликованных в разное время самим боливийским правительством.

Фидель Кастро выступил 3 июля того же года по гаванскому телевидению и представил всеобщему обозрению фотокопии Дневника Че и другие документы из его рюкзака. Он не преминул также разоблачить махинации боливийских правящих кругов, пытавшихся продать иностранным издательским фирмам упомянутый документ за баснословную сумму.

Президенту Баррьентосу не оставалось ничего другого, как

признать, что Гавана действительно обладает подлинными документами Че Гевары. Конечно, это он сделал не из соображений совести, а боясь дополнительных разоблачений. И чувство самосохранения его не подвело: 19 июля из Боливии в Чили бежал министр внутренних дел Антонио Аргедас, один из самых информированных и доверенных людей президента. В чилийской столице Аргедас заявил журналистам, что являлся агентом ЦРУ и что это именно он, решив порвать со «зловещей бандой, которая плетет заговор против человечества», переслал документы Че в Гавану. (*Коммент. авт.*: читатель уже знаком с этой акцией, открывающей первую главу данной книги).

На судебном процессе, состоявшемся над добровольно вернувшимся в Ла-Пас Аргедасом, тот признал, что он передал Дневник Че в Гавану безвозмездно и из патриотических побуждений. Мотивируя свой шаг, он сообщил также следующее[378]:

«Из бесед с североамериканскими чиновниками я выяснил, что правительство США хотело вызвать широкий интерес к содержанию походного дневника майора Эрнесто Гевары, дабы затем дать дневнику собственную версию и внести значительные изменения в оригинал с целью оправдать многостороннюю вооруженную агрессию против Кубы (в то время такая акция планировалась Вашингтоном совместно с ОАГ. — *Ю.Г.*) и массовые репрессии внутри страны. То есть была задумана провокация с выпуском фальшивого или далекого от подлинного текста дневника».

Любопытный разговор состоялся между Аргедасом и председателем суда:

«Судья: вы коммунист?

Аргедас: Я марксист-гуманист.

Судья: Какого вы мнения о Геваре?

Аргедас: Он — герой, пример для всей Америки.

Судья: Расскажите суду, были ли вы знакомы с Эрнесто Че Геварой и братьями Передо и какие отношения вы с ними поддерживали?

Аргедас: Я не имел чести лично знать майора Эрнесто Гевару. С майором Инти Передо у меня было шапочное знакомство. Что же касается майора Роберто Передо (Коко), лично я его глубоко уважал, хотя никогда не поддерживал с ним связей политического характера».

И, конечно, не приходится удивляться, что после таких признаний (особенно по поводу ЦРУ) Аргедаса пытались расстрелять из пулемета на одной из улиц боливийской столицы. Поняв, что его жизнь находится в большой опасности, он с семьей

уехал на жительство в Гавану.

Там на митинге 26 июля 1970 года Фидель Кастро информировал кубинский народ о следующем:

— «После истории с дневником д-р Аргедас продолжал бороться и старался переправить в нашу страну гипсовый слепок с лица Че, маску, которая была сделана там в день, когда он был убит, и, кроме того, он сохранил и переправил в нашу страну кисти рук Че Гевары. (Площадь замерла. Фидель помолчал несколько секунд, как будто переводя дыхание, и продолжал):

— Руки Че хорошо сохранились. Кубинские специалисты приложили для этого особые усилия.

Традиции нашей страны известны. Она хоронит своих сынов. Это традиция. У каждого народа есть свои традиции. Масео, Марти были похоронены. И так мы будем поступать всегда. Но мы задались вопросом: «Что делать с руками Че?» (Фидель снова помолчал, вопросительно оглядывая собравшихся, многие невольно при этом обратили свой взор на сидевшую на трибуне женщину, одетую во все черное, — это была Алеида Марч, вдова Гевары)...

— Это его плоть, — продолжал оратор, — единственное, что у нас осталось от него. Нам даже неизвестно, удастся ли нам когда-нибудь найти его останки. Но у нас есть руки, которые практически в целости и сохранности.

И именно поэтому мы желаем задать народу вопрос, каково его мнение по этому вопросу. (Как будто на одном выдохе над площадью прокатилась волна: «Сохранить!»)

Сохранить? Тогда мы хотим вынести на суд народа такое предложение: уже сделана копия с маски, и мы можем сделать таким способом много репродукций и сохранить оригинал маски. Можно также хранить руки Че в стеклянной урне и поставить ее здесь, у статуи Марти, в каком-нибудь зале в день очередной годовщины его гибели. Это руки, в которых он держал оружие, ведя борьбу за освобождение, руки, которыми он писал, излагая свои блестящие мысли, руки, которыми он работал на плантациях сахарного тростника, в портах, на стройках. И можно сделать нечто вроде музея Че, если вы захотите, нечто вроде временного музея. (В этот момент Алеиды на трибуне уже не было. Ее, видимо, увели врачи. — *Ю.Г.*).

— Че не принадлежит нашей стране, — продолжал оратор. — Че принадлежит Америке. И в один прекрасный день эти руки будут находиться там, где пожелают народы Америки. А пока наш народ будет хранить их и будет заботиться о них...

Итак, в ближайшую годовщину гибели Че Гевары мы откроем это помещение, где будут находиться его маска и его руки и куда

сможет свободно приходить народ и осматривать их. Хотя нужно признать, что в такой момент любому человеку будет трудно. Я знаю, что на многих товарищей даже сама эта идея произвела большое впечатление, оказала сильное воздействие. Я понимаю, что такое же воздействие это окажет и на всех вас.

Перед началом митинга здесь была Алеидита. Я разговаривал с ней, и я сказал ей об этом, чтобы не застать ее врасплох. Ее глаза немного покраснели, из них выкатилось несколько слезинок, но она сказала: «Да, хорошо».

Так что подруга Че знала об этом. Отец знал об этом. Об этом знало всего несколько человек. Дети, конечно, об этом не знали. (Фидель тяжело вздохнул, как после тяжелой работы, и продолжил):

— Так или иначе, мы всегда будем крайне признательны д-ру Аргедасу за то, что он сделал.

Че убили, но не смогли помешать тому, чтобы его Дневник попал на Кубу. Старались сделать так, чтобы его тело исчезло, но не смогли помешать тому, чтобы его руки оказались на Кубе. Неизвестно, для чего сделали его маску, но ничто не могло помешать тому, чтобы она попала в руки кубинского народа.

— Справедливая идея, дело Че, его достоинство, его величие сделали то, что казалось невозможным. Человек, который официально был в составе боливийского правительства, ведшего борьбу против Че, рисковал жизнью не один, а много раз, чтобы спасти Дневник Че и переправить его на Кубу, а затем чтобы спасти руки и маску Че и переправить их нам...[379].

Кубинский лидер сдержал слово. К очередной годовщине со дня гибели Че Гевары его маска и руки были выставлены на всеобщее обозрение в небольшом мемориальном зале в Гаване. Нескончаемой вереницей шли кубинцы, иностранные гости Кубы, чтобы поклониться памяти «героического партизана».

И все же Фидель Кастро был прав, когда предупреждал о слишком сильном психологическом воздействии подобной картины на многих людей. Были даже случаи, когда во время посещения упомянутого зала люди, особенно пожилые, теряли сознание, падали в обморок...

В 1997 году в г. Санта-Клара, штурмом которого во время Повстанческой войны руководил Э. Че Гевара, на площади его имени был сооружен скульптурный Мемориальный комплекс в честь Героического партизана.

Образ Че Гевары, его дело стали одной из центральных тем воспитательной и просветительской деятельности на Кубе. Постоянно возвращается во многих своих выступлениях к теме «личность Гевары» Фидель Кастро. Вот его слова, произнесенные

в одном из них:

«Че был человеком, к которому люди сразу же испытывали привязанность за его простоту, характер, естественность, оригинальность, даже еще не зная о многих других его достоинствах»[380].

Со дня смерти национального героя кубинцев прошло почти сорок лет. Его не застали в живых даже многие сегодняшние отцы и матери. Тем не менее, на Кубе каждый школьник сегодня может рассказать вам о Геваре.

Об этом свидетельствуют страницы сочинений даже еще тех школьников, которые писали их о команданте, как об одном из героев только что победившей революции. Они были на писаны учениками 1—3 классов маленькой сельской школы в горной заимке Санта-Ана (по кубинским правилам, это дети 6—8-летнего возраста). Я выписал из них только отдельные строчки:

«Че был аргентинцем и кубинцем. Он сражался в горах, на равнине, везде, где шла война».

«Он был невысокий, нес винтовку на плече, курил сигару, ехал на осле и... боролся с тираном Батистой».

«Че был боевой человек... с детства думал о свободе».

«Че был большим патриотом, он шагал по здешним горам и по другим тоже. Его ранили в Альто-дель-Конрадо. У него были такие же идеи, что и у Фиделя и у других патриотов в Сьерра-Маэстре...»

«Че боролся за то, чтобы у нас была школа. И Фидель тоже...»

А вот фрагмент из беседы с 8-летним учеником той же школы:

«Учитель: Чем занимался Че?

Ученик: Он сражался с тиранией.

Учитель: Какой тиранией?

Ученик: Тиранией Батисты.

Учитель: Ты помнишь об этой тирании сам?

Ученик: Нет, отец рассказывал.

Учитель: Чем еще занимался Че в Сьерре?

Ученик: Курил сигары...»

Милая детская непосредственность, замешанная на глубоком уважении и почитании национального героя...

А что же собственные дети Эрнесто Гевары? Мы уже упоминали о них.

Они, как и предсказывал Че в своем прощальном письме им, выросли и стали достойными гражданами Кубы. Помните, что писал их отец в письме на имя Фиделя Кастро: «Не оставляю ничего материального моей жене и детям, и меня это не огорчает, а радует. И не прошу ничего для них, так как государство

предоставит им все необходимое для жизни и образования».

В ноябре 2003 года дочь Алеидита, ныне — детский врач, посетила Москву. Ее тепло встретили россияне. В московском Доме дружбы с народами зарубежных стран в честь нее, президента общества «Куба — Россия», был организован торжественный вечер.

В предисловии к книге я упоминал Антонио Нуньеса Хименеса. Пройдя вместе с Че Геварой часть Повстанческой войны на Кубе, он получил звание капитана и после победы революции возглавлял Национальный институт аграрной реформы (исп. аббревиатура — ИНРА), а затем стал президентом Академии наук Кубы. Будучи совсем молодым, Антонио увлекался наукой, особенно географией и спелеологией (изучение пещер). Вообще, трудно сказать, какой из наук не увлекался бы он. Даже в университете А. Нуньес «умудрился» поучиться на инженера-агронома, а также на филолого-философском факультете. В начале 70-х годов он был назначен послом в Перу, где и продолжилась наша с ним дружба.

Не могу сказать, что они с Геварой были друзьями, но хорошими товарищами — безусловно. Нуньес много общался с Че, в частности в ИНРА, где команданте возглавлял некоторое время департамент промышленности. Гевара всегда видел в молодом ученом интересного собеседника.

Во время наших с Нуньесом перуанских встреч он охотно вспоминал о своем погибшем товарище. Вот что сохранила моя память из этих рассказов о Че.

Нуньес Хименес пришел в колонну Че Гевары, когда она начала свои действия в провинции Лас-Вильяс, участвовал в штурме ее столицы, города Санта-Клары. Помимо боевых заданий, командир поручал «профессору», как в шутку он его звал (до войны Антонио преподавал в университете, написал ныне известный во всем мире труд — «Географию Кубы». — *Ю.Г.*), некоторые пропагандистские акции. Например, он написал воззвание «К кубинскому народу». В нем, в частности, были такие слова:

«Наша армия — это армия крестьян, рабочих, студентов и интеллектуалов, и ее миссия, кроме руководства войной за свержение тирании, обеспечить демократию для всех, установить свободу слова и мысли, осуществить аграрную реформу с немедленным разделом земли... установить профсоюзную демократию, гарантировать принятие справедливых требований рабочих и всех тех мероприятий, которые необходимы для обеспечения народных прав...»[381].

Прочитав текст, Че остался доволен и приказал размножить

его на ротаторе.

Доверял он Нуньесу и многие ответственные боевые операции, учитывая, помимо храбрости капитана, и его хорошее знание провинции Лас Вильяс, его малой родины. Например, он провел колонну незамеченной по проселочным дорогам в район университетского городка, расположенного в нескольких километрах от Санта-Клары. Студенты, преподаватели и обслуживающий персонал, несмотря на рассветный час, восторженно встретили 300 «барбудос», особенно когда в одном из них узнали профессора «дона Антонио».

Говоря о Геваре, мой собеседник не раз возвращался к теме его исключительной человечности. В день наступления на Санта-Клару, когда колонна медленно продвигается по шоссе и входит в один из пригородов, жена Нуньеса, боец Лупе Велис, говорит Че, что в этом местечке находится их с Антонио двухлетняя дочь, оставленная на попечение друзей. Поручив своему заму колонну, команданте садится в «джип», приглашает в него Антонио с женой и везет их к указанному дому, чтобы убедиться, что с их дочуркой все в порядке.

После разгрома стоявшего на запасных путях батистовского бронепоезда, о чем мы рассказывали в начале книги, Че приказывает сохранить жизнь взятым в плен 400 вражеским солдатам и офицерам, а последним разрешает сохранить личное оружие. Чтобы не было ненужной расправы (многих бойцов «сжигало» чувство мести за погибших родственников), командир просит Антонио взять двух повстанцев и сопроводить пленных на грузовиках до порта Кайбариен. «Хотя нас было только трое, — вспоминал Нуньес, — пленные были так ошарашены происходившим, что никто из них и не подумал бежать... По дороге население нас восторженно приветствовало, а пленным выражало всячески свою неприязнь. Нам стоило большого труда защитить этих вояк от народного гнева. В Кайбариене я связался по радио с курсировавшим поблизости батистовским фрегатом и пригласил его зайти в порт, чтобы забрать моих подопечных пленников. На запрос капитана корабля инструкций у командования последнее ответило, что считает пленных подлыми трусами, с которыми повстанцы могут поступать по своему усмотрению. Пришлось оставить пленных в местном морском клубе на попечение народной милиции...»

Рассказав эту историю, посол добавил, что и на Кубе и в Боливии, где Че тоже весьма гуманно обходился с пленным противником, армейцы должны были бы учиться у него человечности.

Воспользовавшись упоминанием Нуньесом страны, где погиб

Гевара, я попросил высказать свое мнение о «боливийской герилье».

Многие, кто пишет на эту тему, отметил он, обращают внимание на недостаточную подготовленность партизанского «очага» (я про себя сразу вспомнил слова Р. Дебре о заметной «импровизации» в деятельности отряда), но главное было в другом — в «огромной идеализации» Геварой и людей, и обстоятельств. Я напомнил послу слова английского философа Честертона: «Каждый человек по-своему идеалист, но вот беда: часто их идеал — ошибочный». Это так, подтвердил собеседник, хотя идеал Че, его мечту о свободном и справедливом обществе вряд ли можно назвать ошибкой. А идеализировал он многое. Мы как-то, заметил Нуньес, крепко с ним поспорили по этому поводу, когда работали вместе в ИНРА.

Вернувшись к обвинениям Че в недостаточной подготовке партизанской акции в Боливии, А. Нуньес заметил, что тот, кто это утверждает, упускают из виду два очень важных обстоятельства. Во-первых, то, что подготовка велась в условиях такой суперсекретности, что даже ближайшее окружение Фиделя не было посвящено во все детали, что может вести, естественно, к неправильным выводам по этому вопросу. Вспомни, сколько спекуляций было в мире по поводу его «исчезновения» с Кубы. Писали, что видели его с перонистами Аргентины, партизанами Колумбии и Перу, что он был застрелен якобы ненавидевшим его О. Дортикосом прямо на заседании кубинского Совмина, что был изгнан с Острова и скитается в поисках смерти в Амазонии. Кубинские «гусанос» в Штатах тоже внесли свою лепту. Перефразировав бельгийскую песню, они напевали в Майами: «Тинтин (так они прозвали Че. — *Ю.Г.*) потерялся, Тинтин потерялся, где же он, Тинтин?»

(*Прим. авт.*: Я действительно был наслышан о разных «версиях» пропажи кубинского министра. Дочь генсека КП Венесуэлы Мачадо якобы даже сказала знакомому журналисту: «Если поедешь на Кубу и увидишь Фиделя, спроси от имени моего отца, сидящего в венесуэльской тюрьме, куда он девал Че?!»)[382].

Во-вторых, сказал посол, часто забывают, что Гевара, оказавшись на боливийской территории, отнюдь не собирался тут же начинать боевые действия. Самое раннее, он намеревался сделать это через год, но ряд буквально роковых обстоятельств вынудили его, как говорят военные, принять бой. Ведь Че вообще не думал о скорой победе. Скорее он был готов к длительной борьбе в течение многих лет (именно партизанская война это позволяет), пока не разгорится большой пожар освободительной войны на континенте...

Посол подошел к книжной полке, взял оттуда книгу с портретом Э. Гевары на обложке и продолжал:

— Вот, посмотри Дневник Че. Описывая все удачи, поражения и тяготы партизанской жизни, в которой отмечает предательство, скаредность, трусость, эгоизм у отдельных бойцов, вместе с тем в ежемесячных резюме Эрнесто всякий раз идеализирует партизан. Он пишет: «У всех бойцов мораль на высоте» и т.п.

— Может быть, это результат его высокого оптимистического настроя? — прерываю я рассуждения посла.

— Тут я с тобой полностью согласен. Только добавлю: огромного оптимизма. Че действительно был, как говорят, неисправимым оптимистом. Вся его натура романтика, бунтаря, поэта дышала оптимизмом. Я бы даже сказал, излучала его.

— И при этом, — заметил я, — совершенно скептическое отношение к своему здоровью: стою на слабых ногах, с дырявыми легкими, долго не проживу и пр.

— Это ты верно подметил, — сказал Нуньес, — но это скорее беспощадный диагноз медика, чем оценка своих сил борцом.

Зная о том, что вторая жена Гевары, Алеида, и супруга Нуньеса, Лупе, были обе бойцами Повстанческой армии и дружили, я поинтересовался у посла, дружили ли их семьи, как говорится, домами.

— К сожалению, практически нет, — признался мой собеседник, — ты же знаешь, как все мы тогда работали, особенно Че, который выступал сразу в нескольких ипостасях и по существу был правой рукой у Фиделя. А что касается наших «половинок апельсина» (так латиноамериканцы называют свои «половины». — *Ю.Г.*), то обе были «максимально загружены» проблемой роста кубинского населения... Правда (Антонио лукаво улыбнулся), я всегда в душе завидовал Че, к семье которого прибавлялись как девочки, так и мальчики, а мы с Лупе в «поисках мальчика» сподобились родить только четырех дочек... (*Прим. авт.*: Супруги на Кубе, имеющие только дочерей, при очередной беременности жены говорит: «Снова ищем мальчика».)

Вспоминая о первых годах после победы революции, посол заметил, что Э. Гевара интересовался буквально всем. Например, работая в ИНРА, активно поддержал идею создания на селе так называемых народных лавок, в которых все товары продавались крестьянам почти по себестоимости, за счет исключения из торговой цепочки посредников. Или проблема питания. До революции подавляющее большинство жителей Кубы потребляло мало белков. По данным экспертов ООН, после Второй мировой войны на продукты животного происхождения приходился лишь 21% (по калорийности) среднедушевого рациона кубинцев (в

США — 41%). Остро стояла и проблема структуры питания, в том числе и у обеспеченных слоев. В условиях жаркого тропического климата кубинец не только ел много жирного вообще, но в составе потребляемых им жиров значительно преобладал свиной жир (лярд или шпик), и крайне мало потреблялось растительного масла. По словам Нуньеса, это объяснилось не только сложившимися традициями, но и более низкой ценой упомянутого жира по сравнению с растительными маслами.

Э. Гевара, не понаслышке, а как врач, знавший, как много на Кубе больных, страдающих печенью, холециститом и т.п., придавал большое значение решению этого вопроса (см. его выступление «Революционный врач» перед кубинскими медиками, вошедшее в Приложения к этой книге). Он видел и экономическую сторону данной проблемы: США традиционно поставляли на Кубу по бросовым ценам почти не употреблявшийся ими свиной жир. При таких ценах, а также при отсутствии необходимых перерабатывающих мощностей растительного сырья на Острове производить другие виды жиров (из растений) было делом нерентабельным. (Прим. авт.: К этому стоит добавить, что многие масличные культуры, особенно подсолнух, являются растениями «длинного дня» и в условиях кубинских субтропиков произрастают плохо.)

По предложению Че Гевары, правительство Кубы подняло цену на лярд и путем ряда мер снизило цены на растительные масла. При этом Че часто повторял, сказал Нуньес, что мы должны думать не только об экономической выгоде, но и о здоровье народа.

Добавим к этому, что уже в 1960 году средний рост потребления продовольствия на Кубе составил 40%, а рост потребления мяса — 50%. Трудящиеся стали потреблять больше молочных, рыбных и других продуктов, почти недоступных им в прежние времена[383].

В другой раз снова разговор у нас с Нуньесом Хименесом зашел о «героическом партизане». Зная о том, что Антонио многократно бывал в Советском Союзе (кстати сказать, он возглавил первую официальную делегацию Кубы в СССР), имел там много друзей и вообще был высокого мнения о советских людях, я затронул тему «Че и СССР». При этом рискнул несколько в лоб поинтересоваться, не идеализировал ли он и нас, советских людей. Не скрою, исходя из нашей старой дружбы с Нуньесом, я рассчитывал на искренний, а не дипломатический ответ. И я его услышал:

— Пойми, Че просто не мог, насколько я его знал, не идеализировать своих единомышленников. Во-вторых, ему, быть

может, больше, чем другим людям, было присуще чувство благодарности, будь то целая страна или отдельный человек. Мне думается, степень благодарности к СССР у него тоже видоизменялась. Если в первые месяцы после нашей победы в связи с вашей поддержкой Кубы она означала элементарное «спасибо», то спустя два-три года она превратилась в «большое спасибо, братья!».

— Я, — продолжал посол, — разговаривал с Че сразу после его возвращения из первой поездки в СССР. Казалось, его переполняло восхищение от увиденного там. Но больше всего его очаровали простые люди, искренне встречавшие его, старавшиеся сказать доброе слово в адрес Кубы. «И все это с такой естественностью, радостью и чувством товарищества!» — восторгался он. Мне кажется, он почувствовал в ваших людях что-то сродни его характеру, сродни ему самому.

Как будто почувствовав, что я жду от него продолжения этой темы, Нуньес добавил: — Ты знаешь, что отношения наших стран имели не только подъемы, но и некоторые спады, как, скажем, после Карибского кризиса. Че, поверь мне, больше других переживал эти охлаждения, особенно когда сталкивался с проявлениями неискренности со стороны некоторых советских руководителей (*Прим. авт.*: Мне при этих словах вспомнился случай недружественного высказывания о кубинцах руководителя одной советской республики в гаванском отеле, зафиксированный местными спецслужбами.)

— Но, — добавил посол, — Че никогда не отождествлял простых советских людей с подобными руководителями.

Не менее интересными были для меня воспоминания о Че Геваре другого его кубинского соратника и тоже команданте Хуана Альмейды. Мы не раз упоминаем его имя на страницах этой книги.

Совсем юным пареньком поступил он на стройку рабочим. После установления в стране диктатуры Батисты включился в революционное движение, участвовал в нападении на казармы Монкада. Был арестован. Выйдя из тюрьмы по амнистии в 1955 году, эмигрировал в Мексику. Затем участвовал в экспедиции на «Гранме». Был одним из командиров Повстанческой армии. После победы революции назначался командующим войсками в Центральной зоне, заместителем министра Революционных вооруженных сил. С конца 1976 года — заместитель председателя Государственного совета Кубы.

Мы познакомились с Альмейдой при весьма необычных обстоятельствах, если учесть, что он был не культурным работником, а военным. Дело в том, что Хуан наделен

исключительными музыкальными способностями. Музыке он никогда профессионально не учился, но является талантливым композитором, на Кубе издано много пластинок с его сочинениями. Мы познакомились с ним на одной музыкальной вечеринке, я его приглашал потом на встречи с приезжавшими на Остров нашими музыкантами, и мы стали приятелями. Поэтому когда в 1972 году я приехал в месячную командировку на Кубу, мы пару раз встречались и беседовали, в том числе о его друге Че Геваре.

Альмейда вспоминал о нем с большой теплотой.

— Главное, — сказал он, — что сделали Фидель и Че, — они доказали всему миру и нам, кубинцам, что слова «Интернационала» «кто был никем, тот станет всем!» — это не выдумка, а реальность... Че настолько был окрылен победой нашей революции, что, вопреки всему, мечтал повторить ее в других странах.

На мой вопрос, можно ли Гевару считать мечтателем, команданте ответил утвердительно, добавив, что Эрнесто был «мечтателем-практиком»: все, о чем он мечтал, пытался с поразительным упорством осуществить. И в этом ему сопутствовали всегда колоссальное терпение и выносливость. Он вспоминал, как в Сьерра-Маэстре его друг, часто совсем обессиленный астмой, нес тяжеленный рюкзак, оружие и сумку с медикаментами. Однажды рядом с ним пуля ранила молодого новобранца, и тот почти плакал от боли. Гевара, которого в тот момент мучил астматический приступ, усилием воли прекратил кашель и, шуткой подбадривая парнишку, стал его перевязывать. Кстати, добавил мой собеседник, мне всегда казалось, что медицина у него и врачевание были от Бога. В любых условиях, не имея всего необходимого, он буквально с одним острым ножом в руках извлекал осколки, пули, лечил изобретенными им самим травяными лекарствами.

— Нас, выросших в обществе индивидуализма, где каждый думал только о себе, — продолжал Альмейда, — особо поражало в нем абсолютное отсутствие эгоизма, полное забвение о себе (Хуан стал вспоминать многие примеры того. Мы не будем их повторять здесь: ими изобилует и наша книга). И, конечно, Че абсолютно не допускал (мог даже дать бурный нагоняй!) проявления особого отношения к себе. Как-то раз плохо еще знавший его молодой боец, видя, как тот страдает от приступа астмы, предложил понести винтовку Гевары со словами: «Отдохни маленько, доктор». Че резко отверг предложение, сказав: «Я сюда не отдыхать приехал, парень, мать твоя пусть отдыхает!»

Конечно, говоря о Геваре с Альмейдой, имеющим абсолютный слух, мы не могли не пошутить по поводу столь абсолютного отсутствия оного у Че. По словам Хуана, он всегда с доброй завистью говорил о музыкантах и сам очень любил музыку, особенно латиноамериканскую. Однажды Альмейда слышал, как в соседней палатке Гевара довольно «чисто» насвистывал мелодию аргентинского танго. Когда Хуан сказал другу об этом и похвалил его, Че, вздохнув, признался, что это единственная мелодия, которую он может «изобразить не особо фальшивя».

Во время упомянутой командировки мне довелось встретиться и с моим старым приятелем, кубинским поэтом Роберто Ретамаром, который считает Че Гевару «коллегой по цеху поэзии». Он рассказал, как Дом Америк, культурно-просветительная организация, издающая произведения авторов из Латинской Америки, в которой он работает, буквально «по крохам» собирает творческое наследие Че. Кое-что прислала в Гавану первая жена Эрнесто — Ильда Гадеа.

— Мало кто знает, — сказал Ретамар, — но Гевара категорически отверг в свое время сделанное ему Союзом писателей Кубы предложение стать членом этого Союза. Так же он реагировал в тех случаях, когда кто-либо предлагал ему выплатить гонорар за ту или иную публикацию. Обязательно прочти, — добавил Роберто, — письмо Че нашему директору и его соратнице по революционной борьбе Аидее Сантамариа, которое опубликовано в двухтомнике его сочинений, изданном Домом Америк в 1970 году.

Уже вернувшись в Москву, я прочитал это письмо Че, поразившее меня, как всегда, беспримерной принципиальностью и бескорыстием. Вот оно:

«Дорогая Аидее!

Я сообщил Союзу писателей о своем намерении передать эти деньги (причитающийся Э. Геваре гонорар за книгу «Партизанская война». — Ю.Г.) в распоряжение вашей организации, в качестве меры, позволяющей не вступать в борьбу из-за действительно важных для меня принципов, хотя и вызванную ерундой.

Единственно важным здесь является то, что я не могу принять даже одного сентаво за книгу, которая ничего другого не содержит, как рассказ о перипетиях войны (имеется в виду Партизанская война на Кубе. — Ю.Г.).

Распорядись этими деньгами по своему усмотрению.

С революционным приветом, «Родина или смерть. Мы победим!»

Команданте Эрнесто Че Гевара, 12 июня 1964 г.»[384].

Неоднократно побывав на Кубе, в том числе спустя пять лет после гибели Гевары, я убедился, что его «вторая родина» не забыла своего героя. От мала до велика кубинцы помнят, чтят и преклоняются перед «героическим партизаном»...

С тех пор прошло почти сорок лет. В конце 2003 года Российское телевидение передавало репортаж о проведении на Кубе фольклорного праздника. Корреспондент подошел к старому негру, шевелюра которою была усеяна мелкими седыми косичками. Между ними состоялся короткий разговор:

«Журналист: Как Вы себя ощущаете на сегодняшней Кубе?

Старик: Не жалуюсь, но еще мечтаю, несмотря на преклонный возраст, о многом, хочу, чтобы наш народ жил еще лучше — он улыбнулся своей белоснежной улыбкой и продолжил: ...Мы всегда будем мечтать, как говорил наш Че... Ведь революция продолжается...»

Глава 12 ЕГО ПОМНИТ ВЕСЬ МИР

Во второй половине октября 1967 года почта Кубы и тем более телеграф работали с неимоверной перегрузкой. Со всех концов Земли шел поток посланий с выражениями соболезнования и сочувствия по поводу гибели Эрнесто Че Гевары. Этот поток был бы еще более мощным, если бы каждый, кто хотел принести такое соболезнование, мог бы это сделать. Возможности для выражения своих чувств были ограничены не только у сподвижников Гевары по партизанскому движению во многих латиноамериканских и других странах. От кубинских дипломатов, работавших в то время в европейских государствах, мне известны многие случаи, когда видные государственные деятели Франции, Италии, Швейцарии в неофициальном порядке выражали свое сожаление по поводу смерти легендарного героя.

Не прошла незамеченной она и в мире крупного бизнеса в Европе, представители которого начали констатировать рост политической активности молодежи в европейских странах.

В 1968 году автор этой книги в составе делегации Советского комитета защиты мира посетил Гамбург. Там делегацию принимал гостивший ранее в нашей стране западногерманский миллионер Кёрбер, лично составивший программу нашего пребывания в этом городе. Первым пунктом в программе значилось: «После короткого отдыха посещение студенческого диспута в Гамбургском университете».

Нас несколько удивил повышенный интерес миллионера к проблемам молодежи, но удивление стало еще большим, когда мы подъехали к зданию университета: шикарный лимузин Кёрбера был далеко не единственным около центрального входа, на вечере присутствовал «большой бизнес Гамбурга».

Войдя в зал, я обратил внимание на то, что у многих студентов были флажки с изображением Че Гевары, на некоторых надеты футболки с его портретом на груди. Выступавшие на диспуте, прямо скажем, не скупились на выражения по поводу «профессоров-ретроградов», требовали свободы преподавания «всех философских учений, включая марксизм», резко критиковали устои буржуазного общества. Господин Кёрбер и его коллеги аплодировали каждому оратору...

Наше недоумение в значительной мере было снято после приема, устроенного для нашей делегации местным отделением Всегерманского общества борьбы за мир. Один из активистов общества и молодежный лидер Ганс Мецкер рассказал нам следующее.

— Из года в год молодеет человечество. (К тому времени молодежь до 25 лет уже составляла более половины населения земного шара.) Эта «формальная» сторона дела дополняется существенным обстоятельством. Оно состоит в том, что человечество беспрестанно стремится к обновлению мира, к революции умов, к непрерывному прогрессу всех сфер человеческой жизни. И в этом общем революционном процент современности как никогда велика роль молодежи.

Только в 1968 году молодежные выступления охватили около 50 стран капиталистического мира. Количественный рост выступлений молодежи сопровождается стремительным подъемом ее политического самосознания, массового «полевения». Все это является отражением кризиса современного буржуазного общества.

Этот кризис, по словам нашего собеседника, выражается в неспособности современного общества гарантировать право на труд (Прим. авт.: Молодежь в США в те годы составляла 12% рабочей силы, но среди безработных молодых насчитывалось 33%) Создается бедственное положение и в отношении возможности работать по профессии. «Подумайте только, — воскликнул Ганс, — в ФРГ профессиональное образование регулируется на основании закона... 1869 года!». Наконец, ставшая хронической в Европе нехватка жилья по доступным ценам.

Несмотря на огромную тягу к знаниям, наблюдаемую среди молодежи в связи с научно-технической революцией в мире, высшее образование продолжает оставаться «золотой» (даже в буквальном смысле слова) мечтой для многих юношей и девушек. Но и та молодежь, которой удается переступить порог вуза, не может чувствовать себя удовлетворенной. Университеты, особенно государственные, испытывают хроническую нехватку средств. Невероятно высок прожиточный минимум университетских студентов. Вся тяжесть расходов на образование падает на самих студентов.

Я как латиноамериканист не мог не поинтересоваться у Мецкера, как он объясняет геваровскую символику у гамбургских студентов.

— Сегодняшний студент, — сказал Мецкер, — благодаря бурному развитию СМИ хорошо информирован о жизни и событиях на других континентах. Вместе с тем он понимает, что самым мощным оружием у всех тех, кто борется за улучшение жизни простых людей, является солидарность. Че Гевара глашатай такой солидарности, знаменосец такой борьбы. Поэтому он стал, особенно после своей смерти мученика, кумиром не

только латиноамериканской молодежи, но и молодого поколения всей Земли.

Причем, подумал я, для молодого человека особенно важен субъективный фактор, личностный пример. И не зря писал чилийский публицист П. Вускович, что «никакой исторический символ не смог бы воодушевить молодых так и с такой силой, как образ Эрнесто Че Гевары»[385].

Если деятельность протеста студентов в ФРГ ограничивалась в те годы в основном бурными диспутами, то значительно более решительные формы приобрела она во Франции. Там в мае 1968 года студенты Парижа вышли на многолюдную демонстрацию. Правительство применило жестокие репрессии против демонстрантов. В знак солидарности с учащейся молодежью десять миллионов французских рабочих 10 мая объявили забастовку. Сотни тысяч из них прошли по улицам Парижа, неся транспаранты со словами: «Трудящиеся, преподаватели, студенты — солидарны!» Понимая, какую опасность представляет для правящих кругов такое единение, французское правительство принимает срочные контрмеры, в частности, оно пытается оживить созданный им «Союз молодежи в защиту прогресса», действующий под хорошо продуманным лозунгом: «Долой коммунизм, долой капитализм, да здравствует участие в прибылях!» В противовес были приняты меры и Всеобщей конфедерацией труда Франции. Она провела кампанию под лозунгом: «Молодежь и студенты обвиняют капитализм», которая закончилась общенациональным слетом молодежи в Париже. В слете приняли участие около ста тысяч юношей и девушек, прибывших со всех концов страны.

Комментируя все эти события во Франции, французская «Энформасьон экономик э коммерсиаль» с грустью отмечала:

«Заканчивается целый период развития всей западной экономики, период легкого развития... Новый период начинается под знаком валютной неустойчивости, замедления международного обмена, подорожания кредита, непрерывного роста безработицы, в том числе среди тысяч молодых французов»[386].

Но это все Европа, может сказать читатель, а как же США, какая ситуация складывалась там в молодежной среде, в частности, в первые годы после гибели Че Гевары?

...Весенний вечер в Нью-Йорке. На одной из площадей города много народа, в основном молодежь. Многие держат в руках флажки с изображением Че Гевары, плакаты с антивоенными лозунгами, с призывами к солидарности с народами Латинской Америки. В кузове старенького грузового «фордика» стоит

любимец молодежи поэт и певец Боб Дилан. Толпа подпевает ему, исполняющему песню «Ветер принес»:

> Сколько мы в силах терпеть и молчать,
> пока не свободны, мой друг?!.

Эта песня стала своеобразным гимном движения за гражданские права, движения, которое по-настоящему всколыхнуло американскую молодежь, заставило ее оглядеться вокруг себя глазами зрелого человека...

...Зеленые лужайки, голубое небо, отражающееся в зеркальной глади небольшого озера. В этом «райском уголке» возвышаются стены одного из самых аристократических и престижных учебных заведений Соединенных Штатов Америки — Гарвардского университета. Много воды утекло мимо его стен к реке Чарльз за трехсотлетнюю историю, но продолжает оставаться неизменным его девиз: «Истина». А впрочем, так ли уж неизменным? Послушаем самих студентов этого вуза, выступавших на одном из симпозиумов в их альма-матер:

«Мы не можем сидеть в аудитории и слушать лекции об утонченной поэзии, когда рядом с нами люди умирают с голоду...»

«Мы знакомимся с высокими идеалами, но не знаем, что делать с ними в жизни, как согласовать их с тем бизнесом, которым нам придется заниматься...»

«Америка сбилась с пути. Мы не можем с высоты «чистой науки» смотреть, как наша страна катится в пропасть...»[387].

И студенты, как и их товарищи на других континентах, стали действовать. В 1969 году произошло массовое столкновение студентов Гарвардского университета с полицией. В результате — многочисленные раненые, избитые полицейскими дубинками, отравленные газом «мейс», около 200 человек арестованных. И это в учебном заведении, традиционно являвшемся в Америке образчиком консерватизма и аполитичности!

В мае следующего года студенты другого элитного вуза США — Кентского университета, протестуя против агрессии своей страны в Камбодже, тоже пошли на открытое столкновение с полицией, в результате чего четверо учащихся были убиты.

Напряженная обстановка царила в те годы на выпускных вечерах во многих американских университетах. В старейшем из них — Йельском — некоторые выпускники вместо традиционных мантий надели нарукавные белые повязки в знак протеста против

войны во Вьетнаме. Выступивший от их имени дипломант Вильям Томпсон сказал:

«Войне надо немедленно положить конец и начать битву за наши города, за нашу страну, за наш народ...».

В Гарвардском университете для прощальной речи подобрали вроде бы вполне «умеренного» Мелдона Левина. Вот некоторые выдержки оттуда:

«Ваш ответ на наши попытки обрести те ценности, которыми вы (преподаватели, общество. — *Ю.Г.*) научили нас дорожить, был невероятным... Я спрашивал многих своих однокашников, что они хотят, чтобы я сказал сегодня. Скажи им о лицемерии, просило большинство... Скажи им, что они уничтожили нашу веру и утратили наше уважение. А некоторые даже сказали: скажи им, что Че Гевара был прав (подчеркнуто мною. — *Ю.Г.*).

И мы подчеркиваем эти слова студента не для того, чтобы отметить какую-либо «прямую связь» между освободительной деятельностью латиноамериканского патриота и поведением будущего представителя «истеблишмента» США, а чтобы показать, насколько упомянутая деятельность Че и его идеи отвечали тому положению, в котором оказалось большинство людей на нашей Земле.

Это продолжал подтверждать не только широкий размах студенческих волнений, но и тот факт, что они не ограничивались университетами. В мае 1969 года Национальная ассоциация директоров средних школ США опубликовала документ, из которого следует, что даже школьники этой страны не оставались в стороне от политической жизни. В частности, в нем говорилось, что «дух протеста охватил и средние школы» и что в соответствующем движении участвуют 56% учеников. Но и это еще не все...

Напрасно вы будете искать на географической карте Соединенных Штатов местечко Уайт-Лейк. Тем не менее, это слово в течение всей осени 1969 года не сходило с полос американских газет и журналов: на берегу одноименного озера, в Катскиллских горах (штат Нью-Йорк) в августе того же года проходил так называемый Вудстокский фестиваль музыки и искусства, на который съехались со всех концов страны четыреста тысяч юношей и девушек. Длинноволосые, разукрашенные бусами, перьями и цветными платками, они съехались туда, чтобы, как писал журнал «Ньюсуик», «почувствовать себя самими собою и делать все, что им вздумается, на территории в тысячу с лишним акров пастбищной земли, арендованной устроителями фестиваля у местной молочной фермы, чтобы послушать выступления 24 ансамблей исполнителей рока». Подсчитав

количество съеденных бутербродов и выпитой «кока-колы» участниками фестиваля, американская пресса увидела лишь «уход молодежи в себя».

Однако более прозорливые наблюдатели разглядели в упомянутом фестивале нечто большее, чем полуобнаженные тела «хиппи» и пристрастие к року. Журналист Джон Гарабедян писал, что «Америка старшего поколения совершенно правильно увидела в фестивале нечто, с невинным видом подрывающее исподтишка самые основы установленного порядка». Пробыв в Уайт-Лейке четыре дня, он пришел к выводу, что «сегодня юношей, которые придерживаются более радикальной точки зрения по вопросу о том, каким должен быть американский образ жизни, стало гораздо больше, чем мы думали». Не случайно и сведущая «Нью-Йорк таймс» предупреждала, что Вудсток «еще может оказаться революционным событием». Этого-то больше всего боялись представители американского бизнеса. Размах фестиваля (доставка ансамблей вертолетами, баснословная арендная плата за место проведения и т.п.) свидетельствовал о его значительном финансовом участии. Было понятно, что бизнесмены это делали не ради прибыли, а стремясь создать для молодежи (по крайней мере, для выходцев из обеспеченных семей) некоторые отдушины, дабы свернуть ее с путей социального протеста к более аполитичным формам действия.

Прошедшие десятилетия показывают, что западным правящим кругам не всегда удается реализовать подобные намерения. Об этом, в частности, свидетельствовало появление молодежного течения, известного под названием «новые левые». Оно имело своих приверженцев и в США, и в Канаде, и в скандинавских странах, и в ФРГ. Протестуя против любой идеологии, представители «нового левого» течения зачастую играли на руку правящим кругам Запада.

Именно поэтому правая пресса охотно предоставляла свои страницы «новым левым» для их выступлений, льстила им и порою даже провоцировала, не считая их опасными для основ существующего строя. Читатель может убедиться в этом, прочитав следующую выдержку из книги «Левый радикализм» одного из столпов течения Кон-Бендита:

«Мы должны и можем ликвидировать якобы дарованную самой природой эксплуатацию. Оденься и пойди в кино. Убедись там, насколько грустна повседневная жизнь, в которой ты обычно не принимаешь участия. Посмотри кадры, мелькающие перед твоими глазами, актеров, которые якобы «играют» то, что ты переживаешь ежедневно... Затем возьми гнилые помидоры, тухлые яйца и действуй. Скажи всему этому свое «Нет!». Выйди на

улицу, сорви со стен все наклеенные там плакаты, чтобы снова применить формы политической борьбы, которые мы использовали ранее... Начни революцию не для других, а вместе с другими, для себя самого, здесь же и немедленно».

Неудивительно, что буржуазный французский еженедельник «Нувель обсерватёр», комментируя взгляды Кон-Бендита, писал с нескрываемым удовлетворением: «Утешительно (подчеркнуто мною. — *Ю.Г.*), что у него нет ни четкой программы, ни стремления установить какой-либо новый порядок».

Какая может быть «четкая программа» в идеологической мешанине из идей троцкистов, анархистов, теорий Камю и Маркузе, составлявшей идейную основу «новых левых»! Правда, могут возразить, что-де «новые» и прочие «левые» зачастую использовали и продолжают использовать геваровскую символику: портреты Че, его изображения на флажках, транспарантах, значки. Но во всем этом — скорее вызов, эпатаж для обывателя, но не единомыслие с легендарным героем. (*Коммент. авт.*: Один мой знакомый тележурналист рассказывал, что он видел в Монте-Карло группу «золотой молодежи», «оседлавшую» спортивный «Мустанг» и державшую в руках большой портрет Че Гевары). Конечно, нельзя при этом исключать и того, что многие люди, особенно молодежь, в силу симпатии или человеколюбия стараются подражать внешности Че, его одежде.

Что же касается политической «мимикрии под Че», то по этому поводу хорошо сказал уже упоминавшийся нами ученый-латиноамериканист И.Р. Григулевич:

Для противников Гевары «образ Че-революционера не менее опасен, чем был опасен сам живой Че... Одни делают из него супергероя-одиночку, трагическую личность, революционера-самоубийцу, другие выдают его за анархиста, троцкиста, последователя Мао Цзэдуна...

Вся эта фальсификаторская работа шита белыми нитками. Че терпеть не мог революционной позы, псевдогероики, всякого рода сектантов, мелкобуржуазных брехунов и ультра, троцкистов и им подобных провокаторов...»[388].

С тех пор, когда имели место описанные выше события в различных уголках мира, прошло около тридцати лет. После весьма бурных семидесятых, казалось, наступило некоторое затишье. Правда, то тут, то там возникали отдельные социальные конфликты: стачки, демонстрации протеста, митинги, но уже не с той силой, как раньше: правящие классы тоже извлекали уроки. Тем более, почти нигде не возбранялось публичное выражение симпатий к революционным личностям, в том числе — к Че

Геваре. Его образ стало даже модно тиражировать как один из ходовых брендов. Майки, косынки с его изображением постоянно присутствовали на прилавках столичных магазинов в разных странах мира. И здесь уже не приходилось говорить о проявлении серьезного уважения к памяти героя. (*Прим. авт.*: Об этом упоминала и дочь Гевары Аидита, приезжавшая в Москву. «Наша семья против коммерциализации и профанации памяти о Геваре», — сказала она. В начале 2004 года СМИ сообщили о создании ею на Кубе организации, которая будет вести борьбу «с нечистоплотным использованием образа Эрнесто Че Гевары»).

Но мир, бесхитростный мир простых людей-тружеников, хранит светлую память о великом землянине. Они видят в Че Геваре брата, понимающего их мечты и надежды. Именно поэтому нельзя убить память о нем, именно поэтому столь искренна любовь к этому человеку, без которого трудно понять и осмыслить ушедший XX век. И как не вспомнить при этом слова, сказанные еще в свое время о национальном герое Латинской Америки Симоне Боливаре, что его слава увеличивается с каждым новым веком, как растет тень при закате солнца. Другими словами выразил ту же мысль соратник Че Фидель Кастро:

«Для истории люди, которые поступают, как Гевара, личности, которые делают все и отдают все за дело простых людей, с каждым днем растут в их глазах, и все больше проникает память о них в сердца народов»[389].

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В преддверии нового тысячелетия в мире стали набирать силу сторонники так называемого альтерглобализма. (*Коммент. авт.*: По какому-то недоразумению их называют антиглобалистами. По-видимому, потому, что все свои главные акции они приурочивают к международным форумам и другим мероприятиям правительств ведущих стран мира, решающих глобальные проблемы человечества.) Представители этого течения, как они заявляют[390], не против глобализации как таковой, а хотят «развить позитивную альтернативу господствующей ныне неолиберальной капиталистической модели глобализации». Тем более они не «луддисты XX века и не разрушители основ цивилизации». Мы, говорят они, за интеграцию в интересах людей, культуры и природы, интеграцию, проводимую снизу и демократически.

И нужно отметить, что альтерглобализм не только вновь прикрепляет на свои знамена Геваровский образ, но считает Че Гевару своей «культовой фигурой». Такие люди, как Гевара, подчеркивают альтерглобалисты, «связывали преодоление капитализма, тенденции обуржуазивания с глобализацией революционной борьбы и строительством нового мира»...

Накануне Всемирного экономического форума в Давосе (январь 2004 г.) институт Гэлапа провел опрос населения планеты в виде 43 тысяч бесед в 51 стране. Выяснилось, что у землян растет пессимизм в целом. 48% опрошенных полагают, что будущее поколение людей будет жить в менее безопасном мире, чем сегодняшний (в Западной Европе этот показатель составляет 64%, в США — 54%, а в Южной Америке — почти 80%). Что касается экономики, то 49% европейцев считают, что сегодня их страны менее «благополучны», чем десять лет назад (так же считают в США 42% опрошенных, а в Южной Америке — 66%). И все эти показатели при значительном числе людей, не определившихся с ответом.

И еще один факт. В январе 2004 года закрылась последняя из 63 фабрик фирмы «Левис», производивших в США знаменитые джинсы. 800 рабочих оказались на улице. Такая же участь ожидает и 1800 работников этой фирмы в Канаде. Производство из упомянутых стран будет переведено в Латинскую Америку по соображениям дешевой там рабочей силы. «Это — естественный процесс в любой глобализированной экономике», — спешат успокоить экономисты.

Мы далеки от стремления пугать людей «призраками,

которые бродят сегодня не только по Европе», но считаем необходимым, чтобы правительства и крупный бизнес во всех странах, естественно и в России, задумались над упомянутыми и им подобными фактами. В том числе и над тем, почему альтерглобалисты хотят «естественного процесса глобализации» не только для предпринимателей. Думаем, что это было бы созвучно и мыслям Че Гевары: ведь он мечтал о справедливом мире для простых людей, пытался указать им путь к такому миру. Поэтому очень точно сравнение, сделанное нашим соотечественником, известным журналистом и ученым Кареном Хачатуровым, назвавшим Че Гевару «латиноамериканским Данко», отдавшим свое сердце и всего себя народам Латинской Америки.

Да, проходят годы, десятилетия, меняются люди, появляются новые устремления, цели, интересы, но вписанные в скрижали истории образы таких людей, как Че Гевара, продолжают интересовать и волновать новые поколения.

Об этом свидетельствуют памятники Геваре, установленные в Лондоне, в Сантьяго-де-Чили и в ряде других городов. Американские кинематографисты (!) в 2003 году сняли художественный фильм о Че Геваре. Недавно СМИ сообщили, что известный испанский актер А. Бандерас снимается в фильме в роли команданте Че. Опубликованы сотни книг и брошюр на многих языках мира, посвященных его жизни и борьбе, равно как и стихи, поэмы, драмы, рассказы, кинофильмы. Среди создателей этих произведений есть и наши соотечественники. Об авторе книги в серии «Жизнь замечательных людей» мы уже говорили. Упомянем еще о трех россиянах: поэте Евгении Долматовском, драматурге Генрихе Боровике и журналисте Владимире Молчанове.

Первый написал эмоциональную поэму «Руки Гевары» (261), второй — интересную пьесу «Интервью в Буэнос-Айресе», которая с успехом шла во многих театрах Советского Союза, а третий — снял прекрасный документальный фильм, посвященный легендарному латиноамериканцу.

Думаем, что читателю будет интересно познакомиться с выдержками из поэмы Евгения Долматовского, которую предваряет следующее посвящение:

«Памяти Эрнесто Че Гевары, мужественного революционера-интернационалиста, человека высокой душевной чистоты и беспримерной самоотверженности, героя борьбы за свободу и независимость Латинской Америки».

РУКИ ГЕВАРЫ

Казалось, жизнь уже совсем погасла,
Но в хари, наклоненные над ним,
Проклокотали ненависть и астма:
«Отчизна или смерть!
Мы победим!»
...Дышать не трудно и ступать не больно,
Растерзанный дневник лежит в углу...
В деревне боливийской,
В классе школьном,
На холодящем земляном полу
Застыл он в позе скрюченной, неловкой,
С откинутой в бессмертье головой.
А руки?
Руки скручены веревкой —
Страшится даже мертвого конвой!
Ведь это сам Эрнесто Че Гевара!
Ужели это он?
Не может быть!
В наемной своре вспыхивает свара —
Да как им удалось его убить?
Два года ускользал он от погони,
Капканам и ловушкам вопреки.
Поверит ли начальник в Пентагоне,
Что черви, как он звал их, червяки
Орла схватили?
Получить награду
Не так-то просто, не заплатят зря!
Документировать убийство надо,
Представить скальп, точнее говоря.
Сегодня на Майн Рида не надейся...
Шел разговор меж взрослыми людьми,
Что местные утратили индейцы
Искусство снятья скальпов, черт возьми.
Жаль, что секретной фермы нет в долине,
Где век бы свой беспечно доживал
Беглец, который в сумрачном Берлине
Когда-то русских пленных свежевал.
Отличный был бы скальп!
Ведь кудри эти
По тысячам плакатов знает мир:
Красавец со звездою на берете,
Повстанческого войска командир.
Он мастерам заплечных дел попался,

И предложил один из палачей
Взять отпечатки этих тонких пальцев,
Тем подтвердив, что уничтожен Че.
Хотя убитые и неподсудны,
Но следствие бы мистер учинил,
Да только вот у «рейнджеров» в подсумках
Нет дактилоскопических чернил,
Которые бы пальцы испятнали...
По правилам палаческих наук,
Проверенным недавно во Вьетнаме,
Геваре отрубили кисти рук...
Завершена двухлетняя охота...
Но разве им понять, зачем герой
Взял на себя прикрытие отхода
Всей группы, там, в Игере, под горой?!
Все кажется его убийцам странным,
И руки мертвые в плену стеклянном,
Пожалуй, угрожающе чисты.
Зачем исчез однажды из Гаваны, сложив с себя высокие посты?
Зачем индейцам, нищим и неверным
Он сердце, нервы, все готов отдать?
Зачем? Зачем? Зачем?
Да разве черви
Когда-нибудь могли орлов понять!

Я чувствую условность параллелей.
Но время их проводит тут и там.
Отряд Гевары так далек от цели,
И враг за ним шагает по пятам,
А я на сердце ощущаю жженье,
Так, словно сам в Боливии умру,
Так, словно в сорок первом, в окруженье
Бреду в бреду к товарищам к Днепру,
Босой, оборванный, в помятой каске
Шагаю к киевскому рубежу,
Но клятву повторяю по-испански,
Как будто из Мадрида ухожу.
Несчастье бесит, набухают раны...
Теперь на рубежах иной земли
Попали в окруженье партизаны,
А Че Гевару в плен поволокли.
Запомни, современник,
Это было в недавнем шестьдесят седьмом году.

Его в сплетенье солнечное били,
А он: «Мы победим!» — шептал в бреду.
Его расстреливали душной ночью,
Всех коммунистов яростно кляня.
Старательно в него стреляют, точно,
Как если бы в тебя или меня.
Потом рубили руки
И галдели.
Затем, чтобы не слышать хруст костей,
Те руки, что оружием владели
И по головкам гладили детей,
Те руки, что могли махать мачете,
Рубя тростник,
Рубя тростник,
Рубя тростник до судорог в плече,
Поставили скупую подпись:
«Че».
Те руки, что легко стихи писали
И у костров светились на огне,
Те руки, что в Москве, в Колонном зале
Однажды пожимать пришлось и мне.
Короткое рукопожатье правой
Руки Гевары, жгущейся огнем,
Еще, наверно, не дает мне права
Как о знакомом вспоминать о нем...

К таинственной Америке Латинской
Так долго землю проходить пришлось.
Корю себя, что не сумел я раньше,
Пять лет назад, проделать этот путь,
До ночи той, когда на диком ранчо
Фашист всадил в Гевару десять пуль.
Теперь мы знаем, кто его убийцы, —
Прощенные особо жестоки —
Да это же изменники-кубинцы,
Обмененные на грузовики.
Давно известно, что у революций
Велик великодушия запас,
Но вражьи слезы в пули отольются
И засмеются, убивая нас.

Еще и года не прошло с момента
Разгрома партизан,
Убийства Че —

В Боливии, из сейфов президента,
Дневник бойца таинственно исчез,
Исчез — и оказался вдруг в Гаване
И перелистан всеми на миру,
Печальными и чистыми словами
Затрепетал, как знамя на ветру.
И после заточенья и разлуки,
Путями, не известными пока,
Вернулись
Заспиртованные руки
Вослед за возвращеньем дневника.
Те руки, что могли махать мачете,
Рубя тростник,
Рубя тростник,
Рубя тростник до судорог в плече.
Те руки, что на банковском билете
Поставили скупую подпись:
«Че».
Я в нарушение сюжетных правил
Не расскажу подробно, кто и как
Реликвию в Гавану переправил.
То был наш новый друг
И старый враг.
Он был причастен — верьте иль не верьте —
К охоте на Гевару,
А потом
Прочувствовал величье этой смерти
И стал ее курьером и рабом...

Ну вот и вся легенда о Геваре
И о его отрубленных руках.
Мы о живом о нем погоревали,
А он уже как памятник в веках...

* * *

Совсем недавно мне довелось посмотреть упомянутый фильм о Че Геваре Владимира Молчанова. Я с большим волнением смотрел этот замечательный кинодокумент: снова близкие и дорогие мне лица кубинцев, знакомые факты и события.

Вспоминая о них, я думал: да, действительно Че был романтик, мечтатель и оптимист...

А оптимист отличается от своего антипода, пессимиста, тем, что всегда смотрит в дальнюю высь, а не себе под ноги. Поэтому он может споткнуться, упасть и даже погибнуть, но зато, пока жив, он видит «свет в конце туннеля».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ

1928—14 июня в городе Росарио, Аргентина — рождение.

1946—1953 — студент медицинского факультета Национального университета в Буэнос-Айресе.

1951, февраль—1952 август — вместе с другом Альберто Гранадосом путешествует по странам Латинской Америки. Посещает Чили, Перу, Колумбию и Венесуэлу.

1953—1954 — совершает новое путешествие по странам континента: Боливии, Перу, Эквадору, Колумбии, Панаме, Коста-Рике, Сальвадору. В Гватемале принимает участие в защите правительства президента Х.Арбенса от вторжения антинародных наймитов.

1954—1956 — в качестве политэмигранта проживает и работает врачом в Мексике.

1955 — знакомится с Фиделем Кастро в Мехико и участвует в подготовке экспедиции на «Гранме». Первый брак с перуанкой Ильдой Гадеа.

1956, июнь—август — заключен в тюрьму в Мехико за принадлежность к отряду Фиделя Кастро. 2 декабря прибывает на Кубу на яхте «Гранма» вместе с этим отрядом.

1956—1959 — участник революционно-освободительной войны на Кубе.

1957—5 июня назначается майором, командиром одной из колонн.

1959—1 января колонна под его руководством освобождает город Санта-Клару. 2 января его колонна входит в Гавану. 9 февраля Че президентским декретом провозглашается гражданином Кубы с правами урожденного кубинца. 2 июня сочетается браком с Алеидой Марч. 12 июня — 5 сентября по поручению кубинского правительства совершает поездку в Египет, Судан, Пакистан, Индию, Бирму, Индонезию, Цейлон, Японию, Марокко, Югославию, Испанию. 26 ноября назначается президентом Национального банка Кубы.

1960—5 февраля в Гаване участвует в открытии советской выставки, впервые встречается с А.И.Микояном. 22 октября — 9

декабря посещает во главе экономической миссии Кубы Советский Союз, Чехословакию, ГДР, КНР и КНДР.

1961—23 февраля назначается министром промышленности. 17 апреля — вторжение наёмников на Плайя-Хирон. Че возглавляет войска в Пинар-дель-Рио. Июнь — встречается с Юрием Гагариным в Гаване. В августе представляет Кубу на сессии Межамериканского экономического совета в Пунта-дель-Эсте (Уругвай). Посещает Аргентину и Бразилию, где ведет переговоры с президентами Фрондиси и Куадросом.

1962—8 марта назначается членом Национального руководства и членом Секретариата Объединенных революционных организаций (ОРО).

27 августа — 3 сентября находится в Москве во главе кубинской партийно-правительственной делегации. После Москвы посещает Чехословакию. В октябре, во время Карибского кризиса, находится в войсках подчиненного ему военного округа в Пинар-дель-Рио.

1963 — в январе Гавану снова посещает мать Э. Гевары. 4—13 февраля работает по 12 часов на сафре, чтобы лично опробовать сахароуборочный комбайн советского производства. В мае в связи с преобразованием ОРО в Единую партию кубинской социалистической революции Че назначается членом ее Центрального комитета, Политбюро ЦК и Секретариата. Июль — находится в Алжире во главе правительственной делегации на праздновании первой годовщины независимости этой республики.

1964 — март—апрель — возглавляет кубинскую делегацию на конференции ООН по торговле и развитию в Женеве. 15—17 апреля посещает Францию, Алжир, Чехословакию. В ноябре снова в СССР во главе кубинской делегации на праздновании 47-й годовщины Октябрьской революции. 9—17 декабря участвует в Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке. В конце декабря — снова посещает Алжир. 26 декабря — 2 января 1965 г. — Мали.

1965 — январь—март — посещает Конго (Браззавиль), Гвинею, Гану, Дагомею, Танзанию, Египет, снова Алжир, где участвует во 2-м экономическом семинаре афро-азиатской солидарности.

14 марта — возвращается в Гавану и на следующий день в последний раз публично выступает перед кубинцами.

20 апреля — Фидель Кастро беседует по вопросу о местонахождении Че Гевары с журналистами, а 1 апреля зачитывает на учредительном заседании ЦК КП Кубы его прощальное письмо.

1966—7 ноября прибывает в партизанский лагерь на реке

Ньянкауасу (Боливия).

1967—23 марта — начало военных действий партизанского отряда, возглавляемого Че (Рамон, Фернандо). 17 апреля — публикация в Гаване послания Че Гевары в адрес Трехконтинентальной организации солидарности.

8 октября — бой в ложбине Юро, раненый Че попадает в плен. 9 октября — убийство Эрнесто Че Гевары «рейнджерами» в селении Игера (Боливия).

15 октября, Фидель Кастро подтверждает в Гаване гибель Че.

1968 — в июне в Гаване выходит первое издание «Боливийского дневника» Че Гевары.

Нам показалось, что без более подробного знакомства с ораторским и публицистическим творчеством Че Гевары у читателя может не сложиться полной картины о способностях этого великого человека. Поэтому мы предлагаем Вашему вниманию несколько его работ, будучи ограничены рамками данной книги.

Приведенные ниже публикации даются в хронологическом порядке по мере их появления в свет. Все они, кроме двух, впервые публикуются на русском языке, в переводе автора книги Ю.П. Гаврикова. Озаглавлены работы так же, как у Э. Гевары.

ЗНАМЕНИТОЕ ИНТЕРВЬЮ

(Глава из книги Э. Че Гевары «Эпизоды революционной войны». М., 1973. Пер. с исп. — О.Т. Дарусенкова и др.)

В середине апреля 1957 года наш проходивший обучение отряд вернулся в район Пальма-Моча и расположился поблизости от пика Туркино. В то время для нас самыми ценными бойцами в горах были выходцы из крестьян. Состоящие из них разведывательные дозоры во главе с Гильермо Гарсией и Сиро Фриасом посылались во все концы Сьерры. Они добывали ценную информацию и обеспечивали отряд продовольствием.

В описываемые дни мы вновь находились в районе Аройо-дель-Инфьерно, где произошел один из наших боев. Крестьяне, которые пришли поприветствовать нас, рассказали о происшедших здесь трагедиях. Нам сообщили о том, кто вывел на нас батистовцев и кто погиб тогда. Из бесед бойцы отряда получили много полезных сведений об обстановке в этом районе.

В тот момент у Фиделя не было радиоприемника, и один из крестьян охотно отдал ему свой. Теперь мы могли слушать

сообщения из Гаваны. Приемник был большой, и его пришлось переносить в вещмешке. Поскольку так называемые конституционные гарантии были восстановлены, сообщения по радио стали более понятными.

Гильермо Гарсия с двумя партизанами отправился на поиски шпиона. Гарсия был переодет в форму капрала, а его товарищи — в форму солдат батистовской армии. На следующий день они доставили шпика к нам. В пути шпион вел себя спокойно, и ничто не вызывало у него подозрений, но когда перед ним появились наши бойцы в изорванной одежде, ему стало сразу ясно, куда он попал и что его ожидает. С откровенным цинизмом он рассказывал о своих связях с батистовской армией, о том, как он заранее выследил наш отряд, и предлагал... вывести солдат в район расположения повстанцев и легко уничтожить их там, однако его, мол, не послушали.

Вскоре после казни шпиона Селия (одна из героических женщин-партизанок — Селия Санчес, а после победы — личный секретарь Ф. Кастро. — *Ю.Г.*) сообщила о том, что она приедет с двумя североамериканскими журналистами, которые хотят взять интервью у Фиделя. Кроме того, она прислала деньги, собранные среди симпатизирующих «Движению» (видимо, имеется в виду «Движение 26 июля». — *Ю.Г.*).

Было решено, что Лало Сардиньяс приведет американцев через Эстрада-Пальму. Будучи торговцем, он хорошо знал здешние места. В тот период, когда район наших действий расширился, мы усиленно подыскивали надежных крестьян, которые бы выполняли роль связных и обслуживали создаваемые нами опорные базы снабжения. Бойцы отряда устанавливали связь с крестьянскими семьями. Изъявлявшие желание помогать в снабжении повстанцев организовывали склады. Эти опорные базы служили нам и как пристанище во время быстрых переходов в Сьерре.

Жители Сьерры очень выносливы и могут быстро покрывать большие расстояния. И когда они говорили, что ходьбы тут всего на полчаса или, как они обычно выражались образно, «не успеет петух пропеть, как вы доберетесь туда», это часто вводило нас в заблуждение. У бойцов складывалось впечатление, что гуахиро имеют свою единицу измерения времени и пространства.

Спустя три дня после получения приказа Лало Сардиньясом стало известно, что к нам поднимаются в районе Санто-Доминго шесть человек — две женщины, два американских журналиста и двое неизвестных сопровождающих. Однако полученные сведения были противоречивы. Люди даже говорили, что в результате доноса полиция якобы узнала о появлении этой группы и

окружила дом, в котором та находилась. Новости распространяются в Сьерре с молниеносной быстротой, но с такой же быстротой они и искажаются. Камило (Сьенфуэгос. — *Ю.Г.)* получил приказ отправиться во главе взвода и освободить американцев и Селию Санчес, которая, как мы знали, была с ними. Однако они прибыли живыми и невредимыми.

Журналист Боб Табер и фоторепортер появились у нас 23 апреля. Вместе с ними были товарищи Селия Санчес и Айдее Сантамария (героическая деятельница революционного подполья, после победы возглавляла общественно-культурную организацию «Дом Америк». — *Ю.Г.),* а также посланцы равнинных организаций «Движения» Иглесиас и Марсело Фернандес... Во время интервью Марсело выполнял роль переводчика.

Встреча с журналистами проходила в соответствии с протоколом. Мы стремились показать американцам нашу силу и избежать каких-либо «нескромных» вопросов с их стороны. Нам не было известно, что собой представляют эти журналисты, но тем не менее интервью состоялось.

В те дни к нам присоединился один из самых симпатичных людей, участвовавших в революционной войне, — Вакерито. Он пришел в отряд вместе со своим товарищем. Как всегда в таких случаях, мы попросили их рассказать о себе и провели политическую беседу. Эта задача часто выпадала на мою долю. По словам Вакерито, он был из Морона провинции Камагуэй и уже больше месяца разыскивал нас. У него не было определенных политических взглядов, и он производил впечатление здорового веселого юноши, который видел в нашей борьбе лишь романтику приключений. Он пришел босым, и Селия Санчес одолжила ему свои запасные мексиканские мокасины. Они оказались единственной обувью, подходящей по размеру Вакерито — уж очень он был маленьким. (Вакерито — по исп. пастушок. — *Ю.Г.).* В новых туфлях и большой крестьянской шляпе этот юноша был похож на мексиканского пастушка.

Как все знают, Вакерито не дожил до победы революции. Командуя штурмовым взводом колонны, он погиб за день до взятия Санта-Клары. Нам всем запомнилась его жизнерадостность, его ребяческий задор и необыкновенная находчивость при встрече с опасностью. Вакерито был большим фантазером. Возможно, ни в одном из своих рассказов он не обходился без того, чтобы не преувеличить все до такой степени, что действительное становилось неузнаваемым. Однако, выполняя обязанности связного, а затем командира штурмового взвода, Вакерито доказал, что для него не существовало резко очерченной границы между реальностью и фантазией. То, что ему

подсказывало его быстрое воображение, он умело воплощал на поле боя. К концу нашей революционной борьбы его необычайная отвага стала легендарной.

Однажды после очередной вечерней беседы в колонне мне пришло в голову расспросить Вакерито, недавно прибывшего к нам, о его жизни. Слушая, я делал карандашом заметки для памяти. Когда Вакерито закончил рассказывать, поведав нам о многих красочных историях, я спросил его, сколько ему лет.

В то время Вакерито было немногим более 20 лет. Сопоставив даты совершенных им «подвигов», я обнаружил, что он пошел работать за пять лет до своего рождения.

Товарищ Никарагуа (кличка Марсело Фернандеса. — *Ю.Г.*) сообщил нам о наличии в Сантьяго оружия, оставшегося после нападения на президентский дворец (было совершено в Гаване в марте 1957 года молодежной организацией «Революционный директорат»; Батисте удалось улизнуть через потайной выход. — *Ю.Г.*). По его словам там имелось 10 пулеметов, 11 винтовок «джонсон», 6 ружей и еще кое-что из снаряжения. По существовавшему плану это вооружение предназначалось для открытия нового района боевых действий около сентраля Миранда. Фидель был противником этой идеи и приказал использовать для этой цели лишь небольшое количество оружия, а все остальное направить для усиления нашего отряда. Мы продолжили свой путь, чтобы уйти подальше от рыскавших поблизости батистовских солдат. Но еще до начала марша было принято решение подняться на наш самый высокий пик — Туркино.

На эту вершину поднялась вся колонна, и здесь Боб Табер закончил беседу с представителями «Движения». Заснятый фильм был показан по телевидению Соединенных Штатов. В то время мы еще не представляли столь грозную силу для батистовцев, о чем свидетельствовала и та сумма вознаграждения, которую они обещали тому, кто убьет Фиделя. Например, присоединившийся к нам гуахиро говорил, что генерал Касильяс предлагал ему 300 песо и стельную корову за это убийство.

Походный высотомер, имевшийся у нас, показал, что вершина Туркино находится на высоте 1850 метров над уровнем моря. Я отмечаю это в порядке курьёза — мы никогда не проверяли наш прибор, и указанная им высота значительно отличалась от официально принятой.

Батистовская рота продолжала идти по нашим следам, и Гильермо с группой товарищей получил задачу обстрелять ее. Поскольку из-за астмы я вынужден был тащиться в хвосте колонны и не мог активно действовать в отряде, у меня забрали

автомат «томпсон» и вернули только через три дня. Это были самые горькие дни из проведенных мной в Сьерре. Я был безоружным, в то время как каждый день можно было ожидать стычки с солдатами.

В те майские дни 1957 года два американских журналиста покинули отряд и добрались живыми и невредимыми до Гуантанамо (там находится военно-морская база США. — *Ю.Г.)*. Мы же продолжили наш медленный марш в горах Сьерра-Маэстры, устанавливая контакты с населением, ведя разведку новых районов и распространяя пламя революционной борьбы. О нашем отряде бородачей в Сьерре начинали ходить легенды. У людей появлялись новые настроения. Крестьяне приходили к нам уже не так боязливо. Мы же смело шли на установление связей с населением, поскольку наши силы значительно выросли и бойцы чувствовали себя более уверенно, не опасаясь любых ловушек батистовской армии. Наша дружба с гуахиро окрепла.

ПОХОДНЫЕ ДНИ (Глава из той же книги Э. Че Гевары)

Первые пятнадцать дней мая были заняты непрерывным маршем в направлении нашей цели. В начале месяца мы находились в горах, составляющих гребень Сьерра-Маэстры и расположенных поблизости от пика Туркино. Наш путь проходил через районы, которые впоследствии стали местом многих революционных событий... Отряд двигался в восточном направлении, чтобы забрать оружие, которое, как говорили, должно было прибыть из Сантьяго в район высоты Бурро, находящейся в относительной близости от Оро-де-Гиса. Однажды ночью, направившись по одному неотложному делу, я сбился с дороги и проблуждал три дня, прежде чем нашел свой отряд у Эль-Омбрито. (Тогда я оценил, что значит иметь при себе все необходимое для жизни: соль, растительное масло, консервы, сгущенку, спальный мешок и даже компас, которому до этого момента очень доверял.) Поняв, что заблудился, я решил дождаться утра и двигаться дальше по компасу. Так я шел полтора дня, пока не стал замечать, что совсем сбиваюсь с пути. Тогда я вошел в крестьянский дом, и там мне рассказали, как пройти к повстанческому лагерю. Впоследствии нам стало ясно, что в столь пересеченной местности, как Сьерра-Маэстра, компас может служить лишь для общей ориентировки, но ни в коем случае не для прокладки какого-либо определенного курса. Для этой цели необходимы проводник или собственное знание

местности, которым я стал обладать, когда мне поручили вести операции как раз в районе Эль-Омбрито.

Возвращение в отряд было очень волнующим, мои товарищи горячо встретили меня. Я прибыл к окончанию заседания народного суда, рассматривавшего дела трех доносчиков. Один из них, по фамилии Наполес, был приговорен к смерти. Председательствовал на суде Камило (Сьенфуэгос — *Ю.Г.*).

В то время я должен был исполнять обязанности врача и в каждом маленьком селении или другом каком месте, куда мы прибывали, открывал свою консультацию. Работа была монотонной, поскольку выбор лекарств был ограничен, а клинические случаи в Сьерре не блистали разнообразием: рано состарившиеся, беззубые женщины, дети с огромными животами, рахит, общий авитаминоз, паразиты — таковы были бедствия Сьерра-Маэстры. Они сохраняются и по сей день, но в гораздо меньших размерах. Сейчас дети этих матерей из Сьерры уехали учиться в школьный городок имени Камило Сьенфуэгоса, они выросли, стали здоровыми и совсем не похожи на первых, истощенных обитателей нашего первого школьного городка.

Мне помнится, как какая-то девушка присутствовала на консультациях, которые я давал местным женщинам, приходившим почти с религиозным трепетом, чтобы узнать о причине своих недугов. Внимательно прослушав несколько консультаций, проходивших в единственной комнате домика, она стала ябедничать своей матери: «Мама, этот доктор всем говорит одно и то же».

И это была истинная правда. У меня не было больших знаний, да и к тому же у всех у них наблюдались одинаковые недуги. Сами того не замечая, эти люди рассказывали одну и ту же душераздирающую историю. Что бы произошло, если бы врач в этот момент стал объяснять появление странного чувства усталости у молодой многодетной матери, когда она несет ведра с водой от ручья к дому, тем, что это слишком тяжелая работа при таком скудном и качественно плохом питании? Эта усталость является чем-то необъяснимым, потому что на протяжении всей своей жизни женщина носила те же самые тяжелые ведра с водой по той же самой дороге и только теперь стала уставать. Дело в том, что люди в Сьерре появляются на свет и растут без ухода, быстро истрачивают свои жизненные силы в работе без отдыха. Именно там, в этих встречах, родилось понимание нами необходимости решительной перемены в жизни народа. Идея аграрной реформы приобрела четкие очертания, и требование о необходимости единения с народом перестало быть теорией, оно вошло неотъемлемой частью в нашу плоть и кровь.

Партизанский отряд и крестьянство стали сливаться в единую массу, причем никто не смог бы сказать, на каком именно отрезке нашего длинного пути это произошло. Что касается меня, я знаю только одно: в результате тех самых консультаций, которые я давал гуахиро Сьерры, моя стихийная и немного сентиментальная настроенность превратилась в более серьёзную и решительную силу. Страдающие друзья — жители Сьерра-Маэстры — никогда не подозревали, какую роль они сыграли в качестве кузнецов нашей революционной идеологии.

В тех местах Гильермо Гарсия было присвоено звание капитана и ему было поручено командовать всем новым пополнением из числа крестьян, которые приходили к нам в отряд. Может быть, товарищ Гильермо не запомнил 6 мая 1957 года, но эта дата отмечена в моем дневнике.

На следующий день Айдее Сантамария покинула нас с четкой инструкцией Фиделя установить необходимые контакты, однако день спустя пришло сообщение об аресте Никарагуа, которому было поручено доставить нам оружие. Эта новость расстроила всех, и теперь мы не представляли себе, каким образом может быть получено оружие. Однако было принято решение продолжать путь в район встречи.

Мы прибыли в маленькую долину, расположенную неподалеку от Пино-дель-Агуа, где на гребне Сьерра-Маэстры стояли два необитаемых бойо (крестьянская хижина — *Ю.Г.*) и находилась заброшенная могила. Недалеко от шоссе наш дозор взял в плен батистовского капрала, известного своими злодеяниями еще со времен Мачадо (президент-диктатор в 30-х годах XX века — *Ю.Г.*). Некоторые бойцы отряда предложили сразу расстрелять его, однако Фидель запретил это делать. Капрала попросту оставили под охраной новых бойцов, которые пока еще не имели винтовок, и предупредили его, что любая попытка к бегству будет стоить ему жизни. Основная часть отряда продолжала путь к условленному месту, куда должно было быть доставлено оружие. Этот поход был длинным, но мы совершали ею налегке, оставив свои полные вещмешки в лагере. Наше путешествие оказалось безрезультатным. Оружие не прибыло, и мы, естественно, связывали это с арестом Никарагуа. Купив довольно много продуктов в местной лавке, мы двинулись в обратный путь.

Шли медленной, усталой походкой по той же дороге вдоль гребня Сьерра-Маэстры, пересекая с большими предосторожностями открытые места. Вдруг впереди послышался выстрел. Это нас насторожило, потому что один из наших товарищей пошел быстрее, чтобы как можно раньше прийти в

лагерь. Им был Гильермо Домингес, лейтенант нашего отряда, один из тех, кто прибыл с пополнением из Сантьяго. Мы выслали вперед разведку и были готовы к любой неожиданности. Через некоторое время разведчики вернулись в сопровождении товарища по имени Фиальо, который принадлежал к группе Кресенсио и прибыл в лагерь во время нашего отсутствия. Он рассказал, что произошла стычка с батистовцами, которые отступили в направлении Пино-дель-Агуа, где располагалось крупное вражеское подразделение, и что на дороге найден труп какого-то человека, который я должен опознать.

Это был, конечно, Гильермо Домингес. Его тело было обнажено до пояса. Около локтя виднелось пулевое отверстие, слева на груди зияла штыковая рана, а голова была наполовину снесена выстрелом, судя по всему, из ружья, принадлежавшего нашему товарищу. О том, что это был убит именно он, свидетельствовали и некоторые предметы снаряжения и обмундирования.

Проанализировав различные данные, мы смогли представить себе картину происшедших событий. Батистовцы, которые, вероятно, разыскивали плененного нами капрала, заметили беспечно шедшего Домингеса и схватили его. Эта беспечность могла быть объяснена тем, что за день до этого он прошел по той же самой дороге без всяких приключений. Одновременно навстречу нам шли люди Кресенсио. Они вышли в тыл противника и, захватив его врасплох, открыли огонь. Солдаты бросились бежать, убив перед бегством нашего товарища — Домингеса...

Наш товарищ не проявил элементарной предосторожности, необходимой в таких случаях, и напоролся на засаду. Его горькая участь послужила нам всем уроком на будущее.

Публикуемые ниже статьи и речи Э.Че Гевары даются в хронологическом порядке, иногда с небольшими сокращениями.

ВЗГЛЯД НА АМЕРИКУ С АФРО-АЗИАТСКОГО БАЛКОНА (Статья опубликована в журнале «Humanismo», Habana, 1959 г.)

Жителям Азии говорить об Америке (нашей, не освобожденной) — то же, что и нам говорить о неведомом континенте — Азия, где освободительные чаяния нашли свое собственное выражение в Бандунгском соглашении (Имеется в виду принятая на Бандунгской конференции (апрель 1955 года,

Индонезия) «Декларация о содействии всеобщему миру и сотрудничеству».).

Об Америке ничего не было известно, кроме того, что это гигантская часть света, где когда-то проживали смуглолицые аборигены в набедренных повязках и с копьями. Туда однажды прибыл человек по имени Христофор Колумб и открыл цивилизацию, существовашую несколько веков, и народы со своей культурной, экономической и политической жизнью. За прошедшие столетия ничего конкретного к этим сведениям не прибавилось, кроме факта почти абстрактного, который зовется Кубинской революцией. Действительно, Куба — это абстракция, означающая лишь пробуждение или необходимую среду для возникновения мифического существа по имени Фидель Кастро. Что известно еще — длинные волосы, бороды, униформа цвета зеленых оливок, несколько гор без точной привязки к местности в стране, имя которой назвать могут немногие, и уж совсем единицы знают, что это остров. И это все — Кубинская революция, Фидель Кастро, а бородачи — это люди Фиделя. Да, они живут на маленьком острове, они следуют за легендарным человеком Америки, новой Америки, которая разминает свои закостеневшие от долгого стояния на коленях суставы.

Сегодня открывается и иная Америка, неизвестные жители которой добывают допотопным способом олово. От их имени нещадно эксплуатируются индонезийские рабочие оловянных рудников. Я говорю об Америке обширных каучуковых плантаций в Амазонии, где страдающие от лихорадки люди производят дешевую резину, ради конкуренции с которой в Индонезии и на Цейлоне местные хозяева платят копейки своим работникам на каучуковых плантациях. Это Америка гигантских нефтяных месторождений, из-за которых пустеет тощий кошелек рабочих-нефтяников Ирака, Саудовской Аравии и Ирана. Это Америка дешевого сахара, не позволяющего получать достойную зарплату трудящимся Индии за тот же рабский труд, под тем же безжалостным тропическим солнцем.

Пробуждающиеся Африка и Азия начинают устремлять свои взоры за океан. Наш континент — хранилище зерна и сырья, разве он не той же культуры, не та же бывшая гигантская колония с миллионами таких же простых людей?

Может быть, преодолеет наше братство ширь морей, барьер языков и отсутствие культурных связей для того, чтобы слиться в товарищеском объятии?

Может быть, японский рабочий, а не горделивый отпрыск самурая станет ближе аргентинскому пеону (Пеон — крестьянин-батрак, вынужденный брать в долг у хозяина деньги,

продовольствие или одежду в счет зарплаты и оказывающийся не в состоянии покрыть этот долг; становится вечным должником на положении полукрепостного работника.), боливийскому горняку, рабочему «Юнайтед Фрут компани» или кубинскому рубщику сахарного тростника?

Разве Фидель Кастро только случайная фигура, а не законный лидер американского народа в его крепнущей борьбе за свободу? Разве он не простой смертный, такой как Сукарно, Неру или Насер?

Освободившиеся народы обнаруживают великую ложь, утверждавшую их несуществующую расовую второсортность. Теперь они понимают, что и сами могут ошибаться в своей оценке других народов.

На очередную конференцию афро-азиатских народов приглашена Куба. Американская страна передаст правду и боль Америки высочайшему форуму афро-азиатских братьев. Она поедет туда не случайно...

Она будет участвовать в форуме для того, чтобы сказать: Куба действительно существует, и Фидель Кастро — это реальный человек, народный герой, а не мифическая абстракция. Кроме того, Куба объяснит, что она не случайное изолированное явление, а первый сигнал пробуждающейся Америки.

И когда мы расскажем обо всех безымянных народных героях, о всех неизвестных бойцах, погибших на полях сражений на нашем континенте. Когда расскажем о так называемых колумбийских бандитах (Видимо, имеются в виду участники восстания Комунерос в 1781 г. против испанских колониальных властей, называвших восставших бандитами), боровшихся на своей земле против союза меча и креста. Когда поведаем о парагвайских поденщиках, погибших вместе с боливийскими шахтерами, ради всех нефтяников Англии и Северной Америки (хотя они и не знали об этом). Мы встретим у собравшихся изумление. И это будет не удивление при виде чуждого и неведомого. Большинство поймет с полуслова нашу повесть как часть общей истории колониализма, потому что они сами когда-то пережили и испытали подобное.

Америка рождается, она одевается плотью. Та Америка, воплощающаяся в новой Кубе, и Куба, проявляющаяся в Фиделе Кастро (человеке, представляющем целый континент и обладающем единственной силой — отрядом своих партизан-бородачей), становятся реальностью...

С моего балкона (имеется в виду, место на конференции. — *Ю.Г.*) я бросаю мысленный взгляд вдаль, в недавнее прошлое, и открывающаяся перспектива позволяет мне оценить минувшие

события и дела, начиная от моих восторженных двенадцати лет. Я вижу, как исчезают мелкие противоречия, все случайное и второстепенное теперь не мешает мне оценить главное — свершившееся всенародное событие в Америке.

С этого балкона я могу понять детский жест, наивный и спонтанный, незнакомого мне человека, который, гладя мою бороду, спросил: «Фидель Кастро?» и добавил: «Вы члены Партизанской армии, которая возглавляет борьбу за свободу Америки? Значит, вы наши союзники на другом берегу океана?».

И я должен ответить ему и всем сотням миллионов афро-азиатов, которые, как и он, шагают к свободе: «Да!» Более того, я один из множества его братьев той части мира, которая с огромной надеждой ждет часа создания единого блока, который должен окончательно разрушить колониальное господство.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВРАЧ (Речь произнесена на открытии курсов политпросвета при Минздраве Кубы 19 августа I960 года.)

Это скромное торжество, еще одно торжество среди тех сотен, которыми кубинский народ отмечает день своей свободы и становления революционной законности, продвижения по пути полной независимости; тем не менее, оно представляет для меня особый интерес.

Почти все знают, что я начал свой трудовой путь врачом несколько лет назад. Когда я думал изучать медицину, я пошел работать врачом. Тогда многие мои сегодняшние взгляды еще не составляли всей суммы моих идеалов.

Мне хотелось преуспевать, как хочется преуспевать любому из нас. Я мечтал стать известным исследователем, желал без устали трудиться, чтобы создать или совершить нечто, что могло бы, в конечном счете, послужить человечеству. Но в то время это могло бы означать только личный успех. Я был, как и все мы, порождением своей среды.

После окончания медфака, в силу особых обстоятельств, а может быть, и из-за моего характера, я начал путешествовать по Америке и познакомился со всем континентом. Так или иначе, я посетил все страны Америки, кроме Гаити и Доминиканской Республики. И благодаря этим поездкам, сначала в качестве студента, а затем врача, мне пришлось непосредственно столкнуться с нищетой, голодом, болезнями; я увидел, как из-за безденежья люди не могут лечить своих детей. Познакомился с

жестокостью и равнодушием, порожденными голодом и постоянными наказаниями; причем они настолько сильны, что для иного отца потеря сына становится мало важным событием. И тогда я увидел, что есть вещи, не менее важные, чем стать знаменитым ученым или первооткрывателем — это помощь людям.

Но я продолжал оставаться, как большинство из нас, человеком своей среды. Проехав много стран (к тому времени побывал в Гватемале, Гватемале Арбенса (Хакобо Арбенс (1913—1971) — полковник, государственный деятель Гватемалы, в 1951—1954 гг. президент этой страны. Подробнее см. в тексте этой книги (гл.1).)), я начал делать для себя некоторые заметки о том, каким должен быть революционный врач, начал присматриваться к тому, что требуется, чтобы стать таким врачом.

Однако началась агрессия, организованная «Юнайтед фрут» («Юнайтед Фрут компани» — бывшая американская компания. Подробнее см. в одном из примечаний к этой книге (Комментарии).), госдепартаментом, Фостером Даллесом (Д. Фостер Даллес (1888—1959) — госсекретарь США в 1953—1959 гг. Вдохновитель политики «с позиции силы») и поставленной ими марионеточной фигурой по имени Кастильо Армас (был такой!). Агрессия была успешной, ибо народ в Гватемале еще не достиг сегодняшней зрелости кубинцев. И я в один прекрасный день оказался политическим изгнанником, т.е. был вынужден покинуть Гватемалу, так как она не была моей родиной.

Вот тогда-то я понял одну главную вещь: чтобы стать революционным врачом, равно как и революционером, нужно, чтобы была революция. Ни к чему не приведет усилие одиночки. Чистота помыслов и порыв самопожертвования, ради благородных идеалов ничего не принесут, если сражающийся с правителями и социальными условиями в каком-нибудь уголке Америки будет одинок. Чтобы делать революцию, необходимо иметь то, что есть на Кубе: сознательное боевое сплочение народа, хорошо понимающего, для чего он взял в руки оружие и зачем объединился.

И вот мы подошли к ряду проблем, которые сегодня стоят перед нами. Вопреки всему мы уже имеем право и должны быть революционными врачами, т.е. теми, кто использует профессиональные медицинские знания в интересах Революции и народа. Возникают вопросы: что необходимо сделать для блага народа? как согласовать личные усилия каждою из нас с нуждами общества?

Нам необходимо вновь оглянуться на всю свою жизнь. Посмотреть — что было уже сделано, а что только замышлялось

до революции каждым из нас, будь то врач или медицинский работник. Мы должны критически оценить наши прошлые планы и перспективы, чтобы затем понять, что почти все замышлявшееся в ту, уже прошедшую эпоху, устарело: сегодня должен рождаться новый тип человека. И если каждый из нас станет для себя архитектором этого нового человека, тем легче будет всем нам создавать его в масштабах общества. И тогда он станет воплощением и лицом новой Кубы...

Принцип, на котором должно осуществляться наступление на болезни, — это укрепление человеческого тела усилиями всего общества, но не создание здорового тела у хилого человека, благодаря виртуозным усилиям врачей.

Тогда медицина сможет когда-нибудь стать наукой, которая будет предупреждать болезни и ориентировать все население на укрепление собственного здоровья. Сама же она должна будет вмешиваться лишь в случаях неотложной помощи, например для проведения хирургической операции...

Работа, порученная сегодня Минздраву и всем медицинским учреждениям, заключается в создании такого здравоохранения, которое бы могло обеспечивать медицинской помощью максимальное количество людей, предупреждать любую болезнь, а также давать людям консультации по различным вопросам. Но для решения этой, как и любой другой революционной задачи, в первую очередь нужен человек. Революция — это не стандартизация коллективной воли и коллективной инициативы (подчеркнуто нами, — *Ю.Г.*), как пытаются доказать некоторые, — это высвобождение индивидуальных способностей человека...

И наша задача сегодня — направить творческие способности всех специалистов медицины в сторону медицины социальной...

Индивидуализм как таковой, как единственно возможное поведение личности в обществе, должен исчезнуть на Кубе. Но чтобы все это осознать, должны произойти глубокие внутренние перемены в человеке и не менее глубокие внешние изменения — в обществе.

И эти внешние изменения происходят на Кубе ежедневно... Лучшая форма для ознакомления с этим — проехать по всей стране, посетить кооперативы и предприятия, которые сегодня создаются. А лучшей формой глубинного понимания проблем медицины является не простое посещение упомянутых кооперативов и предприятий, а выяснение, какие заболевания там имеются, чем чаще болеют люди, какова была нищета, в которой они раньше проживали, и какие унаследовали болезни от своих предков, живших в условиях эксплуатации и угнетения.

Что бы ни происходило в мире, врач, находящийся рядом с

пациентом, хорошо знающий его психическую организацию, являющийся тем человеком, к которому люди идут с последней надеждой, занимает в обществе самый ответственный пост.

Недавно в Гаване группа студентов, выпускников медфака, отказалась ехать на село, требуя определенных компенсаций. С точки зрения прошлого это вполне логично. Я это прекрасно понимаю... Перед нами опять гладиаторы, одинокие борцы за личные права. Они восстают, желая обеспечить лучшее будущее только себе. Они пытаются повысить свой профессиональный рейтинг.

Но что произошло бы, если вместо этих выпускников, семьи которых в большинстве своем смогли оплатить их учебу, получили образование 200 или 300 крестьян, появившихся по мановению волшебной палочки в университетских аудиториях? А случилось бы просто то, что эти крестьяне немедленно поспешили бы с большим энтузиазмом на помощь своим братьям, попросили бы сами ответственные и трудные посты, дабы продемонстрировать, что годы их учебы были не напрасны. Случилось бы то, что произойдет обязательно через 6—7 лет, когда новые студенты, дети рабочих и крестьян, получат свои дипломы различного профиля.

Но мы не должны смотреть в будущее с фатализмом и делить людей на рабочих, крестьян и контрреволюционеров, ибо это было бы примитивно и не отвечало бы правде жизни, потому что ничто так не воспитывает человека, как жизнь в революционные годы. Все бойцы из нашей первой группы, прибывшей на «Гранме» и обосновавшейся в Сьерра-Маэстре, не были рабоче-крестьянского происхождения, но мы никогда не отделяли себя от простых крестьян и всех трудящихся людей, старались сблизиться с ними. Среди нас, естественно, были такие, кто в свое время был вынужден работать, кто познал некоторую нужду в детстве. Но голода, то, что называется настоящим голодом, никто из нас не знал, хотя временные трудности с продовольствием в Сьерра-Маэстре были...

Почему другие люди из обеспеченных семей на Кубе не смогут также усвоить это? Конечно, могут, и к тому же Революция сегодня требует такого усвоения, чтобы люди хорошо поняли, что намного важнее любого вознаграждения гордость от служения своему ближнему, что в конце концов все золото, которое только можно приобрести, не стоит того, что называется благодарностью народа.

Поэтому мы должны пересмотреть наши прежние взгляды и сблизиться еще больше с народом. Но не так, как мы это делали раньше, до революции, потому что и сегодня вы можете сказать:

«Нет, я не против народа. Мне очень нравится разговаривать с рабочими и крестьянами. Я езжу по выходным туда-то, чтобы посмотреть то-то».

Все делали это. Но совершали это практически из чувства сострадания, а мы должны сегодня развивать и укреплять солидарность... Мы должны идти в народ с исследовательским намерением, с чувством скромности, чтобы почерпнуть знаний из великого кладезя народной мудрости...

И тогда мы увидим, что не всегда болезни лечатся по городским рецептам. Мы поймем, что врач должен быть и специалистом-аграрником, способным выращивать новые культуры, чтобы зародить и привить интерес к ним у крестьян, для обогащения скудного и однообразного питания в нашей перспективной в аграрном отношении стране.

Вот мы и попробуем тогда в этих условиях стать немного педагогами и политиками... Вместе с народом мы будем осуществлять великую и прекрасную общую задачу — строительство новой Кубы... Нужно на развалинах старой создать новую систему, которая бы дала счастье народу...

И если мы согласны с нашими великими целями и знаем, куда идти, то, не дожидаясь тех, кто будет раздумывать, мы должны начинать нашу работу.

Я вам говорил: чтобы стать революционером, нужно, чтобы для начала свершилась революция. И она у нас есть. И нужно также познать свой народ, которому будем служить. Думаю, что мы еще не очень хорошо знакомы с ним и что на этом пути предстоит еще много пройти. И если меня спросят: а каковы пути знакомства с народом, помимо поездок по стране, посещения кооперативов, работы в них? (Не каждый может работать там, и есть много мест, где чрезвычайно важно присутствие медработника.) В этом случае я бы сказал, что одно из значительных проявлений солидарности с народом Кубы — это служба в Народной милиции... (Добровольные народные вооруженные формирования на революционной Кубе. Служба в их рядах проходила в нерабочее время.)

Но должен предупредить, что врач в качестве революционного милиционера должен всегда оставаться врачом. И нельзя повторять нашу ошибку в Сьерре (хотя, может быть, это и не стоит называть ошибкой), о чем знают все наши товарищи врачи того времени: нам казалось постыдным находиться около раненого или больного, и мы искали малейшую возможность схватить винтовку и идти, чтобы показать на поле боя, как нужно воевать.

Сейчас другие условия, и новые войска, формирующиеся для

защиты страны, должны быть войсками с другой техникой, и врачу отводится огромная роль в рамках этой техники в новой армии. Он должен оставаться врачом, выполняя одну из самых прекрасных и важных задач на войне. И не только врач, но и санитары, работники лабораторий, все, кто посвятил себя этой гуманной профессии...

Любая работа, каждый песо, который затрачивается на подготовку какой-либо военной акции, — это работа и затраты без отдачи. К сожалению, эти затраты необходимы, ибо еще есть наши противники, которые ведут подготовку к войне. И все же — говорю это со всей честностью и гордостью солдата — с наибольшим сожалением смотрю на деньги, которые уходят из сейфов Национального банка для оплаты какого- либо оружия уничтожения.

Однако милиция осуществляет свою функцию и в мирное время, она должна быть в населенных пунктах связующим звеном, помогающим узнать народ. Там должна осуществляться, как мне это подтверждали товарищи из милиции, невиданная солидарность. Должна быть готовность немедленно решать проблемы на территории всей Кубы, при любой опасности помогать всем, кто нуждается в помощи. Но милиция предоставляет также возможность познакомиться и побрататься с людьми всех социальных слоев Кубы...

И коль скоро мы располагаем всем необходимым, чтобы идти в будущее, вспомним фразу-завет Марти, который я в данный момент нарушаю, но им руководствоваться надо постоянно: «Лучшим способом выражать свои мысли является деятельность».

Так пойдемте все вместе к будущему Кубы!

ХОСЕ МАРТИ (Речь произнесена на вечере памяти Х. Марти (Хосе Марти (1853—1895) — Национальный герой Кубы, философ, поэт, просветитель, публицист. Погиб в войне с испанцами за независимость Кубы.) 28 января 1960 года.)

Дорогие товарищи, сегодняшние дети и подростки, завтрашние мужчины и женщины, будущие герои нашей суверенной страны!

Сегодня особый день, требующий разговора по душам между нами, теми, кто так или иначе содействовал своими усилиями развитию Революции.

Сегодня еще одна годовщина со дня рождения Хосе Марти, и прежде чем приступить к теме, хотел бы обратить ваше внимание

на одну вещь. Я слышал только что: «Да здравствует Че Гевара!», но ни одному из вас не пришло в голову крикнуть: «Да здравствует Марти!», и это нехорошо. Нехорошо по ряду причин. Потому, что до того, как родились Че Гевара и все те, кто боролся в наше время, до того, как зародился весь этот освободительный кубинский порыв, Марти уже жил, страдал и погиб во имя идеала, который мы сегодня воплощаем в жизнь.

Более того, Марти был прямым наставником нашей Революции, человеком, к слову которого надо было обращаться всегда, чтобы дать справедливое толкование исторических явлений, которые мы переживали. Он был человеком, к идеям или примеру которого надо было обращаться всякий раз, когда говорилось или делалось что-то значительное на Кубе... Марти — более чем кубинец; он — гражданин Америки, он принадлежит всем 20 странам нашего континента, и его голос звучит не только здесь, на Кубе, но и во всей Америке.

Нам выпала большая честь прославлять Хосе Марти там, где он родился. Но имеется много других форм почитания Марти.

Можно воздавать ему почести в день его рождения или печальный день памяти 19 мая 1895 года. Можно чтить Марти, цитируя его высказывания, красивые, совершенные фразы, справедливые слова. Но можно и должно чествовать Марти в той форме, как он того желал сам, когда заявлял во всеуслышание, что «лучшие слова — это дела».

Поэтому мы стараемся воздавать ему почести, делая то, чего он сам желал делать, и чему помешали политические обстоятельства и пули колонизаторов.

Большинство, — а может быть, и никто — не могут быть Марти, но все мы можем следовать его примеру и стараться идти его путем в меру наших усилий. Стараться понять его, воскресить в наших делах и в нашем поведении сегодня, ибо та война за независимость, та долгая война за освобождение была повторена в наши дни и дала множество скромных и неизвестных героев, не попавших на страницы истории, но, тем не менее, старательно исполнивших завещанное Апостолом (Так называют Х. Марти на Кубе, т.е. апостол революционных идей.).

Я хочу представить вам сегодня одного парня, которого, может быть, многие из вас хорошо знают. Хочу поведать небольшую историю трудных дней в Сьерре. Это команданте (майор. — *Ю.Г.*) Жоэль Иглесиас[391], руководитель Ассоциации молодых повстанцев. Сейчас я вам объясню, по какой причине он занимает этот пост, и почему я с гордостью вам его представляю в такой день.

Майору Жоэлю Иглесиасу 17 лет. Когда он пришел к нам в

Сьерру, ему было 15. Когда мне его представили, я не хотел его брать в отряд, потому что он был еще ребенком. У нас был мешок с пулеметными лентами, и никто не хотел его нести. Я поручил ему этот мешок в качестве проверки на выносливость. Тот факт, что он сегодня с нами, показывает, что он сумел выдержать этот экзамен.

Но это не все. У вас не было возможности заметить из-за небольшого расстояния, какое он прошел по залу, что он хромает на одну ногу, и вы не могли слышать, что у него хриплый голос, который плохо слышно, потому что он не обращался к вам. Вы не могли видеть на его теле 10 шрамов от вражеских пуль, потому что он всегда находился в первых рядах в бою, в самые ответственные моменты...

У нас был Кристино Наранхо, лет сорока. А его командиру, лейтенанту Жоэлю Иглесиасу, было 15 лет... Однако Кристино всегда выполнял приказы Жоэля, потому что в нашей Повстанческой армии, по примеру Марти, не имели значения ни годы, ни прошлое, ни политическая деятельность, ни вероисповедание, ни прошлая идеология. Нас интересовали лишь сегодняшние дела и преданность революции...

Поэтому в такой день, как сегодня, мне хотелось представить Жоэля вам, чтобы вы знали, что Повстанческая армия заботится о молодежи и старается предоставить подрастающему поколению лучших из своих рядов, лучших из своих примерных бойцов и лучших работников. Потому что мы считаем, что тем самым воздается память Марти...

Из всех высказываний Марти имеется одно, которое, по-моему, определяет, как никакое другое, дух Апостола. А именно: «Настоящий человек должен ощущать на своей щеке пощечину, нанесенную любому другому человеку». Таковыми являются Повстанческая армия и Кубинская революция, которые в совокупности ощущают, равно как и каждый отдельно, оскорбительную пощечину, нанесенную по щеке человеку в любом месте земли... «С бедняками Земли хочу я связать свою судьбу», — говорил Марти, и так поступаем мы, интерпретируя его слова.

Нас призвал народ и поставил народ, и мы, борясь с несправедливостью и создавая новый социальный порядок, будем продолжать его дело столько времени, сколько решит сам народ. Мы не боимся ни обвинений, ни обидных слов, как не боялся их Марти...

Вспомним, как он восстал вместе с первыми патриотами, и как был заточен в тюрьму в свои пятнадцать лет, и как вся его жизнь была постоянной жертвой, размышлением о жертвенности

и осознанием, что жертва была необходима для будущих реалий, для этой революционной реальности, в которой вы все живете сегодня.

Марти научил нас и этому. Он учил, что революционный руководитель не может иметь ни удовольствий, ни личной жизни: он все должен отдавать своему народу, народу, который его избрал и направил на ответственную работу или боевой пост.

И когда мы посвящаем дни и ночи работе на благо народа, мы думаем о Марти и чувствуем, что делаем живой память об Апостоле... Мне бы хотелось, чтобы все вы сегодня, думая о Марти, вспомнили бы еще о другом человеке как о живом, не как о боге, не отсутствующем, но живущем рядом с нами. Вспомнили бы голос, образ, жесты, нашего великого и не до конца оплаканного еще товарища Камило Сьенфуэгоса. (Майор (команданте) К. Сьенфуэгос — подробно см. примечания к докладу «Камило Сьенфуэгос». О нем также рассказывается на страницах этой книги.)

Героев, товарищи, народных героев нельзя отделить от народа, нельзя превращать их в монументы, в то, что существует отдельно от жизни народа, за который они отдали свою жизнь. Народный герой должен являть собой нечто живое и существующее во все эпохи истории народа.

Как вы вспоминаете о Камило, так должны вспоминать о Марти, который говорит и мыслит сегодня, сегодняшним языком, потому что величие мыслителей и крупных революционеров в том и состоит, что их язык не устаревает.

Слова сегодняшнего Марти не из музея, они вошли в нашу борьбу и стали нашим символом, нашим боевым знаменем.

И вот мой последний совет — приближайтесь к Марти без стеснения, не думая, что вы приближаетесь к какому-то богу, нет — к человеку, более великому, чем другие люди, более мудрому и более жертвенному. И считайте, что немного его воскрешаете, каждый раз думая о нем, и еще больше воскрешаете, если поступаете так, как он завещал.

Помните, что из всех привязанностей Марти самой большой была его любовь к детям и юношеству, им он посвятил самые проникновенные свои страницы и много лет борьбы.

А чтобы закончить, прошу вас проводить меня возгласами приветствия не в мою честь, а здравицей в честь Марти, потому что Марти живет.

АНТОНИО МАСЕО (Доклад прочитан на вечере памяти А. Масео 7 декабря 1962 года.)

Сегодня исполняется 66 лет со дня гибели Бронзового Титана (Такое прозвище Масео получил в народе за храбрость и мужество.) в борьбе за свободу Кубы. Как и прежде, кубинский народ организует собрания, чтобы почтить его память. На протяжении прошедших лет около его монумента можно было увидеть много людей, а на этой трибуне — немало выступавших представителей самых различных слоев народа.

В наши дни, когда мы задались целью построить на Кубе социализм и начинаем новый этап в истории Америки, чествование Антонио Масео приобретает новые оттенки. Оно становится еще более близким народу, а вся история его жизни, его прекрасной борьбы и его героической смерти обретает завершенный смысл, смысл жертвенности ради окончательного освобождения народа. Масео был не одинок в этой борьбе. Он один из трех великих столпов, на которых зиждилось все освободительное движение нашего народа. Вместе с Максимо Гомесом (М. Гомес Баэс (1836—1905), один из руководителей национально-освободительной борьбы кубинского народа против испанского господства. После испано-американской войны 1898 г. и оккупации Кубы США согласился на роспуск Освободительной армии, заняв фактически компромиссную позицию.) и Хосе Марти он составлял важнейшую силу, самое высокое олицетворение Революции того времени.

К тому моменту, когда Масео вместе с Панчито Гомесом Торо — сыном Гомеса — отдали свою жизнь за освобождение Кубы, уже прошел год, как погиб Марти. Перестало биться сердце наиболее стойкого и наиболее убежденного руководителя сил освобождения, но поблизости не было видно руководителей, способных продолжить на Кубе дело революционной войны до окончательного и полного освобождения от колониальных властей. Более того, кто наследовал это дело, даже не задумались достаточно глубоко, чтобы распознать далеко идущие намерения янки, их зловещий маневр с «Мейн» (15 февраля 1898 года в Гаванском порту взорвался американский броненосец «Мейн», находившийся там с дружеским визитом. Из 328 членов экипажа погибло 264 чел. Воспользовавшись инцидентом, США 28 апреля того же года объявили войну Испании (Куба была ее колонией). После поднятия в 1911г. корабля на поверхность выявился очевидный преднамеренный характер взрыва изнутри судна.), а также их последующие шаги.

И поэтому та освободительная война, которая формально закончилась в 1898 году и также формально имела кульминацию в виде провозглашения независимости в 1902 году, никоим образом не была завершена в полной мере.

То, с чем мы сегодня имеем дело, — это ее прямое продолжение, более того, мы можем сказать, что, к сожалению, освобождение Кубы и сегодня еще не завершено. Пока империалистический враг жаждет покончить с нашей Революцией, мы должны оставаться в состоянии боевой готовности. История и пример Антонио Масео и всех борцов той эпохи, которые в течение 30 долгих лет боролись, чтобы дать основание тому, что сегодня мы строим, должны оставаться для нас столь же реальными и живыми, как в дни славных выступлений 1868 и 1895 годов.

Два самых важных момента были в жизни Масео. Они определили его как человека и как военного гения. Первый проявился, когда вопреки всем соглашателям, всем потерявшим надежду и желавшим хоть какого-нибудь мира после 10 лет борьбы (когда расформировывается Освободительная армия и подписывается Санхонский пакт[392]) Антонио Масео выступает с заявлением в Барагуа и один пытается продолжать войну в труднейших условиях. Его небольшая армия, сформированная по образцу армии государственной, имеющей свою территорию, парламент, президента, депутатов, министров, была независима от всех гражданских учреждений.

В 1878 году глубокий кризис в лагере патриотов усилился настолько, что окончательно покончил с единством командования и гражданской власти. И заявление в Барагуа было последней попыткой человека благородного духа продолжить борьбу, которой до этого он отдал 10 лет своей жизни. В данный момент эта попытка не дала результата, но она позволила поддержать саму идею. И все великие патриоты, одни на Кубе, другие, рассеянные по Карибам (острова в Карибском море. — *Ю.Г.*) и другим странам Америки, упрямо пытались вернуться на Кубу, чтобы дать ей свободу.

В 1895 году наконец наступает решающий момент. В ходе первых дискуссий была создана армия под командованием М. Гомеса. И тогда был подготовлен второй определяющий подвиг в жизни Масео — вторжение на Остров.

Прежде он собрал свои войска и усилил их кавалерией. Затем, прикрывая не слишком мощным огнем пехоты, постоянно маневрируя, сражаясь непрестанно, атакуя в большинстве случаев неожиданно, Антонио Масео прошел Остров от края до края и принес революционный огонь в провинции, прежде не поддержавшие его.

Чтобы достичь всего того, о чем мы сегодня говорим несколькими фразами, требовалась огромная организационная работа, огромная вера в победу и воля для борьбы, а также

чрезвычайная способность руководить изо дня в день в течение многих лет борьбы в крайне тяжелых условиях, с постоянными потерями, когда раненые в случае пленения могли быть добиты испанцами. Причем испанские войска, обладавшие способностью маневра, соответствующей концу XIX века, т.е. позволяющей концентрировать большие группы войск, пытались постоянно окружать Масео и частенько преследовали его без передышки. К тому моменту, когда Масео оставляет Западную армию, пересекает засеку (протяженное искусственное заграждение из поваленных деревьев — *Ю.Г.*) и прибывает в район своей гибели, его основная задача была выполнена — пламя Революции уже полыхало на всей территории Кубы.

Но верно и то, что к этому времени испанские части уже научились воевать в условиях применения патриотами нового тактического приема — неожиданного нападения.

Смерть Масео практически положила конец существованию частей Западной армии как боевой силе. В основном остались подразделения в Лас-Вильяс под командованием Максимо Гомеса и войска в провинции Орьенте Каликсто Гарсии, взвалившие на себя главную тяжесть борьбы.

Затем последовал взрыв на «Мейне», пожаловали американцы, возникла поправка Платта (Кабальные обязательства, навязанные Кубе правительством США, отказавшимся прекратить оккупацию Острова до внесения в кубинскую конституцию определения принципов будущих кубино-американских отношений (принята в марте 1901 г. конгрессом США по предложению сенатора О. Платта).), началось 50-летнее лихолетье в нашей жизни, подготовка к новым битвам... Но мы дождались того момента, когда вновь потребовалось мачете Масео, когда это его оружие стало вновь обретать прежнее значение. Мы прошли самое тяжелое испытание, какое только может пройти какой-либо народ. Мы оказались перед угрозой атомного разрушения, мы видели, как враг готовит огромный ракетный потенциал, оружие уничтожения всех видов. Мы видели, как нацелено было это оружие на Кубу. Мы слышали угрозы врага и видели его самолеты, барражирующие в нашем небе.

И наш народ, достойный Масео, Марти и Максимо Гомеса, не дрогнул, даже не поколебался...

История всех великих исторических противостояний человечества может быть скупо выражена — не преувеличивая и не боясь впасть в крайний «шовинизм» — в этих моментах кубинской истории.

Наш народ превратился в единого Масео. Весь наш народ

стремился занять передовую боевую позицию в ситуации, где повсюду линия фронта, где, может быть, и вообще нет никаких определенных «линий» и где нам предстояло ждать атаки с воздуха, моря, на суше, выполняя нашу роль авангарда социалистического лагеря в данный момент, в этом конкретном месте столкновения.

Поэтому его слова, столь любимые у нас, находят такой глубокий отзвук в сердцах кубинцев: «Кто посмеет захватить Кубу, пожнет лишь пыль земли, политую кровью, если не погибнет в борьбе». Таков был дух Масео и такой же дух у нашего народа.

Мы были достойны его в эти трудные моменты, которые только что миновали, в этом противостоянии, когда мы находились в двух шагах от атомной катастрофы.

Вот что мы можем сегодня продемонстрировать с гордостью себе и всему миру и повторить каждое высказывание Масео, героя, являющегося революционным примером борьбы за освобождение своей страны. Мы можем повторить его высказывания сегодня с той же пламенной верой, с той же верой в будущее человечества, в будущее всего благородного, что есть у людей: «Пока останется в Америке или в мире какая-либо обида или несправедливость, Кубинская революция не может остановиться, а должна идти вперед, воспринимая близко, как свои собственные, беды в этом угнетенном мире, где нам довелось пожить. Она должна ощущать, как собственные, страдания народов, которые, как и наш народ, поднимают знамя свободы».

И не только здесь, в Америке, где мы объединены столькими узами, но и в Африке, Азии — где угодно, если какой-нибудь восставший народ возьмется за оружие, даже за мачете, этот символ Масео или Максимо Гомеса, если национальные лидеры такого народа возвысят свой голос, — туда должен поспешить наш народ. Народ, подобно нашему прошедший испытания, не может остаться равнодушным к любой несправедливости в любом уголке мира; такой народ перестал бы быть к тому же народом Марти, если бы остался равнодушным к страданиям другого народа. Поэтому сегодня мы вновь обращаемся к мыслям наших героев, борцов славной войны, воспринимаем эти мысли как свои. И снова и снова повторяем их, ибо все это было не что иное, как этапы той же самой борьбы человечества с эксплуатацией. Все высказывания Антонио Масео, Марти или Гомеса применимы и к сегодняшнему дню, на этом этапе борьбы против империализма, потому что вся их жизнь, их дело и смерть были не что иное, как ступени на длинном пути освобождения народов.

По этому пути пошел народ Кубы. По пути жестокой, неустанной борьбы против колониального господства. По этому пути шагают многие народы мира, изо дня в день все больше поднимается рук с мачете в разных местах на различных континентах, чтобы заявить империализму, что есть сила народного единения, и нет ничего мощнее в мире, чем она. Такие народы, может быть, и остановит какое-либо временное поражение, временная слабость, но никогда и никто не сможет остановить народного движения.

И перед звериным высокомерием империализма, видя его стремление уничтожить все, что есть чистого в мире, встают люди, люди под водительством тех, кто поднимает знамена Марти, Масео и Гомеса.

Повсюду в мире, где реют эти знамена, именно туда должны мы обращать взоры и посылать наш привет.

В ответ на сегодняшние угрозы империализма, столь злобные как и вчера, империализма, скрытно готовящего очередную коварную атаку, мы будем использовать весь наш арсенал и мобилизуем всю нашу веру. Мы скажем в лицо нашим врагам — Родина или смерть! Мы победим!

ПРОТИВ БЮРОКРАТИЗМА (Статья опубликована в журнале «Cuba socialista», Habana, 1963 г.)

Наша революция по существу была результатом партизанского движения, которое началось вооруженной борьбой с тиранией и закончилось взятием власти. Первые шаги нашего революционного государства, равно как и весь примитивный период нашей управленческой деятельности, носили на себе заметный отпечаток основных элементов партизанской тактики как формы государственного администрирования. «Партизанщина» в различных административных и массовых организациях повторяла опыт вооруженной борьбы в горах Кубы...

Форма, в какой решались многие конкретные проблемы, зависела от личного усмотрения руководителей.

Распространившись на весь сложный аппарат общества, поля боя «административных герилий» входили в столкновения между собой, что вело к постоянным трениям, к различному толкованию законов, порою изданию противоречащих им вариантов учреждениями, которые устанавливали свои собственные указания в форме декретов, игнорируя центральный аппарат управления. По прошествии года мы пришли к выводу о

необходимости непременного изменения нашего стиля работы, снова взялись за организацию государственного аппарата самым рациональным образом, используя методы планирования, известные в братских социалистических странах.

В качестве контрмеры были созданы мощные бюрократические учреждения, характерные для начального периода строительства нашего социалистического государства, но крен был сделан настолько резкий, что многие учреждения, в том числе и Министерство промышленности (его возглавлял сам Че Гевара. — *Ю.Г.*), стали осуществлять политику оперативной централизации, которая слишком тормозила инициативу управленцев. Это усиление централизации объясняется нехваткой кадров среднего звена и анархическим духом предыдущего периода. Вместе с тем отсутствие адекватного контрольного аппарата затрудняло безошибочную и своевременную локализацию административных упущений, что и прикрывалось применением стиля «libreta» (на куб. жаргоне — «как Бог на душу положит». — *Ю.Г.*). При этом наиболее сознательные или наименее решительные кадры притормаживали свои импульсы, адаптируя их к медленному вращению административных «шестеренок», в то время как другие становились чемпионами самоуважения своих заслуг, не испытывая обязанности подчиняться кому-либо, что вынуждало вводить более строгие меры контроля, парализующие их деятельность. Так начинала страдать болезнью бюрократизма наша Революция.

Ясно, что бюрократизм не рождается с социалистическим обществом и не является его непременным атрибутом. Государственная бюрократия существовала в эпоху буржуазных режимов со своим шлейфом синекур и лакейства, так как под сенью бюджета процветало великое множество паразитов, составлявших «свиту» очередного политика. В капиталистическом обществе, где весь госаппарат поставлен на службу буржуазии, его важность как руководящего органа очень незаметна. И главное тут состоит в том, чтобы сделать его достаточно гибким для проникновения рвачей и достаточно непрозрачным, дабы запутать его действиями народ...

Если попытаться найти истоки роста бюрократизма в наше время, то необходимо к старым причинам добавить новые мотивации.

Одной из них является отсутствие внутреннего побуждения, то есть у человека нет интереса служить Государству. Другими словами, нет революционной сознательности...

В этом случае человек или группа лиц ищут убежища в бюрократизме, плодят бумаги, уходят от ответственности,

сооружая письменную защиту, чтобы процветать и дальше или защититься от безответственности других.

Другая причина — в отсутствии организованности. Усвоив метод разрушения, «партизанщина», не имея достаточного административного опыта созидания, создает тупиковую ситуацию, узкие места, которые без надобности тормозят прохождение информации с мест, указания и распоряжения центрального аппарата. Порою те и другие идут по ошибочному пути...

Бюрократизм — это важный инструмент для чиновника, который хочет любой ценой решить свои проблемы. Часто можно наблюдать, как большинство чиновников при этом избирает путь запроса еще большего персонала для реализации задачи, легкое решение которой лишь требует немного логики.

В целях здоровой самокритики признаем, что мы никогда не должны забывать, что революционное руководство в экономической области является ответственным за большинство бюрократических зол...

Центральный аппарат Хунты планирования (Госплан Кубы. — *Ю.Г.*) не выполнил своей ведущей роли, ибо не мог давать точных указаний на основе единой системы и при соответствующем контроле. Ему не хватало такой незаменимой поддержки, как перспективный план... Пакет второстепенных решений суживал видение крупных проблем, а решение всех других безалаберно застопоривалось. Скоропалительные и непроанализированные решения характеризовали всю нашу работу.

Третья причина была в отсутствии достаточных технических знаний, необходимых для принятия быстрых и правильных решений... В таких условиях обычно нескончаемы совещания, а никто из выступающих на них не имеет достаточного авторитета для отстаивания своих взглядов. После одного, двух и более совещаний проблема остается, пока не решится сама собой или не возникнет необходимость принять любое решение, пусть даже самое плохое...

В таких случаях бюрократизм, то есть тормоз из бумаг и нерешительность чиновников, заражает многие учреждения...

Нужно принять конкретные меры в целях оживления работы госаппарата, и таким образом, чтобы установить строгий государственный контроль, который бы позволил руководству иметь в руках рычаги управления экономикой и свободную инициативу развития производительных сил.

Коль скоро мы знаем причины и формы проявления бюрократизма, мы можем точно указать на возможности борьбы с этим недугом. Из основных причин главной можно считать

проблему организации, и подступить к ней нужно со всей серьезностью. Для этого мы должны изменить весь стиль нашей работы; выстроить иерархию проблем, распределив их по учреждениям и по уровням принимаемых решений, установить конкретные взаимоотношения между ними и всеми остальными — от центра принятия решений в области экономики до последнего административного подразделения, а также отношения между их составляющими по горизонтальной линии. Это является самой насущной нашей проблемой в данный момент и позволит в качестве дополнительной выгоды направить на другие участки большое число ненужных нам служащих, которые не работают, выполняют минимальные функции или дублируют других без какого-либо результата.

Одновременно мы должны настойчиво развивать политическую работу, чтобы покончить с отсутствием внутренних мотиваций политической ясности. Пути для этого следующие: непрерывное просвещение посредством конкретного объяснения задач, повышение заинтересованности у административных работников и применение строгих мер в отношении паразитизма, основанного на глубокой враждебности к социалистическому обществу или на нежелании трудиться.

Надо покончить с недостаточным вниманием к делу овладения знаниями. Мы начали решать гигантскую задачу перестройки общества по всем направлениям, в условиях империалистической агрессии, постоянно усиливающейся блокады, полной смены наших технологий, острой нехватки сырья и продовольствия, при массовом бегстве и без того небольшого количества специалистов. В этих условиях нужно поставить перед собой задачу серьезной и очень настойчивой работы в обществе, чтобы, с одной стороны, заполнить освободившиеся места от предателей, а с другой — удовлетворить потребность в квалифицированной рабочей силе. Отсюда необходимо, чтобы проблема подготовки кадров заняла предпочтительное место во всех планах Революционного правительства...

В намерение правительства входит превратить нашу страну в одну большую школу, где учеба и успехи в ней стали бы главными в создании условий для человека, как в материальном смысле, так и в плане его морального ощущения места в обществе... Реализовав все это, мы сможем за короткое время покончить с бюрократизмом.

Опыт последней мобилизации (в дни Карибского кризиса, октябрь 1962 года — *Ю.Г.*) обсуждался в Министерстве промышленности с тем, чтобы проанализировать причины

следующего феномена. В условиях мобилизации, когда страна напрягла все свои силы, чтобы противостоять вражеской агрессии, промышленное производство не падало, прогулы прекратились, проблемы решались неожиданно быстро. Анализируя все это, мы пришли к выводу о совпадении ряда факторов, которые устранили основные причины бюрократизма, — имелось большое патриотическое и национальное стремление противостоять империализму, охватившее большую часть народа Кубы. Каждый трудящийся на своем рабочем месте превратился в солдата экономики, готового решить любую задачу.

Проблема идеологического импульса решалась, таким образом, путем стимула, который придавала иностранная агрессия. Организационные нормы сводились лишь к срочным указаниям того, чего не нужно делать, и основного, что надо было сделать; к поддержанию производства во что бы то ни стало; особых мер по поддержанию производства определенных товаров и к освобождению предприятий, фабрик и организаций от всех остальных, не свойственных им функций...

Мы еще не подвели итоги мобилизации, но совершенно очевидно, что их финансовый баланс не может быть положительным в целом, хотя он был таковым в идеологическом плане, в смысле углубления сознания масс. Каков же этот опыт?

Мы должны укоренить в сознании наших трудящихся — рабочих, крестьян или служащих, что опасность империалистической агрессии продолжает нависать над нашими головами, что нет никакой мирной обстановки и наш долг продолжать изо дня в день Революцию, ибо, помимо прочего, это наша единственная гарантия от возможной агрессии.

Чем выше будет цена захвата империализмом нашего Острова, чем надежнее будет его защита и выше будет сознание его сыновей, тем больше агрессор будет задумываться; в то же время экономическое развитие страны нас настраивает на расслабление из-за растущего благосостояния. Поэтому нужно, чтобы великий мобилизующий фактор империалистической агрессии превратился в постоянно действующий — в этом состоит наша главная идеологическая задача.

Нужно проанализировать степень ответственности каждого чиновника, строго обозначить ее рамки в общем русле порученных дел, за которые чиновник не должен заходить под угрозой серьезнейших санкций, и на базе этого предоставить ему самые широкие полномочия. В то же время необходимо изучать все, что является основным, а что — второстепенным в работе различных подразделений государственных организаций для того, чтобы сокращать второстепенное и сосредотачиваться на

главном. Нужно потребовать от наших чиновников деятельной работы, установить лимит времени для исполнения полученных от центральных органов указаний, корректно контролировать их и обязывать принимать решения в течение разумного времени.

Если мы сумеем провести всю эту работу, бюрократизм исчезнет. Фактически все это не является задачей одного органа, ни даже всех органов страны в сфере экономики: это — задача всей Кубы, то есть руководящих органов, и главным образом — Единой партии Революции (Прообраз Компартии Кубы. Была создана в 1965 году на базе Объединенных революционных организаций (ОРО), а те, в свою очередь, в результате объединения «Движения 26 июля», Народно-социалистической партии (компартии) и студенческой организации «Революционный директорат 13 марта». I съезд КП Кубы состоялся в 1975 году.) и массовых организаций. Мы все должны работать над выполнением актуального и не терпящего отлагательства лозунга: «Война бюрократизму! Совершенствование госаппарата! Ответственное отношение к производству!»

КАМИЛО СЬЕНФУЭГОС

(Речь произнесена на вечере, посвященном памяти К. Сьенфуэгоса (Камило Сьенфуэгос (1932—1959), один из руководителей Кубинской революции, майор (команданте) Повстанческой армии Кубы. С января 1959 года — командующий Революционными Вооруженными силами провинции Гаваны, начальник Главного штаба армии. 28 октября 1959 года погиб в авиационной катастрофе. Подробнее о нем см. на страницах данной книги.)*, в министерстве строительства Кубы 28 октября 1964 года.)*

Акты памяти павших героев со временем становятся чем-то обязательным и как бы — хотите вы того или нет — превращаются в нечто автоматическое. Поэтому я лично много раз старался не присутствовать на мемориальных собраниях в честь товарищей, которые составляют нечто очень важное в нашей жизни, являются друзьями, закаленными в борьбе, товарищами из того начального периода, когда хватало пальцев на руке, чтобы их всех сосчитать. Воспоминания о них из года в год в речах вырабатывают эту рутинную автоматику, о которой я сказал выше: автоматику, которая шокирует тех, кто, скажем, близко знал, как, например, я, Камило.

Сегодня я согласился прийти сюда, так как вспоминаю о Камило именно в этом здании, где его брат, Османи, продолжает дело, которое тот начал первым и, в силу особых причин, один.

Я хочу сказать вам несколько слов и попытаюсь выразить то, что, по моему мнению, значит Камило.

Я познакомился с Османи через Камило в один из многочисленных дней наших поражений. Нас застали врасплох: убегая, я потерял свой рюкзак, сумев прихватить лишь одеяло, и мы, разбежавшись, собрались через некоторое время группой в 10—12 человек. Фидель ушел с другой группой.

Существовал неписаный своеобразный закон герильи: тот, кто терял свои личные вещи, которые любой партизан носит на своих плечах, должен сам находить выход из такого положения. Среди утерянных вещей было нечто очень ценное для партизана — 2—3 банки консервов, которые каждый из нас носил с собой.

С наступлением ночи каждый, вполне естественно, принялся есть свой мизерный паек. Камило, увидев, что у меня не было никакой еды, поделился со мной единственной банкой консервированного молока, которую он имел, и с тех пор, как мне кажется, зародилась или окрепла наша дружба.

Глотая молоко и незаметно соблюдая, чтобы порции были равны, мы беседовали с ним о многих вещах. В основном речь шла о еде, ведь для нас еда в те дни была великим вожделением. Он мне рассказывал про рис... нет — про муку, тесто с крабами, «фирменное» блюдо мамы Камило, которое он пригласил меня отведать после победы.

В ту ночь партизанского братства я и познакомился с Османи, пока мы поглощали с Камило банку молока.

До этого вечера мы не были близкими друзьями с Камило: больно уж разные характеры у нас. С самого начала мы были рядом. С «Гранмы», с разгрома у Алегриа-дель-Пино, однако мы были разными людьми. И только спустя несколько месяцев мы стали настоящими друзьями.

У нас бывали с ним столкновения по вопросам дисциплины, по подходам к различным проблемам в период герильи. Камипо в ту пору заблуждался. Он был очень недисциплинированным партизаном, слишком темпераментным, но вскоре он все понял и исправил свои ошибки. Даже после того как имя его стало легендарным, я вправе испытывать гордость за то, что открыл в нем партизана...

Позднее он стал майором; вписал в историю боев в долине (Орьенте) героические страницы, проявил себя храбрым и умным воином, участвовал в продвижении войск в последние месяцы революционной войны.

Нас, тех, кто помнит Камило еще при жизни, больше притягивало в нем то, что было самым притягательным для всего народа Кубы: его манера поведения, характер, веселый нрав, откровенность, его постоянная готовность отдать жизнь, желание преодолевать самые большие опасности с абсолютной естественностью и простотой, без малейшего хвастовства и размышлений; и при этом он всегда оставался товарищем для всех, несмотря на то, что к концу войны он был самым блестящим партизаном из всех.

Всего через несколько месяцев после победы, когда мы еще были заняты разрушением старого порядка и лишь только начинали обсуждать необходимость нового строительства, Камило не стало.

У меня нет ни малейшего сомнения в том, что, зная, как он исправил свои первые ошибки при зарождении герильи и превратился в лучшего среди нас, он смог бы также адаптироваться к требованиям новой эпохи и стал бы надежной опорой в формировании армии, во время организации любого учреждения, любой государственной структуры, которые были бы ему поручены.

Однако всего этого Камило уже не увидел, не участвовал и не сотрудничал во всех этих делах. Нам остается только размышлять о том, что бы он смог сделать, о том, чего стоило для нас его отсутствие в момент, когда еще не была достигнута слаженность действий всех революционных сил; тем более при той роли, которую он играл, когда своим бесспорным авторитетом во время всякого рода диспутов и передряг среди революционеров появлялся, чтобы призвать к здравому смыслу, к первостепенной важности принципов и революционного духа по сравнению с любой дискуссией.

Этот период в жизни Камило тоже неизвестен, так как история революций имеет свою значительную, скрытую часть, которая недоступна всеобщему знанию. Революции не являются абсолютно чистыми движениями; они осуществляются людьми, зарождаются в междуусобной борьбе, в столкновении амбиций и при взаимном незнании друг друга. И когда все это преодолевается, превращаясь в этап истории, в той или иной степени — заслуженно или нет — затушевывается и исчезает (подчеркнуто нами. — *Ю.Г.*).

Наша история также полна такого взаимного непонимания, изобилует примерами борьбы, порою очень острой; полна незнания о нас самих, и, как результат — недоверия, групповщины, борьбы между группами при одновременной работе в их среде представителей реакции. Здесь тоже мы имеем

великие и неизвестные многим усилия Камило, который был явным фактором единства.

Сегодня можно говорить обо всем этом, потому что это — прошлое, потому что была создана Партия, причем Партия как субъект многих ошибок подверглась чистке, перестройке и переориентации. Так как на Кубе достигнуто новое единство на базе существования единственного и общего врага, каковым является империализм, можно теперь говорить о том этапе, одном из трудных этапов Революции, на котором многие неизвестные или малоизвестные люди играли важнейшую роль.

Сегодня мы полностью связаны с социалистическим миром, все более мощным и энергичным: мы находимся в нем, пребывая в окопах передней линии, но у него много окопов против империализма позади нас и с флангов. Имеется блок неприсоединившихся государств, готовый осудить империализм и поддержать Кубу. Сегодня все иначе, намного легче, когда враг различим, и весь народ его хорошо видит. В те первые годы борьбы были необходимы люди, которые не имели ни малейших личных амбиций, люди, которые бы были чисты и преданны революционной задаче.

К их числу относится Камило. И таких мало!

Все мы, по крайней мере, большинство, слегка грешили рассказами о той эпохе, о разногласиях, недоверии, иногда о нечистоплотных методах, использовавшихся в целях, которые мы считали очень справедливыми, но которые по форме были некорректны. И нельзя сказать, чтобы Камило прибегал к ним.

Конечно, можно подумать, что коль скоро Камило нет в живых, о нем как о мертвом говорят в особой форме. И, естественно, если бы Камило был жив и находился среди нас, чувства и даже элементарное стеснение нам помешали бы говорить о таких вещах, как эти, хотя они абсолютно правдивы.

Таково значение для нас Камило. Трудно вам все это выразить, ибо объяснять достоинства товарища, чем он дорог внутренне для каждого, кто имел то или иное место в революционной борьбе и в период строительства, — действительно трудно. Но мне хотелось просто обратить ваше внимание, пусть даже в личном плане, на то значение, какое имеет для меня, для многих из нас Камило.

Хочу выразить уверенность в том, что вопрос Фиделя: «На правильном ли я пути?», обращенный им к Камило в Военном городке в первый день по прибытии в Гавану, был неслучаен. Это был вопрос к человеку, пользовавшемуся абсолютным доверием Фиделя. Доверие и веры, которые он испытывал к Камило, быть может, он не испытывал ни к кому из нас.

И потому подобный вопрос — это символ того, что означал для нас Камило. Пройдет много лет, нас ожидает много борьбы, наше растущее изо дня в день значение приведет к тому, что история будет писаться с другими перспективами. И те два года борьбы в Сьерре, и тот первый год революционной деятельности Камило станут, может быть, небольшими штрихами в истории нашей и всемирной Революции.

Но какими бы ни были эти штрихи, каким бы неприкрашенным ни был комментарий и малая важность, с какой будут оценивать в будущем эту войну мелких стычек группы людей, основным достоинством которых было наличие у них веры, в этих скупых строках обязательно должно присутствовать имя Камило. Потому что, если даже считать его участие сравнительно недолгим, а с течением лет оно станет еще более незаметным по времени, его действия, влияние на людей, имевших счастье участвовать во всей этой серии событий, его деятельность были огромными.

И даже если что-то воспринимать механически, и даже если говорить словами, похожими на те, которыми украшают жизнеописание павших героев, все же верьте мне, когда я говорю, что для меня Камило жив. Влияние его деятельности еще служит и всегда будет служить для исправления ошибок, большого количества ошибок, которые мы совершаем изо дня в день, большого количества несправедливости и революционной слабости, тоже чинимых нами изо дня в день.

И по мере того как будет обретать отзвук деятельность упомянутой группы людей в истории Кубы — как уже это происходит на деле, по степени и месту, отведенным историей нашему главному руководителю, Фиделю Кастро — там тоже найдется, наверняка найдется, и в должной мере, место для Камило, чтобы отразить его влияние на Фиделя, как товарища, как революционера, к которому он испытывал абсолютное доверие и к которому он обращался в моменты опасности.

И в этом вечная слава Камило...

БИБЛИОГРАФИЯ

Эрнесто Че Гевара. Партизанская война. Пер. с исп. М., 1961.

Эрнесто Че Гевара. Эпизоды революционной войны. Пер. с исп. М., 1973.

Фидель Кастро. Речи и выступления. Пер. с исп. М., 1960. Фидель Кастро. Речи и выступления. 1961—1963. Пер. с исп. М., 1963.

Фидель Кастро. Наше дело побеждает. Речи и выступления. 1963—1964. Пер. с исп. М., 1965.

«От Сьерра-Маэстры до Гаваны. Воспоминания видных участников Кубинской революции». Пер. с исп. М., 1965. Ванда Василевская. Архипелаг Свободы. М., 1962.

И.Р. Григулевич. Культурная революция на Кубе. М., 1965.

И. Лаврецкий. Эрнесто Че Гевара. М., 1972.

Куба. Историко-этнографические очерки. М., 1961.

А. Богомолов, В. Бондарчук, Ю. Гавриков, Г. Зуйков. Куба: опыт общественного развития. М., 1979.

Ю.П. Гавриков. Куба: страницы истории. М., 1976.

Ю. Гавриков, В. Калюжный. На перекрестке жизни. М., 1971.

Ю.П. Гавриков. По волнам жизни. М., 2004.

О. Дарусенков и др. Куба — остров созидания. М., 1975.

Е. Долматовский. Руки Гевары. М., 1974.

Л.Ю. Слезкин. История Кубинской республики. М., 1966. Б.И. Коваль. Латинская Америка: революция и современность. М., 1981.

Н.С. Леонов. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975.

Антонио Нуньес Хименес. География Кубы. Пер. с исп. М., 1960.

Рауль Руис Гонсалес. Боливия — Прометей Анд. Пер. с исп. М., 1963.

Х.Э. Гросс, К.П. Вольф. Че: мои мечты не знают границ. М., 1984.

Латинская Америка. Энциклопедический справочник (в 2-х томах), Москва., 1982.

Москва, 1960, № 5.

Латинская Америка, АН РАН, 1979, № 1.

«Литературная газета», 1970, № 25 и 26.

Основные законодательные акты Республики Куба. М., 1962.

Ernesto Che Guevara. Obras. 1957—1967. en 2 v. Habana, 1970.

El diario del Che en Bolivia. Habana, 1968.

J. Lavretski, Salvador Allende. M., 1975.

Acataciones al margen (материалы личного неопубликованного архива Эрнесто Че Гевары, хранящегося в Гаване).

Tania — la guerrillera inolvidable». La Habana, 1970.

H. Gambini. El Che Guevara. B. Aires, 1973.

E. Guevara Linch. Mi hijo el Che, La Habana, 1979.

E. Guevara Linch. Aqui va un soldado de America. B. Aires, 1987.

A. Granados. Con el Che por Sudamerica. La Habana, 1986.

Maria del Carmen Arict. El Che: pensamiento politico. La Habana, 1988.

H. Gadeo. Che Guevara. Anos decesivos. Mexico, 1972.

J.R. Masetti. Los que luchan y los que lloran. La Habana, 1959.

Mariano Rodriguez. Con la adarga al brazo. La Habana, 1973.

G. Atias. Despues de Guevara. Santiago, 1968.

J. Decamili. Hombre y sociedad en el pensamiento de Che Guevara. Berlin, 1976.

F. Escobar y F. Guerra. Che, Sierra adentro. La Habana, 1982.

J. Alcazar. Nancahuasu. La guerrilla del Che en Bolivia. Mexico, 1971.

P. Vuskovic y B. Elgueta. Che Guevara en el presente de la America Latina. La Habana, 1987.

A. Chavez. El pensamiento etico del Che. La Habana, 1983.

C. Tablado Perez. El pensamiento economico de Ernesto Che Guevara. La Habana, 1987.

Inti Peredo. Mi campana con el Che. Cochabamba, 1971.

Rolando (Pombo) Braulio. Diarios de Bolivia. B. Aires, 1971.

P. Alvarez Tabio. Maceo y Che. La Habana, 1989.

E. Salgado. Radiografia del «Che». Barcelona, 1970.

R. Fernandez Retamar. Para leer al Che. La Habana, 1979.

A. Latendorf. Nuestra America dificil. B. Aires, 1957.

Bolivia: Victoria o muerte (por J.Maestre), Madrid, 1974.

Tiempo de Che. Primer ensayo de cronologia. La Habana, 1967.

La Tricontinental. La Habana, 1966.

Кубинская печать: «Revolution», «Hoy», «Granma», «Bohemia», «Cuba», «Moncada», «Verde Olivo» (за период с 1959 года).

notes

Примечания

1

См.: Preparaciyn de oficiales. Habana, 1968, p. 5.

2

Второй по значению город Боливии.

3

См.: Новое время (приложение), 1968, № 42.

Цит. по: Литературная газета, 1970, № 25 и 26.

См.: Granma, 1968, 4 jul.

6

Цит. по: И. Лаврецкий. Эрнесто Че Гевара. М., 1972, с. 22.

7

Цит. по: Х.Э. Гросс и К.П. Вольф. Че: мои мечты не знают границ. М., 1984, с. 20.

Цит. по: там же, с. 14.

9

Цит. по: H. Gambini. El Che Guevara. B.Aires, 1973, p. 60.

10

Цит.по: Гросс и Вольф. Указ. соч., с. 35.

11

Там же, с. 36.

12

E. Guevara Linch. Mi hijo el Che. Habana, 1979, p. 13.

13

Цит. по: Х.Э. Гросс и К.П. Вольф. Указ. соч., с. 23.

14

A. Granados. Con el Che por Sudamerica. Habana, 1986, p. 58.

15

Цит. по: El Grafico. B. Aires, 1950, 5 may.

16

См.: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 31.

17

Подробнее см.: Ю.П. Гавриков. Перу: от инков до наших дней. М., 1977, с. 11—12.

18

A. Granados. Op. cit., p. 104.

Ibid., p. 105.

Ibid., p. 152.

Ibid., p. 160.

Цит. по: Х.Э. Гросс и К.П. Вольф. Указ. соч., с. 40.

23

Цит. по: Maria del Carmen Arict. El Che: pensamiento politico. Habana, 1988, p. 37.

Цит. по: G. Masur. Simon Bolivar. Mexico, 1960, p. 234.

25

M. Galich. Mapa hablado de la America Latina. «Casa de Americas, № 80, 1973, p. 32.

Arict. Op. cit., p. 44.

27

Цит. по: Noticias de Guatemala, 1954, № 39, p. 41.

28

A. Whitaker. Las Americas y un mundo en crisis. Lancaster, 1946, p. 265.

29

См.: El proceso politico centroamericano. S. Salvador, 1964, p. 28.

30

Н.С. Леонов. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975, с. 268.

31

H. Gadea. Che Guevara. Anos decesivos. Mexico, 1972, p.117.

Ibid, p. 30.

Revolucion, 1960, 27.

Цит. по: Siempre, Mexico, 1959 oct., p. 27.

35

И. Лаврецкий. Ук. соч., с. 71.

36

Популярный аргентинский напиток (типа чая).

Цит. по: H. Gadea. Op. cit., p. 33.

38

J.R. Masetti. Los que luchan y los que lloran. Habana, 1959, p. 51.

39

J.R. Masetti. Los que luchan y los que lloran. Habana, 1959, p. 51.

40

J.R. Masetti. Los que luchan y los que lloran. Habana, 1959, p. 51.

41

A. Granados. Op. cit., p. 105.

Цит. по: H. Gadea. Op. cit., p. 146.

43

Первая принадлежит перу чешского журналиста Ю. Фучика, вторая — советскому писателю А. Фадееву.

Granma, 1968, 27 jul.

Excelsior, Mexico, 1956, 26 jun.

Hilda Gadea. Op. cit., p. 166.

Ibid., p. 168.

Ibidem.

Granma, 1966, 30 dic.

Цит. по: Revolucion, 1960, 25 nov.

51

См.: его интервью в Obra Revolucionaria, 1959, oct.

Э. Че Гевара. Эпизоды революционной войны. М., 1973. с. 19.

53

Там же.

Цит. по: Verde Olivo, 1964, dic., p. 33.

В. Василевская. Архипелаг Свободы. М., 1962, с. 26.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 20.

Granma, 1967, 27 oct.

Цит. по: H. Gambini. Op. cit., p. 119.

Ibidem.

60

Принята конгрессом США к конституции этой страны в марте 1902 года. По этой Поправке правительство Соединенных Штатов отказывалось прекратить оккупацию захваченной в ходе испано-американской войны Кубы до внесения в ее конституцию определения принципов будущих кубино-американских отношений. Восемь условий Поправки представляли для Кубы унизительные обязательства, в том числе США получали право на вмешательство во внутренние дела Кубы, а также на оккупацию Острова в целях «защиты ее независимости».

Под давлением антиимпериалистических выступлений кубинского народа Поправка Платта была отменена в 1934 году. Но одновременно США навязали Кубе кабальный торговый договор.

61

См.: Латинская Америка. Энциклопед. справочник. М., 1982, т. 2, с. 86.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 21.

Цит. по: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 94.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 103.

F. Escobar y F. Guerra. Che: Sierra adentro. Habana, 1982, p. 191.

M. Orosco. El Che inolvidable. Habana, 1967, p. 13.

El Cubano Libre, Sierra-Maestra, 1958, feb.

Granma, 1967, 27 oct.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 20.

Там же, с. 25.

Х.Э. Гросс и К.П. Вольф. Указ. соч., с. 49.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 35.

Там же, с. 113.

Там же, с. 76.

Там же.

Там же, с. 79.

Там же, с. 80.

Цит. по: Escobar y Guerra. Op. cit., p. 17.

Э. Че Гевара. Указ. соч., 133—134.

Там же, с. 68—69.

81

Там же, с. 90.

Там же, с. 27.

Escobar y Guerra. Op. cit., p. 91.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 229—232.

85

Там же, с. 149.

86

Там же

87

Цит. по: Hugo Gambini. Op. cit., p. 120.

Enrique Salgado. Radiografia del Che. Barcelona, 1970, p. 27.

Цит. по: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 93.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 202.

Masetti. Op. cit., p. 62—63.

Ibid., p. 49-50.

A. Latendorf. Nuestra America dificil. B. Aires. 1957, p. 17.

Gambini. Op.cit., p. 152.

Escobar y Guerra. Op. cit., p. 15.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 129.

Там же, с. 130.

98

Населенный пункт в бухте Кочинос на южном берегу острова Куба, близ которого 17—19 апреля 1961 года произошло сражение Революционных вооруженных сил Кубы со вторгшимися на ее территорию кубинскими контрреволюционерами. Президент США Дж. Кеннеди был вынужден признать ответственность своей страны за пиратскую агрессию около 1500 наемников против Кубы. 19 апреля ежегодно отмечается на Кубе как праздник, посвященный победе у Плайя-Хирон.

Escobar y Guerra. Op. cit., p. 176.

Ibid., p. 178.

101

Mariano Rodriguez. Con la adarga al brazo. Habana, 1973, p. 206.

Escobar y Guerra. Op. cit., p. 182.

103

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 115.

Там же, с. 160.

105

Там же, с. 162.

106

Там же.

107

Там же, с. 163.

108

Там же, с. 160.

109

Там же, с. 211.

110

Granma, 1966, 10 abr.

111

Granma, 1964, 30 dic.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 216.

113

Там же.

Там же, с. 215.

115

Там же.

116

Там же, с. 216.

117

Там же, с. 238-239.

118

Там же.

119

Цит. по: Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 242—245.

120

На Кубе сахарные заводы (сентрали), как правило, располагаются на собственной плантации сахарного тростника.

121

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 220.

См.: Escobar y Guerra. Op. cit., p. 113.

123

Цит. по: И. Лаврецкий, Указ. соч., с. 154—155.

Там же, с. 138—139.

125

Там же, с. 139—140.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 165.

127

Там же, с. 164—165.

128

Там же.

129

Там же, с. 165.

130

Ernesto Che Guevara. Obras, 1957—1967 (en 2 vol), v. 2. Habana, 1970, p. 663.

131

Гросс и Вольф. Указ. соч., с. 120.

См.: Frei Betto. Fidel y la religion. Habana, 1985, p. 372.

133

См.: Гросс и Вольф. Указ. соч., с. 158.

H. Gadea. Op. cit., p. 187.

Ibidem.

El Pais, Montevideo, 1959, 27 enero.

Подробнее о Карибском кризисе см. в главе 6.

H Gadea. Op cit.. p 208.

Ibid.. p. 210.

Ibid.. p. 211.

141

Ibidem.

142

Апризм (от сокращенного названия на исп. языке Американского народно-революционного альянса — АПРА) — буржуазное реформистское идеологическое и политическое течение в Перу. Первоначально отражало антиимпериалистическую ориентацию групп перуанской интеллигенции и студенчества, выступавших за социальное обновление в странах Латинской Америки (1924—1928). На базе АПРА в Перу в 1931 г. была создана Апристская партия.

Casa de Americas, 1968, enero, p. 33.

H. Gadea. Op. cit., p. 21.

Ibid., p. 36.

Ibid., p. 57.

Ibid., p. 112.

Ibid., p. 122.

149

Хосе Карлос Мариатеги (1895—1930) — перуанский социолог-марксист, литературный критик. Труды по истории и культуре Перу и др. стран мира.

El Diario, Mexico, 1959, 27 jul.

151

Цит. по: H. Gambini. Op. cit., p. 394.

152

La Razon. B. Aires, 1959, 6 enero.

H. Gambini. Op. cit., p. 216.

H. Gadea. Op. cit., p. 256.

Ibidem.

R. Rojo. Mi amigo el Che. B. Aires, 1968, p. 27.

157

Siete Dias. Lima, 1967, 23 may.

Alberto Granados. Op. cit., p. 13.

159

Diario Austral, Temuco, 1952, 20 febr.

Mariano Rodriguez. Op. cit., p. 34.

Э. Че Гевара. Указ. соч., с. 235—236.

162

Там же, с. 18.

163

H. Gambini. Op. cit., p. 315.

См.: Life. N.Y., 1967, 20 nov, p. 7.

H. Gambini. Op. cit., p. 121.

Ibid., p. 289.

Ibid., p. 316.

Цит. по: Guerra. Op. cit., p. 269.

169

Granma, 1967, 22 oct.

Цит. по: Е. Долматовский. Руки Гевары. М., 1974, s/n.

Che Guevara. Obras. Op. cit., v. 2, p. 697-698.

H. Gadea. Op. cit., p. 255.

Автор 10 лет проработал в Институте общественных наук при ЦК КПСС, где имел возможность обсуждать такого рода вопросы со слушателями, представителями левых партий Латинской Америки.

E. Che Guevara. Obras. Op. cit., v. 1, p. 27.

175

Verde Olivo, 1961, 9 aug.

См.: France Observateur, Paris, 1964, 16 abr.

Conferencia Tricontinental. Habana, 1966, p. 37.

Э. Гевара знал, например, об ошибках К. Маркса в характеристике Симона Боливара.

E. Che Guevara. Obras. Op. cit., v. 2, p. 95.

Цит. по журналу Plan, Santiago de Chile, 1968, № 3, p. 7.

Conferencia Tricontinental. Op. cit., p. 8.

Ibid., p. 44.

Plan. Op. cit., p. 13.

184

Цит. по: E. Che Guevara. Obra Revolucionaria, Mexico, 1967, p. 371.

185

Ibidem.

Jose L. Decamilli. Hombre y sociedad en el pensamiento de Ernesto Che Guevara. Berlin, 1976, p. 507.

Ibid., p. 510.

Ibid., p. 326.

Ibid., p. 552-523.

The Village Voice. N.Y., 1967, 19 oct.

191

Цит. по: M. del Carmen Arict. Che: pensamiento politico. Habana, 1988, p. 80.

H. Gambini. Op. cit., p. 169.

Цит. по: Look, Wash., 1960, 8 nov.

Цит. по: H. Gambini. Op. cit., p. 314.

W. Matiu. The Cuban Story. N.Y., 1959, p. 17.

Цит. по: Granma, 1967, 29 oct.

197

См.: Acataciones (личный неопублик. архив Че Гевары), с. 36.

См.: M. del Carmen Arict. Op. cit., p. 130.

H. Gambini. Op. cit., p. 34.

Armando Chavez Antunez. El pensamiento etico del Che. Habana, 1983, p. 2 (prefacio).

Цит. по: Granma, 1977, 3 авг.

E. Che Guevara. Discurso en el Seminario. Obras. Op. cit., p. 308.

A. Chavez A. Op. cit., p. 81.

См.: P. Vuscovic y B. Elguefa. Che Guevara en el presente de la America Latina. Habana, 1987, p. 145. А также: L'express, Paris, 1963, 25 jul.

E. Che Guevara. Obras. Op. cit.,v. 2, p. 90.

Escobar y Guerra. Op. cit., p. 177.

Acataciones...Op. cit., cartas con fechas: 1964, 25 jun.

Ibid., 1964, 26 may.

209

Цит. по: Э. Че Гевара. Указ соч., с. 192—193.

Moncada, 1984, № 6, p. 22-23.

Цит. по: Granma, 1967, 22 oct.

Acataciones., Op. cit., carta, 1964, 20 feb.

Цит. по: Granma, 1967, 29 oct.

Acataciones... Op. cit., carta, 1964, 23 feb.

Ibid., 1963, 30 oct.

Time, 1960, 8 aug, portada.

Acataciones., Op. cit., carta, 1964, 3 abr.

Цит. по: M. Rodriguez. Op. cit., p. 79.

Ibid., p. 216.

Цит. по: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 168.

221

R. Fernandez Retamar. Leyendo al Che. Habana, 1967, p. 14.

Ibid., p. 13.

M. Rodriguez. Op. cit., p. 210.

Цит. по: P. Alvarez Tabio. Maceo y Che. Habana, 1967, p. 91.

C. Tablado. Op. cit., p. 13.

Ibid., p. 14.

Vuskovic. Che Guevara en el presente de la America Latina, Habana, 1987, p. 16.

Ibid., p. 35.

229

См.: J. Lavretski. Salvador Allende. Moscu, s/f, p. 79. 158-a. Ibidem.

158-a. Ibidem.

158-б. Ibidem.

F. Castro. El pueblo cubano es un pueblo invencible. Habana, 1959, p. 7.

233

Granma, 1970, 23 abr.

Цит. по: Revolucion, 1959, 10 mar.

Ibid, 30 abr.

См.: Bohemia, 1959, 25 may.

Вопросы экономики, 1966, № 5, с. 125.

Цит. по: H.Gambini. Op. cit., p. 219.

239

Revolucion, 1961, 17 abr.

Ibid., 21 abr.

241

О. Дарусенков и др. Куба. Остров созидания. М., 1975, с. 118.

Там же, с. 165.

243

Основные законодательные акты Кубинской Республики. М., 1962, с. 13.

Цит. по: H. Gambini. Op. cit., p. 285.

Ibidem.

J-P. Sartr. Anatomia de una revolucion. Habana, 1965, p. 33.

247

Цит. по: H. Gambini. Op. cit., p. 271

Гросс и Вольф. Указ. соч., с. 175.

См.: H. Gambini. Op. cit., p. 276.

Ibid., p. 300.

Cuba: anatomia de su revolucion. Mexico, 1975, p. 27.

Книга для чтения по новейшей истории. М., 1980, с. 103-104.

253

Там же.

Цит. по: H. Gambini. Op. cit., p. 293

255

Granma, 1973, 27 mar.

Цит. по: Дарусенков. Указ. соч., с. 166.

Цит. по: Economia y desarrollo. Habana, 1976, № 36, p. 55.

Цит. по: J. Decamilli. Op. cit., p. 630.

Ibid., p. 631.

См.: Дарусенков и др. Указ. соч., с. 175.

261

Цит. по: C. Tablado Perez. El pensamiento economico de Ernesto Che Guevara. Habana, 1987, p. 20.

См.: бюллетень «ЧЕ», 1961, № 19, с. 7.

См.: International afters, London, 1964, oct.

Цит. по: Tablado Perez. Op. cit., p. 19.

265

См.: I съезд Коммунистической партии Кубы. М., 1976, с. 104.

Кастро Ф. Наше дело побеждает. М., 1965, с. 181.

The economic and social revolution. Univers. of North Carolina, 1963, p. 127.

Investment in Cuba. USA, 1957, p. 181.

269

Revolucion, 1961, 29 nov.

Ibid., 25 sept.

Ibid., 29 nov.

Цит. по: Куба: опыт общественного развития. М., 1979 с. 27.

Цит. по: P. Vuskovic. Op. cit., p. 136.

Ibid, p. 138.

Цит. по: Куба. Историко-этнографические очерки. М., 1961, с. 66.

См.: I съезд. Указ. соч., с. 134 и Республика Куба. М., 1972, с. 105.

Куба: опыт общественного развития. Указ. соч., с. 208.

См.: E. Che Guevara. Obras. Op. cit., p. 367—384.

New York Post, 1961, 9 aug.

Цит. по: H. Gambini. Op. cit., p. 273.

См.: Куба. Ист.-этн. очерки. Указ. соч., с. 80.

Цит. по: H. Gambini. Op. cit., p. 313.

Ibid., p. 300.

Ibid., p. 305.

La Razon. B. Aires, 1959, 4 enero.

H. Gambini. Op. cit., p. 348.

287

Цит. по: Проблемы мира и социализма. Прага, 1961, окт., с. 33.

Там же, с. 34.

289

Там же.

Там же, с. 27.

291

Там же, с. 35.

Там же., с. 37.

293

Цит. по: Escobar y Guerra. Op. cit., p. 205.

Цит. по: Granma, 1964, 13 dic.

New York times, N.Y., 1964, 19 aug.

Ibidem.

Cuadernos de marchas. B. Aires, 1967, № 7.

298

По данным энциклопедического справочника «Латинская Америка». М., 1979.

Латинская Америка в цифрах. М., 1971, с. 77.

Цит. по: H. Gadea. Op. cit., p. 53.

301

El Pais, Cali (Colombia), 1967, 12 oct.

H. Gambini. Op. cit., p. 290.

Ibid., p. 371.

Ibidem.

305

Из неопубликованных материалов Комиссии при ЦК КП Кубы по увековечению памяти Эрнесто Че Гевары.

Granma, 1987, 21 abr.

307

Цит. по: Alvarez Tabio. Op. cit., p. 113.

Granma, 1987, 21 abr.

309

Cuadernos de marcha, 1967, № 7, nov.

Ibidem.

Цит. по: Cuba socialista, 1962, № 3.

H. Gambini. Op. cit., p. 434.

Цит. по: Revolucion, 1960, 21 mar.

Цит. по: Ibid, 1960, 11 jul.

Известия, 1960, 12 дек.

Москва, 1960, № 5.

317

Известия, 1960, 12 дек.

См.: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 343.

Известия, 1960, 20 дек.

320

Revolucion, 11 jul.

321

Цит. по: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 197.

Цит. по: Гросс и Вольф. Указ. соч., с. 203.

323

El Mundo, Caracas, 1967, 13 oct.

Цит. по: A. Chavez. El pensamiento etico del Che. Habana, 1983, p. 61.

325

Granma, 1975, 22 dic.

Presencia, La Paz, 1967, 11 oct.

И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 228—229.

Gambini. Op. cit., p. 281.

329

Данные о Т. Бунке взяты из книги «Tania — la guerrillera inolvidable». Habana, 1970.

Rolando Pombo. Diarios de Bolivia. B. Aires, 1971, p. 56.

См.: E. Salgado. Op. cit., p. 170—175.

El Diario del Che en Bolivia, Habana, 1968. В дальнейшем выдержки из этого Дневника приводятся по указанному изданию без ссылок.

E. Che Guevara. Obras. Op. cit., v. 2, p. 473.

Цифры и данные по Боливии приводятся по: Латинская Америка. Энциклопед. справочник, Указ. соч., т. 1, с. 327—335.

Novedades, Mexico, 1967, 14 oct.

Inti Peredo. Mi campania con el Che. Cochabamba, 1972, p. 50.

Цит. по: Ibid., p. 40.

Ibid., p. 42.

339

Это и последующие заявления КП Боливии цит. по: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 268—269.

Rolando Pombo. Op. cit., p. 24—44.

341

См.: Bolivia: Victoria o muerte (состав. — J. Maestre). Madrid, 1974, p. 10.

Ibidem.

Jose Alcazar. La guerrilla del Che en Bolivia. Mexico, 1971, p. 163.

Ibid., p. 124.

Mundo, Caracas, 1967, 11 oct.

Цит. по: Cuba Intemacional, 1971, № 9, p. 33

См.: Tania — la guerrillera. Op. cit., p. 27.

J. Alcazar. Op. cit., p. 16—17.

349

Цит. по: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 326.

См.: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 287.

351

Presencia, La Paz, 1967, 12 mar.

См.: Лаврецкий, Указ. соч., с. 312 (сноска).

353

Presencia, 1968, 27 jul.

Ibidem.

355

Цит. по: Ю. Гавриков и В. Калюжный. На перекрестках жизни. М., 1970, с. 10.

Цит. по: там же, с. 5—6.

Цит. по: Bolivia. Op. cit., p. 303.

El Excelsior, Mexico, 1967, 12 oct.

Novedades, Mexico, 1967, 17 oct.

El Sol de Mexico, 1967, 12 oct.

361

La Republica, Bogota, 1967, 13 oct.

362

El Informador, Guadalajara, 1967, 18 oct.

363

Clarin. B. Aires, 1967, 16 oct.

Excelsior, Mexico, 1967, 13 oct.

365

La Prensa Grafica, S.Salvador, 1967, 13 oct.

Presencia, La Paz, 1967, 11 oct.

E. Salgado. Op. cit., p. 18.

El Universal, Mexico, 1967, 12 oct.

369

El Excelsior, Mexico, 1967, 12 oct.

Novedades, Mexico, 1967, 12 oct.

371

El Sur, Concepcion (Chile), 1967, 11 oct.

El Mundo, Caracas, 1967, 13 mar.

El Sol de Mexico, 1967, 13 nov.

El Tiempo, N.Y., 1967, 13 oct.

La Vanguardia, Barcelona, 2004, 10 en., p. 7.

Цит. по: La Prensa, B. Aires, 1967, 15 oct.

377

Здесь и в дальнейшем содержание писем Че Гевары приводится в переводе с испанского автора этой книги — Гаврикова Ю.П. Цит. по: Ernesto Che Guevara. Obras, v. 2, p. 693—698.

Выдержки из материалов этого судебного дела были опубликованы в «Литературной газете», М., 1970, № 25 и 26.

Цит. по: Granma, Habana, 1970, 27 jul.

Ibid, 1967, 19 oct.

Цит. по: И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 144.

El Mundo, Caracas, 1967, 11 oct.

См.: Куба. Ист.-этногр. очерки. Указ. соч., с. 85.

E. Che Guevara. Obras, v. 2, p. 689.

См.: Vuskovic. Op. cit., p. 148.

Information economique et commercial, Paris, 1968, 17 jul.

387

Цит. по: Ю. Гавриков и В. Калюжный. Указ. соч., с. 15. Последующие цитаты о молодежном движении на Западе см. там же.

И. Лаврецкий. Указ. соч., с. 338.

F. Castro. Discurso en la velada solemne en memoria de Ernesto Che Guevara. Habana, 1984, p. 8.

См.: Альтерглобализм: теория и практика. М., 2002.

391

Майор (команданте) Жоэль Иглесиас — о нем рассказывается в гл. 3 этой книги.

392

Подписан в февраля 1878 года в г. Санхон (Куба) по окончании Десятилетней войны кубинского народа против испанского колониального гнета.